И.Н.Буздалов

РОССИЙСКОЕ СЕЛО И КРЕСТЬЯНСТВО В ТИСКАХ МОНОПОЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ

Москва – 2013

УКД
БКБ

Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения

ISBN

В монографии прослеживается история и коллизии в сельском развитии и жизнедеятельности российского крестьянства, раскрываются причины и последствия монопольного окружения аграрного сектора его партнерами по АПК и фискальными органами государства. Показывается несостоятельность взглядов на крестьянство, как «второсортное» социальное сословие общества. Особое место занимает анализ ущемляющих его интересы макроэкономических диспропорций в народном хозяйстве, пресловутой «перекачки» результатов крестьянского труда в пользу субъектов монопольного окружения, как основных причин перманентного аграрного кризиса, сельской бедности, деградации трудового потенциала деревни. Даются обоснования по устранению этих причин в рамках широкого народнохозяйственного подхода к возрождению села с особым акцентом на реальное обеспечение приоритета сельского развития, радикальное преобразование сельской социальной сферы. Предлагаются необходимые для этого изменения в аграрной политике, аграрном законодательстве, системе и механизме государственного регулирования и поддержки сельского развития в соответствии с концепцией и принципами социального рыночного хозяйства.

Для высшего управленческого персонала, экономистов, социологов, обществоведов других специальностей, научных работников, аспирантов, преподавателей и студентов ВУЗов, руководителей и специалистов сельского хозяйства.

ISBN

* Буздалов И.Н., 2013 г.

Оглавление

	Об авторе	4
	Введение	15
Глава I	**Село и крестьянство как приоритеты экономической и социальной политики государства**	19
1.1.	К теории вопроса	19
1.2.	Государство и крестьянство	37
1.3.	У истоков раскрепощения крестьянства России	53
Глава II	**Униженный класс: «приговор» истории и современное социально-экономическое положение российского крестьянства**	66
2.1.	Исторические корни и псевдонаучные «обоснования» социальной неполноценности крестьянского сословия	66
2.2.	О социальных обязательствах государства перед крестьянством: объективные требования и фактическое обеспечение	81
2.3.	Сельская бедность в России: причины и последствия	89
Глава III	**«Перекачка» или аграрный протекционизм?**	105
3.1.	Перекачка, как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики	105
3.2.	Приоритет сельского развития: взгляд сквозь призму «перекачки»	116
3.3.	Аграрный протекционизм: объективная необходимость и практика осуществления	134
Глава IV	**Земельный вопрос: современные проблемы и перспективы решения**	153
4.1.	Земельная реформа: хотели как лучше	153
4.2.	Земельная рента: образование и распределение	177
4.3.	Земля как объект арендных отношений	198
Глава V	**Социальная структура аграрного сектора и сельскохозяйственная кооперация**	216
5.1.	Состояние и основные направления рационализации аграрной структуры	216
5.2.	Проблемы и перспективы развития сельскохозяйственной кооперации	242
5.2.1.	Современное состояние кооперативного сектора в сельском хозяйстве	244
5.2.2.	Социальная база и перспективы кооперативного движения на селе	250
Глава VI	**На путях становления социального рыночного хозяйства в аграрном секторе России**	263
6.1.	Концепция и базовые принципы социального рыночного хозяйства	263

6.2. Совершенствование межотраслевого и территориального разделения труда 277
6.3. Условие и меры достижения устойчивости сельского развития 295
6.4. Интенсификация сельского хозяйства 312
6.5. Главное – придать аграрной политике активную социальную направленность 332
Вместо заключения 347
Библиографический список использованной литературы 365
Указатель имен 370

Об авторе

Иван Николаевич Буздалов – видный российский экономист-аграрник, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, автор более 600 научных работ, в которых представлены результаты многолетних и многоплановых исследований в области теории и узловых социально-экономических проблем развития сельского хозяйства. Выходец из трудолюбивой крестьянской семьи, с ранних лет испытавший на себе цену и тяжесть труда на земле, и получивший основательную научную подготовку в качестве аспиранта Института экономики АН СССР под руководством В.Г.Венжера,. И.Н.Буздалов в своей творческой деятельности сочетал качества практика и теоретика экономиста широкого профиля. Такое сочетание предопределяло глубину и предметность анализа различных сторон системы аграрных отношений во взаимосвязи с общими закономерностями развития воспроизводственного процесса в народном хозяйстве. Все это, а также опора на мировой опыт рационального хозяйствования на земле всегда придавало его научным разработкам новизну, дискуссионность различных постановок. Нетрадиционный, новаторский характер этих постановок проявился уже в первых его научных публикациях в журнале «Вопросы экономики», других центральных экономических изданиях, что способствовало затем все более широкой, в том числе международной известности автора.

Около 200 статей ученого было опубликовано в указанном и других академических журналах: «Известия АН СССР (серия экономическая)», «Экономические науки», «Мир перемен», «Россия и современный мир», «Общество и экономика», «Экономическая наука современной России». Большинство из 25 индивидуальных и подготовленных под его руководством крупных монографий, а также ряда брошюр было опубликовано центральными издательствами «Наука», «Экономика», «Колос», Academia, «Мысль», «Знание». Целый ряд публикаций или комментариев на них, особенно в 60-70 гг., равно как докладов на международных конференциях в

Венгрии, Польше, Швеции, других странах было помещено в зарубежных изданиях.

После окончания Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева в 1956 г. И.Н.Буздалов работал заведующим отделом экономики Пензенской государственной сельскохозяйственной опытной станции и проводил собственное исследование проблемы экономического стимулирования труда в колхозах. Сам, познавший цену этого, почти бесплатного труда в колхозе с символическим названием - «Наука Ленина» Калужской области автор весьма критически оценивал распределение доходов в колхозах, но и саму сущность колхозно-кооперативной системы. Автором проводился предметный анализ социальной дифференциации в развитии различных группах хозяйств, в частности, связанной с их местоположением и качеством используемых земель. В последующем, с поступлением в аспирантуру Института экономики АН СССР, этот научный задел был положен в основу его кандидатской диссертации с особым акцентом на исследование условий образования и механизма распределения дифференциальной ренты.

С окончанием аспирантуры в 1962 г. в издательстве «Экономика» была опубликована подготовленная на материалах диссертации первая серьезная монография И.Н.Буздалова «Интенсификация сельскохозяйственного производства». В этой работе значительное место заняла тема рентных отношений, методологические аспекты которых ранее были рассмотрены в «аспирантской» статье «Дифференциальная рента и вопросы экономической оценки земли» (Вопросы экономики, 1961 г., № 4). Это было время хрущевской «оттепели», когда появились возможности уже более открыто излагать новаторские научные взгляды на необходимость более широкого использования стоимостных, рыночных рычагов в управлении сельским хозяйством, предоставления не только колхозам, но и совхозам более широкой самостоятельности. Однако указанная и другие его публикации в этом журнале, в частности, статья «Экономические основы хозрасчета в

совхозах» (1964 г., № 1) в целях перестраховки публиковались редакцией со своеобразной оговоркой: «В порядке постановки».

В развернутом виде рыночная концепция ученого была изложена в наделавшей много шума и вызвавшей шквал критики в его адрес специальная глава на тему рынка и рыночных отношений в монографии «Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства» (Колос, 1966 г.). В это время Н.С.Хрущев был уже снят со своего поста, новое руководство страны в 1965 г. хотя и объявило о проведении экономической реформы о необходимости «всемерного развития товарных отношений», даже о переходе к «свободным закупкам сельскохозяйственной продукции», но подспудно поддерживало курс на дискредитацию «рыночников». С выходом указанной книги, верные заученным догмам, даже сослуживцы Ивана Николаевича по Институту экономики АН СССР (проф. Е.С.Карнаухова, проф. И.Д.Лаптев и др.) активно, с большим усердием занялись «проработкой» его в печати, прежде всего, в газете ЦК КПСС «Сельская жизнь». За неделю перед защитой докторской диссертации И.Н.Буздалова в 1997 г. в этой газете на упомянутую монографию была опубликована «разоблачительная» рецензия с искажениями позиции автора путем произвольного толкования взятых из контекста отдельных отрывочных фраз. Цель сорвать защиту была достигнута, и этот срыв затем повторился. Только спустя два года диссертация с успехом была защищена в Академии наук Эстонии.

Но и после этого в течение почти 4^{x} лет диссертация И.Н.Буздалова «целенаправленно» «рецензировалась» в ВАКе с параллельным появлением в ряде публикаций «обвинительных» приговоров ее автору. Гонения и нападки на ученого, ставшего «невыездным», усилились после издания его новой работы «Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства» (Экономика, 1967 г.). Правда, тираж книги (30 тыс экз.) по указанию из ЦК КПСС был ликвидирован, а поэтому содержание работы массовому читателю не было известно, но все равно «Сельская жизнь» и

«Экономическая газета» продолжали «разоблачать» ее содержание и обвинять автора в якобы «кабинетных домыслах». В действительности автором давались совершенно справедливые оценки насильственной коллективизации, новой экономической политики, стимулирующих и регулирующих функций стоимостных категорий, порочности применявшихся методов планирования и т.д.

Конструктивной исследовательской деятельности И.Н. Буздалова по рыночной тематике в последующий период способствовало его сотрудничество с учеными Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, реорганизованного затем в Институт международных экономических и политических исследований РАН, а затем переход на работу в институт. Этот институт возглавлял академик О.Т.Богомолов, стоявший за радикальное обновление советской экономической системы с учетом венгерского опыта и в целом мирохозяйственной практики экономических отношений, основанных на личном интересе, хозяйственной самостоятельности, многообразии форм собственности и хозяйства, использовании демократических принципов в управлении народным хозяйством. Он брал под защиту прогрессивно мыслящих исследователей, содействовал продвижению их идей и постановок в управленческую и непосредственно хозяйственную деятельность. Соответствующие разработки направлялись и в «директивные органы», правда, с грифом «для служебного пользования». В эти органы был направлен и целый ряд научных докладов И.Н.Буздалова, обобщавших новые тенденции трансформации экономической системы стран «социалистического лагеря» в регулируемую государством рыночную систему.

С приходом к власти М.С.Горбачева эти тенденции стали восприниматься в верхах, хотя сопротивление «старьевщиков» в государственных органах и научных учреждениях было еще значительным. Это проявилось, в частности, в связи с преградами на пути продвижения к изданию подготовленной в 1986 г. И.Н.Буздаловым очередной монографии

«Хозяйственный механизм в агропромышленной сфере стран СЭВ». В ней глубоко анализировался венгерский опыт демократизации хозяйственной жизни в аграрном секторе и экономике страны в целом, затрагивались социально-экономические преобразования в Югославии. При обобщениях использовались ленинские положения периода НЭПа о роли торговли и рынка, практических достижениях российского сельского хозяйства этого периода. В этой книге автор приводил всесторонние аргументированные обоснования выхода сельского хозяйства и экономики страны из «застойного», кризисного состояния, характеризовавшегося ресурсорасточительством, низкой эффективностью, огромными прямыми потерями продукции сельского хозяйства и т.д. Ученый Совет института рекомендовал книгу к изданию. Однако консерваторы из Комитета по печати, включая его председателя М.Ф.Ненашева, трижды принуждали издательство «Наука» направлять рукопись на внешнее рецензирование. И лишь в 1988 г. с некоторыми «подчистками» книга вышла из печати с ее высокими оценками в научных рецензиях журналов «Вопросы экономики», «Известия АН СССР (серия экономическая)», «Международный сельскохозяйственный журнал».

Важно отметить, что к этому времени ранее «ошибочные» положения и «домыслы», которые находили в трудах И.Н.Буздалова его критики, становились все более востребованными, и ученый постоянно привлекался в качестве консультанта и эксперта по вопросам реформы ответственными работниками органов исполнительной и законодательной власти страны. Если раньше из ЦК КПСС поступали указания о «разоблачениях» ученого, то в том же 1988 г. по решению Пленума ЦК КПСС он был утвержден Постоянным советником Комиссии ЦК КПСС по аграрной политике. И.Н.Буздалов был одним из разработчиков «Закона о кооперации в СССР», ряда актов аграрного, в частности, земельного законодательства.

За годы рыночных реформ И.Н.Буздаловым подготовлена целая серия серьезных исследовательских работ по важным аспектам теории аграрных

отношений, чему способствовало его сотрудничество, а затем совместная работа в Аграрном институте Россельхозакадемии с академиком А.А.Никоновым. В 1993 г. в издательстве «аука» под редакцией И.Н.Буздалова в соавторстве с А.А.Никоновым, Э.Н.Крылатых, Б.И.Пошкусом, В.Р.Боевым, А.В.Петриковым, Е.В.Серовой, Г.И.Шмелевым, А.Ф.Серковым, В.Я.Узуном вышла крупная монография «Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития».

В этой книге особое внимание автор уделил обоснованиям формирования и целенаправленного проведения «прокрестьянской» аграрной политики, механизмам ее экономической реализации. В написанном автором развернутом заключении подчеркивается, что «непременными условиями перехода к такой политике являются политическая стабилизация, следовательно, принятие новой, присущей правовому государству, Конституции с правовым закреплением демократической формы правления, разделением на деле функций исполнительной, законодательной и судебной власти, избрание нового профессионального парламента, т.е. условиями, необходимыми для осуществления решительных мер в деле действительного установления прочной российской государственности, оздоровления и эффективного развития аграрной и всей экономики России». К сожалению, такого перехода в полной мере не произошло, что негативно сказалось и до сих пор сказывается на оздоровлении и достижении эффективного развития сельского хозяйства, о чем свидетельствуют материалы настоящего издания.

Поставленные в указанной монографии вопросы переориентации аграрной политики на интересы крестьянства, ресурсное обеспечение его стимулов к более эффективной деятельности, преобразования социальных условий и качества жизни по ряду конкретных направлений развиваются и конкретизируются в последующих исследованиях автора и публикациях результатов этих исследований. Важнейшее из этих направлений – теория и прикладные аспекты возрождения и развития сельскохозяйственной кооперации. Соответствующие разработки с использованием

исследовательских материалов В.Д.Мартынова, Л.А.Овчинцевой, А.В.Петрикова, Е.В.Серовой, Г.И.Шмелева и Р.Г.Янбых были в 1997 г. опубликованы в подготовленной под редакцией И.Н.Буздалова монографии «Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России» (издательство «Наука»). В 1998 г. вышло 2^{e} издание этой книги, высоко оцененной Президиумом Российской академии наук, присудившей ей премию им. А.В.Чаянова за 1998 г.

В 2008 г. издательством «Academia» по проекту Российского гуманитарного научного фонда была опубликована монография «Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50-80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве», в которой И.Н.Буздаловым в обобщенном изложении подводил определенные итоги за предшествующий период своей научной деятельности в разделе: «Тяжелая ноша: десятилетия на передовой научного аграрного фронта», а также анализировал исследовательскую жизнь Л.Н.Кассирова, одного из «рыночников» - шестидесятников. Одновременно в этот период автором опубликован целый ряд статей теоретико-методологической направленности, что позволило подготовить новую крупную монографию: «Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления» (издательство «Academia», 2005 г.), которая по имеющимся оценкам, в частности, в рецензиях на книгу в ж. «Экономическая наука современной России», «Вопросы экономики», «Вестник Института экономики РАН» представляет собой крупный вклад в экономическую науку.

К 80-летию ученого в 2008 г. издательством «ЭРД» был издан трехтомник его избранных трудов общим объемом свыше 70 п.л. Выход в свет этого издания по праву можно считать важной вехой в творческой деятельности самого автора и заметным событием в отечественной аграрной экономической науке. В трехтомнике проведена своеобразная инвентаризация результатов его многолетних исследований, отобраны наиболее значимые из них, составившие три тематические композиции:

«*Интенсификация, земельная рента, эффективность»* (первый том); *«На тернистом пути научной «реабилитации» рыночной системы аграрных отношений»* (том второй); *«Кооперация. Проблемы современной аграрной реформы»* (том третий).

В начале каждого тома даются вводные разделы, что позволяет ввести заинтересованного читателя не только в соответствующую проблематику, но и показать особенности того времени, когда проводились исследования и были опубликованы их результаты. Немалый интерес представляют полемические аспекты, отражающие взгляды, как самого автора, так и позиции его «неутомимых» оппонентов из Института экономики АН СССР и представителей официальных органов партийной власти. В конце каждого тома автором в обобщающей форме сформулированы выводы, обозначены проблемы, которые (и как) необходимо решать в научных исследованиях и практике развития аграрных отношений в общей стратегической направленности становления социального рыночного хозяйства.

Первый том «Избранных трудов» включает положения и выводы из публикаций И.Н.Буздалова в основном за период с 1961 по 1990 гг., причем примерно третью часть текста занимают проблемы интенсификации и экономической эффективности сельского хозяйства. Эта тематика была приоритетной в советской аграрно-экономической науке 60-70 годов, но, к сожалению, с начала 90^{x} годов вплоть до настоящего времени, несмотря на актуальность, в научных исследованиях оказалась на заднем плане. Поскольку теоретические и методологические разработки автора не утратили своего значения в предстоящем переходе аграрного сектора России на траекторию инновационного развития, сохраняется значимость обоснованной им методологии, ее применимость к современным условиям и перспективам системной модернизации сельского хозяйства.

Тематика второго тома «Избранных трудов» охватывает круг вопросов, связанных с совершенствованием хозяйственного механизма, усилением

роли товарно-денежных отношений, исследованием качественных факторов повышения эффективности сельского хозяйства, экономические проблемы природопользования в АПК и др. Особое место в этой тематике заняли вопросы, поднятые в упомянутой выше работе *«Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства»*, с ее драматичной судьбой и последующими гонениями на самого автора, активного сторонника провозглашенной, но не реализованной экономической реформы. Между тем именно эта работа вполне соответствовала замыслу реформы и могла бы стать важным ориентиром научного обеспечения сложного процесса рыночной трансформации советской экономики. И надо отдать должное мужеству и научной принципиальности Ивана Николаевича, поскольку в обстановке травли и обструкции он продолжал активно работать, отстаивать результаты своих исследований, давать практические рекомендации по рыночному преобразованию сельскохозяйственного производства.

Третий том «Избранных трудов» охватывает период 1989-2006 гг., включает два больших раздела. В первом - *«Сельскохозяйственная кооперация: проблемы и пути возрождения»* - дается изложение девяти опубликованных ранее материалов по этой проблеме. Второй раздел *«Рыночная аграрная реформа: концепция, стратегия, направления и механизмы осуществления»* объединяет материалы публикаций автора в основном 90-ых годов прошлого столетия и первых семи лет XXI века.

В 2007 г. под редакцией И.Н.Буздалова вышла крупная коллективная монография «Аграрный протекционизм: научные основы, механизмы осуществления в условиях рыночных отношений» с участием Б.И.Пошкуса, Э.Н.Крылатых, А.В.Петрикова, М.А.Коробейникова, В.Я.Узуна, С.О.Сиптица, М.ЯЛемешева, К.Г.Бородина, Е.А.Гатаулиной, в которой впервые за последние десятилетия комплексно рассмотрены узловые теоретико-методологические и прикладные этой, особенно актуальной в настоящее время, народнохозяйственной проблемы.

Стоит отметить, что И.Н.Буздалов, выступающий как теоретик аграрных рыночных реформ с 60-х годов, не превратился в апологета подходов к реформированию в 90-е годы. Более того, его принципиальная, обстоятельно обоснованная критика ошибок текущей аграрной политики позволяет развивать теоретико-методологические основы преодоления системного кризиса сельского хозяйства и корректировки методов и сроков трансформации АПК в рыночных условиях. На это направлены научные обоснования, выводы и предложения автора, содержащиеся в разработках, представленных в статьях, выступлениях на научных конференциях, в записках в органы законодательной и исполнительной власти страны за период 2008-2011 гг., а также в изданной в 2012 г. в Германии книги: «Тернистый путь раскрепощения российского крестьянства» (Международное издательство Lambert Academic Publishing).

Крестьянская тематика является основной и в настоящей монографии. Но в развитие и углубление ее исследования И.Н.Буздалов возвращается к теории, методологическим аспектам проблемы во взаимосвязи с обоснованиями по устранению существенных изъянов проводимой в стране аграрной политики. Особенно болезненно на экономическом положении крестьянства и общем состоянии всего процесса сельского развития сказывается раскрываемое автором отсутствие в этой политике активной протекционистской составляющей, декларативность и полумеры в реализации принципа приоритетного развития сельского хозяйства.

На радикальное изменение сложившейся ситуации, когда российское крестьянство продолжает во многом оставаться по выражению ученого «униженным классом», когда оно, как и все сельское хозяйство находится в тисках монопольного окружения, направлены, включенные в книгу, методологические обоснования и практические предложения автора по преодолению серьезных искажений и деформаций в системе земельных отношений, развитии земельного рынка, по активизации всей социальной политики государства в деревне, обеспечению устойчивого развития

сельских территорий, мерам господдержки сельского хозяйства с ее более активной направленностью на преобразование социально-трудовой сферы отрасли. Эти и другие актуальные вопросы возрождения российского села рассматриваются с позиций претворения в жизнь основополагающих постулатов подлинно научной аграрной теории, практического использования базовых принципов и механизмов концепции социального рыночного хозяйства.

Характеризуя исследовательский стиль работ И.Н.Буздалова по многоплановой тематике аграрных отношений, следует отметить характерное неоспоримое качество автора – стремление сделать свои научные изыскания достоянием народнохозяйственной практики. Аграрное производство было бы более устойчивым и эффективным, а уровень и качество жизни в деревне характеризовались более высокими показателями, если бы эти изыскания должным образом учитывались в проводимой аграрной политике, в системе государственного и хозяйственного управления. Мы надеемся, что внимательный и заинтересованный в судьбе российского села и крестьянства читатель, ознакомившись с содержанием настоящей монографии, согласится с такой характеристикой обобщения научного уровня и огромного народнохозяйственного значения исследований известного экономиста-аграрника.

И.М.Куликов,
академик РАСХН,
д.э.н., профессор

Б.И.Пошкус,
академик РАСХН,
д.э.н., профессор

ВВЕДЕНИЕ

Сельское хозяйство России не обрело устойчивости развития в результате реформ, как на это многие надеялись. Оно по-прежнему остается наиболее отсталым сектором экономики. За два десятилетия начатых в стране преобразований эта отрасль, особенно ее социальная сфера, не вышла из состояния системного кризиса. Располагая богатым природным потенциалом, она оказалась не в состоянии прокормить собственное население. Сокращение по сравнению с советским временем производства продовольственной, особенно животноводческой продукции, приходится восполнять огромным ее импортом (27 млрд долл. в 2007 г., 36,5 млрд долл. в 2008 г. и 42,5 млрд долл. в 2011 г.). Зарубежные закупки составляют до 40% потребляемых жителями страны продуктов питания, а в крупных городах – до 60%. Но при этом сами душевые нормы потребления наиболее ценных из них (мясо, молоко, рыба, фрукты) сократились. В результате при низких доходах и постоянном росте цен на продовольствие по жизненному уровню основной массы населения, тем самым, наносится ощутимый удар. Не хочется думать о том, какой трагедией для страны может обернуться перекрытие по тем или иным причинам импортных каналов продовольственного снабжения.

О кризисном положении российского сельского хозяйства свидетельствует выпадение за годы реформ из обработки более 40 млн гектаров прежних пахотных угодий, которые пустуют и зарастают, в том числе и многие уникальные черноземные земли. Продолжается деградация находящихся в обороте земельных угодий. 17 тыс селений исчезло за это время с карты страны, а многие из еще оставшихся обезлюдели, находятся в состоянии вековой «забитости и одичалости». Конечно, имея 10% мировых продуктивных земель при 2% населения планеты, Россия какое-то время может такое пережить. Но, ведь, это вопиющий пример бесхозяйственности и дезорганизации сложившейся системы аграрных отношений, ущербности проводимой ныне экономической политики государства в деревне.

Такого крестьянского производителя, какой бы выполнял функции «сеятеля и хранителя государства» и был источником его духовных и нравственных сил, практически почти не осталось. Ему на смену не пришел класс современных, владеющих последними достижениями науки и техники, культурных сельских хозяев. А формирование нового крестьянства с мировыми стандартами профессионализма и качества жизни – практически нерешенная острейшая социальная проблема, непременное условие общественной гармонии в стране. Ведь сельское хозяйство не просто отрасль, кормящая и помогающая одевать население страны. Это корневая система человеческого общества, основа духовных и нравственных ценностей. Размышляя о судьбах России, Ф.М.Достоевский отмечал: «И порядок, и законы, и нравственность, и даже сам ум нации, и, наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное земледелие… Какой характер земледелия, таков характер нации». Это концептуальное положение, отражающее отношение государства к крестьянству, не утратило своей социально-экономической значимости и в наши дни.

Продразверстка, затем после нэповской передышки насильственная коллективизация, жестокое раскулачивание (а точнее, расправа над трудолюбивой частью крестьянства), голодомор, война, унесшая миллионы сельчан, сожженные и разграбленные деревни на оккупированной территории, послевоенные хрущевские и последующие эксперименты, бездумные реорганизации управленческих структур, все это тяжелое наследство дает о себе знать и сказывается на нашей сегодняшней судьбе российского села и самого крестьянского сословия.

Между тем определяющим признаком нравственности и цивилизованности государства, общества в целом, является его отношение к селу, этому незаменимому естественному базису самого существования человеческого рода. Сельский пейзаж в широком социально-экономическом смысле (цветущие высокопродуктивные поля, тучные стада домашних

животных, благоустроенные, соединенные современной дорожно-транспортной сетью и системой связи поселения с высоким качеством жизни и специальной подготовкой работников, экологическая чистота окружающей среды и т.д.) – *лицо нации*, самый верный показатель этой нравственности и цивилизованности, мудрости политического руководства страны и профессионализма государственного управления ее экономикой и социальными процессами.

Пока это лицо и, прежде всего, лицо самого многострадального российского крестьянина, выглядит бледно и изможденно. Начатая 150 лет назад государственная политика его раскрепощения, несмотря на определенные подвижки, в последний период идет медленно и ощутимых признаков ее окончательного завершения пока не видно. Об этом свидетельствуют представленные в данной работе исследовательские материалы, содержащие обоснования возможных путей и общенациональных мер по этому завершению. В общем стратегическом плане они должны быть направлены на полное устранение «униженного» экономического положения крестьянства и «второсортности» его социального статуса, на реальную, обеспеченную необходимыми ресурсами системную модернизацию условий труда и всей жизнедеятельности в сельской местности, на реализацию основополагающих принципов социального рыночного хозяйства, на соблюдение прав человека, прежде всего, права частной собственности, обеспечение приоритета личного интереса и всех других условий для активной предпринимательской деятельности.

В раскрытии сущности и последствий монопольного окружения российского села крепостная зависимость его обитателей рассматривается в широком смысле этого понятия. В него включается не только формы и приемы прямого ограничения личной свободы и насильственного принуждения труженика земли, но и его зависимость от государственного, чиновничьего и прочего произвола, проявлений правового «нигилизма» и других, говоря словами В.И.Даля, «стеснений и подчинений чужой воле».

Соответственно, в широком смысле рассматривается и «раскрепощение» российского крестьянства с его современными «стеснениями и подчинениями».

В книгу включены получившие отражение в разных изданиях, в научных записках в высшие органы власти, в выступлениях на различных всероссийских и международных форумах результаты исследований, как по методологическим аспектам, так и по общей стратегии и основным направлениям системного преобразования всей жизнедеятельности в сельской местности. В их аналитических разработках, особенно касающихся демографической деградации села, сельской бедности, истощения почвенного плодородия, технологической отсталости, низкой эффективности и финансового неблагополучия СХО, реальной угрозы продовольственной безопасности и т.д. приходится возвращаться к главным, макроэкономическим причинам общего социально-экономического неблагополучия в российском сельском хозяйстве, соответствующим расчетным материалам, т.е. делать своего рода отдельные, в основном смысловые повторы. Такой подход, отвечающий принципам системного анализа, представляется уместным и необходимым не только потому, что «повторение – мать учения», а, прежде всего, потому, что он касается основополагающих предпосылок и имеет определяющее значение в решении, как отдельных узловых, так и всего комплекса взаимосвязанных проблем возрождения села, создания на всех сельских территориях, для всего крестьянского сословия современных, цивилизованных социальных условий жизнедеятельности, в значительной мере предопределяющих общий социально-экономический прогресс страны.

Автор благодарен Тамаре Анатольевне Янгель за техническую подготовку книги к изданию.

Глава I. Село и крестьянство как приоритеты экономической и социальной политики государства

1.1. К теории вопроса

Жизненность, степень соответствия той или иной концепции экономического развития общечеловеческим ценностям определяется глубиной и объективностью ее научного, теоретического обоснования. «Задача экономической теории заключается в том, - отмечают авторы популярного в мире учебника по экономике, - чтобы привести в систему, истолковать и обобщить факты (т.е. *практические* иллюстрации и подтверждения – И.Б.). Принципы и теории – конечный результат экономического анализа – вносит порядок и смысл в набор фактов, связывая их воедино, устанавливая надлежащие связи между ними и выводя из них определенные обобщения. Теория без фактов, - дополняют они это положение высказыванием Кеннета Е.Боулинга, - может быть пуста, но факты без теории бессмысленны (Маккеннелл К., Брю С. Экономикс, М. Республика, 1992 г., т. 1, с. 21). Иначе говоря, не всякая практика может быть критерием объективной истины, т.е. подтверждением действительной научности ее теоретического обоснования, в частности, например, «порядка и смысла» практического осуществления современной аграрной реформы в России.

Между тем, именно ослабление внимания к аграрной теории с началом проведения этой реформы, негативно сказалось на решении узловых практических вопросов устойчивого, высокоэффективного социально-экономического развития сельского хозяйства и создания для такого развития необходимого уровня и качества жизни в деревне. Отсюда теоретическое переосмысление начатых с 1991 г. аграрных преобразований является непременным условием повышения общего научного уровня аграрно-экономических исследований, в проведении которых важное значение имеет выявление роли и места села и крестьянства в экономике и обществе.

К сожалению, за последний период изданы единицы работ фундаментального характера, посвященных этой важнейшей области экономической науки. Из них по обстоятельности и предметности анализа можно выделить коллективные монографии: «Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития» (М. Наука, 1993 г.); «Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России» (М.: Наука, 1997 г., 2-ое издание - 1998 г.); А.А.Никонов “Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (17-20 вв.), (М. 1995 г., Изд-во ЭРД), причем две последние книги удостоены премии РАН им. А.В.Чаянова. Концептуальные аспекты аграрной теории, критика «устоявшихся» в советский период догм по ее принципиальным положениям изложены также в монографии “Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50-80 годов и современная реформа в сельском хозяйстве. Люди, идеи, факты. (М.: Академия, 2000 г.), сборнике статей Г.И.Шмелева «Аграрная теория: трудный поиск истины» (М.: ЭРД, 2004 г.).

При этом теоретические обобщения и выводы соответствующих изданий, в число которых может быть включена и моя монография: «Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления» (М.: Academia, 2005 г.), ряд статей на эту тему в центральных научных журналах встречают попытки поставить под сомнения эти обобщения и выводы, а также новые постановки, вытекающие из условий и закономерностей современного переходного периода. С поспешными, явно завышенными претензиями на научную истину, опирающимися на те же «устоявшиеся» представления и предрассудки в последнее время выступали А.А.Шутьков, В.В.Кузнецов, М.М.Макеенко и некоторые другие экономисты-аграрники, ранее не проявившие себя на тернистом поприще экономической теории. К ним примыкают со своеобразными комментариями или явными домыслами отдельные литераторы, политологи, журналисты.

Так, в истории теоретической аграрной мысли в России, истоки которой относятся к петровской эпохе, прогрессивные направления ее развития особенно активизировались в связи с научными обоснованиями объективно назревшей, но не доведенной до конца Столыпинской аграрной реформы. Ее огромное, подлинно историческое значение определялось стратегической направленностью на раскрепощение «сильного», трудолюбивого крестьянина, прирожденного земледельца, от скованного круговой порукой общинного (по словам С.Ю.Витте «стадного») образа жизнедеятельности, на экономическую свободу, право частной собственности.

Какие только разоблачения и «смертные приговоры» не использовались в отношении концепции этой реформы, хотя только ее начальный период осуществления, несмотря на сопротивление крепостников, к 1913 г. дал внушительные результаты с точки зрения роста производства, развития производительных сил, не говоря уже о новых, свидетельствующих о жизненности и перспективности начатых преобразований, стимулах к самостоятельному, а потому эффективному, созидательному труду «культурных» хозяев на «своей» земле. И вдруг сейчас, в XXI веке, когда замшелые разоблачительные тезисы на эту тему, казалось бы, канули в лету, появляются современные приверженцы общины и критики аграрной реформы П.А.Столыпина. Причем эти критики, вооруженные посрамившейся, по словам В.И.Ленина, «теорией вчерашнего дня», претендуют не меньше, как на единственно правильное понимание «сути и смысла» этой реформы. Якобы «подводя» ее результаты такие претенденты не утруждают себя пониманием того, что для завершения намеченных преобразований (и, следовательно, для действительной оценки этих результатов) требовалось не менее 20 лет спокойного и последовательного их осуществления, т.е. примерно до конца 20-х годов XXI в., а потому делают просто невероятные «открытия». Один из таких «первооткрывателей» С.Г.Кара-Мурза, выдавая первые шаги реформы (5-6 лет) за ее

окончательный итог поспешил поведать миру о том, что якобы вследствие реформы «Россия шла к постоянному массовому голоду» и что именно «Столыпин - один из главных творцов советского аграрного строя» («Русский дом», 2001 г., № 11, с. 16-17).

К таким явно псевдонаучным откровениям, к тому же подкрепленным подтасовкой или некорректным использованием статистических данных, при полном умолчании о том, что проводившаяся Столыпиным реформа, сопровождавшаяся активным противодействием противников частного землевладения, прошла лишь треть самого сложного ее необходимого для завершения периода, к самим авторам таких откровений, как говорят, нет вопросов. Есть люди, разного рода комментаторы, которые как советские пионеры «всегда готовы» выступать и давать «окончательные» ответы на любую тему. Для них (по М.Е.Салтыкову-Щедрину) лишь бы «калякать», заявлять о себе, не задумываясь о беспочвенности своих легковесных пророчеств и «открытий».

Однако вопросы есть к некоторым, в частности, упомянутым выше экономистам-аграрникам, по образованию профессионалам, но приверженцам этой же «теории вчерашнего дня», которые по узловым вопросам подлинной аграрной теории, поставленным Столыпинской реформой, прежде всего касающихся отношений собственности, форм ведения хозяйства, основной «опоры» эффективно развивающегося аграрного строя и т.д. в своих обобщениях или бездоказательных мнениях («мы считаем») далеко не ушли от умозаключений того же С.Г.Кара-Мурзы.

Разумеется, научная истина рождается в спорах и поэтому сейчас, в отличие от советского прошлого, каждый имеет право открыто высказывать свою точку зрения или свое «мнение», в том числе право на научную фантастику. Но нельзя при этом забывать о главном - научной доказательности выдвигаемых положений, их соответствии самому понятию «теория», как системе знаний, дающих целостное представление *об объективных закономерностях и существенных связях развивающейся*

действительности, в данном случае аграрно-экономической. Чтобы стоять на прочном фундаменте знания объективных закономерностей социально-экономического развития аграрного строя и тем самым владеть подлинно научной экономической теорией указанные закономерности следует выявлять и рассматривать сквозь призму взаимозависимости и взаимодействии трех базовых основ общественного устройства: человек - собственность - государство. Применительно к сельскому хозяйству в центре, точнее на вершине этого треугольника, естественно, стоит крестьянин - главное действующее лицо в эволюционно развивающейся, обновляющейся и совершенствующейся сельскохозяйственной практике, которая именно в таком совершенствовании и является отражением адекватно развивающейся аграрной теории, и в которой всесторонне реализуется главный двигатель производства и общественного прогресса вообще – личный, прежде всего материальный, интерес крестьянина. Обеспечение этого интереса является поэтому приоритетом в аграрной политике государства

Два условия или две остальные названные базовые основы этого прогресса необходимы для такой реализации: естественное и неприкосновенное право частной собственности (в индивидуальной или коллективной, по свободному выбору человека, хозяйственных формах) и адекватная личному интересу и праву частной собственности, следовательно, *подчиненная* этому праву и личному интересу регулирующая деятельность государства. Те же мирохозяйственные процессы показывают, что именно на таком органическом соединении и взаимодействии всех трех основ общественного устройства и, прежде всего, его социально-экономической составляющей зиждется вся методология аграрной теории. Иначе, по методу Кара-Мурзы доказывать можно что угодно и как угодно, лишь бы в своих умозаключениях не отрываться от пуповины пресловутой общины или ее советской разновидности – коллективного хозяйства.

Исследуя развитие аграрной теории во взаимосвязи с объективными закономерностями достижения рационального ведения сельского хозяйства и в рамках указанных трех базовых основ общественного устройства и вместе с тем социально-экономического прогресса в целом, важно исходить из обеспечения системности этого исследования, выделяя и предметно, в тесной взаимосвязи изучая структурные элементы этой теории. Здесь сочетаются как общие, политэкономические элементы системы: теория отношений собственности, теория рынка и его категорий, прежде всего теория ценообразования, теория экономического роста, теория предельной полезности, теория кризисов и т.д. так и специфические, присущие системе и механизму аграрных отношений. В основное ядро собственно аграрной подсистемы экономической теории входят теория земельных отношений, в которой выделяется теория земельной собственности, теория земельной ренты, теория форм ведения хозяйства с выделением теоретических основ крестьяноведения, «преимуществ» крупного и «устойчивости» мелкого производства, теория аграрных кризисов, теория аграрного протекционизма. Особые теоретические подходы обусловливает специфика аграрной сферы в вопросах ценообразования, налогообложения, действия экономического механизма в сельском хозяйстве вообще.

В любой системе есть общая фундаментальная основа, вокруг которой в тесной взаимосвязи и иерархической зависимости, «подчиненности» функционируют другие ее элементы, приоритетное значение которых в процессе исторического развития могут меняться. Однако в земледельческой практике, и, следовательно, в аграрной теории неизменным был и остается приоритет отношений собственности, прежде всего земельной. Как теоретически обосновываются и как практически решаются вопросы собственности в сельском хозяйстве, а, следовательно, адекватно этому другие «производные» научные направления аграрной теории, так функционирует вся система аграрных отношений, так решается ее центральный, так называемый крестьянский вопрос. Или крестьянин,

труженик земли задействован в общественной модели, где он в соответствии в объективными закономерностями социально-экономического развития свободно выбирает форму хозяйства и жизнедеятельности вообще, получая необходимое для этого содействие со стороны государства или, наоборот, государство, исходя из заявленных якобы «высоких», но на деле абстрактных, надуманных идеологических фантазий принудительно навязывает заведомо чуждую сельскому труженику форму жизнедеятельности, втискивая его в модель, где попираются гражданские и экономические свободы, «естественные» жизненные ориентации и общечеловеческие ценности.

История прогрессивной мировой экономической мысли, в том числе российской, однозначно свидетельствует о ее развитии от последней модели к первой, как бы не пытались институт собственности, прежде всего частной, как незаменимый в части реализации личного интереса, отодвинуть назад или куда-то в сторону от «законного» его центрального места в экономической, следовательно, в аграрной теории и практике. Крестьянин, лишенный собственности или довольствующийся общей, обобществленной (совместно-ничейной) собственностью лишается стимулов творческого труда, житейской прочности и уверенности в будущем. Право частной, прежде всего, земельной собственности, наоборот, создает эту прочность и уверенность, обеспечивая эффективное взаимосвязанное функционирование других форм и всей системы аграрных отношений, всех элементов и рычагов механизма хозяйствования, подтверждая тем самым высокую степень научности экономической, соответственно, аграрной теории.

За рамки такого понимания сущности, роли и функций отношений собственности, особенно приоритетной и высокоэффективной ее формы - частной в демократическом правовом государстве, утверждающем и защищающем общечеловеческие ценности выходит пассивное или безразличное отношение к этой форме социальная группа сельских маргиналов или людей по своей природе не способных быть рационально

хозяйствующими собственниками; их «естественный» удел - наемный труд. Речь идет о «нормальных», прирожденных «мирных детях земледельческого труда», об эффективных собственниках, на умелой, творческой хозяйственной деятельности которых, (составляющих активное аграрное «меньшинство»), развивается процветающее в экономическом и социальном плане сельское хозяйство цивилизованных стран мирового сообщества.

Из всего сказанного, таким образом, следует, что центральным объектом аграрной теории является непосредственный земледелец с его обладанием собственностью, отношением к собственности, к ее осуществленному материальному выражению, прежде всего к земле. В течение тысячелетий, тем более в эпохи, когда господствующей отраслью было сельское хозяйство, а основным условием экономического развития - земля, формировалась определяющая роль земельной собственности. Разложение первоначальной примитивной по своей сущности общинной собственности и образование социальной группы эффективных собственников явилось закономерным следствием объективно обусловленного «естественного» стремления наиболее деятельных, предприимчивых людей иметь «свое» индивидуальное, частное владение землей, другими средствами производства.

Причем крупными собственниками, в том числе земельными, в разные исторические эпохи не только рождались (и по наследству оставались), а в рамках вечных, естественных законов развития человеческого общества благодаря индивидуальным призваниям и способностям становились граждане из «низших» сословий. Так, в эпоху крепостного права из числа простых российских крестьян, откупившихся от помещиков или освобождаемых последними закономерно и «социально справедливо» благодаря своему труду и знаниям выходили предприимчивые землевладельцы, успешные бизнесмены аграрного рынка и вообще люди, выделявшиеся жизненными успехами в разных областях хозяйственной и всей общественной жизни, включая науку (например, Ломоносов стал не

только великим ученым, но он был и «частником», что давало ему свободу и независимость).

Эта объективная закономерность, естественное стремление человека иметь «свое», индивидуальное, находила все более широкое отражение в трудах представителей российской экономической (в том числе аграрной) науки, прежде всего в «Книге о скудости и богатстве» И.Т.Посошкова, вышедшей в 1724 г., т.е. задолго до аналогичных идей и взглядов зарубежных ученых, прежде всего, работ Ф.Кенэ «Фермеры» (1756 г.); «Экономические принципы экономической политики земледельческого государства» (1767 г.), «Исследования о природе и причинах богатства народов» А.Смита (1776 г., русский перевод - 1802 г.) и т.д.

И.Т.Посошков не ставил непосредственно вопроса об отмене крепостного права, но в самой сути его книги четко просматривается и осуждается ее «противоестественность, ведущая к бедственному положению всей крестьянской массы». Книга этого фактически первого российского экономиста в России была издана лишь в 1842 г. Но ее идеи, направленные на облегчение и последующее устранение подневольной доли крестьян были подтверждены и развиты в трудах членов императорского вольного экономического общества (ИВЭО), участвовавших в работе его «Отделения сельскохозяйственной статистики и политической экономии», в реформаторских начинаниях М.М.Сперанского и особенно в резких и открытых обличениях крепостничества А.Н.Радищевым. Тем самым создавалась теоретическая база для проведения сначала половинчатой крестьянской реформы 1861 г., а затем радикальных аграрных преобразований П.А.Столыпина по окончательному разрушению сохранившихся феодальных порядков и переходу к демократическому преобразованию полукрепостнического аграрного строя, представленного общиной с ее уравнительным переделом земель, круговой порукой, сословной замкнутостью и другими, по словам В.И.Ленина, «реакционными» чертами, поддерживавшими «традиции косности, забитости и одичалости».

Благодаря этим чертам община являлась тормозом развития производительных сил, а вследствие своей примитивной, первобытной «нивеляторской» природе препятствовала проявлению творческих способностей прирожденных земледельцев, «культурных» хозяев. Она лишала их важнейшей общечеловеческой ценности - права частной собственности, следовательно, свободного, предпринимательского труда. Одновременно община закрывала путь к становлению и развитию добровольных сельскохозяйственных кооперативов, на подлинно демократических основах объединяющих этих хозяев. т.е. самостоятельных членов-собственников земли и других средств производства.

С этих позиций П.А.Столыпин являлся не «создателем» советского колхозно-кооперативного аграрного строя, по сути представлявшего собой уродливый прототип той же «одичалой» общинной системы жизнедеятельности крестьянства, а потенциальным разрушителем этого, по словам И.А.Ильина, «государственного крепостного строя» в деревне. Наоборот, он был идеологом становления демократической системы аграрных отношений, подчиненных объективным закономерностям их развития на приоритете частного землевладения при добровольном объединении самостоятельных сельских хозяев в те или иные формы обслуживающих кооперативов. И когда вслед за Кара-Мурзой некоторые современные приверженцы «стадного» образа жизнедеятельности на земле (будь то община или ее совсем драконовский прообраз сталинский колхоз), привлекают в свои свидетели одновременно и Л.Н.Толстого и А.В.Чаянова, то просто диву даешься преподносимому ими теоретическому винегрету.

Так С.Г.Кара-Мурза в той же отвлеченной от действительности манере повествует о своем другом «научном» открытии: «Замысел Столыпина вошел в конфликт с русской жизнью. В области разума ему противостояла русская агрономическая мысль, воплощенная в А.В.Чаянове. В области духа ему противостоял Л.Н.Толстой, выразитель философии крестьянства, «зеркало русской революции» («Русский дом», 2001 г., № 11, с.

17). Во-первых, о «противостоянии» (причем экономическом, а не агрономическом) замысла Столыпина и теоретических идей Чаянова, автор ничего не говорит, хотя в принципе такового по центральному вопросу, т.е. частному крестьянскому землевладению его не было. Во-вторых, противостояние Толстого Столыпину (причем не столько духовного, сколько экономического, т.е. в вопросах формы землевладения – «общности» земли и частной собственности на нее крестьянина) носила со стороны великого писателя абстрактно- философский характер, который считал себя в этом вопросе только «ищущим», а, в конечном счете, «некомпетентным», «бессильным» (см. Гусев Н.Н. «Два года с Л.Н.Толстым», М., 1973, с. 170).

В таком же вольном и некорректном толковании отношения взглядов на крестьянский или аграрный «вопрос» Л.Н.Толстого преуспевают и некоторые экономисты-аграрники. Например, утверждается, что все российское крестьянство (видимо и до сих пор?) «желает свободы пользования землей, т.е. уничтожения права земельной собственности» (см. Милосердов В.В. «Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее», М. 1999, с. 150) и что прошедшие десятилетия в этих вопросах якобы «подтвердили мудрость великого писателя» (там же, с. 154). В других такого рода вольных рассуждениях автора упоминается имя А.В.Чаянова в контексте скромного «мнения» о том, что российский крестьянин исторически и бесповоротно обречен свой жизненный трудовой путь пройти в крупном, обязательно «коллективном хозяйстве» («АПК: экономика, управление», 2001 г., № 12, с. 9).

В последних публикациях, в частности, в книге «Судьба российского крестьянства» (М.: Редакционно-издательский центр, 2011 г.) В.В.Милосердов, касаясь аграрных преобразований Александра II и П.А.Столыпина, дает конструктивные оценки по «крестьянскому вопросу». Но он не следует этой конструктивности по данному вопросу с позиции современной рыночной концепции этих преобразований. Желающие, конечно, могут вернуться к созданию коллективных хозяйств. Но вот как

заинтересовать члена такого хозяйства, т.е. по сути того же колхоза или даже государственного сельскохозяйственного предприятия (госхоза), также эффективно и заинтересованно работать, как он работает в «своем», по сути, частном, приусадебном семейном хозяйстве автор скрывает, а, возможно, не знает или не хочет знать. Зайдя со своими претендующими на истину мнениями в тупик, он «озадачивает» науку, которая по установке критика «должна» искать пути решения этого вопроса, забывая, что именно советская экономическая аграрная наука 70 лет «искала» эти пути, но так и не нашла. А почему не могла найти - это давно популярно объяснил, действительно писавший по этому поводу, упомянутый автором, А.В.Чаянов. Если же в целях поиска истины и убедительности аргументов повнимательнее познакомится с написанным Чаяновым, то, прежде всего, надо принять во внимание следующие его положения: «Воля хозяина в капиталистическом предприятии и главы семьи в трудовой крестьянской семье, обеспечивают нам единство организационного плана и неуклонное проведение его в жизнь, коллективная же воля, прежде всего, слаба, как воля организующая и предпринимательская, а во-вторых, слаба она и как воля принуждающая» (см. А.В.Чаянов «Основные идеи кооперации», с. 350).

Не меньшая беда претендующих на «окончательные» теоретические умозаключения по аграрному вопросу в том, что обычно речь ведется ими о крестьянстве вообще, т.е. без дифференциации его на различные (по ценностным ориентациям, профессионализму, жизненному призванию, умственным и физическим способностям) социальные группы. Между тем дифференцированный подход к крестьянскому сословию - важнейший признак научности, доказательности принципиальных положений аграрной теории. Без этого, как это показал в своих «опусах» М.М.Макеенко (см. «АПК: экономика, управление», 2001 г., № 3, 5) его претензии на высокую теорию по справедливому замечанию проф. И.Я.Карлюка, как раз и отдают «теоретической беспомощностью», а потому «не заслуживают какого-то

критического разбора» («Международный сельскохозяйственный журнал», 2001 г., № 6, с. 64).

Ссылаются на разного рода опросы, что, якобы, большинство сельских жителей, бывших колхозников и рабочих совхозов выступают против частной земельной собственности, рынка земли. Если даже это так, то основной причиной такого отношения к земле является советская система аграрного строя и стоявшая за ним «передовая» аграрная теория. Общеизвестно, что с момента коллективизации в течение десятилетий крестьяне жили в тех же, а нередко даже худших в сравнении с примитивной общиной условиях «забитости и одичалости», породивших у этого «большинства» безразличие к обобществленной, совместно-ничейной собственности. Но и в этих условиях сохранилась спасительная для самого этого силой насажденного неокрепостнического аграрного строя ниша в его структуре - приусадебное семейное хозяйство (устаревшее и несостоятельное по его сути название - ЛПХ), где со всей силой проявлялась жизнеутверждающая сила чувства и права частного хозяйствования на земле. Только в этой нише крестьянин хорошо и заинтересованно трудился, и фактически на труде владельцев этих хозяйств существовало коллективное хозяйство с его, по Чаянову, «слабой организующей и предпринимательской волей».

Во многом именно благодаря приусадебному семейному хозяйству, ныне дающему около половины всей сельскохозяйственной продукции, а также природной «прирожденности» многих жителей села к активной, предпринимательской деятельности у них вырабатывается принципиально иное, чем у нерадивых (а потому бедных) отношение к частной земельной собственности, к рынку земли. Видимо, это действительно меньшинство, но это как раз те «культурные» хозяева, настоящие труженики земли, на предпринимательской частнохозяйственной деятельности которых успешно развивается сельское хозяйство передовых стран мира. На таких «сильных» хозяев должно в перспективе ориентироваться и сельское хозяйство России, а

не на большинство, на неумелых, лодырей и т.д., иными словами, на маргиналов (на «бедноту», по большевистской терминологии).

Безинициативные из этого большинства, по своей «природе» неспособные эффективно хозяйствовать, тем более в жестких условиях рынка, могут и должны, в соответствии с объективными закономерностями общественного разделения труда, находить применение своих способностей в качестве наемных работников у мелких и крупных сельских предпринимателей, в других сферах экономики. Тем, которые не найдут такого применения, придется поусерднее трудиться в своем приусадебном семейном хозяйстве или объединяться в те же колхозы (по Ленину – «богадельни» для бедных и безинициативных, знаменитой «бедноты»). Как говорится, каждому свое. Популистские рассуждения о крестьянстве вообще - это удел приверженцев политического и вместе с тем теоретического «митингования», не имеющего ничего общего с подлинной аграрной экономической наукой и рационально организованной практикой эффективного ведения сельского хозяйства.

Нет ничего «опасного» в связи с этим в формировании представителями «меньшинства» крупных землевладений так называемых «латифундий». Они существовали в советском сельском хозяйстве с размерами предприятий в 20-30 и более тысяч гектаров земли и даже афишировались для подтверждения «преимуществ» социализма, хотя их неуправляемость, низкая вследствие отчуждения работников от средств производства эффективность была очевидной. Иное дело крупное частное хозяйство, которое в рыночных условиях имеет увязанные с критерием эффективности оптимальные по размерам землевладения объективно необходимые «естественные» ограничения. Если оно и называется латифундией, но, рационально используя землю и труд наемных работников, дает обществу все больше дешевой качественной продукции, то это благо для людей и государства. Противопоставить этим доводам и аргументам можно лишь советские политэкономические лозунги и сказки вроде той, что

латифундия как «крупное помещичье землевладение оказывало губительное влияние на состояние земледелия» (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975 г., т. II, с. 334).

В действительности многие такие латифундии, крупные помещичьи имения являлись образцом «культурного» ведения хозяйства, внедрения новых технологий, использования урожайных сортов растений, высокопродуктивных пород животных.

Для подтверждения этого можно привести множество характерных примеров, в частности, имение барона Штенгеля «Хуторок» на Кубани. Это было крупное хозяйство площадью около 10 тыс га земельных угодий, на которых предприимчивый хозяин заложил основы научной организации эффективного ведения сельскохозяйственного производства, что уже в то время позволило по-настоящему модернизировать производство, осуществить прогрессивные социальные преобразования. Для обслуживания новейшей по тому времени техники была построена крупная мастерская, многие станки и оборудование которой работает по сей день. Одновременно при поддержке земства в хозяйстве построили школу, медицинский пункт, другие объекты инфраструктуры, в том числе библиотеку, сохранившуюся до сих пор типографию. С использованием возможностей кооперации на основе «хозрасчета», т.е. рыночных отношений был налажен эффективный сбыт продукции, в том числе на экспорт. Молоко, другая продукция перерабатывались на месте, а внутрихозяйственные отношения между бригадами, фермами и работниками переработки строились на хозрасчете, купле-продаже. Все это повышало производительность труда, давало дополнительную прибыль, позволявшую наращивать инвестиции, преображать сельскую жизнь.

В советское время имение Штенгеля национализировали и превратили в совхоз, а с его реорганизацией – в СПК «Хуторок». Однако прочный фундамент «помещичьего» культурного ведения производства позволил хозяйству выдержать все невзгоды и испытания «социалистических»

преобразований, равно как и перипетии и парадоксы нынешних реформ. Помог тот же хозрасчет, т.е. ориентация на рыночное предпринимательство. Между подразделениями производства, переработки, сервиса вновь установились отношения купли-продажи с применением внутренних цен и расценок. Операции фиксируются в едином документе – чековой книжке. Профессиональная организация крупного производства на рыночной основе плюс господдержка и необходимые собственные вложения в комплексную модернизацию производства и социальной сферы – основные слагаемые успеха хозяйства. Только на обновление техники в кризисном 2009 г. здесь было затрачено свыше 90 млн руб., более 20 млн – на социальное развитие.

В целом же «социалистические» преобразования, проводившиеся в рамках политики национализации, т.е. ликвидации частной собственности привели к подрыву предпринимательских основ культурного ведения крупного производства и по признанию Ленина в части эффективности хозяйствования в созданных на базе бывших крупных имений совхозах стали играть «скверную роль». Так что преимущества крупного производства определяются не столько его размерами, сколько формой собственности при неоспоримом, подтверждаемом мировой практикой приоритете частного владения, дающего свободу рыночному предпринимательству. В этом заключается важнейший методологический постулат теории крупного производства в сельском хозяйстве. Этого никак не могут усвоить приверженцы необольшевистских представлений о крупном хозяйстве, как «колхозно-кооперативном» (на деле лжекооперативном) или государственном, на «казенное» имущество которых то же по Ленину люди, особенно «беднота», смотрят как «на материал, чтобы его злостно попортить» (ПСС, т. 36, с. 265).

Теории преимуществ крупного производства, обусловленных правом частной собственности и рыночным механизмом реализации этого права не противостоит теория «устойчивости», следовательно, определенных преимуществ мелкого хозяйства. Эту устойчивость и эти преимущества,

прежде всего, в части активной мотивации к производительному труду, хозяйскому отношению к земле наглядно продемонстрировали и демонстрируют владельцы «культурных» приусадебных семейных хозяйств, а тем более высокотоварных крестьянских (фермерских) хозяйств.

Ничего научно доказательного не содержат в себе «открытия» по поводу якобы «подсобного» значения приусадебных хозяйств, их развития за счет общественных кормовых угодий, некоторых услуг (предоставление транспорта и т.д.). На самом деле эти услуги, как и получаемые с общих угодий корма лишь частично компенсировали то, что колхозы десятилетиями не доплачивали владельцам семейных подворий за их труд на совместно-ничейных полях и фермах. Поэтому пресловутая «пуповина» тянется не столько от колхоза к частному приусадебному семейному хозяйству, сколько наоборот: колхозы, если это не искусственно созданные «маяки» выполняли «подсобно-обслуживающие» функции и вообще существовали на труде владельцев этих хозяйств (по сути, составляющих самостоятельный уклад в ныне существующей структуре аграрного сектора).

Этим владельцам нужен был не колхоз, т.е. лжекооператив, а нормальный сельскохозяйственный кооператив с правом каждого добровольно вступать и свободно выходить из него со своим паем (в т.ч. земельным) для дальнейшего самостоятельного индивидуального хозяйствования, создания фермерского хозяйства в рамках возрождающейся сельскохозяйственной кооперации, прежде всего ее вертикальных форм. Производственные кооперативы вследствие их серьезных внутренних противоречий, подробно рассмотренных в отмеченной выше монографии по теории и мировому опыту сельскохозяйственной кооперации, не нашли в мире широкого распространения. В современный переходный период производственные формы кооперации в России не исключаются. Но для их нормального развития, а главное для эффективного функционирования приоритетных, вертикальных форм кооперации необходимо адекватное кооперативное законодательство, которому, как это показано в упомянутой

монографии, в принципиальных положениях и нормах не отвечает действующий закон об этой кооперации.

В разработке аграрной теории важное, хотя и явно преувеличенное, искаженное в марксистском наследии, значение является теория земельной ренты, прежде всего ее денежной формы, адекватной развитой системе рыночных отношений. Подробно проблема рентных отношений в сельском хозяйстве будет рассмотрена ниже. Здесь лишь отметим, что в советский период достижения мировой экономической науки, в том числе аграрной, включая положения классиков теории земельной ренты (А.Смита, Д.Рикардо и др.), с высокомерием и легковесностью аргументов отвергались. В итоге была создана искусственная конструкция «социалистической» земельной ренты, исходившая из огосударствленной системы земельных отношений, уничтожения частной собственности на землю, равно как и товарного производства, закона стоимости, соответственно цены, других рыночных категорий и регуляторов, в лучшем случае их «подчиненной» роли.

Всякие попытки опираться на общеэкономические принципы функционирования рынка, следовательно, на «естественные», объективно обусловленные предпосылки и причины образования земельной ренты в ее реальных конкретных формах, квалифицировались как «сползание» на буржуазные позиции в аграрной науке. Нередко легковесные доводы подкреплялись соответствующими хлесткими ярлыками и голословными обвинениями, которые используют современные претенденты на высокую теорию аграрных отношений. На это, в частности, по вопросам земельной ренты обращается в книге Г.И.Шмелева «Аграрная политика и аграрные отношения в России в 20 веке» (М.: «Наука», 2000 г., (с. 57-72). В отношении рассмотренных выше узловых вопросов аграрной теории также появляются «ниспровергающие» доводы разума и аргументы реальной действительности «мнения» и целые «опусы», производящие ощущения сухого дождя. С такими опусами на самом деле «потраченными молью» в журнале «АПК: экономика, управление» № 7 за 2001 г. выступил, упомянутый выше, проф.

М.М.Макеенко. По поводу этих доводов уважаемый профессор воюет сам с собою, создавая мифы и их же разрушая, а поэтому занятие опровергать их, – отмечал Г.И.Шмелев, – «пустая трата времени и бумаги» (с. 324).

Разумеется, право каждого выступать на поприще аграрной и вообще экономической теории. Но чем заранее подставлять себя, будучи не подготовленным уверенно и осмысленно «карабкаться по ее каменистым уступам», не лучше ли предметное и продуктивнее проявлять свои способности в более доступных, не требующих большого аналитического напряжения, сферах научной, а возможно и иной деятельности? Иметь научную степень или звание это еще далеко не значит, что нужно спешить выступать, а тем более заносчиво и невпопад «поучать» оппонентов в такой сложной «интеллектоемкой» области научных знаний, как экономическая теория.

Достижение здесь, если не «сияющих вершин», то хотя бы скромных успехов, предполагает наличие, если не определенных «прирожденных» аналитических способностей, то хотя бы серьезных специальных работ, как результатов минимум двух-трех десятилетий «прилежного» труда на этом стратегическом направлении развития научной мысли, а еще лучше - в сочетании с рядовой практической деятельностью непосредственно на производстве. Не пройдя с ранних лет школу трудовой, почти бесплатной принудиловки в общинно-казарменной атмосфере колхоза, автор данной книги вряд ли стал бы заниматься конструкцией умозрительных теоретических «открытий» и непродуманных откровений, как это делают некоторые современные приверженцы теории «вчерашнего дня».

1.2. Государство и крестьянство

Историческая практика свидетельствует о том, что условия жизнедеятельности крестьянства, его заинтересованность в творческом, производительном труде, определяющие прогресс сельского развития и общее благополучие в обществе являются результатом проводимой в стране

аграрной политики, как специфической составной части общей политики государства по социально-экономическому устройству всего «национального организма» страны. Концепцию, стратегию и тактику государственной аграрной политики, поэтому можно считать научно обоснованными, если они направлены на обеспечение этих условий, на повышение стимулов достижения более эффективного хозяйствования. Поэтому важнейшая задача аграрной экономической науки заключается в разработке таких обоснований.

Между тем, в современной российской специальной научной литературе по данной проблеме эта задача пока не находит своего конструктивного решения, о чем свидетельствуют неоднозначные, противоречивые толкования самого понятия аграрной политики, следовательно, отношения государства к крестьянству. Обобщения, постановки, представления и «мнения» различных авторов в этой области различаются от подтверждения политического курса государства на радикальные рыночные преобразования аграрных отношений, с соответствующими принципиальными изменениями в отношениях собственности, социальной структуре аграрного сектора и т.д. до реанимации «обновленных» общинных порядков или «смены» этого курса. По-разному оценивается политика государства по отношению к крестьянству, к сельскому развитию вообще в отечественной истории в периоды проведения реформы 1861 г., Столыпинской аграрной реформы и пресловутых «социалистических» преобразований сельского хозяйства в советский период.

В имеющихся исследованиях по данной теме основополагающие целеустановки высшей государственной власти с их соответствующим конституционным и законодательным закреплением в области развития сельского хозяйства и жизнедеятельности крестьянства определяются не только понятием аграрная политика. Употребляются и такие понятия как сельскохозяйственная политика, агропродовольственная политика. В рамках

ЕС проводится «единая аграрная политика» (ЕАП). Различия в формулировках обычно или не поясняются или подразумевают одно и тоже.

Многие авторы, не успев или не считая нужным использовать необходимый в методологии научных исследований понятийный аппарат при рассмотрении аграрной и вообще экономической политики, оставляя в стороне определения ее сущности, стратегии, методов осуществления, соотношение экономики и политики сразу переключаются на непосредственный анализ ее направлений, мероприятий практической реализации. Сам же этот анализ часто подменяется бессистемным рассмотрением самых различных, в том числе организационно-хозяйственных, технологических и других конкретных вопросов развития сельского хозяйства. Методологическая сторона проблемы, как правило, освещается мимоходом или не затрагивается вообще. В других случаях наблюдаются весьма существенные различия не только в трактовке понятия аграрной политики, но и в понимании методов и механизмов ее реализации. Между тем без уяснения концептуальных аспектов проблемы, самого понятия, нельзя правильно определить степень научной обоснованности и самой аграрной политики, ее «прокрестьянской» направленности, и, соответственно, практических мер по реализации.

Очевидно, анализ должен исходить из определения сущности ключевого слова «политика», означающего совокупность директивных установок высшего политического руководства государства в основополагающих вопросах экономического и социального развития. В своем знаменитом «толковом» словаре В.Даль определял политику как «виды, намерения и цели государя, немногим известные и образ его действия при сем, нередко скрывающие первые. Политик - умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель....». Данное определение близко к понятию «политиканства», неискренности, отсутствию прозрачности и т.д. вплоть до политического (государственного) произвола, «уклончивого» образа действий. Этой уклончивостью и популизмом особенно грешили

большевики, обещая, например, землю - крестьянам, фабрики - рабочим и т.д., имея совсем другие «виды и намерения», в частности, лишить крестьян права собственности на землю, свободы предпринимательства, закрепостить их в новую общину - колхоз. Характерным примером неискренности политики государства в советской деревне являлись объявленные на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС Л.И.Брежневым задачи обеспечить «всемерное развитие товарных отношений» и даже разрешить «свободные» закупки сельскохозяйственной продукции, на деле сопровождавшиеся разносной критике партийной печати экономистов (включая автора этих строк), развивавших указанные популистские «намерения» в науку о рынке и свободе предпринимательства «при социализме», о приоритете личного интереса и т.д.

Из научных обоснований так называемых «рыночников» следовало, что в эволюционно развивающемся человеческом обществе, в условиях правового государства, подлинной демократии, определяющие целеустановки высшей власти в области общественного, в том числе социально-экономического развития, реформирования аграрных и всей системы экономических отношений должны отвечать объективным законам, быть прозрачными, отражать реальные интересы людей и последовательно воплощаться в практической деятельности законодателей, исполнительных управленческих и хозяйственных органов, других институтов государства. Подчеркивалось, что несоответствие этих целеустановок объективным закономерностям в развитии экономических и социальных процессов, ценностным ориентациям и интересам классов и социальных слоев, в данном случае крестьянства, ведет к подмене научно обоснованной экономической политики государства политиканством, дешевым популизмом. Принятие этого политиканства и адекватных государственных решений и «мероприятий», противоречащих указанным закономерностям за норму, истину, порождало субъективные научные трактовки самого понятия, целей и стратегии аграрной политики.

Чтобы не утруждать себя предметным, углубленным научным анализом, не стремиться четко разграничивать аграрную политику (т.е. политику в области экономического и социального развитии села) с политикой технической, инвестиционной и т.д., иногда стремятся идти по легкому пути, рассматривая любые меры государства в области сельского хозяйства, включая технологические, агротехнические как направления аграрной политики. Так, в «новой» аграрной политике КПСС, объявленной в середине 60-х годов, на первое место выдвигались интенсификация, специализация и т.д. В механическом наборе мер и мероприятий фактически не упоминалось о действительно главном – радикальном изменении экономических отношений в рамках преобразований административно-командной системы. Фундаментальные социально-экономические аспекты в предлагавшейся аграрной политике, такие, как раскрепощение личности, обретение крестьянином права собственности и экономической самостоятельности, свободы рыночного предпринимательства с целью создания новой системы стимулов к эффективному труду даже не затрагивались.

Могут возразить, ссылаясь на определения сельскохозяйственной, или агропродовольственной политики, или «единой аграрной политики» ЕС, что главное в этой политике не политэкономические аспекты, не социально-экономические отношения, не вопросы собственности, не хозяйственные формы жизнедеятельности крестьянства, не его социальный статус с различными ценностными ориентациями, а государственная поддержка цен и доходов, аграрный протекционизм. На самом деле важным является и то, и другое, хотя в историческом процессе аграрных преобразований определяющими являлись приоритеты политэкономического характера, определявшие характер прикладных аспектов аграрной политики.

Для развитых, цивилизованных демократических стран Запада социально-экономическое устройство сельского хозяйства, рыночные отношения и рыночное саморегулирование развиваются в «естественном»

русле, поэтому акценты аграрной или агропродовольственной политики закономерно смещаются в сторону такого конкретного направления, как государственное регулирование экономического и социального сельского развития, через ценовой и другие рыночные инструменты, субсидии, поддержка малоимущих слоев населения (продовольственные талоны) и т.д. Эти направления актуальны и для современной России, но в переходный период радикальных социально-экономических преобразований и смены политической системы особое значение имеют политэкономические аспекты и соответствующие конкретные направления аграрной политики.

Принципиальное значение в самой концепции этой политики имеет также постепенный, поэтапный подход к ее осуществлению, последовательность и системность проведения экономической реформы в сельском хозяйстве. Такой подход обусловлен медленным созреванием социальной базы реформ, ограниченностью необходимых материально-технических ресурсов, финансовых возможностей страны в деле государственной поддержки проводимых социально-экономических преобразований, в связи с чем, важным является выбор приоритетов. В российской истории аграрного реформирования эти приоритеты не всегда отдавались новым целеустановкам в отношении форм собственности, преобразования социальной структуры аграрного сектора на принципах экономической свободы и рыночного предпринимательства с учетом ценностных ориентаций, профессионализма и других «врожденных» человеческих качеств различных групп крестьянства.

Как особый социальный слой крестьянство всегда с недоверием и настороженностью воспринимало предлагаемые ему государством даже явно прогрессивные социально-экономические перемены. Но степень этого недоверия существенно различалась по его группам. Выгоды от перемен, дававших сельскому труженику хозяйственную независимость, возможность лучше использовать его потенциал, сразу понимали те, кто стремился к самостоятельному хозяйствованию и к основополагающим

общечеловеческим ценностям, среди которых исторически выделялось право собственности. Человек, долгие годы проведший в прежнем общинном или колхозном советском закрепощении, и не стремящийся к статусу самостоятельного «культурного хозяина», с трудом адаптируется к новому социальному устройству в деревне, а нерадивый, безразличный к земле (и потому бедный) даже тоскует по привычным казарменным порядкам, безинициативному труду в общем «коллективе».

Не считаться с консервативной реакцией человека, тем более по своей «природе» не стремящегося или неспособного к предпринимательству, либо вообще противящегося любым переменам, значит действовать по шаблону, руководствуясь ложными, «нивеляторскими» политическими устремлениями в вопросах социально-экономических преобразований в деревне, игнорируя то, что например, для одних (по Столыпину, сильных, трудолюбивых и инициативных) привлекательно частное индивидуальное хозяйство, для других (слабых, непрофессионалов, безинициативных) - более «удобным» может быть общинное, коллективное, где одному можно прятаться за спины других, не рисковать, ни за что не отвечать и т.д.

В определении, структурном и функциональном анализе аграрной и общей социально-экономической политики государства фундаментальное значение, таким образом, имеет объективная обусловленность политических установок и решений закономерностями развития материального производства, среди которых определяющее значение имеет реализация личного интереса производителя. Отсюда сущность, основополагающие целеустановки и научная обоснованность аграрной политики объективно определяется ее направленностью на ценностные ориентиры, гражданские права и интересы крестьянства, прежде всего его трудолюбивой инициативной его части. С этих позиций государственная социально-экономическая политика в деревне может быть, как подлинной, последовательно «прокрестьянской», так и антикрестьянской. Это можно проиллюстрировать частным примером материального, социального,

правового положения земледельца, занимающегося, например, садоводством.

В одних случаях, а это наблюдалось даже в аграрной политике эпохи крепостного права, когда крестьянин, «не страшась усталости», усердно работал в своем саду, доставляя радость и блага не только себе, своей семье, но, в конечном счете, и обществу. В другом случае, как это ощутили на своем материальном и нравственном состоянии советские крестьяне, чтобы избежать налогового грабежа со стороны государства, вырубались плодовые деревья, подавлялось всякое стремление заниматься этим благом в ущерб и самому крестьянину и государству. Позднее, в годы «перестройки», «ущемительная» аграрная политика вела к уничтожению многих десятков тысяч гектаров виноградников.

Обобщая вышеизложенное, следует еще раз подчеркнуть, что аграрная политика как совокупность основополагающих целеустановок политического руководства государства в области социально-экономического развития может называться таковой и содействовать прогрессу в сельском хозяйстве, если ее целью является создание условий, необходимых для достойного уровня и качества жизни прирожденного земледельца, его инициативного творческого труда. В соответствии с указанной целью понятие и сущность аграрной политики следует рассматривать как конституционно и законодательно закрепленную систему или совокупность принципиальных целеустановок высшего политического руководства государства в обеспечении необходимых, стимулирующих эффективное хозяйствование, экономических и социальных условий в жизнедеятельности крестьянства. При реализации этих целеустановок в периоды реформ необходимо ориентироваться на комплексный, эволюционный характер перемен, избегая как полумер в их проведении, так и искусственного ускорения процесса социально-экономического преобразования условий жизнедеятельности крестьянства.

В тактических вопросах осуществления аграрной политики особенно важно учитывать как общие подходы, так и специфические особенности, «этапные» условия развития сельского хозяйства, силы инерции, психологические факторы, степень созревания социальной базы намеченных реформ, и, что особенно важно, реальные интересы и отношение к реформаторскому курсу как крестьянства в целом, так и его различных групп, гибко сочетая рыночные механизмы с направленным государственным регулированием социально-экономических процессов. В этом отношении закономерна избирательная направленность аграрной политики с приоритетной поддержкой и стимулированием рачительных хозяев-предпринимателей, наиболее эффективно ведущих производство и обеспечивающих страну более дешевым продовольствием. К «отстающим», вследствие своей бесхозяйственности, надо применять адекватные меры финансового оздоровления, процедуры банкротства, реструктуризации задолженности и т.д.

Только при таком подходе к практическим мероприятиям по реализации стратегии аграрной политики можно рассчитывать на общее улучшение условий жизнедеятельности крестьянства, повышение экономической результативности его деятельности и социальный прогресс в деревне. Вместе с тем, принципиально важными являются приоритеты аграрной политики по отношению не только к разным формам хозяйства, но и к различным социальным группам крестьянства в зависимости от их ценностных ориентаций, профессионализма, степени «способности» к инициативной творческой хозяйственной деятельности на земле. Проведение соответствующих группировок субъектов сельского сообщества, анализ социальной дифференциации крестьянства, селективное осуществление мер аграрной политики является непременным условием ее эффективности. Другое дело, кому и почему отдавались приоритеты.

Большевики, когда нужно было завоевать и удержать власть, подавить сопротивление прирожденных хозяев-земледельцев (так называемых

кулаков, хотя на деле в основном «культурных» рачительных хозяев) в своей аграрной политике приоритет отдавали беднякам, «прирожденным» бездельникам, лодырям, иначе говоря сельским маргиналам, в простонародье – «босякам». Характерно в связи с этим обращение «крестьян-тружеников» Курбанской волости Вологодской губернии к В.И.Ленину в 1920 г. «Мы, - пишут эти крестьяне, - всю жизнь работали неустанно, не покладая рук и мы только несли на своих плечах тяжести и нужды государственные и общественные, а с лентяев нечего брать, от лени они бросили свои земли и хозяйства, ничему хорошему не научились, поборничеством, воровством, картежничеством занимались и всецело жили нашими трудами. И вот таким людям Вы дали доверие и власть. Почему Вы заступаетесь за лентяев и прохвостов, а нападаете в лице их на нас тружеников?»[1].

И далее крестьяне умоляют Ленина этих лентяев и прохвостов «принудить к работе, потому что нравственное влияние бесполезно к ним применять. Заботливого по характеру нечего принуждать, он сам придумает работу»[2]. Ясно, что это письмо было коллективным голосом вопиющего в пустыне, так как аграрная политика большевиков ориентировалась в основном на бедных с приоритетом на «беднейших», о врожденных «наклонностях» которых писали крестьяне. Другой аспект этой политики - лишить права собственности на землю крестьян-тружеников. Что дала такая политика - общеизвестно и за эту политику деревня и все общество расплачиваются до сих пор.

Сейчас некоторые экономисты-аграрники и политики из прежних «косных» коммунистов, вооруженные необольшевистским пониманием «крестьянского вопроса», опираясь на свои, по меньшей мере, сомнительные умозаключения и разного рода опросы «общественного мнения», пытаются доказать, что против частной собственности на землю, рыночного ее оборота и вообще якобы против политики рыночной аграрной реформы и потому за

[1] История Отечества в документах (1917-1993 гг.) М.: Илби, 1994 г., с. 8.
[2] Там же.

коллективные хозяйства выступает чуть ли не большинство крестьян. Но это очередной популистский аргумент, поскольку практика передовых стран мира показывает, что аграрные проблемы успешно решает сельское меньшинство, но умелых, инициативных, владеющих правилами и механизмом агробизнеса, иначе говоря, «культурных» частных хозяев.

С другой стороны, эти умозаключения не учитывают того, что неспособные к агробизнесу, неумелые, а потому «слабые», безразличные к земле и собственности на нее, составляющее это, в основном маргинальное по своему непрофессионализму большинство, закономерно, через регулируемый оборот сельскохозяйственных земель, экономически вытесняется из аграрной сферы. Лишенные навыков «врожденного» земледельца представители такого большинства находят посильную для них работу или в других сферах деятельности, или в качестве наемных работников у тех же крупных частных хозяев, или, наконец, до своего так называемого разорения (т.е. обычной продажи своего участка) остаются в подгруппе сельских маргиналов, кое-как ведущих свое, в основном потребительское приусадебное хозяйство.

Аргументировать свои умозаключения мнениями, устремлениями большинства, и выдавать эти мнения, устремления и «наклонности» за некий общий менталитет российского крестьянства, за какую-то исключительную его особенность – значит, оставаться на таком же маргинальном уровне экономического анализа «крестьянского вопроса» в России. Построенная на таких аргументах «теория» мало чего стоит.

Некоторые из современных теоретиков необольшевистского толка пытаются находить ответы на эти и другие аспекты «крестьянского вопроса» у разных мыслителей далекого прошлого, у писателей, особенно у Л.Н.Толстого, который в вопросах, например, земельной собственности, хотя и высказывал свое субъективное мнение, но, как отмечалось выше, в принципе сам считал себя «бессильным». В этом и других вопросах аграрных отношений, в вопросах стратегии и приоритетов развития форм хозяйства и

т.д. серьезный экономист, если он стремиться придать научной дискуссии по этим вопросам деловой, конструктивный характер, будет аргументировать свои позиции, опираясь не на абстрактные пророчества, а на объективные закономерности, на современные мирохозяйственные процессы в аграрных отношениях и на опыт цивилизованных стран. Но, если обращаться к недалекому российскому прошлому, настоящий исследователь предпочтет опираться на доводы, подтверждаемые этим опытом, у выдающихся профессионалов-экономистов государственного масштаба, среди которых, бесспорно, выделяются П.А.Столыпин, Н.Х.Бунге, И.Я.Ростовцев, С.Ю.Витте.

Последний, убедившийся на практике в бесперспективности общины, отвергавшей частную земельную собственность, и стоявший в указанных вопросах на почве, по меньшей мере, здравого смысла, был крупным государственным деятелем, с широким диапазоном экономических знаний. В подготовке и реализации концепции аграрной реформы, в обосновании принципов и направлений радикального преобразования полукрепостного аграрного строя России, опираясь на эти знания, он ориентировался на прирожденных, а потому преуспевающих, «сильных» земледельцев-предпринимателей.

Исследуя крестьянский вопрос с общеисторических позиций, «с точки зрения гражданского самосознания, как оно сложилось со времен Римской империи», не отрицая принципа коллективизма, наиболее «удобного» для безинициативных, неумелых, а потому слабых, следовательно, бедных, С.Ю.Витте исходил из того, что основополагающим в этом самосознании является принцип индивидуализма, соответственно, частного владения, присущего сильным, инициативным, иначе говоря, «культурным хозяевам». Коллективно-совместное, общинное, огосударствленное, отмечал он, удобно лишь «с административно-полицейской точки зрения - легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности»[3]. (Этим удобством затем в

[3] Витте С.Ю. Воспоминания. Крестьянский вопрос до 17 октября 1905 г. М., 1960. Т. 3, с. 491.

беспрецедентных масштабах воспользовались «косные коммунисты», во главе со Сталиным, чтобы через колхозы было легче «пасти» и грабить крестьянство, подавляя и уничтожая сильных).

На веру приняв «высокий патриотический лозунг», будто стадное, общинное – «это особенность русского народа» (а на бумаге, замечает Витте, «можно выводить разные узоры - бумага все стерпит»), патриоты административно-полицейского удобства оказались неспособными видеть то, что лежало на поверхности, а именно: община всегда и всюду проявляла себя как примитивная форма владения. «Есть немало людей, которые и ныне (и до сих пор - И.Б.) эту истину не признают»[4], продолжая выводить на бумаге необольшевистские «теоретические узоры» по крестьянскому вопросу.

Современные выводители таких узоров, милостиво допускающие право индивидуальной, т.е. частной земельной собственности, но пытающиеся втиснуть его в нишу фермерских крестьянских хозяйств или приусадебных семейных хозяйств, садовых участков и стремящиеся тянуть назад, к огосударствлению и «коллективизации» в аграрных отношениях, все это пытаются опровергнуть с помощью цитат из литературных и религиозных произведений, а также ленинских работ.

А между тем Ленин, пока он до определенного периода не увлекался марксистской теорией национализации, понял (почти по П.А.Столыпину), что опора нормального аграрного строя - это не «беднейший крестьянин», а сильный, индивидуальный «культурный хозяин» на земле. Врожденный крестьянин-труженик коллективизацию в любой форме не приемлет, охотно вступая со своей землей в добровольную кооперацию, прежде всего, в ее обслуживающие формы, как демократические формы ведения семейного хозяйства в рамках крупного производства. По Ленину же, государственное землевладение также подавляет индивидуализм, следовательно, личный интерес, в связи с чем, им сделано известное принципиальное замечание, что форма такого землевладения - совхозы вообще «играют скверную роль»,

[4] Там же.

мало отличаясь от пресловутой коммуны, которая по признанию самих ее конструкторов, себя «не оправдала».

Это, разумеется, не означает, что в сельском хозяйстве вообще нет места государственным хозяйствам, государственной собственности. Но «госхозы» как менее эффективная (вследствие отчуждения непосредственного работника от земельной собственности) организационно-правовая форма в рыночной аграрной структуре не могут быть и в современном мире не являются приоритетными. И как бы не обосновывались необольшевистские схемы и концепции на этот счет, с самоуверенными претензиями на высокую теорию по поводу приоритетности госхозов и коллективного хозяйства для российского крестьянина в этой области движение назад исключено, если в очередной раз не применять насилие. Как мне уже приходилось констатировать, удельный вес государственной собственности в сельскохозяйственных земельных угодьях России (т.е. не более 15%) уже сейчас следует считать оптимальным[5].

Современные представители аграрной экономической науки, начертавшие на своем теоретическом знамени лозунг: «Вперед к вчерашнему дню!» глубокомысленно заключают, что соблюдать в деревне принцип индивидуализма - это значит «вести чисто натуральное хозяйство», копать на своем участке «гряды»[6]. При этом автор этого заключения допускает голословные выпады в адрес ученых ВИАПИ им. А.А.Никонова, как якобы пропагандистов мелкотоварного производства, «быстрейшего уничтожения» крупных сельскохозяйственных предприятий и т.д. Как раз мировые тенденции показывают, что, во-первых, частное индивидуальное хозяйство может и в соответствующих условиях становится все более крупным и высокотоварным, во-вторых, такое крупное хозяйство имеет неоспоримые преимущества перед крупным коллективным, где все мое - ничье, и, в-третьих, мелкие индивидуальные хозяйства высокоэффективны при их

[5] АПК: экономика, управление. 2001 г.. № 2. С. 7.
[6] АПК: экономика, управление. 2001 г., № 12. с. 7.

оптимальных для данных условий размерах и в рамках кооперации, в ее вертикальных, обслуживающих формах.

В принципе в аграрном секторе не исключается производственная кооперация, которая в мировых тенденциях кооперативного движения не проявила себя из-за отсутствия в ее природе «здравого смысла» и не получила широкого распространения. Производственные кооперативы в современной России для условий переходного периода оправданы, но не в форме прежнего колхоза, а в форме добровольного объединения собственников имущественных, в т.ч. земельных, паев с беспрепятственным правом их выхода из таких кооперативов со своими земельными долями (паевыми взносами) для создания и ведения частного индивидуального хозяйства в системе вертикальных кооперативов.

Таким образом, с какой бы стороны поклонники прошлого (по словам С.Ю.Витте – «старьевщики») не пытались строить свои доводы на посрамившей себя теории и на ее основе вновь вовлекать в совместно-ничейные трудовые коллективы крестьян, тем более культурных хозяев, их усилия бесплодны и бесперспективны. Еще меньше у «старьевщиков» шансов в попытках расшатать краеугольный камень, фундамент экономической теории и практики - институт частной собственности. Ожидания очередного «колхозно-кооперативного» обобществления на селе с его заведомо губительными последствиями напрасны. В российскую деревню «всерьез и надолго» вернулся НЭП, только в его радикально уточненной, последовательно рыночной концепцией. Но для ее успешной реализации необходима этапность, комплексность, последовательность, четкое правовое обеспечение, особенно в реализации приоритета частной крестьянской собственности на землю, другие средства производства, получаемую продукцию.

Доводы о том, что это право не может быть приоритетным, бездоказательным не подтверждаются мировым опытом эффективного хозяйствования на земле. При прочих равных условиях, при той же

макроэкономической ситуации, земля используется более бережно и эффективно, если она находится в частной собственности и крупного, и среднего, и мелкого (с его «устойчивостью») сельского хозяина-предпринимателя. Другое дело, что земельные и в целом аграрные преобразования должны осуществляться в едином комплексе с другими направлениями аграрной политики, упорядочением экономического механизма, обеспечением ценового паритета в АПК, мерами по финансовому оздоровлению хозяйств, государственной поддержке СХО с ее приоритетами на эффективное хозяйствование, активизацию политики аграрного протекционизма и т.д. К сожалению, в этих преобразованиях со стороны государства допускаются явные просчеты и неадекватные действия, негативно влияющие на состояние экономики аграрного производства, на уровень и качество жизни на селе.

Последствия этих просчетов не дают оснований ставить под сомнение саму концепцию перехода на рыночную систему аграрных отношений, приоритет частной собственности и выдвигать варианты возврата к тем же коллективным формам хозяйства и т.д. И как бы не подкрепляли современные старьевщики свои доводы экскурсами в историю свой напористый критический запал они тратят впустую[7]. Мало чем в вопросах собственности, форм хозяйства и т.д. может помочь таким критикам, например, Н.Г.Чернышевский с его утопическими мечтами о коммунизме и преклонением перед разлагавшейся общиной, сковывавшей личный интерес, определявшийся им же как «главный двигатель производства». Именно поэтому эти его мечты и как писателя, и как экономиста не нашли ни признания в мировой экономической науке, ни применения на практике. В советское время по душе они были конструкторам абстрактной идеологии построения «светлого будущего».

[7] В.О.Ключевский, призывавший изучать историю, предостерегал против ее механической экстраполяции применительно к новым историческим условиям. Он писал, что хотя в нашем настоящем «много прошедшего; желательно было бы, чтобы вокруг нас было поменьше истории» (Ключевский В.О. Из литературного наследия. М.: Современник, 1991 г., с. 444).

Правда, для подтверждения своих малоубедительных мнений помимо доводов из замшелого прошлого критики приоритета частного владения иногда ссылаются на современный своеобразный «практический» опыт Израиля, по созданию кибутц, этих своеобразных колхозов, видимо, всерьез предполагая, что особые, в том числе геополитические условия этой страны характерны для России. Между тем в мире есть другая, высокоэффективная практика крестьянской жизнедеятельности, другой конструктивный опыт в развитии земельных отношений, формирования социальной структуры аграрного сектора, эффективной системы кооперации. Можно привести примеры соседних Швеции, Финляндии, Польши и т.д. или более отдаленной Канады, с ее обширными, как у нас, земельными просторами. Но от такого опыта нынешние приверженцы теории «вчерашнего дня» наглухо отгораживается абстрактными суждениями и мнениями, экскурсами в отжившее прошлое, которые совершенно не вяжутся с современными магистральными мирохозяйственными процессами развития аграрных отношений.

1.3. У истоков раскрепощения крестьянства России

Необходимость освобождения российского крестьянства от крепостной зависимости и осуществление других мер по реформированию сложившейся в стране к середине XIX в. системы аграрных отношений становилась все более очевидной, поскольку крепостничество являлось основной причиной отсталости России, приведшей к ее поражению в Крымской войне 1853-1856 гг., общему расстройству общественной жизни в государстве. Важным аргументом в пользу радикальных аграрных преобразований являлся опыт передовых стран Европы, в которых свободные от крепостной зависимости крестьяне-собственники не только стали решающей силой развития и процветания сельского хозяйства, но и общего социально-экономического прогресса.

Фундаментальное значение этой взаимосвязи отмечалось Ф.М.Достоевским, Д.И.Менделеевым, многими другими выдающимися умами России. Но и без отсылок к отечественным и мировым авторитетам всякому, не обделенному разумом и здравым смыслом, такая взаимосвязь является аксиомой. Ее объективная обусловленность вытекает из исторической роли крестьянства как «корневой системы», первичной созидательной силы общества, производителя «самого первого условия» существования человеческого рода, как первоосновы всего национального организма государства. Российская история особенно показательна именно в том, что этот организм почти постоянно находился в перманентном, подрывавшем порядок и нравственность в государстве расстройстве, обусловленном беспрецедентным расстройством социальных условий жизнедеятельности крестьянства, наиболее выраженных его крепостной зависимостью. Вследствие этого задача проведения аграрной реформы, направленной на отмену крепостничества и утверждения свободы экономической деятельности в деревне стала не только крайне необходимой, но и неотложной.

В подготовке и осуществлении реформы выделяются концептуальные подходы и конкретные решения, которые могли бы использоваться как поучительные уроки, учет которых в процессе рыночных преобразований в сельском хозяйстве, начатых с 1991 г. позволил бы избежать огромных неоправданных издержек реформирования, очевидных негативных последствий этих преобразований. Таких уроков, по крайней мере, три основных. Первый из них - основательность и публичность подготовки реформы, обоснование и широкое обсуждение ее концепции, тщательная комплексная разработка взаимосвязанных конкретных направлений осуществления в рамках *системных преобразований всего национального хозяйства.* Второй урок – *последовательность* проведения реформы в течение *определенного переходного периода*, исключение поспешности, шоковых мер и, наконец, третий – *целенаправленное государственное*

регулирование процессов реформирования земельных и всей системы аграрных отношений, целевая господдержка конкретных, в первую очередь *приоритетных* направлений преобразований, прежде всего отношений собственности с использованием действенного правового и соответствующего экономического механизма, взвешенной ценовой, кредитно-финансовой, налоговой политики, антимонопольных ограничений и т.д.

Не все в этих подходах и решениях было использовано в полной мере, но они являлись основополагающими в самой концепции реформы, основанной на системном подходе, в котором реформирование аграрных отношений являлось определяющей, но составной частью преобразований других сфер и институтов государства.

В царском Манифесте от 19 февраля 1861 г. эта общая концептуальная сторона системного подхода к намеченным радикальным переменам дана в следующей политической целеустановке: «да утвердится и совершенствуется ея (России) внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в ея судах; да развиваются повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, равно покровительствующих, да сохраняется и улучшается общественная нравственность, сей вернейший залог порядка и счастья». Эти, присущие социальному государству принципы нашли свое отражение во всей сложной и масштабной работе по реформированию, начиная с организации самой подготовки намеченных преобразований, определения стратегии и системы мер по освобождению крестьян от крепостной зависимости, развитию просвещения, установлению справедливого правосудия и т.д.

Предварительно в течение ряда лет в стране работали официально утвержденные комитеты, комиссии, рабочие группы, в которых принимали участие просвещенные государственные деятели, видные экономисты, юристы, социологи, среди них Н.Х.Бунге, Н.А.Милютин, Я.А.Соловьев,

Я.И.Ростовцев, Ю.Ф.Самарин, П.А.Валуев и многие другие, включая прогрессивных членов царской семьи, прежде всего Великую княжну Елену Павловну, которая одна из первых уже в мае 1859 г. освободила 15 тысяч собственных крепостных, а позже непосредственно участвовала в работе редакционной комиссии. В 1858-1860 гг. проблемы реформы широко обсуждалась в прессе, в научных и общественно-политических журналах и специальных изданиях, причем материалы этих обсуждений использовались и учитывались в указанных комиссиях и комитетах. Только Н.Г.Чернышевский в ж. «Современник» за эти годы опубликовал 53 научные рецензии на статьи многих ученых и практиков, помещенных в ж. «Сельское благоустройство», «Журнал земледельцев», «Русский вестник» и т.д. Обоснования и предложения по реформе затрагивали практически весь комплекс вопросов ее последовательного системного осуществления в течение определенного (примерно 20-летнего) переходного периода. На всем этом фоне говорить о серьезной концептуальной и практической подготовке современной аграрной реформы не приходится. Сейчас трудно даже назвать ее конкретных ответственных разработчиков, поскольку все в спешке решали малоизвестные или забытые ныне реформаторы-чиновники.

То же самое можно сказать о переходном периоде. При подготовке Крестьянской реформы в комитетах и комиссиях преобладающим был курс на эволюционную стратегию преобразований, последовательность и длительность сроков их осуществления, учет региональных особенностей, особенно отношения к реформам самих реформируемых. «В таком жизненно важном деле как сельское хозяйство, – отмечал С.Ю.Витте, – едва ли целесообразно предпринимать какие-либо меры, не спрося мнения тех, кто близко стоит к земледелию и кому лично известны его слабые стороны и насущные требования».

В этом смысле ситуация в силу инерции среди разных социальных слоев деревни была неоднозначной, часто противоречивой. Склонные к трудолюбию и самостоятельному хозяйствованию крестьяне одобряли курс

реформ, что имело принципиальное значение во всем процессе аграрных преобразований. Как «культурные хозяева», судя по мировому опыту, именно они, несмотря на деревенское меньшинство, являлись базовым человеческим фактором прогресса в сельском хозяйстве, его последовательной всесторонней модернизации. За реформу стояли и малопоместные, обедневшие «дворянские гнезда». От многих «душевладельцев» потенциальные бедняки и даже середняки, тем более от «хорошего» барина, не спешили уходить, хотя и они не выступали против реформы. Не приветствовали ее лишь разбогатевшие на эксплуатации крестьян крепостники, один из которых В.Н.Панин, после смерти реформатора Я.И.Ростовцева в начале 1860 г., даже возглавил редакционную комиссию по подготовке реформы. Под его влиянием, а также других «старьевщиков», несмотря на намерения царя «довести реформу до конца» в окончательные положения по ее проведению вносились компромиссные формулировки, что фактически повторилось при разработке, особенно на начальном этапе преобразований многих, основополагающих правовых и нормативных актов по современному реформированию земельных и всей системы аграрных отношений.

Созванные из губерний представители, обсуждавшие подходы к раскрепощению крестьян и изменениям в общей экономической политике, законодательстве, местном самоуправлении и т.д., предложенные комиссией Панина в процессе затяжных дискуссий и уступок явным крепостникам, в конечном счете, тоже сошлись на компромиссной формулировке концепции реформы. Ее основной, земельный раздел включал следующие основные принципы: 1) крестьяне получают экономическую свободу без выкупа земли; 2) крестьяне наделяются землей по определенным нормам в постоянное пользование; 3) крестьяне обретают право частной собственности на землю в случае ее выкупа у помещиков, оставаясь до этого временнообязанными и 4) ставшие свободными крестьяне, осуществляют свою деятельность в рамках в сельские общины.

К Манифесту 19 февраля 1861 г. прилагался целый пакет основательно разработанных, конкретизирующих его стратегически целеустановки, правовых и нормативных документов. Одновременно и во взаимосвязи с аграрной реформой осуществлялись земская и судебная реформы. Урок основательности самой концепции реформирования, его подготовки также не был в должной мере учтен в проводимых с начала 90^{x} годов XX в. аграрных преобразованиях. В конце 1991 г. был издан лишь краткий по своему содержанию Указ Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», а в соответствии с ним 29 декабря принято Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Согласно постановлению эта реорганизация должна быть осуществлена в кратчайший срок, практически в течение 1992 г., причем на разработку, как сказано в постановлении, соответствующих «инструкций» и создание комиссий по приватизации земель отводился месячный срок.

Основополагающий документ по проведению реформы состоял из 14 кратких тезисных пунктов и занимал 3 страницы машинописного текста. Региональная или какая-то другая конкретизация, хотя она предлагалась разработчиками, в документе отсутствовала. Составленный на компромиссах закон «О сельскохозяйственной кооперации» (1995 г.) оказался с очевидной «колхозной» начинкой, в связи с чем в системе АПК до сих пор не получило развития настоящее, объединяющее самостоятельных крестьян-собственников, кооперативное движение. Свободными не чувствуют себя крестьяне в системе земельных отношений. Вместо обещанного права собственности на землю крестьяне получили условные, бумажные земельные доли, а в целом эти отношения пронизаны закулисными и криминальными сделками.

Положительным уроком крестьянской реформы 1861 г. был отодвинутый на задний план в нынешних аграрных преобразованиях акцент на активное государственное регулирование процессов реформирования, а также правовое и экономическое обеспечение нормального хода этих

процессов. Такое содействие определялось рядом законодательных актов, предметно разработанных положений и правил, в том числе касающихся региональных особенностей реформирования. Осуществлялись государственные меры по регулированию кредитно-финансовых отношений, налоговой системы, оказанию прямой или косвенной поддержки нового землеустройства. Так, например, предоставлялись государственные беспроцентные долгосрочные (на 49 лет) кредиты из расчета 80 копеек с рубля. Кредиты выдавались непосредственно землевладельцу, а возвращались крестьянам, причем остальные 20 копеек отрабатывались у помещика. Благодаря этому за предполагавшийся примерно двадцатилетний переходный период (1861-1881 гг.) было выкуплено 80% временно обязанных ревизских душ. Комитет сельскохозяйственной консультации, другие организации и общества по сельскому хозяйству оказывали крестьянам высокопрофессиональную помощь по проблемам организации производства, использования технических средств, аренде, сбыту продукции, зарубежному опыту эффективного ведения хозяйства. В 1875 г. была издана основательно подготовленная «Настольная книга для русских сельских хозяев» с изложением в ней всего комплекса вопросов по научной организации сельскохозяйственного производства.

При всей прогрессивности Крестьянской реформы, направленной на реализацию основополагающей общечеловеческой ценности – предоставление крестьянину гражданской и экономической свободы история ее проведения оставляет уроки явно негативного плана. Прежде всего это ее половинчатость, непоследовательность как следствие уступок и компромиссов со «старьевщиками», колебаний власти в осуществлении стратегического курса реформы, принципа социальной справедливости в отношении крестьянства, независимого правосудия и т.д. По словам С.Ю.Витте крестьянин не приобрел равноправного с прочими сословиями социального статуса, а стал своего рода «полуперсоной». Поэтому, хотя крестьянство «было освобождено от рабовладетелей, но оставалось в рабстве

произвола, беззаконности и невежества, а при таком положении крестьянства государство не может мощно идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое предуказано ему природой вещей», или, говоря языком науки, объективными закономерностями общественного развития.

Во-первых, свобода хозяйствования на земле ограничивалась стеснительными рамками общинных порядков. Во-вторых, власть помещика над крестьянином заменялась властью чиновников, а господский произвол местной и государственной бюрократией, дополнявшейся монополистскими ограничениями и барьерами на рынке сельскохозяйственной продукции, труда и капитала. Ограничение размеров землевладения для ведения высокотоварного «культурного» крестьянского хозяйства или, наоборот, сохранение гигантских латифундий, унизительное положение временнобязанных, инерция «помыкать» крестьянством со стороны властей всех уровней, взяточничество и многое другое, присущее бюрократии и административному произволу не соответствовали действительному обретению крестьянством гражданского и экономического равноправия в обществе. Не повторяется ли все это в нынешней политике и практике аграрных преобразований?

Взаимосвязанная с крестьянской, земская реформа также имела недостатки принципиального характера. Обеспечение настоящего народного местного самоуправления при набиравшему силу общинном закрепощением крестьян не способствовало утверждению этого равноправия и негативно сказывалось на социальном положении крестьянства. Предводителями как уездных, так и губернских собраний по-прежнему оставались в основном дворяне, причем за деятельностью этих собраний в рамках административной вертикали власти надзирали губернаторы. В числе гласных уездных земских собраний крестьяне (преимущественно представители руководящей верхушки общин) имели 38% общего их количества, тогда как почти 9/10 населения было крестьянским. (Здесь невольно встает вопрос и о нынешнем участии представителей крестьянства

в органах местного самоуправления, не говоря уже об их представительстве в региональных законодательных органах, а тем более в Государственной Думе или в Совете Федерации, в рядах «правящей» и других политических партиях, среди которых ныне нет политической партии, которая представляла бы интересы 40-миллионного крестьянского населения страны).

Надо, однако, сказать, что при всех бюрократических ограничениях земские учреждения царской России имели явные функциональные и экономические преимущества по сравнению с теми условиями и возможностями, которыми обладают современные органы местного самоуправления, особенно первичные – сельских поселений, как правило, лишенных финансовых ресурсов для какого-то серьезного улучшения социально-экономического положения крестьянства. Располагая этими ресурсами, земства и сельские общества много делали для развития образования, культурно-бытового и медицинского обслуживания в деревне. Органы губернских земских учреждений внесли большой вклад в строительство сельских школ, подготовку для них учителей. Обеспечение школ учебниками занимались уездные земства, содержанием и ремонтом школ – сельские общества. Из всех расходов по содержанию народных училищ, число которых с 1861 г. постоянно росло, 58% приходилось на земства. Одновременно возрастала роль государства в развитии социальной сферы села.

В рамках протекционистской поддержки проводимых преобразований использовались инструменты рыночного механизма системы кредитования. Кредиты выдавались сроком на 24,5 и 34,5 года. Их получали единоличные крестьяне, общины (на одного человека, соответственно, 500 и 125 рублей). Крестьянский поземельный банк поддерживал ссудо-сберегательные и кредитные товарищества, обслуживавшие денежный оборот крестьянских хозяйств. Развитие кредитной кооперации способствовало формированию

снабженческо-сбытовых и потребительских кооперативов. Ставки по кредитам не превышали 7-8%.

Оценивая показанные далее неутешительные результаты и очевидные негативные последствия 20-летнего периода современных рыночных преобразований в сельском хозяйстве, прежде всего, следует обратить внимание на обусловленность этих результатов и последствий деградацией трудового потенциала села, связанной с неблагополучием социальных условий жизнедеятельности крестьянства. Во многом, если не в решающей степени, это зависит от традиционного, не преодоленного до сих пор отношения государства к крестьянству как «второсортному» или, по определению В.Даля, «низшему податному сословию», «постояннообязанному» донору.

Цель обеспечить равноправие и на этой основе благополучие российского крестьянства в целом предусматривались реформой 1861 г. И хотя в процессе ее проведения социальный статус крестьянина был повышен, однако в основном он, по приведенному выше образному выражению С.Ю.Витте, оставался «полуперсоной». Определенное движение в направлении укрепления социального престижа крестьянина и на этой основе прогресса в сельском хозяйстве дала Столыпинская реформа, но и она наткнулась на сопротивление тех же «старьевщиков», затянулась и, в конечном счете, к 1917 г. была свернута. Начались насильственные контрреформы в форме зловещих большевистских экспериментов над российским крестьянином, социальный статус (а вместе с тем и экономическое положение) которого был приведен в соответствие с известным марксистским «научным» определением этого многострадального сословия, как сообщества никчемных, «жалких» людей. Какая-то временная, облегчающая тяготы сельской жизни, корректировка псевдосоциалистических преобразований произошла в короткий период НЭПа. Однако затем крестьянство, особенно наиболее униженное и угнетаемое – колхозное с головой погрузилось в беспросветную пучину

советского государственного крепостного права, а точнее бесправия и беспощадной эксплуатации деревни с почти бесплатным рабским трудом ее обитателей.

Лишь с началом хрущевской «оттепели» государство стало робко и непоследовательно (к сожалению, по сути, в той же идеологической и практической манере) поворачиваться лицом к крестьянину, но, несмотря на определенное улучшение материального положения, в своем социальном статусе он так и не стал настоящей «персоной». Требовалось коренное реформирование всей системы аграрных отношений, действительное решение поднятого реформой 1861 г. «крестьянского вопроса», прежде всего утверждение принципа социальной справедливости по отношению к деревне со стороны государства и всего общества.

Для этого в стратегии аграрной политики следовало соблюсти, по крайней мере, следующие основополагающие условия: 1) тщательная системная разработка концепции, принципов и стратегических направлений реформирования, ориентированных на освобождение крестьянства от любых форм произвола, обеспечивая эволюционный ход преобразований в течение длительного (не менее 20 лет) переходного периода; 2) государственное регулирование процессов реформирования с постепенным возмещением хотя бы части тех многотриллионных астрономических сумм «перекачки» результатов крестьянского труда, за счет безмерной эксплуатации которого в ущерб самому сельскому хозяйству в значительной мере десятилетиями решались и продолжают решаться другие, часто далеко не стратегические задачи всего общественного развития страны и 3) осуществление самого процесса реформирования не принятым в его начале набором скоропалительных и хаотичных мер, а путем их системного и целенаправленного проведения в соответствии с базовыми принципами социального рыночного хозяйства: личной свободой, экономической дееспособностью, социальной справедливостью, *с приоритетом последней на начальном этапе и в ближайшей перспективе.* К сожалению, эти условия

соблюдены не были и во многом *не соблюдаются до сих пор*, что прежде всего сказывается на низком качестве и уровне жизни крестьянства и, как следствии этого, общем бедственном состоянии сельского хозяйства.

В процессе рыночного реформирования важно было выбрать еще и такие методы государственного регулирования жизнедеятельности на селе, которые бы способствовали улучшению этого положения. На деле выбор этих методов, в том числе с построением нынешней вертикали власти с ее «административным ресурсом» во многом оказался неудачным или непродуманным, а во многом тем же советским. Стиль работы глав регионов и районов часто мало отличается от стиля работы прежних секретарей райкомов, обкомов и т.д. для которых крестьянин это безропотный исполнитель заданий, предписаний, указаний и т.д. В сочетании со стихийными или монополистскими проявлениями на рынке это породило масштабный провал в производстве, неблагополучие в материальном положении и социальных условиях жизни крестьянства. Для сравнения: при всей непоследовательности, половинчатости Крестьянской 1861 г. и последующей Столыпинской реформы, в сельском хозяйстве, особенно в начале XX в., наблюдался и подъем производства, и повышение уровня жизни на селе.

Конечно, беспрецедентное падение отечественного сельскохозяйственного производства, сопоставимое с последствиями насильственной коллективизации, можно восполнить, и восполняется такими же беспрецедентными (в 2011 г. на сумму более 1 триллиона рублей в год) за всю российскую историю закупками продовольствия за рубежом. Но продовольственный импорт, объемы которого в сравнении с 1991 г. возросли почти в 5 раз, а за 2005-2007 гг., приходящиеся на реализацию «приоритетного» национального проекта «Развитие АПК» в 2 раза, превысив объем реализации всей продукции сельского хозяйства в закупочных ценах, является одним из существенных изъянов проводимой агропродовольственной политики. С одной стороны, масштабный импорт

служит прямой поддержкой бразильских, израильских, американских и других зарубежных фермеров, а с другой, душит отечественного производителя и в широком плане подрывает престиж России в глазах мирового сообщества, в том числе сообщества стран-членов ВТО, для вступления в которое, во многом связанного с нынешним положением в российском сельском хозяйстве, страна почти 18 лет выступала в роли просителя и, как оказалось, серьезно не подготовилась к этому вступлению.

Но если, не считаясь с риском подрыва продовольственной безопасности в рамках проводимой аграрной политики, компенсацию провала в отечественном производстве продукции сельского хозяйства можно перекладывать на зарубежных фермеров, представляя для них рынок сбыта этой продукции в ущерб отечественным производителям, то исправлять удручающее положение в социальной сфере села, в сельской демографии, придется самим, иначе все сельское хозяйство вместо его модернизации в лучшем случае будет продолжать влачить жалкое существование. Сейчас на обширной сельскохозяйственной территории Северо-Запада, Северо-Востока, Урала, Поволжья, Сибири, даже Центра России, где о существовании прежних благополучных сел и деревень скорбно напоминают заросшие бурьяном и чертополохом их жалкие останки, уже вообще некому работать.

Глава II. Униженный класс: «приговор» истории и современное социально-экономическое положение российского крестьянства

2.1. Исторические корни и псевдонаучные «обоснования» социальной неполноценности крестьянского сословия

Многовековая история становления и развития государства неизменно свидетельствует о том, что его благополучие или, наоборот, системное неустройство, морально-нравственная деградация определяется тем, насколько соблюдаются или, напротив, нарушаются базовые принципы закономерного воспроизводственного процесса в экономике и общечеловеческие ценности. Определяющими среди них являются: личная свобода человека, равенство его гражданских и экономических прав, незыблемость права частной собственности, равенство каждого перед законом и независимым правосудием, недопустимость дискриминации социального статуса личности и сословных групп общества.

Фундаментальное значение для общего прогресса в экономике и обществе, для формирования и эффективного функционирования правового государства имеет соблюдение указанных принципов и ценностных ориентаций крестьянского сословия. Это исторически и логически вытекает из особой и незаменимой роли крестьянства как первоосновы человеческой цивилизации, как «сеятеля и хранителя» государства и производителя ничем незаменимого, «самого первого условия» жизнедеятельности человека. В объективной обусловленности взаимосвязи обеспечения прочного, социально защищенного положения крестьянства с достижением общего прогресса и благополучия в государстве Ф.М.Достоевский усматривал упомянутое выше «правильное» функционирование всего национального организма государства. Но как раз российский опыт особенно показателен именно в том, что национальный организм государства веками находился почти в постоянном, подрывавшем порядок и нравственность в стране расстройстве,

вызывавшимся беспрецедентным расстройством всех и прежде всего материальных условий жизнедеятельности крестьянства, его социальной незащищенностью.

Все дело в том, что в сознании людей из привилегированных или «передовых» классов и слоев общества, многих горожан, особенно «коренных», в стране исторически сложилась привычка свысока, даже пренебрежительно, смотреть на сельского жителя как второсортного члена общества (мол, деревня, мужик), причем крестьянин по своего рода «традиции» во многом или целиком привык ощущать на себе эту второсортность. Возникшие в процессе общественного разделения труда и «возвысившиеся» над земледельцем его социальные группы, те же привилегированные классы, отдельные почтенные горожане, власть имущие, деятели культуры, науки, искусства и т.д. – одним словом так называемая элита общества, не должны забывать, что они, в конечном счете, сами прямые потомки далеких прародителей: первобытных охотников и рыболовов, земледельцев и скотоводов. Поэтому вопиющей социальной несправедливостью и морально-нравственным извращением природы вещей является наблюдавшееся на протяжении многих веков, особенно в эпоху феодализма, крепостного права, включая большевистское советское, унижение социального статуса крестьянина, а разного рода «обоснования» о якобы естественной неполноценности этого статуса плодом заблуждения, отражением нежелания или неспособности оценить место и особую роль крестьянства в истории человечества.

На первый, поверхностный взгляд в эволюционном процессе генезиса и поступательного развития общества, в разделении населения на сельское и городское можно усматривать как бы «объективно» обусловленную второсортность крестьянского сословия, сведенную в своего рода теорию якобы закономерных «существенных различий между городом и деревней». Действительно, постепенная концентрация определяющих условий жизнедеятельности в городских поселениях давало преимущества их

жителям в культурном развитии, образовании, в умственном труде и т.д. Пространственная рассредоточенность сельского населения, его занятие преимущественно физическим трудом, наоборот, сдерживало это развитие. В условиях, когда и правящая верхушка оседала в городских сообществах, последние присвоили себе противоестественное право применения разного рода принудительных фискальных притеснений или явно насильственных, социально несправедливых действий в отношении села и сельского населения, тем самым, доводя его до состояния «забитости и одичалости». Эта несправедливость несовместимая с базовыми общечеловеческими идеалами и ценностями, по сути и была заложена в основу указанных обоснований.

Однако со временем вместо устранения этих социально порочных построений, как якобы исторически и объективно обусловленных, под них стали подводится другие абстрактные теории и антикрестьянские идеологические догмы и схемы. Среди них умозрительные открытия физиократов, теории первоначального, в том числе пресловутого «социалистического» (т.е. за счет эксплуатации крестьянства) накопления, разного рода практические псевдонаучные изобретения, в частности о правомерности волюнтаристских методов «перекачки» созданного тяжелым крестьянским трудом национального дохода, разрушительные последствия которой для села, как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики, подробно рассмотрены автором на страницах журнала «Вопросы экономики» (2009 г., № 10). Все эти теории, абстрактные схемы и дилетантские «открытия» соответствовали тем же умозрительным «авторитетным» представлениям о «второсортности», чуть ли не врожденной генетической и, соответственно, социальной неполноценности крестьянства.

Так, великий «пролетарский» писатель, М.Горький, (кстати, сам выходец из крестьянского сословия, в отличие, например, от графа и просто великого писателя Л.Н.Толстого, высоко ценившего это сословие, как главную опору государства) в изданной за границей книге о крестьянстве

России изображал его как сообщество «полудиких, почти страшных людей», обреченных «на вымирание» (Горький М. «О русском крестьянстве». Берлин. 1922. С. 43-44), как бы подтверждая домысел марксистской теории о том, что крестьянство – это «варвары», являющиеся «самым жалким классом» в истории человечества (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 208. Т. 38. С. 420). А раз это так, то его законное место пребывать на задворках этой истории, с обязанностью обслуживать и «кормить» город, передовые классы, элиту, правителей и т.д. и лишь остатками произведенного – самого себя, сражаться и умирать за Отечество, буквально спасать его вместе с этой элитой и власть имущими, как это было на Куликовом поле, под Бородиным и т.д., да и войну 1941-1945 гг.

Такого рода воззрения, а точнее заблуждения и досужие домыслы, воплощенные в жизнь, неизбежно вели не только к разорительным последствиям для сельского хозяйства и самого крестьянства, но и подрывали основы всего процесса закономерного общественного развития, что особенно наглядно подтвердили большевистские эксперименты по насильственному «насаждению» в стране якобы «социалистических» преобразований. Наоборот, отношение к крестьянству как равноправному социальному сословию общества, его приоритетная государственная поддержка, как функционирующего в особых условиях повышенного риска и обеспечивающего все население незаменимой, жизненно важной продукцией явилось решающим условием процветания самого сельского хозяйства и общего прогресса в развитии многих странах современного мира.

Наглядным примером этому может служить, например, не имеющая ни газа, ни нефти, ни многих других даровых природных богатств, Швейцария, достигшая своего процветания, как страна «крестьян и коров». Именно исходя из предпосылки, что поскольку сельское хозяйство есть первичная базовая отрасль экономики, в Конституции страны ему уделен особый параграф, обязывающий государство оказывать крестьянству постоянную активную протекционистскую поддержку. На основе такой конституционно

закрепленной аграрной политики выросли современные институты государства, создана одна из стабильных и устойчивых экономика страны с высокоразвитой промышленностью, особенно машиностроительной, текстильной, химической, фармацевтической, пищевой, надежной финансово-банковской системой. Поэтому, имея сейчас в расчете на душу населения сельскохозяйственных земель далеко не лучшего качества почти в 5 раз меньше, чем в России всего 4% швейцарских крестьян-собственников, занятых в аграрном производстве в целом обеспечивают продовольственную безопасность, экспортируя значительную часть производимой высококачественной животноводческой продукции.

Путь к нынешнему системному благополучию Швейцарии заложенный на основе прочного социального положения крестьянства исчисляется столетиями. Уже в начале 18 в., когда в России царило крепостничество и вследствие этого масштабное расстройство всего национального организма страны, швейцарские крестьяне жили и трудились в условиях личной свободы и права собственности, дававших мощные стимулы к общему прогрессу в экономике и обществе. «Невозможно, – писал известный экономист и историк Ж.Ш.Сисмонди (кстати, почетный член Петербургской Академии наук), – без восхищения видеть рубленные дома самых бедных крестьян – дома столь просторные, окруженные столь добротными оградами, столь нарядно покрытые резьбой. Внутри этих домов просторные коридоры разделяют комнаты членов семьи; кругом стоит тщательно поддерживаемая в порядке мебель, гардеробы полны белоснежного белья; молочная просторна, хорошо проветрена и блещет чистотой, под той же крышей хранятся огромные запасы зерна, солонины, сыра и дров; в коровниках стоит самая лучшая и самая ухоженная в Европе скотина; в саду растут цветы; мужчины и женщины одеты тепло и опрятно; на всех лицах – печать здоровья и силы. Пусть другие страны похваляются своими богатствами – Швейцария всегда может с гордостью показать на своих крестьян» (Милль Дж..С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной

философии. Гл. VI. «О крестьянах-собственниках». М. Прогресс. 1980. В 3^{x} томах. Т. 1. С. 414). Могут показать на своих, с той же печатью здоровья и силы, крестьян как созидательную силу общего прогресса в государстве и многие другие, в т.ч. крупные страны.

Среди таких стран, в частности, выделяется Германия, обеспечивающая достойные условия жизнедеятельности крестьянства. Поэтому при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально обустроенное и потому динамично развивающееся сельское хозяйство сейчас производит около 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства даже экспортируется. Иная картина складывалась и до сих пор сохраняется в России. Анализируя ее уже в период после отмены крепостного права и сопоставляя результаты развития сельского хозяйства во взаимосвязи с условиями жизнедеятельности крестьянства в этих странах, М.Е.Салтыков-Щедрин, этот великий диагност российских «общественных бед и недугов» в своем произведении «За рубежом» с горечью пишет о впечатляющих различиях этих результатов и самих причинах различий. Ему стало обидно за свою страну и «нестерпимо скучно», когда сразу за Вержболовом на пути в Кенисберг «на тех же песках и болотах увидел буйные поля, каких не было даже на чембарских черноземах. Но мало того, что у немца на песках хлеба растут буйные, у него коровам не житье, а рай» (Салтыков-Щедрин М.Е. Соч. в 10 томах. Т. 7. С. 13). А хорошо домашним животным потому, что хорошо сельскому хозяину и его благополучие, в конечном счете, в решающей степени определяет общее благополучие и мощь государства, которую Германия убедительно демонстрирует до сих пор.

И хотя в результате половинчатой и непоследовательной реформы 1861 г. социальный статус российского крестьянина был повышен, однако в основном он, по словам С.Ю.Витте, оставался «полуперсоной». Много сделавший для подготовки основ последовавшей затем Столыпинской аграрной реформы этот выдающийся государственный деятель России

надеялся, что с вступлением на престол Николая II, наконец, «наступит пора более справедливому и заботливому отношению к русскому крестьянству». Но эти надежды не оправдались. Крестьянство «было освобождено от рабовладетелей», но оставалось «в рабстве произвола, беззаконности и невежества».

Заметное движение в направлении укрепления социального статуса крестьянина дала Столыпинская реформа, но и она наткнулась на сопротивление тех же «старьевщиков», затянулась и не была доведена до завершения. Вместо этого начались зловещие большевистские эксперименты над российским крестьянином. С начала хрущевской «оттепели» государство стало робко и непоследовательно (по сути, в той же «социалистической» манере) поворачиваться лицом к труженику земли, хотя он, несмотря на определенное улучшение материального положения, в своем социальном статусе так и не стал настоящей «персоной» в государстве. Требовалось коренное реформирование социальной составляющей и всей системы аграрных отношений, действительное решение «крестьянского вопроса». По меньшей мере, это предполагало: 1) отдать должное крестьянству за его великие заслуги перед Отечеством, возвратить ему хотя бы часть того, что он сверх всякой меры вложил и продолжает вкладывать в создание общего национального богатства страны и 2) опору не на стихию рынка, не наспех принятый набор скоропалительных и хаотичных мер по осуществлению аграрной реформы, а на ее системное целенаправленное проведение в полном соответствии с базовыми принципами социального рыночного хозяйства: действительной личной свободой крестьянина, его экономической дееспособностью, социальной справедливостью. К сожалению, ни того, ни другого не было сделано, или все сводилось к намерениям, декларациям, в лучшем случае полумерам, что, прежде всего, негативно сказалось на социально-экономическом положении работников сельского хозяйства, особенно рядовых, непосредственных производителей.

С началом рыночных реформ многим и прежде всего самим реформаторам казалось, что определяя стратегию преобразований в общем русле замены присущих административно-командной системе методов принуждения методами экономического регулирования как бы автоматически происходит выход на указанные принципы. Крестьяне получали свободу в выборе организационно-правовых форм хозяйства, отменялась монополия государства на землю, которая (правда, в форме эфемерных земельных долей) распределялась в собственность работников бывших колхозов и совхозов, плановые задания по закупкам сельскохозяйственной продукции заменялись ее реализацией на свободном рынке и т.д. Поэтому предполагалось, что уже все это должно было бы на необходимую высоту поднять социальный статус крестьянина и коренным образом улучшить его общее социально-экономическое положение.

Но в процессе рыночного реформирования важно было выбрать еще и такие методы хозяйствования и управления жизнедеятельностью на селе, которые бы способствовали этому улучшению. На деле выбор этих методов, в том числе с построением нынешней вертикали власти с ее «административным ресурсом» во многом оказался неудачным, не соответствующим задачам этого улучшения. Находясь в тисках монопольного окружения, крестьянин остается тем же донором, безропотным исполнителем предписаний и указаний, а может быть еще и «должником», как утверждал Сталин, за якобы «навечно» полученную от большевиков землю. В сочетании со стихийными или монополистскими проявлениями на рынке это неизбежно порождало негативные последствия в условиях жизни и труда крестьянства, и, в конечном счете, породило масштабный провал в самом производстве, общее кризисное состояние сельского хозяйства.

Конечно, этот провал можно и далее восполнить беспрецедентными за всю российскую историю закупками за рубежом. Но нет потребности говорить о крайней ненадежности продовольственного импорта, и в части

поставок, и в отношении качества продукции. Но, если, не считаясь с риском подрыва продовольственной безопасности в рамках такой политики, компенсацию провала в отечественном производстве продукции сельского хозяйства можно перекладывать на зарубежных фермеров, осуществляя тем самым их поддержку, то исправлять удручающее положение в социальной сфере села придется самим, иначе сельское хозяйство страны будет обречено на полный развал. На повестке же дня осуществление объявленной общегосударственной стратегии модернизации страны, а без возрождения и модернизации социальной сферы и всего сельского хозяйства системная реализация этой стратегии практически невозможна. Отсюда нет иного пути для выхода из тупиковой ситуации как на основе широкого народнохозяйственного подхода к переориентации аграрной политики на осуществление в приоритетном порядке комплекса организационно-экономических мер по радикальному преобразованию социальных условий жизнедеятельности на селе при необходимом для этого ресурсном обеспечении. На сегодняшний день реальная ситуация такова, что именно вследствие отсутствия или убожества этих условий на обширной сельскохозяйственной территории уже вообще нет признаков крестьянской жизнедеятельности, некому даже вести обывательские разговоры о модернизации.

Пока в практике государственного управления и регулирования сельского развития такой приоритетности и такой переориентации не наблюдается, а в аграрной политике по этому ее направлению преобладают полумеры или общие замыслы и пожелания, противоречивые «установки». В известной статье Президента РФ Д.Медведева «Россия, вперед!» говорится, что село, его социальная сфера является и «всегда будет оставаться нашим приоритетом», иначе говоря, предпочтением, первейшей обязанностью государства. Наоборот, бывший Министр финансов А.Кудрин в принципе придерживаясь догмы о сельском хозяйстве, как «черной дыре» при подготовке и обсуждении бюджета страны на 2010 г. «указал», что

социальные проблемы села для нас вообще «менее важные». В полном соответствии с этим указанием и без того эта символическая составляющая в целом мизерного по своим параметрам аграрного бюджета была основательно сокращена. В итоге по своему социально-экономическому положению российский крестьянин так и остается «полуперсоной», что подтверждается соответствующими сравнительными показателями, характеризующими главное в этом положении – условия жизнедеятельности в деревне.

Уровень жизни сельского населения и до нынешних реформ остававшийся крайне низким и существенно отстающим от городского уровня за годы рыночных реформ по ряду важных показателей заметно упал. Возросло отставание от города и в общих социальных условиях жизни в сельской местности, хотя в утвержденной Правительством в 2002 г. Федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2012 года», принятом в 2006 г. Национальном проекте «Развитие АПК» и в «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 гг.», других правовых и нормативных актах, декларировались решительные и масштабные сдвиги в этом определяющем для возрождения сельского хозяйства направления аграрной политики.

На деле таких сдвигов не произошло. Наоборот, если среднедушевые располагаемые доходы сельских домохозяйств на одного их члена в 1990 г. достигали почти 8/10 от городского уровня, то в 2000 г. они снизились до 69% и в 2010 г. до 62%. Среднемесячная оплата труда за этот период с 95% к среднему по экономике уровню снизилась до 50,9, оставаясь самой низкой в стране. При повышении с января 2009 г. МРОТ (минимальный размер оплаты труда) до 4330 рублей удельный вес работников сельского хозяйства с заработной платой ниже этого уровня составил 1/3 при значительных суммах задолженности по оплате труда. В селе самый низкий размер пенсий.

Бедность, неизбежно подрывающая, а в крайнем своем выражении все более разрушающая трудовой и генетический потенциал нации в нынешнем российском селе, остается массовым явлением. За ее порогом по денежным доходам находится более половины сельского населения. Практически сейчас бедность «концентрируется» в сельской местности, на которую приходится 40,4% всего малоимущего (по располагаемым ресурсам) населения России при том, что на долю села приходится 27% его общей численности в стране.

Определенные позитивные изменения произошли в газификации, жилищном и других видах строительства в сельской местности. Однако в целом ситуация в социальной сфере села, в общих условиях жизнедеятельности в деревне остается крайне неблагоприятной, что не только исключает возможности серьезной модернизации сельского хозяйства, но вообще вызывает серьезную тревогу за будущее отрасли. Гигантские агрохолдинги, деятельность которых далеко небезупречна, особенно в отношении эффективности, капиталоемкости, фондоотдачи, прав собственности работников, особенно земельной, оптимальности размеров, не спасают положения и как советские «маяки» они часто служат больше для престижа местных властей, показа высокому начальству с целью иллюстрации якобы общего благополучия в сельском хозяйстве. К тому же курс на распространение сверхкрупных предприятий (фактически новых латифундий) является крайне высокозатратным, что наряду с организационно-экономическими изъянами функционирования, громоздкостью управления делает бесперспективным их массовое распространение.

В основной же массе СХО отсутствует сколько-нибудь удовлетворительная система оказания медицинских, культурных и торгово-сбытовых услуг, нет современных образовательных учреждений. С жильем положение несколько лучше, хотя село все более отстает от города по вводу жилой площади на 1000 чел. населения. По данным социологических

обследований 58% сельских жителей, в том числе 70% молодежи до 30 лет, нуждается в серьезном улучшении жилищных условий.

При этом надо иметь ввиду, что имеющийся сельский жилой фонд характеризуется весьма низким качеством, состоянием внутреннего благоустройства. В основной части этого фонда нет элементарных коммунальных удобств. Водопроводом оборудовано 42% сельского жилищного фонда, центральным отоплением – 44%, канализацией – 32%, горячим водоснабжением – 20% площади сельских жилых помещений.

Сеть участковых больниц по сравнению с 1990 г. сократилась на 1994 единицы (41%), фельдшерско-акушерских пунктов – на 3408 единиц (7%). На 10 тыс человек в сельской местности приходится 55 больничных коек (в городской – 133 койки), обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями в расчете на 10 тыс жителей на селе в 2,3 раза ниже, чем в городе. Само состояние, оборудование сельской медицинской сети поистине плачевное.

Обеспеченность сельского населения врачами по сравнению с городским меньше в 4,7 раза, а средним медицинским персоналом – в 1,9 раза. Количество школ и других сельских общеобразовательных учреждений сократилось на 6,6 тысяч. Сеть физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений сократилась на две трети, их единовременная пропускная способность составляет 10-15% норматива.

Количество сельских клубов и домов культуры сократилось на 26%, библиотечный фонд села уменьшился на 71 млн экземпляров (17 процентов). В расчете на 1 тыс сельских поселений приходится 327 клубных учреждений против 410 в 1990 году. Число школ уменьшилось на 12 тыс (25%), детских садов – на 21,5 тыс (53%), клубов – на 19 тыс (30%). Более половины детей на селе не охвачено дошкольным воспитанием. В целом детство, которому посвящена, по сути, основная часть последнего послания Президента РФ Д.А.Медведева и состояние которого в стране вызывает общенациональную

тревогу, в сельской местности является особенно неустроенным, неуютным, обделенным.

Из-за недостаточных объемов строительства и проводимого в условиях неразвитости дорожной сети, мобильных и дистанционных форм обслуживания, курса на концентрацию сети объектов образования, здравоохранения, культуры снижается территориальная доступность сельскому населению образовательных, медицинских, культурных, торговых, бытовых услуг. Обеспеченность сельского населения на 10 тыс жителей амбулаториями – 35% от городского уровня. Одна треть сельских населенных пунктов с численностью населения до 100 человек не охвачена ни стационарной, ни мобильной формой торгового обслуживания, бытовой сервис почти полностью разрушен. Остро стоит проблема обеспечения жителей села питьевой водой, выбытие водопроводных сетей из-за плохого технического состояния опережает их ввод.

Основная масса сельского населения живет в условиях ограниченного информационного поля или вообще находится в информационной изоляции. В одной трети сельских поселений отсутствует телефонная связь. Телефон в доме имеет только 27% сельских семей. Нетелефонизированными остается почти половина организаций социальной сферы и торгово-бытового обслуживания.

Из-за бездорожья и нехватки автобусного парка 64,3 тыс сельских поселений остается без автобусного сообщения. Около 1/3 сельских поселений еще не имеют подъездов по дорогам с твердым покрытием. Несмотря на это, ввод местных, ведомственных и частных автомобильных дорог с твердым покрытием сократился за 2000-2007 гг. в 3 раза – с 5953,3 км в 2000 г. до 1960,7 км в 2007 г. и продолжает находиться на крайне низком уровне.

В период между двумя последними переписями населения российское село утратило 10,7 тыс населенных пунктов. Растет число поселений, не имеющих постоянных жителей. Угрожающие размеры приняла

алкоголизация сельского населения, являющаяся во многом следствием безработицы, бедности и состояния безысходности. За последнее десятилетие потребление алкоголя, в т.ч. суррогатного на 1 члена сельского домохозяйства в сопоставимых ценах выросло вдвое и в целом значительно превышает городские показатели. При этом наибольший рост расходов на алкоголь отмечается в наименее обеспеченных семьях, что является причиной высокой смертности сельского населения. Причем наиболее высокий уровень смертности (более 20 промилле) в областях Центрального федерального округа, а также в Республике Карелия (22), Ленинградской (20,4), Нижегородской (23), Новгородской (26,3) и Псковской (28,2) областях. Село «устойчиво» опережает город по случаям суицида на 1000 человек населения, в том числе в фермерских хозяйствах из-за барьеров в сбыте их продукции, диспаритета цен, невозможности расплачиваться по кредитам, рекета и т.д. – той же безысходности.

Предпринимаемые меры по добровольному переселению на село соотечественников, проживающих за рубежом, и стимулированию внутрироссийской миграции пока не оказывают серьезного влияния на оздоровление до предела деградированной демографической ситуации в сельском хозяйстве.

Продолжает ухудшаться половозрастная структура сельского населения. На начало 2010 г. на 1000 мужчин приходилось 1112 женщин против 1098 в 2000 г. Обращает на себя внимание набирающая силу тенденция снижения удельного веса населения моложе трудоспособного возраста. Если в 2000 г. удельный вес этой группы составлял 22,9%, то на начало 2010 г. – 17,9%.

Интенсивность выбытия населения из сельской местности, в том числе молодежи, в последние годы несколько уменьшилась, однако, его масштабы остаются большими. В 2007 г. из села выбыло 747,9 тыс чел., на долю молодежи приходится 45,9%, в 2010 г. соответственно 721,3 и 47,8%.

Всероссийская перепись населения показала, что процесс обезлюдения сельских территорий России, хотя и несколько меньшими темпами по сравнению с предыдущим переписным периодом, продолжается. Число сел, не имеющих постоянных жителей, увеличилось на 40% и достигло 13,1 тыс, и продолжает расти, достигая в ряде регионов 40-50%.

В структуре сельского расселения увеличилось число мельчайших (с числом жителей до 10 человек в основном стариков, нетрудоспособных) и крупных (свыше 2 тыс человек) при сокращении сети поселений во всех остальных группах людности. Количество мельчайших поселений возросло на 13 тыс (63%), их удельный вес повысился с 15 до 24%, количество крупных увеличилось на 230 (8,6%), а их удельный вес – с 1,9 до 2,0%. Все это, как и многое другое свидетельствует о серьезной деградации сельской социальной сферы, а вместе с тем и его трудового потенциала, главной производительной силы деревни, что прежде всего определяет общую отсталость, низкую эффективность и конкурентоспособность сельского хозяйства, его фактическую неспособность обеспечить продовольственную безопасность страны за счет отечественного производства.

Можно ли, после всего этого, не вдаваясь в сравнение с прошлым, «с гордостью» сказать, что на лицах российских, как швейцарских, немецких, голландских, норвежских и т.д. крестьян есть видимые признаки «печати здоровья и силы»? Как видно, пока эти лица выглядят бледно с выражением апатии и безысходности. Тающие запасы жизненной энергии и инициативы у нынешних селян уходят в занятие своим приусадебным семейным хозяйством, которым они не столько живут, сколько в основном выживают. В этих условиях городское население страны обречено на потребление обильно приправленных нитратами и прочими раздражителями и аллергенами огромного количества голландских, израильских и прочих импортных овощей, картофеля, фруктов, а также замороженного и залежалого мяса, рыбы, молочной и другой продукции, завозимой со всех концов мира. После всего этого при наличии огромных потенциальных

возможностей России самой (как это было в начале XX в.) кормить себя и еще половину Европы, согласно пословице, «стыдно людям (читай: мировому сообществу) в глаза смотреть».

Всякие же полумеры, декларации и разговоры о приоритетном значении сельского развития пока больше словесная риторика, уводящая от действительной системной модернизации страны. Россия не выйдет на такую стратегию модернизации, пока и далее будет напоминать хромающего путника, на одной ноге которого сапог (хотя и изрядно поношенный, судя по состоянию ЖКХ, дорожно-транспортной системы, технологического уровня промышленных отраслей и т.д.), а на другой – крестьянской – прохудившийся лапоть.

На фоне рассмотренной удручающей ситуации в социальных условиях жизнедеятельности большинства сельского населения, а в связи с этим непосредственно в производстве подавляющего числа особенно мелких и средних, да и многих крупных хозяйств встает вопрос о более предметной и всесторонней общественно-политической оценке проводимой в стране аграрной политики в целом и социальных обязательств государства перед российским крестьянством в особенности.

2.2. О социальных обязательствах государства перед крестьянством: объективные требования и фактическое обеспечение

Судя по выступлениям ответственных персон системы государственного управления сельским хозяйством и АПК в целом, можно подумать, что в последние годы государство взяло высокие обязательства по социальному развитию села и что они успешно выполняются, а в ряде направлений даже перевыполняются. В качестве доказательства обычно приводятся данные о результатах реализации Федеральной программы «Социальное развитие села до 2010 года», Национального проекта «Развитие АПК», «Государственной программы развития сельского хозяйства и

регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы».

Действительно, например, в Национальном докладе о ходе реализации этой программы в 2008 г. дается иллюстрация о значительном (на 43,1%) перевыполнении финансового обеспечения социальной и инженерной инфраструктуры села. На 43,3% перевыполнено задание по капитальным вложениям на развитие социальной сферы. Показано перевыполнение отдельных целевых индикаторов по конкретным направлениям социального развития села: газификации жилья на 4,4%, обеспечению сельского населения питьевой водой – на 3,3%, вводу и приобретению жилья для селян – на 18,2% и т.д.

Выполнены, а по отдельным направлениям социального развития перевыполнены, правда, «откорректированные» в сторону снижения, целевые индикаторы этого развития. Однако отдельные важные направления, в т.ч. по строительству жилья, из-за свертывания финансирования выполнены лишь частично или вообще не достигнуты, например, по располагаемым ресурсам сельских домохозяйств. 2009-2010 гг. в этом отношении еще менее «показательны». Несмотря на происшедшее резкое сокращение ресурсного обеспечения социального развития села эйфория по поводу чуть ли не масштабных «плановых» обязательствах государства по этому развитию в последние годы судя по ведомственным отчетам, публикациям в печати заметно не ослабевает. Раздаются лишь отдельные призывы «восстановить» финансирование в соответствии с запланированными показателями Госпрограммы.

А что же представляют из себя эти показатели и какова роль государства в их финансовом обеспечении, если вспомнить, что в соответствии с законом «О социальном развитии села» (1990 г.) на сельское хозяйство, в т.ч. социальную сферу необходимо выделять 15% национального дохода, а принятым затем законом «О государственном регулировании агропромышленного производства» предусматривалось, что

основным источником такого обеспечения должен быть *федеральный бюджет*? Ответ на это вопрос свидетельствует лишь об одном: настоящий научный подход к социальным обязательствам государства перед крестьянством, которому следуют развитые страны современного мира, подменяется «рассмотрением» или комментариями по поводу использования того, что оно «дает» сельскому хозяйству в форме консолидированного аграрного бюджета, фактически по тому же «остаточному» принципу, какой применялся в советских колхозах. Но при этом не приводится сопоставления с тем, какой *вклад* делает крестьянство в создание национального дохода страны, на 9/10 перекачиваемого из отрасли в пользу того же государства и субъектов монопольного окружения отрасли: переработчиков, торговцев, посредников, перекупщиков, спекулянтов и т.д. Здесь ситуация как две капли воды напоминает существовавшую на знаменитом необитаемом острове, когда один мужик накормил оказавшихся там двух генералов, отчего последние сделались «белыми и веселыми», за что пожаловали своего кормильца, этого «тунеядца рюмкой водки, да пятаком серебра».

Отсюда подлинно научный анализ содержания и параметров социальных обязательств государства перед крестьянством, равно как и объективную оценку проводимой аграрной политики, надо начинать не с того, что ему *дают*, а с того, что он создает и сколько у него *забирают* дающие, возвращая остатки от добытого тяжелым трудом генеральского пирога. Как показывают расчеты по структуре стоимости товарной продукции сельского хозяйства в розничных ценах за 2007-2010 гг., ежегодно в пользу государства и подотчетных ему субъектов монопольного окружения сельского хозяйства через ножницы цен, другие каналы из отрасли «перекачивается» и используется на другие цели и приоритеты 1,2-1,3 трлн руб. созданного в отрасли валового дохода. *Такого фискального бремени не испытывает в стране ни одна другая отрасль, ни одна другая группа населения*. В 2010 г. эта цифра была несколько меньше, примерно 1 трлн руб., но все равно возвращена через аграрный бюджет все та же 1/10 этой

суммы – 107 млрд руб., в т.ч. непосредственным производителям менее 30 млрд руб. На социальное развитие выделено около 20 млрд руб. (примерно по 500 руб. на сельского жителя).

В 2008 г. в связи с некоторым «перевыполнением» сверхскромных, символических обязательств государства по развитию сельской социальной и инженерной инфраструктуры ее общее финансирование составило 43 млрд рублей. Но что это за обязательства, если на сельского жителя приходится около 1 тыс рублей и что можно сделать для улучшения условий жизнедеятельности, крестьянского быта за эти деньги? Причем в финансировании объектов социальной сферы федеральный бюджет участвовал на 18,6% (менее 200 руб. на сельского жителя) тогда как при важнейшем общенациональном значении проблемы именно федеральный центр должен взять на себя основную долю финансирования, на что ориентировал упомянутый выше Закон «О государственном регулировании агропромышленного производства», имея ввиду и общие бюджетные назначения на развитие сельского хозяйства.

Доля аграрной составляющей всего бюджета страны за последние годы составляет менее 1,5% на 27% сельского населения (против, например, 12% в Республике Беларусь), что в обобщающей форме характеризует декларативность нынешних реальных социальных обязательств государства перед российским крестьянством. А если учесть, что непосредственному производителю достается лишь ¼ аграрного бюджета (остальное идет на содержание управленцев, обслуживающих структур, поддержку Россельхозбанка, Росагролизинга и т.д.), то встает вопрос, а что это вообще за обязательства и не сводится все в основном к общему разговору вокруг них?

Сокращение и без того символической, «остаточной» доли аграрного бюджета России в последние 2 года до примерно 3 тыс рублей или 100 долларов на сельского жителя (для сравнения: в развитых странах Запада этот показатель достигает 3-5 тыс долларов и более, как например, в

Норвегии, где господдержка составляет в расчете на сельского жителя около 30 тыс долларов) в экономическом блоке правительства объясняют условиями кризиса, дефицитом бюджета. Но экономическим кризисом были охвачены и другие страны, в т.ч. например США. Однако правительство страны не пошло на сокращение аграрного бюджета, а наоборот увеличило его (за 2008-2010 гг. его сумма возросла с 92,9 до 134,2 млрд долларов). Эта сумма не включает 5 млрд долларов, выделенных Администрацией малого бизнеса США для развития сельского предпринимательства и 10 млрд долларов, израсходованных Министерством транспорта на строительство сельских дорог, т.е. всего господдержка сельского хозяйства страны составила 149,2 млрд долларов, в 1,5 раз больше чем в 2008 г. У нас при почти сопоставимой численности сельского населения бюджетные назначения на «развитие» аграрного сектора снизились с 5 до 3,5 млрд долларов.

Вследствие монопольного окружения сельского хозяйства, несовершенной, а то и явно недобросовестной конкуренции на рынке, судя по доле отрасли в конечной цене на продовольствие, «перекачка» имеет место и в других странах. Но там государство, следуя принципу социальной справедливости, компенсирует потери сельского хозяйства в объеме до 40 и более процентов стоимости продукции отрасли (в Норвегии около 60%). В России эту компенсацию в размере около 5% нельзя рассматривать иначе как подачку бедному родственнику, афишируя ее как якобы «выполнение» социальных обязательств перед крестьянством. Отсюда прямо противоположные изменения как в социально-экономическом положении занятых в сельском хозяйстве, так и в технологии и уровне сельскохозяйственного производства. О какой его модернизации может идти речь при такой бюджетной политике в отношении села и аграрной политики в целом, прежде всего ее социальной составляющей?

Для оправдания изъянов этой политики в других ее решающих направлениях, особенно ценообразовании и ценовом регулировании могут

сказать, что «экономия» на бюджетных назначениях для сельского развития, потери СХО от диспаритета цен как бы «компенсируются» действующей системой кредитования сельхозпроизводителей. В 2008-2010 гг. помимо средств прямой бюджетной поддержки сельскому хозяйству были предоставлены значительные заемные средства с субсидированием процентной ставки на 80%, а по инвестиционным кредитам для животноводства на 100%. При этом в Национальных докладах о ходе выполнения Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг., в выступлениях ответственных работников аграрного ведомства, Россельхозбанка и т.д. ничего не говорится об эффективности и финансово-экономических последствиях действующей системы кредитования сельского хозяйства. Повторяется лишь, что оно льготное, а как оно влияет на материальное положение крестьянства, на экономику отрасли, в какой мере стимулирует ее развитие, как правило умалчивается.

На самом деле прямую и основную выгоду от этой системы имеют банки, которым государство компенсирует затраты на субсидирование процентной ставки рефинансирования Центробанка РФ и не случайно в условиях нынешнего мирового кризиса Россельхозбанк, другие российские банки оказались лидерами по бонусам, выплачиваемых своим сотрудникам (19% против 3-7% в ряде других стран). То же самое по товарному кредиту, о чем свидетельствует соотношение вознаграждений работников «Росагролизинга» с заработками крестьян (разница в 10-15 и более раз).

Что касается СХО, всех других сельских заемщиков, то и субсидируемые кредиты с процентными начислениями надо возвращать, а это значит, что в итоге реальной господдержкой сельского хозяйства являются лишь, показанные выше, урезанные до социально недопустимого предела суммы аграрного бюджета (в среднем за последнее время около 4,3 млрд долларов в год при сумме «перекачки» около 40 млрд долларов). Средств для такого возврата у большинства СХО нет и многие из них берут заемные средства заранее не рассчитывая на возможности их возврата.

По этим причинам сельское хозяйство оказалось в глубокой и безвылазной долговой яме, по сути являющейся признаком фактического банкротства всей отрасли. Кредиторская задолженность сельских товаропроизводителей в 2010 г. достигла почти 1,5 трлн рублей, тогда как выручка от реализации всей сельскохозяйственной продукции составила 1,09 трлн руб., а вся прибыль как главный источник погашения кредитов (рассчитанная при включении в издержки производства вдвое заниженной оплаты труда работников сельского хозяйства) составляла 82,2 млрд рублей.

При сопоставимом, общественно необходимом уровне этой оплаты отрасль фактически убыточна, причем само занижение оплаты, как прямое следствие «перекачки», перечеркивающей принцип социальной справедливости по отношению к крестьянству, подрывает мотивацию производительного труда, снижает трудовую активность, ведет к оттоку из села трудоспособного населения, особенно молодежи. Поэтому при строго научным, широким народнохозяйственным подходом к проблеме, показываемая официальной статистикой рентабельность сельскохозяйственного производства с учетом субсидий и компенсаций есть фикция, своего рода «обман зрения».

Можно, конечно, как в советских колхозах вообще ничего не платить за труд или «выдавать» копейки, тогда нетрудно конструировать еще более высокую рентабельность, какой она должна быть при сопоставимой оценке оплаты труда в СХО и по имеющимся расчетам составлять не ниже 20%. Но на искаженных воспроизводственных пропорциях обусловленных проводимой ценовой, бюджетной, кредитной, налоговой и в целом нынешней аграрной политикой складывается ложное представление о действительном социально-экономическом положении российского крестьянства. Если при оценке этого положения опираться на приведенные расчеты и сопоставления, характеризующие масштабы этих искажений, прежде всего и особенно в социальной составляющей этой политики с соответствующим ресурсным обеспечением, то нетрудно представить грядущие непредсказуемые для села

и всего сельского развития последствия. Особую тревогу вызывают процессы деградации главной производительной силы – трудового потенциала российского села.

О степени этой деградации свидетельствуют результаты проведенного в 2010 г. социологического исследования условий и образа жизни селян в одном из районов Белгородской области, которую российские власти ставят позитивным примером в развитии сельского хозяйства. Многолетнее пребывание в состоянии «забитости и одичалости» привело к минимизации или вообще отсутствию необходимых для нормальной жизнедеятельности материальных и эмоциональных потребностей у этих людей. Каждый второй из опрошенных сказал, что ему не нужен туалет в доме. Двадцать восемь процентов не видят необходимости в душе, тридцать пять – в легковом автомобиле. Шестьдесят процентов ответили, что не стали бы расширять свое личное подсобное хозяйство, даже если бы представилась такая возможность. Такое же количество, шестьдесят процентов, открыто признались опрашивающим, что не считают воровство зазорным. А сколько еще просто постеснялись об этом сказать! При этом значительное число «неворующих» отметили, что им просто нечего красть. Более половины опрошенных констатировали, что «они такие, какие их сделала жизнь».

Оказалось, что нет и лидеров, с которыми опрошенные могли бы начать активную трудовую деятельность. Пять процентов в принципе готовы к предпринимательской деятельности, но прогнозируют очень негативную реакцию окружающих на свои действия и не решаются включаться в эту деятельность.

Обследование, проводившееся группой ученых под руководством доктора экономических наук, профессора Высшей школы экономики А.Этендиева показало, что в среднем каждая девятая – десятая опрошенная семья живет на уровне нищеты (из нескольких стандартных вариантов ими выбран ответ «Живем очень бедно, не всегда даже едим досыта»), пятьдесят девять процентов просто бедны («Слава Богу, кое-как концы с концами

сводим, скромно питаемся, одеты в прочное, но старое, новую одежду и что-нибудь в дом почти не приобретаем – нет средств»). То есть уровень жизни семидесяти процентов опрошенных сельских семей оказался неудовлетворительным.

При этом преобладающая в среде мотивация – неопределенно-мечтательная. На вопрос, стремятся ли они к достижению более высокого уровня жизни, осуществляют ли для этого необходимые усилия, каждый второй выбрал ответ: «Мечтаем, надеемся, что как-нибудь положение улучшится». Смирение с нынешним положением и покорность сложившейся судьбе высказала треть опрошенных. И только каждый пятый имеет в каком-то виде достиженческую мотивацию, стремление за счет дополнительных серьезных усилий улучшить свою жизнь. И все это наблюдается в более «благополучной» по уровню сельского развития Белгородской области. А что тогда говорить о духовно-нравственном состоянии и стремлению к созидательной творческой деятельности людей, проживающих на обширных сельских территориях других регионов, даже центра России? Здесь крестьяне особенно подвержены тяжелому недугу – бедности, по степени которой российское село в целом неизменно занимает «приоритетное» положение со всеми ее негативными последствиями.

2.3. Сельская бедность в России: причины и последствия

С распадом первобытной родовой общины, возникновением частной собственности и становлением рыночных отношений относительно уравнительное материальное положение человека, закономерно трансформировалось в различные социальные характеристики. На исторической арене общественного развития особое, прочное, и перманентно воспроизводимое место заняли бедные слои. И как бы не старались государственные структуры, благотворительные и другие общественные организации «бороться» с бедностью, она постоянно воспроизводится в

более или менее значительных масштабах, в том числе в благополучных странах. Если предлагаемые специалистами в области измерения уровня бедности далеко неоднозначные показатели свести к какому-то среднему нормативу[8], то сейчас на земле бедных не менее 2-х миллиардов и существенное сокращение этой доли представляется весьма проблематичным, хотя количественные характеристики черты бедности, во всяком случае, в ближайшей исторической перспективе по многим странам и в мире в целом, очевидно, будут повышаться.

При всей внешней простоте, очевидности понятия «бедность» предметное научно-методическое и непосредственно аналитическое его раскрытие вызывает много вопросов, требующих непростых ответов. Бедность (равно как и богатство) проявляется не только в материальном положении человека, групп людей, населения страны в целом, но и в духовности, умственном, интеллектуальном состоянии, в соответствующем качестве «человеческого фактора», во многом предопределяющем тот же уровень жизни или материального благосостояния, отражающегося в понятиях бедности, нищеты, богатства. Возникает вопрос: как (и нужно ли) синтезировать эти стороны или слагаемые бедности (соответственно богатства) в какое-то обобщающие выражение.

Если бедность исследуется лишь только с точки зрения уровня материального благосостояния, то, прежде всего надо четко определиться в критериях и показателях его количественного выражения. Здесь встает вопрос: необходимо ли ориентироваться на какие-то глобальные, общемирового уровня оценки и расчетные данные (в калориях питания, в сопоставимом денежном выражении прожиточного минимума и т.д.) или довольствоваться показателями внутристрановой дифференциации материального благосостояния. Бедный, например, в Эфиопии и в Швеции,

[8] На международной научно-практической конференции «Сельская бедность: причины и пути преодоления» (2009 г.) доля бедных от общего числа проживающих в селе жителей у некоторых выступавших различалась в диапазоне от 39 до 51%. По разному оценивается доля бедных и в целом по России (от 22 до 30 и более процентов). Условность измерения уровня материального благосостояния, в т.ч. степени бедности, часто связана со склонностью людей занижать свои доходы.

или в КНДР и Южной Корее далеко не одно и то же. Мы уже не говорим об условности исходной общей черты уровня этого благосостояния, ниже которого человек, население рассматриваются как бедные, равно как и о том, что сам уровень бедности имеет определенную градацию. Например, большевики души не чаяли в своей «опоре» – бедноте, но особенно им импонировала ее маргинальная прослойка – «беднейшее крестьянство», абсолютно неспособное по-хозяйски трудится, но зато всегда готовое разделаться со своим трудолюбивым, а поэтому, зажиточным или богатым соседом.

И здесь, естественно, встает главный вопрос, т.е. вопрос о самой природе и причинах бедности людей, как в свое время перед А.Смитом встал вопрос о природе и причинах богатства народов. Актуальность этого вопроса состоит не только в его исключительной социально-экономической важности и, соответственно, выработке строго дифференцированных мер политики государства по его (в пределах возможного) решению. Он важен (как и ответы на него) и с нравственных, этических позиций отношения к человеческой бедности. По А.Н.Островскому «бедность – не порок», а по П.А.Столыпину бедность – «худшее из рабств».

При всей значимости проблемы бедности, а главное сокращения ее масштабов, (говорить о ликвидации бедности в условиях ограниченности и истощения ресурсов и неоднородности «человеческого фактора» вообще не приходится) в авторитетных энциклопедических изданиях само понятие бедности часто не является предметом того внимания, которого оно заслуживает. В толковом словаре В.Даля также нет специального определения понятия бедности, однако, объясняя сущность богатства, он дает краткое, но предметное, достаточно всестороннее объяснение, как природы, так и причин этого проявления состояния человеческой жизнедеятельности.

Богатство по Далю это «множество, обилие, изобилие, избыток, излишество» с разграничением материальной и духовной, интеллектуальной

сторон обладания людьми этими проявлениями и признаками. С одной стороны, это степень достаточности, материального благосостояния, а, с другой – богатство мыслей, знаний, причем последнее крайне важно для объяснения одной из главных причин бедности имущественной, материальной. Как противоположное богатству бедность Даль определяет как недостаток, убожество, нищета (последней, как «крайней бедности», посвящено отдельное толкование) с конкретизацией признаков, вплоть до «бедного воображения» (глупому сыну богатство не в помощь; богатство ум и труд рождают; богатый – ума купит, а бедный и свой бы продал, да не купят и т.д.).

Следовательно, если говорить о природе и причинах бедности (равно как и богатства) с точки зрения материального благосостояния, то, прежде всего, оно кроется в как физическом, трудовом, так и в умственном потенциале самого человека. С другой стороны, уровень этого благосостояния зависит от экономической и социальной политики государства, от умственного богатства «государя», представителей власти. Оценивая реформаторскую деятельность Петра I, В.О.Ключевский не без основания заключает: царь сделал «государство сильным, а народ бедным». В другом месте он говорит, что, выжимая из человека все возможное и невозможное во имя достижения своих имперских, амбициозных планов Петр I «разорил страну хуже всякого врага». Небывалых высот в «насаждении» бедности, особенно крестьянской, достигли большевики в процессе так называемых «социалистических» преобразований сельского хозяйства.

Исторический опыт вообще показывает, что бедность становится своего рода «непреложным» преобладающим признаком в условиях социального «нивеляторства», тоталитаризма, определенного свыше различного рода общинного, коллективного, уравнительного образа жизнедеятельности людей с их ограниченными гражданскими правами или при полном бесправии, прежде всего, в вопросах собственности.

Применительно к данной теме можно сказать, что коммунистические идеи были обречены на провал по той простой причине, что вопреки высоким лозунгам грядущего распределения «по потребностям», они ориентировали на всеобщую (за исключением самих идеологов и их слуг) бедность и априори исключали возможность богатства непосредственного человека труда. Для идеологического обеспечения «опоры» на бедноту в 1918 г. была создана специальная газета ЦК ВКП (б) «Беднота», особенно проявившая себя в дискредитации тех, кто проявлял «хозяйственное творчество и волю к усердному и постоянному труду», иначе говоря, трудолюбивых, «культурных хозяев», а потому зажиточных, богатых (по большевистской терминологии – кулаков).

«Во время военного коммунизма, - заявлял один из представителей указанных идей, некто П.Н.Муравьев, - жилось тяжело, мучил голод, даже мороженый картофель считали редким экзотическим фруктом. Но самый остов, самый костяк существовавшего в 1918-1920 гг. строя, был прекрасным, действительно коммунистическим. Все было национализировано, частная собственность вытравлена, значение денег сведено к нулю, а вместо торговли по капиталистическому образцу - в принципе равное для всех распределение, получение материальных благ. Мы осуществили строй, намеченный К.Марксом в его «Критике Готской программы». Нужно было только влить в него материальное довольство»[9]. Ну, а когда был введен для обеспечения этого довольства, НЭП, осуществлена денационализация, свобода торговли, иначе говоря, «реставрация экономических отношений прошлого, многие из нас все это восприняли, и не могли воспринять, как измену коммунизму, явное и открытое отступление от всего того, за что боролась Октябрьская революция»[10].

[9] История отечества в документах 1917-1993 гг. Изд-во «Илби», 1994 г., с. 11.
[10] Там же.

Но многие представители власти (Троцкий, Пятаков и т.д.) рассуждали точно так же. Редактор «Известий» Ю.М.Стеклов, когда услышал призыв Ленина «научиться» у капиталистов торговать, и на этой основе стать если не богатыми, то хотя бы зажиточными, произнес: «я скорее губы себе отрежу, а такого лозунга не выкину»[11]. Троцкий, наиболее увлекшийся насилием и террором, идеями трудовых армий, завинчиванием гаек и т.д., говорил «о громадной опасности, созданной тем, что мы вызвали в свет рыночного дьявола. И кто знает, не придется ли нам каждую пядь нашей социалистической территории отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил?»[12].

Поскольку такой стратегический ориентир новой власти, выразившийся в политике «военного коммунизма», вел не только к экономическому провалу, но и к краху самой этой власти В.И.Ленин сделал поворот (правда, половинчатый) к возрождению хозяйственного инстинкта, к НЭПу. Но вскоре идеи социального нивеляторства, устремления стекловых, муравьевых, как их называл Ленин, «коммунистических дурачков» взяли верх и вновь возобладал ориентир на искоренение «богатого житья», как результата усердного хозяйственного творчества. Порочность этих идей становилась очевидной даже для многих трезво мыслящих членов партии, принципиально отличавшихся от этих дурачков или «косных коммунистов».

Так, в апреле 1927 г. заведующий сырьевым отделом Центросоюза А.Г.Губанов в письме членам Политбюро ЦК ВКП(б) «срочно-секретно» предлагал отказаться от указанной губительной политики, посредством которой «мы закрепощаем производственные возможности сельского хозяйства по линии середняцкого и зажиточного (кулацкого) хозяйства»[13]. В качестве конкретной меры он считал настоятельно необходимым «расширить право найма рабочей силы в крестьянском хозяйстве и создать расширение

[11] Там же, с. 12.
[12] 12 съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1922, с. 321.
[13] Известия ЦК КПСС, 1989, № 8, с. 200.

предельной нормы аренды земли»[14], Поддержка нерадивых, а потому бедных не отрицалась, но предлагалось реализовать ее не путем бесполезной траты государственных средств, а «путем организации колхозов, раскрепощая среднее и зажиточное крестьянство в его индивидуальных производственных возможностях (расширение найма и аренды земли)»[15].

Более определенно политически и конкретно практически ставил эти вопросы в «совершенно секретном письме» И.В.Сталину член коллегии НКЗ, член партии с 1898 г. К.Д.Савченко. Прежде всего, он отмечал, что в результате шаблона в аграрной политике и отказа опоры на сильных, культурных хозяев дела в сельском хозяйстве в смысле его производительности идут «из рук вон плохо и плоше некуда»[16]. По отношению к этим хозяевам, как главной производительной силе отрасли культивируются «принципы ущемительные», тогда как в основе должны лежать принципы предпочтительные, а они применяются по отношению к беднякам, к отстающим, где «как в прорве бесполезно исчезают всякие ресурсы». И это «закономерно», когда ресурсы господдержки «попадают пройдохам - люмпен-бедноте, которые останутся вечно бедными, сколько бы им не помогали, вечно будут клянчить» (что характерно для советских и нынешних «отстающих»). А всякого, имеющего кусок хлеба, клеймят славной кличкой кулака»[17]. Вместо трезвой политики опоры на старательного единоличного крестьянина «ходим вокруг да около - шумим около бедноты, коллективов, коммун»[18].

Еще более откровенно, по-крестьянски, отзывался о проводимой, поставленной с ног на голову, большевистской аграрной политике его брат М.Д.Савченко, в описываемое время владелец середняцкого крестьянского хозяйства в Смоленской губернии.

---

[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же. С. 206.
[17] Там же.
[18] Там же.

«Сказать по правде, - пишет он о своей деревне Дубровке, - ни одного дельного сельского хозяина, просто барахло. А тут для этого есть причины: крестьянство просто разлагается, сводится на нет. Хроническая беднота широко это использует (безделье)... И самый трудолюбивый боится, чтобы не выше середняка быть, но беднота как рыба в воде (паразиты)»[19]. И заключает, что при политике совершенно бесполезной поддержки бедноты и «ущемлении» старательных хозяев «просто делается жутко за будущее деревни»[20].

«Решительный» поворот к новому закрепощению крестьянства произошел с воплощением в жизнь теории якобы «социалистического» преобразования сельского хозяйства. Чем закончились эти преобразования – общеизвестно: по меркам развитых стран почти повсеместной крестьянской беднотой, как следствием потерей людьми права собственности, а значит, и творческой хозяйственной активности.

Правда, пассивную деятельность, а потому бедность «социалистического» да и вообще российского крестьянства, по крайней мере, его большинства, и ранее и сейчас многие объясняют особым российским менталитетом, который, если сделать некоторое обобщение, сводится к работе «спустя рукава», а то и к прямому безделью, тунеядству и прочим проявлениям этой пассивности. Российская специфика, бесспорно, есть, причем не только в сельском хозяйстве и не только в сфере экономики, но она не отменяет фундаментальных общечеловеческих ценностей, единонаправленности мирохозяйственных процессов развития производства, самосовершенствования человека в соответствии с общими объективными закономерностями общественного развития, логически выходящими на современные процессы глобализации, на социально-экономический прогресс, общечеловеческие ценности.

[19] Там же. С. 210. Письмо М.Д.Савченко было М.И.Калининым зачитано на Пленуме ЦК ВКП(б), где творцы рассматриваемой политики отнеслись к нему как к голосу вопиющего в пустыне, с насмешкой.
[20] Там же.

Российская, как всякая иная ментальность с позиций этих закономерностей, поэтому, есть понятие условное. Достаточно вспомнить петровские реформы по «европеизации» всей российской жизни и насаждению, ставшего затем для многих привычного во многом нового менталитета. О большевистских насаждениях «социалистического» менталитета в той же практике аграрных отношений, в хозяйственных формах деятельности, в повседневной жизни и т.д. лучше не вспоминать. Тем не менее, и здесь методы принуждения, введение государственного крепостного права дали свои «плоды» и в привязанности определенного слоя сельских производителей к особому, «советскому», стадному образу жизнедеятельности на земле, соответственно, к равенству в бедности, причем не только материальной. И работали и во многом мыслили одинаково.

Представители идеи об особом менталитете российской крестьянской жизнедеятельности привлекают в качестве «свидетелей» П.Чаадаева, А.Энгельгердта, М.Туган-Барановского, Н.Чернышевского, Н.Бердяева и других видных общественных деятелей, ученых. Но, к сожалению, по недоразумению или осознанно, они обходят непревзойденные по глубине и разносторонности изображения неоднородных проявлений менталитета российского, прежде всего русского народа, творения великого писателя и практика - администратора М.Е.Салтыкова-Щедрина, прежде всего его знаменитую «Историю одного города»[21]. В ней дано глубокое в социологическом, политэкономическом и нравственном отношениях отображение многоликости, неоднозначности, противоречивости проявлений этого менталитета или стати, которую по стихотворной рекомендации якобы «умом не понять», а в нее надо бездумно, «только верить».

В наиболее условно «усредненном» виде эту стать, особый российский менталитет выражал Двоекуров, который проявлял

[21] «Вы чествуете великого диагноста в медицине, - говорил выдающийся физиолог И.М.Сеченов на юбилейном собрании в честь С.П.Боткина, - но не забудьте, что в нашей среде находится теперь другой, не менее великий диагност - это всеми уважаемый диагност наших общественных бед и недугов, Михаил Евграфович Салтыков» (См. М.Е.Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в десяти томах. М. Изд-во «Правда», 1988 г., с. 3).

«проницательный» ум и вообще по утверждению создателя Истории..., этого эпоса «характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобной». Двоекуров «с выгодой» отличался от пестрой толпы администраторов, создавших эти неудобства[22].

Но усилия по просвещению или, по меньшей мере, приданию якобы неизменному «врожденному», лишенному многообразия, российскому менталитету необходимых черт трудового творчества, просвещения во многом оказались напрасными, «загаженными» последующими за Двоекуровым правителями. «Произошло то, - продолжает истинный знаток российской народной жизни, - что всегда случается, когда просвещение слишком рано приходит к народам младенческим и в гражданском смысле незрелым»[23]. А вся замысловатость человеческих действий в этом случае, т.е. в случае выпячивания какого-то окостенелого менталитета, да еще якобы недоступного изменениям, просвещению собственно и заключается в том, чтобы «сегодня одно здание на «песце» строить, а завтра, когда оно рухнет зачинать новое здание на том же «песце» возводить»[24].

Прослеживая проявления этой «замысловатости», М.Е.Салтыков-Щедрин дает характерную иллюстрацию закономерных, «естественных» ее последствий: склонность к праздной жизни, безделью, тунеядству, которое приемники Двоекурова возвели в «административный принцип». Реальная российская история подтверждает и показывает, что «призвание» к тунеядству (в широком понимании этого термина, отражающего неумение или нежелание человека по-настоящему трудится) неизменно «воспроизводится» и при «благоприятных» условиях, даже на расширенной

---

[22] М.Е.Салтыков-Щедрин. «История одного города». М. 1972, с.228.
Эти «неудобные» черты: «благодушие, доведенное до рыхлости, ширина размаха, выражающимся с одной стороны, в мордобитии, с другой – стрельбой из пушек по воробьям, легкомыслие, доведенное до способности не краснея лгать самым бессовестным образом. В «практическом» применении эти черты дают результаты весьма дурные, а именно: необеспеченность жизни, произвол, непредусмотрительность, недостаток веры в будущее». Не наблюдаем ли мы многих из этих «классических» черт сегодня и не только в деревне?

[23] Там же. С. 111.

[24] Это, подчеркивает М.Е.Салтыков-Щедрин «выступает своего рода как непреложный закон политической экономии во всех случаях когда не науки, знания и просвещение, не трудолюбие, а невежество, тунеядство возводится в административный принцип общественного развития» (там же, с. 164).

основе. В художественном максимально приближенном к действительности изображении последствий такого воспроизводства иллюстрируется писателем на примере правления статского советника Грустилова, менталитет которого «отличался нежностью и чувствительностью сердца», а в практической деятельности склонностью к праздной жизни, к тому же «головотяпству».

«Если бы Грустилов, заключает автор, объясняя последствия такой «жизнедеятельности» и, соответственно, одну из главных причин бедности действительно стоял на высоте своего положения, он понял бы, что предместники его, («загадившие» начинания Двоекурова - И.Б.), возведшие тунеядство в административный принцип заблуждались очень горько и что тунеядство, как животворное начало только тогда может считать себя достигающим полезных целей, когда оно концентрируется в известных пределах. Если существует тунеядство, то предполагается само собой, что рядом с ним существует и трудолюбие - на этом зиждется вся наука политической экономии. Трудолюбие питает тунеядство, тунеядство же оплодотворяет трудолюбие - вот единственная формула, которую с точки зрения науки можно свободно прилагать ко всем явлениям жизни. Грустилов ничего этого не понимал. Он думал, что тунеядствовать могут все поголовно и что производительные силы страны не только не иссякнут от этого, но даже увеличатся...

Последствия этих заблуждений сказались очень скоро, уже в 1815 году в Глупове был чувствительный недород, а в следующем году не родилось совсем ничего, потому что сельские обыватели, развращенные постоянной гульбой, до того понадеялись на свое счастье, что не вспахав земли, зря разбросали зерно по целине.

- И так шельма родит! - говорили они в чаду гордыни.

Но надежды их не сбылись, и когда весной поля освободились от снега, то глуповцы не без изумления увидели, что они стоят совсем голые. По обыкновению это явление приписали влиянию враждебных сил и

завинили богов за то, что они не оказали жителям достаточной защиты... Глуповцы в ужасе разбежались по кабакам и стали ждать что будет. Но ничего особенного не произошло. Был дождь, и было ведро, но полезных злаков на незасеянных полях не появилось»[25].

Из всего этого следует, что особый российский, в том числе крестьянский менталитет существует, но не как некий бесцветный монолит, а как совокупность самых различных ценностных ориентаций, включая, разумеется, и отвечающие общечеловеческим ценностям, многие положительные черты. Однако, во-первых, надо давать себе отчет в том, что особо выделенные М.Е.Салтыковым-Щедриным типичные его проявления во многом сохраняются и не соответствуют лучшим «мировым стандартам» и (что особенно важно) нет «особых» российских причин, мешающих приближению к этим стандартам во всех сферах жизнедеятельности, в том числе хозяйственной, экономической. Это полностью относится и к сфере аграрных отношений, крестьянской жизнедеятельности.

Люди вообще, сельские производители, в частности, в самой разной мере привержены к этим ценностям, к цивилизованным, основанным на священном, неприкосновенном и приоритетном праве частной собственности формам и видам активной, творческой жизнедеятельности. Одни, полагая, что их менталитет от бога продолжают, как бы по инерции безмятежно пребывать в бездеятельном «младенчестве» и строить, в том числе свою собственную жизнь, на «песце». Многие из них склонны прятаться за спины других, а часто к обычному безделью, тунеядству (что особенно удобно в условиях общинного, коллективного хозяйствования). Другим, наоборот, такой менталитет глубоко чужд. Они рождены (или воспитаны) строить свою и тем самым всю общественную жизнь на прочном фундаменте трудолюбия, просвещения. А это уже формирует менталитет прирожденного земледельца,

[25] Салтыков-Щедрин М.Е. Цит., соч., с. 164-165. Сказанное, если оставить в стороне его сатирический стиль, в полной мере относится к весьма значительной социальной группе занятых в современном российском сельском хозяйстве - группе маргиналов, в основном вышедших из советской уравнительной системы, в которую не столько вписывалось трудолюбие, сколько безразличие к труду на совместно-ничейной земле, «подпитывавшее» то же самое тунеядство, социальное иждивенчество и т.д.

культурного хозяина, овладевающего, по известному выражению, знанием «всех тех богатств, которые выработало человечество».

Причем в этих, и возможных промежуточных (также различных по менталитету) группах сельских производителей, под влиянием мировой цивилизации, процессов глобализации закономерно происходят изменения к лучшему, более прогрессивному. Даже самый отъявленный бездельник, объективно вынужденный, подобно булгаковскому Шарикову, сам добывать «пропитание» также объективно вынужден впитывать в себя проявления этой цивилизации. Согласно одному из важнейших постулатов философского учения Л.Н.Толстого, он, как и все другие люди вынужден «самосовершенствоваться», иначе такой человек скатывается на дно, пополняет штат бомжей, мелких воров и т.д. Но пределы этого совершенствования всегда ограничиваются врожденными, чисто антропологического характера, качествами, физическими и умственными способностями, стремлением к творческому труду и т.д. Отсюда при данной внешней среде, макроэкономической ситуации перманентно воспроизводится та или иная степень бедности, уровня материального благосостояния, зажиточности, богатства.

Одной из основных причин бедности, являются многодетность семей, физические недостатки людей, связанные с возрастом, инвалидностью. И этот вид бедности не порок. Для его преодоления государство, исходя из бюджетных возможностей в сочетании с благотворительной деятельностью богатых, объективно берет на себя функции повышения материального благосостояния данной группы людей. Это осуществляется через пенсии, пособия, другие социальные выплаты, с ростом которых их благосостояние выводится на уровень экономически и медицински просчитанного прожиточного минимума.

Совсем иной подход необходим по отношению к большой группе трудоспособных сельских жителей, человеческие качества которых не отвечают понятию трудолюбия, стремлению самому повышать свое

благосостояние. Многие из этой категории нынешних сельских жителей вообще считают для себя «удобным» быть бедными. Даже в благополучных в финансово-экономическом отношении хозяйствах, каким, например, является СПК «Мичуринский» Белгородской области, доля их составляет не менее 15 процентов. В личной беседе с одним из «бедняков» этого хозяйства выяснилось, что ему «и так хорошо». Не надо рано вставать, как соседнему фермеру, «забивать» себе голову заботами о повышении личного дохода. В «трезвые» дни имеет заработок («аж до тысячи рублей в месяц»), свой огород, еще «кое-что» (правда, этот источник дохода собеседник не конкретизировал). В заключение интервью, как бы в подтверждение своего статуса бедняка, собеседник намекнул, что ему надо бы «опохмелиться», на что с моей стороны последовала положительная реакция. Очевидно, что бедность этой категории людей (а их немало из сельской молодежи) – порок, и таким хочется сказать: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Но и здесь, государство, исходя из его социальных защитных функций обязано содействовать этому спасению, но уже не столько путем бюджетных выплат, сколько другими мерами экономической и социальной политики, предоставлением, например, возможности иного вида деятельности, вплоть до применения административных мер против тунеядства, пьянства и прочих проявлений соответствующего «менталитета». Масштабы последнего в экономически неблагополучных хозяйствах достигают 50 и более процентов к числу трудоспособных (и в этом главная причина указанного «неблагополучия», т.е. «коллективной» сельской бедности).

В начале нынешних реформ со стороны приверженцев совместно-ничейного землепользования, безынициативной работы в трудовых коллективах типа колхозов и совхозов, раздавались голоса и приводились материалы обследований о том, что большинство сельских жителей не хотят самостоятельно хозяйствовать, выступают против рынка и т.д. Но это естественно. Во-первых, даже творческий, трудолюбивый человек, десятилетия проживавший в таких трудовых коллективах, как в казарме, с

трудом и осторожностью адаптируется к свободной хозяйственной деятельности, даже для этого имеются необходимые экономические условия. Во-вторых, это как раз то большинство, многие из которого не могут, не будут и просто не способны быть эффективными хозяевами-собственниками на земле, т.е., по сути, сами, добровольно хотят оставаться бедными, если им и «так хорошо», или как сказано выше в приведенном социологическом обследовании жизни крестьянских семей Белгородской области «мы такие, какими нас сделала жизнь». Те же из этой категории, кто намерен избавиться от бедности или хотя бы снизить ее уровень могут найти источники в наемном труде у эффективных собственников, в своем приусадебном семейном хозяйстве, в других сферах трудовой деятельности.

Помимо дифференциации природы и причин сельской бедности по категориям занятых и домохозяйств, предполагающей отмеченные селективные подходы в ее сокращении, преодолении до возможных в конкретных условиях пределов в настоящее время сельское население в целом находится на черте, а возможно за чертой бедности (все зависит от обоснованности критериев и показателей измерения ее уровня). Поэтому как приоритетная отрасль, сельское хозяйство в силу его особых условий хозяйствования, повышенного риска и т.д. нуждается в приоритетах при проведении и протекционистской государственной экономической и социальной политики.

Помимо устранения деформаций в экономическом механизме АПК, прежде всего, в его ценовой подсистеме, усиления целевой бюджетной поддержки аграрного сектора в развитии непосредственно производства, необходимы радикальные меры по преобразованию социальной сферы села. В этом отношении меры, предусмотренные «Программой социального развития села до 2010 года», особенно в части ресурсного обеспечения программы, явно недостаточны. А если не будет ощутимых улучшений в части сельского здравоохранения, образовательного, культурно-бытового обслуживания, электро- и водоснабжения, газификации и т.д., то при данных,

низких среднедушевых доходах это приведет к усилению состояния бедности.

Таким образом, «борьба» с бедностью, особенно с сельской, это синтез общих усилий личности и государства по повышению уровня, условий и качества жизни тружеников села, причем политика государства в этой области должна быть строго дифференцирована в зависимости от природы и причин этого социально-экономического явления, и селективно применяется по отношению к соответствующим по уровню материального благосостояния группам людей. Но для этого необходимо совершенствовать и сам научно-методический инструментарий «расшифровки» понятия бедности, количественного определения ее уровня. Пока здесь и, прежде всего, с определением прожиточного минимума как точки отсчета уровня бедности много условного, неясного, субъективного.

Что же касается общей степени сельской бедности, то по ее оценкам на основе принятых методических обоснований крестьянству России в этом, унижающим человеческое достоинство, состоянии по-прежнему принадлежит «пальма первенства». И как бы не влиял на это состояние личностный, субъективный фактор в решающей степени оно зависит от внешних условий, от экономической политики государства. Нынешняя политика властей, к сожалению, практически фиксирует, поддерживает бедность на селе на недопустимо высоком ее уровне, подтверждая тем самым порочные представления о «второсортности», социальной неполноценности крепостного сословия.

Глава III. «Перекачка» или аграрный протекционизм?

3.1. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики

Для недостаточно осведомленного читателя о реальном положении в российской деревне, а тем более для идеологов и ведомственных проводников современной аграрной политики, название данного параграфа может вызвать недоумение. О какой перекачке, социальной несправедливости в отношении жизненно важной отрасли экономики современной России со стороны государства можно говорить, если крестьянин получил от него, разумеется, «в известных пределах» личную свободу, право (правда, больше на бумаге) собственности на землю, даже порочная административно-командная система заменена новой, по замыслу демократической, властной вертикалью, от которой на местах крестьянству часто далеко не легче? Более того, принят Национальный проект «Развитие АПК», в основу которого заложен (и подтвержден в Госпрограммах развития сельского хозяйства на 2008-2012 и 2013-2020 гг.) принцип приоритетной поддержки села, а приоритет и перекачка – антиподы. Поэтому, обобщая итоги выполнения указанного проекта за 2006-2007 гг., бывший Министр сельского хозяйства А.В.Гордеев выявил «главные», по его мнению, достижения: «во-первых, преодоление морального упадка на селе, во-вторых, рост деловой активности представителей многоукладной сельской экономики и, в-третьих, повышение инвестиционной привлекательности отрасли»[26]. Однако при наличии определенных незначительных подвижках со дна масштабного за годы реформ провала аграрной экономики и деградации ее ресурсного, прежде всего трудового потенциала, такая оценка является очевидным ведомственным преувеличением.

Картина, казалось бы, некоторого прогресса в сельском хозяйстве, прежде всего, в увеличении производства продукции за последние годы

[26] Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 2008 г., № 2, с. 1.

стремительно меняется, как только в аналитические разработки вводятся сравнительные показатели межотраслевого и макроэкономического, а тем более международного уровня, абсолютные и относительные параметры, отражающие взаимоотношения отрасли с партнерами по агропродовольственному комплексу, посредниками, государством, бюджетной, кредитно-финансовой, налоговой системами. Достаточно бросить лишь беглый взгляд на сохраняющееся общее болезненное социально-экономическое состояние аграрного сектора (не случайно постоянно поднимался вопрос и принимались решения о его «оздоровлении»), на удручающие показатели сельской демографии и качества человеческого фактора на селе в целом, а также состояние производственно-технического потенциала, земельных ресурсов, социальной и инженерной инфраструктуры, на вызывающие горький осадок сведения об уровне и качестве жизни селян, сельской занятости, трудовой активности, миграции из села трудоспособного населения, беспрецедентных масштабах импорта продовольствия, как возможные недоумения и чиновничьи возражения по поводу названия настоящего раздела сразу полностью отпадают. Глубина деформаций, вызываемых в значительной мере именно продолжающейся масштабной перекачкой созданного в аграрном секторе валового национального дохода, настолько велика, а пресс их давления на сельское развитие настолько тяжел, что последствия этих очевидных явлений (учитывая к тому же нынешние тревожные мирохозяйственные кризисные явления и тенденции на агропродовольственном рынке) неизбежно ведут к возрастанию угрозы не только продовольственной, но и общей национальной безопасности страны.

Из этого следует, что преодоление этих деформаций, являющихся главной причиной сохраняющегося системного аграрного кризиса в России, негативно влияющего на общее социально-экономическое развитие страны, должны рассматриваться как особый, первостепенный приоритет всей экономической и управленческой деятельности государства.

Почему «особым» - это популярно и убедительно давно объяснено классиком: «производство пищевых средств является «*самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще*» (подчеркнуто мною – И.Б.). Чтобы, опираясь на созидательный опыт развитых стран современного мира, на деле обеспечить приоритетную поддержку села и предотвратить эту угрозу надо решительно преодолеть стремления в той или иной форме использовать прямо противоположный, ущербный по своей сути и последствиям опыт «перекачки», т.е. экономически необоснованного, социально несправедливого изъятия до 70-80% созданного нелегким крестьянским трудом валового национального дохода сельского хозяйства в пользу государства, партнеров по АПК, посредников и прочих субъектов плотного монопольного окружения отрасли. Губительные для села последствия перекачки, обычно подменяются внешне безобидным термином «перераспределение», но эта подмена не устраняет этих последствий для аграрной экономики и жизнедеятельности на селе.

Перекачка как экономическое понятие, соответственно, связанные с ним инструменты и акции субъектов монопольного окружения села и прежде всего самого государства по отношению к сельскому хозяйству (ножницы цен, «дань» с крестьянства, его военно-феодальная эксплуатация, сверхналоги и т.д.), возведенная в «закон первоначального социалистического накопления» относят обычно к периоду большевистских экспериментов над российским крестьянством (20-30^{е} годы XX в.). На самом деле массированное, часто запредельное изъятие результатов крестьянского труда имеет глубокие исторические корни и в разное время «обставлялось» различными теоретическими доводами (например, физиократов), а больше фискальными «практическими» соображениями и субъективными интересами власть имущих. Вследствие кажущейся объективности (сельскому производителю, мол, «помогают» даровые силы природы) и не требующей особого напряжения ума «простоты» понимания таких примитивных по сути обоснований и соображений последние были и

остаются привлекательными для проведения соответствующей аграрной политики. Другое дело, что коммунистические правители, вооруженные абстрактными волюнтаристскими идеями, особенно преуспели в масштабах и грубых формах перекачки, что обусловило общую ущербность, социальную и нравственную порочность проводившейся ими аграрной и всей экономической политики, «насаждавшей» государственное крепостное право в деревне.

Элвин Тоффлер, автор известных книг («Метаморфозы власти», «Шок будущего», «Третья волна» и др.) в своем последнем сочинении «Революционное богатство», изданном в 2006 г., обобщая исторические процессы и делая прогнозы общественного развития на будущее (*предсказав нынешний глобальный кризис и его последствия*) обращает внимание на исторические корни и разрушительные, социально аморальные результаты указанной «привлекательности». Он пишет, что «сельское хозяйство не только вызвало к жизни первую волну накопления богатства человечества, но и создало совершенно новый стиль жизни, распространившийся по всему миру. Наличие некоторых излишков (продукции сельского хозяйства – И.Б.) сделало возможным сберегать их на черный день. Но со временем правящая элита… установила контроль над всеми излишками или их частью, т.е. над богатством, позволившим создать государство и оплачивать роскошь правителей. Теперь элита могла строить великолепные дворцы и соборы, охотиться ради развлечения, …затевать войны с целью захвата земель для создания еще больших излишков. Эти излишки позволяли содержать при дворе художников и музыкантов, архитекторов и магов, в то время как крестьяне не доедали или умирали с голоду… Голодные крестьяне шли в города, создавая там маргинализированные слои населения и массовое нищенство. Сегодня образ первой волны (называемой автором «аграрной цивилизацией» - И.Б.) преобладает во многих странах, где крестьяне и теперь работают и живут также, как их предки сотни лет назад».

Однако, подчеркивается в книге, «сегодня Международная организация экономического сотрудничества и развития относит к развитым странам 30 стран с общей численностью населения 1,2 млрд человек. Все они вместе с Россией и другими странами возникли как продукт модернизации – второй волны богатства, распространяющейся по всей планете, расшатывая принципы индустриализма по мере того, как вместе с традиционными факторами производства, такими как земля, труд, капитал, все выше начинают цениться знания»[27]. Именно в этих странах, в которых по оценке Э.Тоффлера решительно отказались от упомянутых поверхностных идей стали воплощаться в жизнь *созидательные идеи, протекционистски ориентированные на обеспечение приоритета, следовательно, инновационного преобразования сельского хозяйства, как одной из фундаментальных основ общего прогресса в экономике и социальном развитии*. Считается, что бремя дополнительных затрат на это обеспечение ложится на государство, но, во-первых, оно укладывается в концепцию объективно обусловленных, социально справедливых взаимоотношений его с сельским хозяйством, находящимся в особых условиях воспроизводства, повышенного риска, низкой инвестиционной привлекательности и т.д., и *в конечном счете отвечает интересам государства и всего общества.* Во-вторых (а это главное с точки зрения рассматриваемой проблемы) доходы сельского хозяйства, изымаемые из него через механизм перекачки, как правило, значительно перекрывают суммы этих затрат даже в странах (кстати, членов ВТО), бюджетная поддержка сельского хозяйства которых достигает 30-40 и более процентов стоимости валовой продукции отрасли.

С этих позиций экономически и социально порочными (не только антикрестьянскими, но и антинародными вообще) являются идеи и практические государственные решения рассматривать и использовать сельское хозяйство только как донора для обеспечения других общественных нужд, какими бы «историческими» и прочими потребностями это донорство

[27] Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008 (пер. с англ.), с. 36, 39.

не мотивировалось. Является аксиомой, и многовековая мирохозяйственная практика неизменно ее подтверждает, что одним из основополагающих условий прогресса и устойчивости социально-экономического развития является обеспечение структурной сбалансированности воспроизводственного процесса, прежде всего, оптимизации межотраслевых пропорций обмена, потребления и накопления. Аксиомой является и то, что фундаментальное значение в достижении этой сбалансированности имеет поддержание правильных (т.е. экономически обоснованных и социально справедливых) соотношений и пропорций между первичной базовой отраслью экономики – сельским хозяйством и промышленными отраслями. По сути здесь речь идет о целенаправленном использовании афишировавшегося, но постоянно и грубо нарушавшегося в советское время Закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, успешно применяемого в передовых странах современного мира (и благодаря этому ставшими передовыми, высокоразвитыми).

Иное положение долго складывалось и до сих пор во многом сохраняется в России. Считалось и продолжает считаться, что у России якобы «особый путь» развития или, по известному поэтическому выражению у нее «особенная стать». Однако это голая абстракция, игнорирующая общие основополагающие законы развития природы и общества, объективные закономерности экономического развития, общечеловеческие ценности и принципы жизнедеятельности и используемая для оправдания произвола в экономической политике и методах хозяйствования.

Бесспорно, у России, как и всякой другой страны или группы стран есть какая-то региональная специфика. Но, следует еще раз подчеркнуть, что под прикрытием вообще особого пути (по пословице: «сами с усами») «удобно» оправдывать любые эксперименты над целой нацией, ее социальными группами, среди которых наиболее «привлекательным» для экспериментов веками оказывалось крестьянство. А когда обнаруживается провал и разрушительные последствия этих экспериментов и «новаторских»

начинаний, то находятся объяснения, что во всем виновата не сама концепция особого пути, а ошибки и «перегибы» властных инициаторов их проведения. Еще более удобно вообще все сводить к умозаключениям об «исторической» необходимости волюнтаристских начинаний вроде советской насильственной коллективизации. Гигантомания, «крутые» революционные повороты и перевороты, «великие переломы», «прорывные» замыслы и проекты, стремление любой ценой быть первыми и т.д. – все это из арсенала концепции «особого российского пути».

Надуманность этой концепции, стоившей России многих людских бед и материальных потерь совершенно очевидна, как очевидна ее направленность против последовательной, общественно необходимой реализации общих законов и принципов развития экономики и цивилизованного устройства жизни общества в целом. К сожалению, по инерции идеи, заложенные в указанной концепции продолжают жить и овладевать если не массами, то умами принимающих государственные экономические решения. Это, в частности, видно из заложенного в нынешней официальной экономической политике запредельного дисбаланса между господдержкой сельского хозяйства и масштабами пресловутой перекачки, представляющего собой грубое нарушение этих законов и ставящего российское крестьянство на грань выживания.

Идея перекачки, как отражение социальной несправедливости и экономического произвола, возникла в абстрактных умозаключениях физиократов и получила свое законченное «научное» обоснование в марксистско-ленинских (точнее большевистских) построениях. Ее практическая реализация во всем объеме воплотилась в так называемых «социалистических» преобразованиях сельского хозяйства, «чрезвычайщине», взымании «дани» с крестьянства, его «военно-феодальной» эксплуатации. Как отмечалось выше, в своем общем концептуальном построении перекачка исходила из определения крестьянства как второсортного, низшего, «податного» сословия, или по

определению Ф.Энгельса, сообщества «варваров», этого, по его словам, самого «жалкого» класса когда-либо оставившего свой след в истории человечества[28]. Построенная на такой антикрестьянской теории идея перекачки, донорской роли сельского хозяйства составляла суть так называемого «закона первоначального социалистического накопления» и вытекающей из него произвольного набора принудительных, внеэкономических мер по беспрецедентному по своим масштабам ограблению российского крестьянства. Разрушительные последствия такого угрюмбурчеевского следования по «особому российскому пути», причем не только для сельского хозяйства, не заставили себя ждать.

Люди, не утруждающие себя серьезным, системным анализом вслед за идеологами советского казарменного социализма могут и продолжают импровизировать по поводу успехов сталинской индустриализации, достигнутой за счет этого ограбления. Но при этом поверхностные импровизаторы не хотят (или неспособны) понять, что вызванный перекачкой дисбаланс в общем социально-экономическом развитии страны по справедливой, основанной на системных исследованиях происходивших процессов, оценке акад. Ю.С.Пивоварова нанес «страшный удар по человеку и привел страну к антропологической катастрофе. А тот тип индустриализации, который навязал стране Сталин, оказался тупиковым. По подсчетам ученых, если бы развитие России продолжалось так, как оно шло с конца XIX века и до 1917 года, то к 1940 году она приблизилась бы к США»[29].

О неизбежности общих провальных последствий «перекачки» для всего экономического, в том числе промышленного развития страны предупреждал инициаторов дилетантских «исторических» решений Н.И.Бухарин. «Наивно полагать, - доказывал он, опираясь на объективные закономерности и взаимосвязи в экономике, - будто максимум годовой

[28] К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т. 8, с. 208 и т. 38, с. 420.
[29] Профиль, 2008, № 32, с. 21.

перекачки из сельского хозяйства в промышленность обеспечит максимальный рост индустрии. Наоборот, длительно наивысший темп получается при таком сочетании, когда промышленность поднимается на *активно растущем сельском хозяйстве* (курсив мой – И.Б.). В этом случае индустриализация вместо «паразитарного» процесса по отношению к деревне становится средством величайшего преобразования и подъема»[30].

Вопреки этому большевистская власть продолжала не только наивно думать, но вопреки всякой логике вероломно действовать с «одобрения» приближенных к этой власти экономистов, в частности академика С.Г.Стумилина. Последний утверждал: «Наша задача не в том, чтобы изучать экономику, а в том, чтобы изменять ее. Нас не связывают никакие законы… Вопрос о темпах должны решать люди» (имелись ввиду большевистские вожаки во главе со Сталиным). Как известно, эти вероломные решения стоили России неисчислимых потерь и человеческих (особенно крестьянских) страданий и жертв.

Если бы обеспечивалось соблюдение элементарных требований объективных экономических законов, прежде всего, поддерживались «оптимальные соотношения развития промышленности и сельского хозяйства в России в 1928-1940 гг., то крестьянство не было бы доведено до нищеты, а страна как минимум могла бы удвоить промышленную, в том числе военную мощь»[31].

И подлинная экономическая теория и прогрессивный исторический опыт динамичного, действительно пропорционального развития передовых в общественном устройстве стран неизменно подтверждает особую роль в этом развитии, в его темпах, обеспечение структурной и общей воспроизводственной сбалансированности в народном хозяйстве и, прежде всего, в его базовых отраслях: сельском хозяйстве и промышленности. Причем такая сбалансированность предполагает активную государственную

[30] Бухарин Н.И. Избранные произведения. М. Политиздат, 1988, с. 410.
[31] Вопросы экономики, 2009, № 10, с. 123.

поддержку сельского развития как приоритет первостепенной важности. Эта приоритетность объективно обусловлена фундаментальной исторической ролью отрасли, крестьянского сословия в развитии и жизни общества, а потому, по определению Д.И.Менделеева государственная защита земли и земледельца «равносильна» защите самого государства.

В прикладном народнохозяйственном плане обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства обусловлено: 1) его базовым статусом в экономике, как «производителя «самого первого условия жизни непосредственных производителей»; 2) повышенным риском сельскохозяйственного производства, связанным с непредсказуемостью действия природных факторов и поэтому низкой инвестиционной привлекательностью; 3) общею незаменимой ролью в достижении устойчивости общего социально-экономического развития, связанного с многофункциональностью ресурсного потенциала села и сельских территорий.

Таким образом, определяющим условием структурной народнохозяйственной сбалансированности и общего социально-экономического прогресса является обеспечение приоритета сельского развития, а ее главным критерием – сопоставимость, «уравновешенность» социального благополучия сельского и других групп населения, условий их труда, уровня и качества жизни. Более того, с точки зрения незаменимых жизненно важных функций сельского хозяйства оправданным и социально справедливым является определенное превышение соответствующих сельских показателей над городскими. Так, среднедушевые доходы членов сельских семей в США почти на 10% выше, чем в городе, что является важнейшим фактором закрепления и инициативной трудовой деятельности занятых в сельскохозяйственном производстве. То же самое наблюдается и во многих других странах.

Достигается это через систему и механизм государственного регулирования, оптимизацию воспроизводственных пропорций развития

сельского хозяйства, прежде всего через бюджетную поддержку аграрных цен, систему льготного налогообложения, субсидии и т.д. Тем самым устраняется дисбаланс между размерами необходимых для эффективного ведения производства доходов сельхозпроизводителей и размерами перекачки.

Перекачка имеет место в других странах, как следствие несовершенной или недобросовестной конкуренции, фискальной политики государства, монополистических проявлений со стороны партнеров сельского хозяйства по АПК и т.д. Однако размеры ежегодных бюджетных «компенсаций» перекачки достигает 30-40% валовой продукции и более (в Норвегии свыше 60% или 30 тыс долларов на сельского жителя и 3 тыс долларов на гектар земли). В России эти показатели на порядок ниже (например, на 1 жителя села за последние годы около 100 долларов).

Хотя по сравнению со сталинским периодом механизмы перекачки изменились, а ее масштабы сократились, сельское хозяйство продолжает находится под бременем этого, без преувеличения, настоящего социально-экономического бедствия для крестьянства. Существующая господдержка, в основном в форме аграрного бюджета, лишь в малой степени ослабляет это тяжелое бремя. Расчеты показывают, что соотношение между суммой перекачки, определенной по товарной продукции сельского хозяйства и его бюджетной поддержкой составляет в последнее время 9:1 (в денежном выражении примерно 1,3 трлн и 140 млрд рублей).

Доля аграрного бюджета составляет 1,2%, тогда как даже в годы НЭПа она достигала 7,7%, а до нынешних реформ свыше 15% общего бюджета страны. Причем и эти мизерные бюджетные назначения для села на ¾ не доходят непосредственно до производителя, в целом почти целиком забираются государством через налоги на СХО и физических лиц деревни. На порядок большие суммы из вновь созданной крестьянским трудом стоимости, как показывает структура розничных цен на продовольствие, идут

в карман заготовителей, переработчиков, торговцев, топливных монополистов и т.д.

Поэтому, упомянутое Э.Тоффлером рассмотрение России как «продукта модернизации», особенно ее аграрной сферы, является очевидным преувеличением, своего рода авансом, пожеланием на будущее. Действительно, развитые страны переходят на 6^{й} технологический уклад, в то время как в России преобладает 4^{й} технологический уклад, причем в сельскохозяйственном машиностроении отставание в этой модернизации еще больше и исчисляется 25-30-летним сроком.

3.2. Приоритет сельского хозяйства: взгляд сквозь призму «перекачки»

В российской истории обеспечение приоритета сельского хозяйства в форме аграрного протекционизма проявлялось как исключение и то в отдельных направлениях. Так, Иван Калита в своей политике «разумного устройства» жизнедеятельности крестьянского сословия способствовал развитию земледелия и быстрому увеличению сельского населения, что, как отмечал В.О.Ключевский, дало стане два десятилетия «спокойных лет», тем самым обеспечив общее укрепление российского государства и поэтому показавшего свою силу на Куликовом поле[32]. Причем основой этой силы, спасителем государства, как затем в 1612 и 1812 гг., да и в 1941-1945 гг. было крестьянское сословие. Известны протекционистские меры и Ивана III по поддержке этого сословия в России. В последующем, в царствование Бориса Годунова, особенно в петровский период крестьянство переживало пик помещичьего и государственного крепостного права.

Послабление с введением отдельных протекционистских мер в отношении российского крестьянства наблюдалось в короткий период начала (и к 1914 г. преждевременного конца) Столыпинской аграрной реформы с ее огромным влиянием на прогресс в сельском хозяйстве и экономике страны в

[32] Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. М.: Мысль, 1990, т. 2, ч. 20.

целом. В годы НЭПа одна только протекционистская направленность налоговой системы позволила вытащить сельское хозяйство из гибельной трясины военного коммунизма. Затем Сталин, отбросив НЭП «к черту», ввел в деревне государственное крепостное право с его отмеченными выше катастрофическими антропологическими последствиями, прежде всего именно для крестьянства, уничтожением его наиболее активной, трудолюбивой части при «опоре» на бедноту. В стране, и особенно в селе, вообще восторжествовал призрак бедности, этого, по упомянутому выше определению П.А.Столыпина, « худшего из рабств».

Возникает вопрос, а может быть таков социальный статус крестьянства, что несмотря на его фактическую роль как корневой системы человеческого рода, крестьянское сословие надо считать «второсортным» классом в структуре общества, тем более на этот счет имеются разного рода «авторитетные» утверждения и оценки. Как отмечалось, классики марксизма считали крестьянство неполноценным, даже «враждебным» сословием. «Развивая» это положение, Л.Д.Троцкий характеризовал крестьянина как «двуликого Януса в лаптях», хотя именно он за лживое обещание «землю крестьянам» спас большевистскую власть от разгрома в Гражданской войне.

К началу 50^{x} годов XX в. теория «перекачки», как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики, показала свою полную несостоятельность, т.к. сельское хозяйство вошло в мрачную полосу острейшего кризиса. С 1953 г. постепенно началась осуществляться господдержка отрасли, которая усилилась в так называемый «застойный» период и продолжала осуществляться в годы «перестройки. В 1990 г. инвестиции в основной капитал сельского хозяйства и водохозяйственное строительство на селе достигли 18% общего объема капитальных вложений в экономику России. На смену убыточности аграрного производства стала расти рентабельность, достигшая в 1990 г. 43%, а по всей финансово-хозяйственной деятельности отрасли 37%. Оплата труда крестьян составила 95% к среднему по экономике уровню.

Однако приоритет села в ресурсной протекционистской поддержке при всей ее основополагающем значении не мог радикально изменить неблагоприятной ситуации в уровне и эффективности производства. Такое изменение, как показывает мировой опыт, возможно лишь в условиях социального рыночного хозяйства, базирующегося на трех фундаментальных принципах: личной свободе, экономической дееспособности и социальной справедливости. В стране фактически продолжала функционировать ресурсорасточительная административно-командная система, игнорировавшая эти принципы, соответственно, приоритет личного интереса, право частной собственности, реальную экономическую самостоятельность первичных хозяйствующих звеньев. Если за 1985-1990 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство возросли более чем в 1,5 раза, то валовая продукция лишь на 7%, а поскольку оценка результатов труда осуществляемая не по показателям эффективности, а по выполнению любой ценой «плановых заданий» этот прирост в избытке поглощался потерями, достигавшими по указанной причине 15 и более процентов выращенного урожая. В итоге стремительно нарастал импорт продовольствия, фактически распределявшегося (вместе со спиртными напитками) по карточной системе.

С началом рыночных реформ приоритет сельского хозяйства в части его ресурсного, организационно-хозяйственного, социального и правового обеспечения был однозначно признан на высшем политическом уровне руководства страны. В принятой Конституции РФ (ст. 2) российский гражданин, его права и свободы были признаны высшей ценностью государства без каких-либо оговорок в отношении крестьянина о его второсортном социальном статусе. Первым в постсоветский период правовым актом этого признания стал принятый в конце 1990 г. Закон РСФСР «О социальном развитии села», *целиком соответствующий концепции приоритетности сельского хозяйства*, прежде всего в части бюджетного финансового обеспечения в размере 15% национального дохода страны. Причем с экономической точки зрения и принципа социальной

справедливости выделение для села соответствующих бюджетных средств было бы вполне обосновано, если считать долю сельского хозяйства в создании общего национального дохода страны.

В развитие концепции приоритета сельского хозяйства, заложенной в основу указанного закона в последующем были приняты другие, явно протекционистские правовые и нормативные акты, различные постановления правительства, ориентированные на осуществление этой концепции. В их числе Закон «О приоритетном обеспечении агропромышленного комплекса материально-техническими ресурсами» (1991 г.), Постановление Госдумы «О критической ситуации в агропромышленном комплексе» (1997 г.), Закон «О государственном регулировании агропромышленного комплекса» (1997 г.), многие постановления правительства, в частности об обеспечении ценового паритета в АПК.

Последовательно приоритетной направленностью характеризовался упомянутый закон о государственном регулировании АПК, причем главным источником обеспечения государственной поддержки сельского хозяйства определялся *федеральный* бюджет. Однако анализ размеров и исполнения аграрной части федерального бюджета за указанные и последующие годы свидетельствует об отсутствии каких-либо кардинальных шагов со стороны Правительства РФ к активным действиям в указанном направлении. Нацпроект «Развитие АПК» и «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственного сырья и продовольствия на 2008-2012 гг.» ориентированы на усиление господдержки аграрного сектора, но в целом между необходимым ресурсным обеспечением приоритета сельского развития и фактическими показателями, далеко не преодолены огромные различия. А это означает, что *на деле сельское хозяйство не только не стало действительным приоритетом в экономической политике государства, но по сравнению даже с «застойным» периодом значительно потеряло свои позиции в ресурсном обеспечении, в*

том числе прямом бюджетном финансировании. Обобщающими показателями формальности признания приоритетности сельского развития являются: 1) снижение доли инвестиций в основной капитал аграрного сектора до 3%, причем из общей их суммы 183 млрд руб. на долю федерального бюджета в 2011 г. приходилось 0,7%; 2) сокращение за годы реформ доли аграрного бюджета в общем бюджете страны на порядок (в среднем за 2008-2010 гг. до 1,1% на 40 млн человек сельского населения); 3) относительное сокращение уровня оплаты работников СХО с 95% к среднему по стране уровню до 50%. Иными словами, с формальным признанием приоритета сельского хозяйства, глубокое понимание необходимости адекватного его практического правового, ресурсного, организационно-управленческого и общего макроэкономического обеспечения в полной мере еще не проникло в сознание ответственных руководящих персон государства, соответственно, в практическую деятельность органов, определяющих и осуществляющих социально-экономическую политику в стране.

Фискальные изъятия из созданного в сельском хозяйстве валового дохода через механизм перекачки в пользу государства и рыночных субъектов монопольного окружения отрасли частично возвращаются через аграрный бюджет. Но это практически десятая часть общей суммы этих изъятий. В 2007 г. из общего объема валовой продукции сельского хозяйства товарная ее часть составила примерно 40% (в розничных ценах около 2,8 трлн руб.). Выручка СХО составила 734 млрд руб., прибыль50 млрд руб., налоги и сборы 56 млрд руб., рентабельность 7,0% (с учетом субсидий).

Если издержки обращения (транспорт, переработка, хранение, реализация) по доведению продукции до конечного потребителя исчисляются суммой максимум 700 млрд руб., то сельское хозяйство потеряло примерно 1,2 трлн рублей. В 2011 г. бюджетная поддержка сельского хозяйства со всеми добавками, разного рода льготами и преференциями составляла около 150 млрд рублей. Это значит, что, по

меньшей мере, 1,3 трлн рублей созданного в сельском хозяйстве валового дохода было изъято из отрасли через разорительные для отрасли фискальные акции перекачки или так называемого «перераспределения».

При этом, показанная Росстатом рентабельность сельского хозяйства за 2009 г. на уровне 9,4% и за 2010 г. на уровне 8,3% , это далеко не достижение, т.к. расчет сделан при вдвое заниженной и включенной в издержки оплаты труда, которая у большинства рядовых работников немногим превышает нынешнее пособие по безработице. Такие заработки не столько стимулируют производство, сколько способствуют оттоку из села трудоспособного населения, молодежи, общему снижению степени трудовой активности. Так что на деле сельское хозяйство за последний более чем десятилетний период перманентно убыточно. А это значит, что показываемая органами статистики прибыль сельского хозяйства в 82 млрд рублей в 2010 г.) на самом деле есть фактическая «экономия» на искусственном занижении оплаты сельскохозяйственного труда, как следствие действия того же механизма «перекачки».

Общим «результатом» ее применения является фактическая неплатежеспособность большинства СХО, лишенных собственных накоплений и по сути являющихся банкротами. На 27 тыс. СХО в последние годы приходилось более 20 тыс процедур банкротства. Вследствие упавшего до предела их платежеспособного спроса со стороны СХО стагнирует сельхозмашиностроение, работающее на 20-25% своей мощности и поставившее селу в 2007 г. на те же 27 тыс СХО и 258 тыс К(Ф)Х 16,7 тыс тракторов (т.е. на порядок меньше, чем в 1990 г.), в 4 раза меньше зерноуборочных комбайнов и т.д. Списание техники, весьма низкой по своему качеству, за последние годы в 2-3 раза превысило ее поступление, в результате чего, например, тракторный парк за 2000-2010 гг. сократился с 747 тыс до 310 тыс шт., зерноуборочных комбайнов в 2,3 раза и т.д.

Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и

продовольствия на 2008-2012 гг., являясь в целом прогрессивным документом, определила рентабельность отрасли (при той же искусственно заниженной оплате труда) на уровне 10%, акцентировав внимание на кредитовании села и обходя острые вопросы ценообразования в сельском хозяйстве, прежде всего, прямую целевую поддержку аграрных цен, являющуюся как раз одним из узловых моментов регулирования агропродовольственного рынка в направлении обеспечения приоритетной поддержки сельских товаропроизводителей. Именно прямая гарантированная поддержка аграрных цен в странах Запада составляет 60-70 и более процентов господдержки, что отодвигает на второй план стремление к получению заемных средств и сводит на нет задолженность по кредитам. Госпрограммой на регулирование агропродовольственного рынка, следовательно, на поддержку агарных цен предусмотрено выделение всего 1,3% общих ассигнований.

Важны, особенно при нынешних заоблачных процентных ставках, и субсидируемые кредиты, но их (наряду с колоссальной кредиторской задолженностью СХО, в 2010 г. почти 1,5 трлн рублей, что многократно превысило всю их прибыль) надо возвращать, тогда как финансовых возможностей такого возврата, если даже и далее оплачивать труд селян на 50%, большинство хозяйств не имеют. Все это, как и запредельно «экономная» государственная инвестиционная и общая бюджетная поддержка сельского хозяйства, является наглядным подтверждением вывода о том, что в экономических отношениях его с государством, партнерами, посредниками и т.д., над приоритетной протекционистской поддержкой преобладает та же перекачка, т.е. проверенный на советском колхозном крестьянстве, «остаточный» принцип ресурсного обеспечения сельского развития. В странах, где эта поддержка является действительным приоритетом аграрной политики, наоборот, размеры этой поддержки неизменно превышают налоговые и прочие изъятия из доходов сельхозпроизводителей.

Достаточно привести пример такой близкой к России по структуре экономики страны как Норвегия. Располагая богатейшими природными ресурсами, запасами углеводородов, гидроресурсами и экспортируя нефть, электроэнергию, получая от этого «баснословную» прибыль (и формируя, не в ущерб реальному сектору, фонд будущих поколений) страна могла бы, учитывая прямо противоположный «опыт» России, без излишних хлопот о вложениях в свое сельское хозяйство импортировать половину, а то и более потребностей в продовольствии. Но здесь высшей ценностью государства считают не только чиновника, депутата и т.д., горожанина вообще, но и в равной степени сельского жителя, причем в отношении последнего еще учитывают его особую роль в обеспечении общей устойчивости социально-экономического развития, тяжесть труда на полях и фермах в условиях сурового климата, производство экологически чистых высококачественных продуктов питания. Именно особая, действительно приоритетная забота государства о крестьянстве, как «корневой системе» нации, о каждой конкретной крестьянской семье, об условиях труда и качестве жизни в деревне делает непременной его обязанностью вкладывать в сельское хозяйство значительные дополнительные бюджетные средства из той же экспортной выручки.

Масштабная поддержка аграрного сектора, как отражение нормальных, объективно обусловленных его взаимоотношений с государством, осуществляется во многих других странах (причем не имеющих серьезных запасов ни нефти, ни газа). Наглядный пример в этом отношении представляет бывшая отсталая российская окраина – Финляндия, ныне экспортирующая нам (в обмен на сырье) мирового класса станки, оборудование, электронику и т.д., да и качественные пищевые продукты). Именно на базе таких взаимоотношений, включающих активную протекционистскую поддержку сельского хозяйства, в стране обеспечен экономический и социальный прогресс в самой отрасли, а, следовательно, во всем народном хозяйстве, фактическое «преодоление существенных

различий между городом и деревней». Россия в этом направлении не только не продвинулась, но демонстрирует по сравнению с так называемым застойным периодом движение вспять.

Получая в последние годы не менее «баснословную» прибыль в форме нефтегазовых долларов, российское государство имело исторический шанс серьезно модернизировать сельское хозяйство как особо значимую отрасль экономики, привести его в такое социально-экономическое состояние, которое и позволит превратить Россию в настоящую мировую «продовольственную державу». Но такое превращение предполагает не общие намерения и полумеры, разовые (посевные, уборочные и прочие) акции, реализуемые, в том числе через обогащающихся за счет села посредников: Росагролизинг, Россельхозбанк и т.д., а, как в других странах современного мира, осуществление системной долгосрочной стратегии, последовательную реализацию принципа приоритетности сельского хозяйства, создание государством для селян не на словах, а на деле действительно «достойных», иначе говоря, всех необходимых финансовых и материально-технических условий жизнедеятельности на земле. Следование этой стратегии, *прежде всего, предполагает прямую гарантированную поддержку аграрных цен (следовательно, обеспечение необходимой доходности, рентабельности,* по многократным расчетам на уровне 20-25% с включением в издержки оплаты труда минимум 70% к среднему по экономике уровню*).*

Пока эти условия, судя по аграрному бюджету, доле села в инвестициях, особенно в поддержке цен для СХО, следовательно, по уровню их доходности, рентабельности, далеко не созданы, и сельское хозяйство на деле еще не стало действительным приоритетом в экономической политике государства, а его взаимоотношения с крестьянством строятся по тому же «остаточному» принципу. Отсюда, если пока оставить в стороне показатели отдельных «маяков», в целом по-прежнему сохраняется технически отсталое сельское хозяйство, бедность и общее социально «униженное» положение

селян, безработица, деградация самого «человеческого» фактора, сельское бездорожье, наблюдаются убогие признаки существования многих тысяч некогда жизнеспособных сел и деревень и т.д. Не получается ли вопреки конституционному положению о человеке, как высшей ценности российского государства, последнее к российскому же крестьянину относится как к второстепенной, «второсортной» ценности?

Между прочим, за поучительным примером социально справедливых взаимоотношений государства с крестьянством в этой области ходить далеко, т.е. в дальнее зарубежье, не обязательно. По меньшей мере, уважительное отношение к крестьянству наблюдается, например, в «союзной» Республике Беларусь, не только декларирующей приоритетное развитие аграрного сектора, но и выделяющей на его обеспечение (правда, во многом за счет российских ценовых и прочих льгот) 12% общего бюджета страны.

Что же касается сегодняшнего объема собственного продовольствия в России, то оно обеспечивает немногим более половины его потребностей, а это резко снижает роль отечественного села в ее общем социально-экономическом развитии. В стране систематически повышаются цены на продовольствие. А, ведь, еще в конце XIX и начале XX вв. успешно демонстрировала статус мировой аграрной державы, «подстегивая» общий стремительный экономический рост и одновременно снабжая Европу хлебом, маслом, льноволокном и т.д., сохраняя «для будущих поколений» в своих недрах нефть, газ, другие природные ресурсы, в частности лесные, и рационально используя их для насущных внутренних потребностей страны. Нынешнее же поколение, а точнее его власть, перечеркивая суть концепции приоритетного и тем самым устойчивого развития сельского хозяйства, судя по растущим направлениям и толщине труб нефтяных и газовых потоков за рубеж скоро ничего из этих ресурсов не оставит для грядущих поколений страны.

В то же время из ежегодной многомиллиардной нефтегазовой экспортной выручки поистине крохотные подачки эта власть в последнее время выделяла для собственного крестьянства. Одновременно колоссальные суммы затрачивались и затрачиваются на импорт продовольствия. Причем, из до предела урезанного, абсолютно не отвечающего принципу приоритетности сельского хозяйства консолидированного аграрного бюджета лишь ¼ достается непосредственному товаропроизводителю. В целом финансовое обеспечение Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг. не превышало 1/3 минимальных стартовых потребностей, необходимых для начала тенденций к устойчивости этого развития. При этом федеральный бюджет взял на себя крайне скромную долю указанного обеспечения (около 39%), перекладывая финансирование программы на субъекты Федерации и внебюджетные источники, крайне условные и ненадежные. Это показало выполнение Федеральной программы социального развития села до 2010 г., особенно в части привлечения предполагавшихся внебюджетных источников и средств большинства регионов, дотируемых трансфертами федерального бюджета в условиях, когда запланированное общее финансовое обеспечение для сколько-нибудь заметных сдвигов в этом развитии почти в 4 раза ниже минимальных стартовых потребностей.

Объективная необходимость, следовательно, безальтернативность приоритета сельского развития, порочность «политики» перекачки определяется не только незаменимостью и особой значимостью продовольствия в жизнедеятельности человека. Обеспеченность населения сельскохозяйственной продукцией собственного производства в значительной степени непосредственно определяет общее состояние экономики, уровень и качество жизни населения, здоровье людей, их трудовую активность, степень общей занятости в экономике, духовный и нравственный климат во всех сферах общества. В неменьшей степени эта значимость определяется сосредоточением в сельском хозяйстве базового и

также незаменимого ресурса экономики – земли, этого главного средства производства в отрасли и вообще, по известному определению В.Петти, выступающего как *мать богатства* всего общества.

Сейчас, вследствие явного преобладания перекачки над приоритетом сельского развития на обширных территориях сельскохозяйственных земель царит запустение. Здесь, говоря словами М.Ю.Лермонтова, «и скучно, и грустно, и некому руку подать». О существовании многих тысяч некогда (даже «в лихие» советские годы) относительно благополучных сел и деревень напоминают их жалкие развалины. Почвенное плодородие российских полей продолжает истощаться, в то время как 80% производимых в стране минеральных удобрений вывозится из страны для повышения урожайности сельскохозяйственных культур зарубежных фермеров. Протестные эмоции своим «второсортным» социальным положением сельские жители «заглушают» первенством в употреблении в основном суррогатного алкоголя, расходы на потребление которого, за период с 2000 г. в расчете на «душу населения», в 2 раза превысило городские показатели[33].

Естественно, что обеспечение приоритета развития сельского хозяйства с наибольшей отдачей средств государственной бюджетной поддержки села предполагает активное участие в этом процессе и самих СХО, активизацию их способности более эффективно использовать бюджетные средства, увеличивать доходы и собственные инвестиции. Пока этой способностью в той или иной степени обладает ограниченная часть хозяйств, прежде всего, представленные клубом «Агро-300», включающим 1,3% от общего числа крупных и средних СХО. В них сосредоточено 7% от общего числа занятых в сельском хозяйстве, 4% пашни и 2% всех сельхозугодий. При этом выручка от реализации продукции на 100 работников в этих СХО, по данным за последние годы в 3 раза выше, чем в остальных сельхозпредприятиях, балансовая прибыль в 8 раз. Значительно выше в них и общий уровень

[33] Бондаренко Л.В. Алкоголизация села: миф или реальность. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008, № 2, с. 32.

производительности труда, выход валовой продукции на гектар земельных угодий.

Бесспорно, во всем этом очевидна роль качества человеческого фактора, профессионализма руководителей, непосредственно производственных кадров. Но одновременно это и результаты «добавочных» вложений, обеспечивающих более высокий уровень технической оснащенности производства, причем достигаемый как раз за счет *приоритетного* получения бюджетных дотаций и субсидируемых кредитных ресурсов. Нередко перераспределение этих дотаций и кредитов, как и в советские годы для создания «маяков» и престижа местных властей, целенаправленно осуществляется «выборочно» в пользу конкретных, как правило, крупных предприятий и целых регионов с более благоприятными условиями ведения сельского хозяйства, сбыта продукции и т.д.

Так, например, в консолидированном аграрном бюджете доля трансфертов, т.е. государственной поддержки из средств федерального бюджета, в 2006 г. составила в Белгородской области 76%, в Краснодарском крае – 57%, в Ростовской и Орловской областях – 56% и т.д. В то же время многие другие субъекты федерации получали трансфертов на уровне 3-5% к общему объему аграрного бюджета, в лучшем случае 12-14% (Тверская, Ярославская, Ивановская и многие другие области, автономные республики и округа). Крайне дифференцированно распределяются инвестиционные кредиты. В том же 2006 г. из 140,5 млрд рублей этих кредитов 75% получили 509 СХО (3% всех хозяйств). В то же время 2/3 СХО не получали инвестиционных кредитов вообще. В той же Белгородской области в 2005-2007 гг. 140 хозяйств, входящих в гигантские агрохолдинги использовали 99% всех инвестиций в сельское хозяйство, а остальные 95 хозяйств – всего 1%, хотя некоторые из этих хозяйств по эффективности превышают показатели агрохолдингов.

В целом по стране хозяйства, которым были выделены такие кредиты произвели лишь 23,7% товарной продукции. Что касается субсидий на

погашение процентной ставки, то 44,1% из общей их суммы получили около 1% всех СХО, что в отличие от многих зарубежных стран объясняется отсутствием в российской практике обоснованных нормативов на общий объем субсидий из государственного бюджета. Именно в эти хозяйства, по старой советской традиции, а не в основную массу полуразорившихся СХО, направляются разного рода посетители, в том числе, к сожалению, и *высшие должностные лица государства*, *чтобы составить себе представление, о якобы благополучном положении во всем российском сельском хозяйстве, и на этой основе определять и далее осуществлять противоречащую принципу приоритетного развития отрасли аграрную политику*.

Дифференцированный подход к государственной поддержке первичных хозяйствующих субъектов аграрного сектора, органически увязанный с критериями и показателями эффективности, бесспорно, экономически оправдан. Однако такой увязки часто не обеспечивается. Анализ, например, фондоотдачи по хозяйствам клуба «Агро-300», показывает, что эти хозяйства, особенно те же неуправляемые агрохолдинги, часто не демонстрируют своих преимуществ по сравнению со многими предприятиями, не входящими в этот клуб, но также имеющими достаточно высокую рентабельность производства. Дотации и компенсации на 100 работников хозяйств клуба «Агро-300» за 2000-2003 гг. были на 40% были выше, чем в остальных хозяйствах, а кредиторская задолженность различалась незначительно (соответственно, 6,13 и 6,8 млн рублей на 100 работников). Эти соотношения просматриваются и в последующие годы.

Главное же проблемы взаимоотношений государства с сельским хозяйством, ориентированные на обеспечение приоритета сельского развития имеют не только производственный, но и крайне острый в сложившихся условиях социальный аспект. Социальная, инженерная, дорожно-транспортная инфраструктуры села представляют особый и первостепенный приоритет сельского развития, поскольку ее состояние, если оценивать ситуацию в целом, а не на примере отдельных новых маяков находится на

стадии крайней деградации. На десятках миллионов гектаров «дореформенных» сельскохозяйственных угодий (за 1990-2011 гг. посевная площадь в стране сократилась с 117,7 до 76,3 млн га) эта инфраструктура находится в полной запущенности.

А, ведь, как раз на этой, запустевшей обширной сельскохозяйственной территории при условии обеспечения для начала хотя бы эквивалентных отношений сельского хозяйства с партнерами по АПК, государством, при активной господдержке социальной и инженерной инфраструктуры, дорожно-транспортной системы села существует обширное поле для малого бизнеса, различных, особенно обслуживающих форм кооперации, подсобных производств и промыслов. Думать, вслед за А.В.Гордеевым, белгородским губернатором Е.С.Савченко, другими реприватизаторами и «государственниками», что будущее сельского хозяйства в агрохолдингах, агрофирмах и других, часто выходящих за рамки оптимальных размеров формах крупного производства, а тем более «насаждать» их (что часто делается на местах), вновь увлекаться экспериментами над крестьянством, еще более масштабной, чем в советские годы гигантоманией - значит игнорировать многофункциональность отрасли, многообразие форм хозяйства, как фундаментальные основы рациональной социальной структуры и эффективного функционирования аграрного сектора, как главные предпосылки высокопроизводительного использования ресурсного потенциала всей сельской местности, а, следовательно, сбалансированного общего социально-экономического развития народного хозяйства.

Из этих основ следует, что в системе взаимоотношений сельского хозяйства с государством, предполагающих селективную бюджетную поддержку более эффективного производства, эффективных собственников на данном историческом этапе особый акцент необходимо сделать *на радикальном преобразовании социальной сферы села, как народнохозяйственном приоритете первостепенной важности, одинаково значимым для СХО с самым различным уровнем развития и размеров*

производства. А это в совокупности требует соответствующих дополнительных бюджетных средств, в *первую очередь федерального уровня*, так как проблема приобрела важнейшую *общенациональную значимость и остроту*. Фактическое, по откровенному признанию Президента РФ В.В.Путина «недопустимо малое» финансовое обеспечение приоритетного проекта «Развитие АПК» с точки зрения модернизации производства на новой, инновационной основе, а также (и особенно) преобразования социальной сферы села по всем источникам, в том числе на реализацию федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2010 года» совершенно не отвечает этим потребностям.

Чтобы обеспечить эти потребности в минимально необходимом для *стартового* обеспечения приоритета сельского развития объеме, соответственно, оптимальную рентабельность отрасли в 20-25%, помимо указанного источника – прибавочной стоимости, создаваемой в самом сельском хозяйстве и вместе с огромной частью необходимого фонда оплаты труда «перекачиваемой» из него в размере свыше триллиона рублей ежегодно имеются и другие, лежащие на поверхности дополнительные источники пополнения аграрного бюджета, прежде всего его федеральной части[34], на первом этапе минимум до 350-400 млрд руб. в год (т.е. не более 40% суммы «перекачки») с последующим его увеличением до 500-550 млрд руб., в том числе на поддержку аграрных цен не менее 150-200 млрд руб.

Для «включения» в стратегию аграрной политики принципа приоритета сельского хозяйства и компенсации потерь отрасли от «перекачки» необходимы: 1) бюджетная, прежде всего прямая ценовая поддержка доходов СХО, обеспечивающая оптимальную рентабельность, с включением в издержки оплаты труда работников сельского хозяйства в размере минимум 70% к среднему по экономике уровню с последующем его выравниванием; 2) применение действенного механизма распределения

[34] «Вопросы экономики» № 10, 2008 г., с. 136-137. Первым шагом в указанном обеспечении явилось бы полное списание всей (свыше 1,5 трлн руб.) кредиторской задолженности СХО, возникшей не по их вине, а в результате необоснованной перекачки, и освобождение от уплаты налога хозяйств с критическим уровнем рентабельности ниже 15%.

средств господдержки, обеспечивающего *строго селективное* направление ресурсов в зависимости от уровня эффективности производства и *повсеместную* модернизацию сельской социальной и инженерной инфраструктуры сельских поселений независимо от экономического состояния СХО; 3) правовое обеспечение приоритета сельского развития, с особым акцентом на реализацию принципа аграрного протекционизма, требующее принципиальных изменений и общего упорядочения аграрного законодательства, бюджетной политики государства.

Существующий механизм социально-экономических отношений сельского хозяйства с государством, как и система государственного и хозяйственного управления аграрным сектором, крайне несовершенны. В результате и те скудные бюджетные назначения для села и сельского развития не обеспечивают должной отдачи, что дает определенные основания для поверхностных умозаключений представителей экономического блока правительства, прежде всего его финансового ведомства, о сельском хозяйстве, как о «черной дыре». Рычаги и инструменты действующего механизма противоречивы, не согласованы, т.е. не образуют единой системы, не просчитаны с точки зрения внутриотраслевых приоритетов, эффективности, необходимого ресурсного обеспечения, его дополнительных источников, а главное, не предусматривают жесткой адресной ответственности за выполнение принятых решений, проектов, целевых программ. В итоге ослабляются или сводятся на нет как регулирующие, так и стимулирующие функции господдержки села, что имеет и далее будет иметь негативные последствия для производства, сокращать возможную величину эффекта от целевых бюджетных средств на цели сельского развития и модернизацию ресурсного потенциала аграрного сектора.

Между тем мировая практика выработала и использует механизмы таких отношений, при которых каждый доллар, евро и т.д. средств господдержки целенаправленно работает на рост эффективности и

преобразование социальных условий труда и жизни в сельской местности. Здесь ничего российского не надо изобретать, а шире использовать проверенный жизнью имеющийся зарубежный опыт в этой области с соответствующим законодательным обеспечением, в том числе в отношениях СХО с предприятиями I сферы АПК, с банковской системой, переработчиками, другими партнерами и посредниками, во внешнеэкономических торговых связях, соблюдая принцип приоритетного развития сельского хозяйства. Пока эти отношения опосредуются несовершенным малоэффективным механизмом.

Что же касается действующего аграрного законодательства, то в принципе и особенно с точки зрения нормализации экономических взаимоотношений государства с сельским хозяйством, оно нуждается в основательной «ревизии», всестороннем обновлении и систематизации, с выходом на разработку единого полноценного протекционистски ориентированного закона о сельском хозяйстве прямого действия. В настоящем виде это законодательство, мягко говоря, крайне противоречиво и запутано, что вносит неопределенность и элементы произвола в рыночную стратегию развития аграрных отношений и их государственного регулирования.

Конструкторы догмы (точнее домысла) о сельском хозяйстве, как «черной дыре» в свое оправдание могут сказать, что в условиях возникшего к концу 2010 г. глобального экономического кризиса остаются более важными другие приоритеты (Олимпиада-2014, космос, ЧМ по утболу-2018, оборонный заказ и т.д.), что нужно спасать банковский и прочий крупный бизнес, «накопивший» в нынешний кризисный период запредельные суммы российского внешнего долга, а не сельское хозяйство, не «привыкшее» к лишениям многострадальное крестьянство, которое пусть еще потерпит, довольствуясь остатками бюджетных средств. Но в условиях цикличного развития экономические кризисы закономерно повторяются и, как показывает опыт, в нынешней мировой кризисной ситуации страны Запада не

меняют стратегии аграрной политики и не собираются отказываться от стратегии активной бюджетной поддержки сельского хозяйства в соответствии с концепцией приоритета сельского развития на основе целенаправленного использования политики и механизмов аграрного протекционизма.

3.3. Аграрный протекционизм: объективная необходимость и практика осуществления

Аграрный сектор и вся российская экономика на современном этапе развития испытывают на себе взаимосвязанное воздействие, как внутренних рыночных преобразований, так и новых мирохозяйственных тенденций, в частности, обусловленных расширением Европейского Союза, а также общими процессами глобализации. Закономерная в этих условиях интеграция страны в единое мировое экономическое пространство предполагает активизацию использования всей совокупности факторов, инструментов и механизмов, направленных на подъем и повышение конкурентоспособности сельских товаропроизводителей и агропродовольственной системы в целом, среди которых важное место занимает аграрный протекционизм.

Как особый инструмент государственного регулирования аграрный протекционизм (т.е. поддержка, покровительство, защита) представляет собой совокупность научно обоснованных правовых, социально-экономических и организационных мер государства, направленных на активное содействие прогрессу в развитии отечественного сельского хозяйства. Целевые функции этих мер базируются на объективно обусловленных спецификой воспроизводственного процесса в отрасли методологических принципах. На практике эти принципы часто искусственно деформируются или заведомо извращаются, что обусловливается влиянием как «воплощенных» в жизнь абстрактных теоретических представлений, так и волевых, непрофессиональных

практических решений соответствующих «директивных» органов и институтов государства. Все это неизбежно ведет к негативным или заведомо разрушительным социально-экономическим последствиям. На протяжении многих веков такие последствия неоднократно испытывало на себе сельское хозяйство, крестьянство России, что сказывалось на развитии российского общества в целом.

В рыночной экономике целевая функция политики аграрного протекционизма, по существу, в основном сводится к поддержанию необходимой доходности товаропроизводителей. В соответствии с умозрительной конструкцией физиократов и их вольных или невольных последователей в практике, особенно советской, предполагалось, что прибавочная стоимость, благодаря даровым силам природы, создается только в сельском хозяйстве, а потому «логично» вместо государственной поддержки доходов этой отрасли, наоборот, «справедливо» изымать из нее обусловленную этими силами земельную ренту (сверхприбыль), а то и часть валового дохода объективно необходимого для нормального процесса воспроизводства. Рычаги этого фискального изъятия, как выражение получения с земледельца якобы закономерной «дани» большевики сначала распространили на трудолюбивых, рачительных хозяев (обозвав их «кулаками»), а потом, особенно после насильственной коллективизации, на все крестьянство, которое в силу этого несло на себе основные тяготы «социалистического» государственного крепостного права.

С середины 50-х гг. XX в. некоторые признаки аграрного протекционизма начали возрождаться, но реализовывались они в заведомо ресурсорасточительных формах, с приоритетом поддержки так называемых отстающих, слабых, т.е. той же бедноты, только «коллективной», а не рачительных, «культурных хозяев», эффективных сельских товаропроизводителей. В лучшем случае действовал принцип: «всем сестрам по серьгам». Помимо этого огромные средства государства шли на сооружение гигантских, экологически вредных животноводческих

комплексов, административно перераспределялись на создание показательных колхозов-«маяков» и т.д. Миллиарды народных средств в «плановом порядке» закапывали в землю мелиораторы, чуть не приступившие к переброске сибирских рек на юг страны. С началом нынешних реформ аграрный протекционизм в общих декларациях государства получил свое признание, но ни масштабы, ни механизмы его осуществления совершенно не отвечают потребностям системной модернизации и обеспечения прочной социальной защищенности сельского хозяйства.

Обобщая различные, противоречивые или прямо противоположные научные и практические государственные подходы к проблеме, можно утверждать, что во многом, если не в основном, волевые решения в формально признанной протекционистской политике по отношению к сельскому хозяйству связаны с отсутствием всесторонне обоснованной и «узаконенной» научной концепции этой политики. В равной мере это относится к общей концепции государственного регулирования АПК и адекватных механизмов ее реализации, рационального сочетания прямых и косвенных форм поддержки отечественных производителей, их защиты от внешней экспансии на национальном агропродовольственном рынке. Имеющиеся, в том числе взаимоисключающие, взгляды на вопросы оказания и размеры прямой бюджетной поддержки основных субъектов этого рынка – сельских товаропроизводителей, являются прямым следствием недооценки или игнорирования объективной общественно-политической необходимости аграрного протекционизма и отставания в разработке самой его концепции, адекватной современным переходным условиям.

Между тем эта необходимость совершенно очевидна, безальтернативна и обусловлена, по меньшей мере, двумя базовыми предпосылками. Во-первых, речь идет о производстве пищевых средств, ничем не заменимой продукции первостепенной жизненной значимости. Во-вторых, аграрное производство вследствие действия стихийных сил природы сопряжено с

особым риском, снижающим инвестиционную привлекательность владельцев частного капитала. В этих условиях именно государство, чтобы содействовать нормальному динамичному развитию агропродовольственной системы и обеспечить продовольственную независимость страны, объективно вынуждено взять на себя функции формирования и целенаправленного осуществления политики аграрного протекционизма. Неспособность реализовать эти функции – прямое свидетельство социальной и экономической ущербности проводимой государственной политики развития народного хозяйства.

Соблюдение отмеченных основополагающих предпосылок объективной общественной необходимости аграрного протекционизма позволяет реализовать его определяющую социально-экономическую функцию, т.е. обеспечение нормально функционирующим хозяйственным субъектам сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы уровня доходности, необходимого для модернизации производства и социальной сферы, устойчивого поддержания производства в объемах, адекватных общественному спросу, насыщенности агропродовольственного рынка. При этом под «нормальностью» такого функционирования понимается «качество» хозяйствования, по меньшей мере, соответствующее среднеотраслевым достижениям в степени и эффективности используемых ресурсов и обеспечивающее достаточный для осуществления расширенного воспроизводства уровень рентабельности.

Как отмечалось выше, чтобы осуществлять планомерный, основанный на самофинансировании воспроизводственный процесс в особых условиях ведения сельского хозяйства и свести размеры ресурсной протекционистской бюджетной поддержки отрасли к необходимому минимуму, расчетный оптимальный уровень рентабельности сельскохозяйственного производства должен составлять не ниже 20–25%, с дифференциацией по отраслям, связанной со значимостью и качеством соответствующей продукции, спросом на нее на внутреннем и внешнем рынках. Фактическая

рентабельность в сельском хозяйстве при явно заниженной оплате труда его работников, с учетом мизерных по размерам протекционистских дотаций и компенсаций за 2009–2011 гг. в среднем не превышала 9%, причем с хозяйств экономически и социально неправомерно взимались еще заведомо обременительные при таком уровне рентабельности налоги, что поставило сельское хозяйство в крайне неблагоприятные по сравнению с другими отраслями народного хозяйства экономические условия воспроизводства.

Ценовые и общие стоимостные диспропорции в АПК и экономике в целом крайне негативно сказались на состоянии материально-технической базы сельского хозяйства, привели к неустойчивому или кризисному финансовому положению большинства сельхозпроизводителей, образованию их колоссальной кредиторской задолженности, к деградации социально-трудовой сферы села, занявшего, по сути, первое место по уровню бедности. Все это – следствие очевидного несовершенства системы государственного регулирования рыночных процессов и причина такого положения заключается, прежде всего, в отсутствии взвешенной, научно обоснованной политики аграрного протекционизма. Из этого следует, что без радикальных взаимосвязанных изменений в системе и механизме государственного экономического регулирования сельского хозяйства в направлении активизации протекционистской составляющей этого механизма ослабить тиски монопольного окружения отрасли и тем самым преодолеть аграрный кризис практически невозможно.

При этом, во-первых, необходимо особое внимание обратить на ресурсное обеспечение механизма аграрного протекционизма и, во-вторых, учитывать, что исходя из закономерностей рыночной экономики, предопределяющей реальную хозяйственную самостоятельность товаропроизводителей и их прямую ответственность за результаты своей работы, крайне важно в целях исключения социального иждивенчества, государственные экономические регуляторы и конкретные протекционистские меры направлять на реализацию принципа самофинансирования СХО. Рынок

не может, а государство не обязано покрывать убытки, связанные с бесхозяйственностью субъектов рыночных отношений. Н.Д.Кондратьев, будучи активным сторонником аграрного протекционизма, категорически выступал против «филантропии в отношении немощных хозяйств и бесхозяйственных форм кооперации».

Исторически по отношению к среднеотраслевым показателям качества хозяйствования и доходности (уровня рентабельности) в укрупненной группировке сельхозпредприятий всегда выделялись, выделяются и, очевидно, будут выделяться три группы: 1) хозяйствующие на среднем уровне, 2) более эффективно хозяйствующие и 3) характеризующиеся той или иной степенью бесхозяйственности. «Человеческий фактор» последних по большевистской аграрной теории составляла так называемая беднота, эта маргинальная «опора» новой власти. Первая группа сельских хозяйств относилась к «середнякам» (т.е. нормально хозяйствующим), а вторая к «кулакам» – по сути (если отбросить идеологические клички и ярлыки) к культурно, эффективно хозяйствующим.

Трезво мыслящие экономисты и хозяйственники даже в годы насаждения сталинской антипротекционистской, антикрестьянской аграрной политики, особенно по отношению ко второй группе хозяйств, указывали на очевидную порочность этой политики и на разорительность для государства протекционистской филантропии в отношении не желающих и не способных эффективно хозяйствовать, в то же время охотно вступавших в колхозы. Однако политика поддержки государством «коллективных» бедняков, отличавшихся своей бесхозяйственностью, культивировалась на протяжении всего периода господства советской власти. Это, как и общая несостоятельность аграрной политики ВКП(б) – КПСС, и вело к заведомому масштабному расточительству народных средств и явилось одной из существенных причин аграрного и общего системного экономического кризиса в стране.

Многие, как экономисты-аграрники, так и надеющиеся только на государство практики, к сожалению, не отрешились от этой идеологии до сих пор. Рыночная система экономических отношений принципиально и «социально справедливо» меняет ориентиры и приоритеты аграрного протекционизма в общем направлении их органической увязки с более высокой эффективностью использования имеющихся ограниченных ресурсов, с принципом самофинансирования. Это не означает, что бесхозяйственно ведущие производство, нерадивые, а потому бедные, слабые, заведомо нерентабельные, настроенные «вечно клянчить» исключаются из системы мер государственного протекционизма и должны быть брошены на произвол судьбы. Но к ним, повторяю, должны быть применены особые принципы и правила, применяться процедуры банкротства, осуществляться адекватные, селективные меры по финансово-экономическому оздоровлению.

Для большинства предприятий этой группы в рамках специальных программ помимо реструктуризации задолженности, процедуры банкротства целесообразно проведение структурной реорганизации, в частности, присоединение ряда их к эффективно работающим предприятиям, создание новых кооперативов, в том числе владельцев приусадебных семейных хозяйств, переориентация на развитие промыслов и других видов несельскохозяйственной деятельности. Однако обязательной и для этой группы должна быть активная целевая бюджетная поддержка социальной сферы. Прямая адресная поддержка доходов независимо от результатов труда в той или иной мере оправданна и необходима лишь по отношению к физическим лицам, слабым по состоянию здоровья, многодетным семьям.

Иные, также дифференцированные подходы к осуществлению мер аграрного протекционизма как особой подсистемы государственного регулирования следует применять к «середнякам» и «передовикам». Если ценовой механизм, кредитная и налоговая системы построены так, что при реализации продукции в нормально (т.е. на среднеотраслевом уровне)

работающих предприятиях после уплаты налогов, процентов по кредитам и т.д. остается определенная, направляемая на развитие производства и социальной сферы прибыль, то здесь достаточны умеренные или даже минимальные «корректирующие» меры прямой бюджетной поддержки, использование разного рода субсидий на приоритетных, всесторонне обоснованных и также реализуемых в специальных целевых программах направлениях с целью получения наибольшего экономического эффекта и общего выхода на качественно новый уровень хозяйствования и технологии.

С народнохозяйственной точки зрения, таким образом, бесспорным приоритетом (и это подтверждается мировой практикой) является концентрация субсидий в более эффективно хозяйствующих группах хозяйств, дающих и поставляющих на рынок наибольшую с единицы земельной площади массу более дешевой продукции. В советское время такие хозяйства, в том числе в целях поддержки «отстающих», обременялись дополнительными плановыми и сверхплановыми заданиями и обязательствами, что подрывало стимулы их дальнейшего эффективного развития. В рыночной экономике, в условиях экономической свободы, здоровой конкуренции, настоящего предпринимательства, такой подход к государственному регулированию как абсолютно несостоятельный не только в экономическом, но и в социальном отношении исключается.

Отмеченные различные подходы к сочетанию селективных мер аграрного протекционизма с самофинансированием хозяйствующих субъектов необходимо отразить в соответствующем аграрном законодательстве, очевидно, в специальном законе о развитии сельского хозяйства и агропродовольственного рынка РФ прямого действия, соответственно, в Госпрограммах этого развития. Нормы такого закона, относящиеся к системе и механизму государственного регулирования агропромышленного комплекса, прежде всего, в части бюджетной поддержки сельскохозяйственных производителей должны отвечать задачам выполнения тех функций, которые присущи аграрному протекционизму и

особенностям применения его механизма в целях достижения выхода аграрного сектора из кризиса и перехода на модернизационную стратегию его развития.

Критика действующей протекционистской политики в отношении сельского хозяйства обычно сводится к явно недостаточным масштабам государственной поддержки отрасли, и в этом смысле она справедлива (тем более, если имеются конструктивные обоснования действительно необходимых ее размеров и источников для соответствующего увеличения аграрного бюджета до 450-500 млрд рублей). Но при фактическом отсутствии всесторонне отлаженного механизма селективной протекционистской поддержки сельского хозяйства значительная часть и тех скудных бюджетных средств для села не доходит непосредственно до крестьянина. А это значит, что если доля этой поддержки в расходной части бюджета будет оптимизирована, то средства могут и далее распределяться по тем же сомнительным потокам, что станет очередным и опасным для всей финансовой системы государства ресурсорасточительством. Поэтому необходимо использовать имеющиеся реальные источники увеличения аграрной части государственного бюджета, но одновременно нужна предметная разработка эффективного механизма распределения средств протекционистской поддержки сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы с дифференциацией по ее хозяйствующим субъектам.

Определенные элементы такого механизма в общих положениях были отражены в упомянутом законе о государственном регулировании АПК, в других правовых и нормативных актах, в многочисленных целевых федеральных и региональных программах социально-экономического развития отрасли и всего АПК. Однако эти положения и конкретные нормы противоречивы, несогласованны, т.е. не образуют единой системы, не просчитаны с точки зрения ресурсного обеспечения и эффективности, а главное, не предусматривают жесткой адресной ответственности за

выполнение принятых законов федерального и регионального уровней, а также целевых программ. В итоге вся политика аграрного протекционизма с крайне урезанными размерами бюджетной поддержки села пока, к сожалению, носит больше или в основном декларативный характер.

Анализ реального положения к тому же показывает, что выделение утверждаемых парламентом даже крайне «урезанных» бюджетных назначений для нужд сельского хозяйства и всего АПК за все годы реформ в полном объеме является редким исключением. Правилом является недофинансирование, невыполнение других обязательств государства в осуществлении мер прямой и косвенной протекционистской поддержки сельского хозяйства, стремление переложить эти обязательства на внебюджетные источники, часто явно нереальные. Что касается самих принципов и методов определения размеров бюджетной поддержки сельского хозяйства, то серьезных научных обоснований по этому вопросу вообще пока нет. Делаются ссылки на ЕС, другие страны Запада, а тем более на Израиль или Японию, на то, что дотации государства там в расчете на 1 га пашни в 5–10 и более раз больше чем в России, но, как правило, на конкретный опыт какой страны надо ориентироваться в этих ссылках не дается. Также нужны обоснования того, на какие объекты должны рассчитываться размеры бюджетных дотаций: на единицу земельной площади, на голову скота, на объем полученной валовой продукции, на сельского жителя или занятого в производстве, особенно если речь идет о поддержке социальной сферы. При ссылках на зарубежный опыт нужно иметь ввиду, что во многих западных странах значительная часть средств бюджетного финансирования сельского хозяйства идет на сдерживание роста, а в зависимости от спроса даже на поддержание «спада» производства, в том числе за счет сокращения посевных площадей.

Если всерьез заняться обоснованием необходимых в целом для села госдотаций при сложившихся, в том числе макроэкономических, условиях, фактической емкости агропродовольственного рынка, конкурентных

преимуществах импортного продовольствия и т.д., при одновременной разработке действенного механизма аграрного протекционизма, то количественные показатели бюджетной поддержки (на гектар земли или на единицу валовой продукции и т.д. – в этом тоже нужно более четко определиться) должны быть ориентированы на строго выверенный, базирующийся на критерии эффективности оптимум. В противном случае ослабляются или сводятся на нет как регулирующие, так и стимулирующие функции аграрного протекционизма, и всякие отклонения от такого оптимума будут иметь негативные последствия для производства, сокращать возможную величину эффекта от использования средств поддержки. Снижение ее размеров приведет к уменьшению объемов производства, дефициту продовольствия, следовательно, росту цен на него, а завышение неизбежно будет порождать иждивенческие настроения, прямое ресурсорасточительство.

В общем концептуальном плане в политике аграрного протекционизма выделяются два аспекта: внутренний, связанный с проблемами эффективного развития национальной экономики, в данном случае экономики сельского хозяйства и всего АПК, и международный, предполагающий применение единых правил торгово-экономических отношений, в частности, правил ВТО. Отсюда в связи с признанием России как страны с рыночной экономикой на первый план выдвигаются внутренние проблемы овладения рыночным экономическим механизмом, в том числе механизмом осуществления аграрного протекционизма с его ценовым, кредитно-финансовым, налоговым и другими инструментами на принципах, определяющих общие основы и движущие силы этого механизма. Именно целенаправленное решение этих проблем позволит лучше адаптироваться и с выгодой для России участвовать в международных, основанных на законах рыночного хозяйства, экономических союзах и организациях, в том числе, в ВТО.

К числу основных условий адаптации аграрного сектора к правилам ВТО относится степень конкурентоспособности продукции сельского

хозяйства на мировом агропродовольственном рынке, определяемая, прежде всего, техническим и технологическим уровнем производства, а также качеством, профессионализмом трудового потенциала, социальными условиями жизни сельских товаропроизводителей. 17-летний период переговоров России о вступлении в ВТО характеризовался очевидными упущенными возможностями созданием этих условий и предпосылок, а поэтому «безболезненного» для российского сельского хозяйства присоединения к правилам и требованиям этой организации. Особенно это касается размеров его протекционистской поддержки, являющейся определяющим макроэкономическим фактором ее системной модернизации, а, следовательно, достижения высокой конкурентоспособности отрасли.

Имеющиеся суждения о том, что сам факт вступления страны в ВТО будет инициировать рост этой конкурентоспособности не согласуется с объективными особенностями развития закономерного воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве на рыночной основе, предполагающей проведение взвешенной государственной политики аграрного протекционизма. Поучительным примером проведения такой политики и тем самым разумности, серьезности подготовки вступления в ВТО является Южная Корея. По сути, закрыв внутренний рынок для импортной агропродовольственной продукции, правительство страны мобилизовало государственные ресурсы на масштабной бюджетной поддержке национального сельского хозяйства, обеспечив его системную модернизацию и тем самым конкурентные преимущества отечественной продукции на пространствах ВТО. Россия, располагая огромными поступлениями от нефтегазового экспорта, при правильной расстановке макроэкономических приоритетов также могла бы с успехом реализовать эти преимущества. Но приоритетное развитие отечественного сельского хозяйства, в частности, закрепленное в Национальном проекте «Развитие АПК» (2005 г.) именно в части бюджетной поддержки сельского хозяйства

во многом оказалось должным образом не обеспеченным, что в полной мере относится к Госпрограмме развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг.

Реальная ситуация в системе экономических, в том числе аграрных, отношений, в данном случае в системе и механизме аграрного протекционизма, показывает, что от признания России многими государствами страной с рыночной экономикой до овладения механизмом рынка и адекватным ему методами экономического регулирования сельского хозяйства на уровне современных мировых стандартов и подходов еще существует значительная дистанция. Преодолеть ее возможно лишь на основе системной трансформации экономического механизма в русло последовательно рыночной ориентации в сочетании с протекционистской поддержкой села и дальнейших институциональных преобразований в общем направлении перехода к соответствующей законам рынка и приоритету права частной собственности новой, предпринимательской структуре аграрного сектора и АПК в целом.

В числе позитивных результатов становления такой структуры как одного из выражений стратегического курса проводимых в сельском хозяйстве и других сферах и отраслях АПК реформ принципиально важным является увеличение, в том числе посредством мер политики аграрного протекционизма, числа динамично и эффективно развивающихся низовых хозяйственных субъектов комплекса, овладевающих методами рыночного предпринимательства, менеджментом, маркетингом. С этой точки зрения аграрную реформу можно будет считать завершенной, когда эти методы, высокие профессиональные знания, подкрепленные необходимым, высокоэффективно используемым ресурсным обеспечением политики аграрного протекционизма, станут достоянием всех занятых в сельскохозяйственном производстве, всех форм хозяйства, что потребует определенного срока этого завершения в рамках последовательной рыночной трансформации.

Из всего этого следует, что как бы ни углублялись интеграционные процессы в рамках общего мирового рыночного экономического пространства и, соответственно, не совершенствовались внешнеэкономические инструменты аграрного протекционизма, определяющая роль, тем более для современных переходных условий России, принадлежит внутренним мерам и механизму протекционистской поддержки сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы страны. Использование конкретных инструментов этой поддержки в условиях рынка необходимо согласовывать с законами рыночной экономики и не выходить за рамки основополагающего принципа этой экономики: «рынок регулирует – государство корректирует».

В связи с непомерным диспаритетом цен на продукцию комплекса, обусловившим низкую доходность отраслей растениеводства и убыточность животноводства, особое значение имеет ценовая поддержка доходов сельхозпроизводителей. Хотя ценовое регулирование не должно нарушать принципа формирования цен на основе спроса и предложения, особые условия и особые риски в ведении сельского хозяйства вызывают объективную необходимость поддержки аграрных цен при оптимальных ценовых ограничениях партнеров сельского хозяйства по АПК и тем самым обеспечения равных исходных условий для рентабельной и конкурентоспособной деятельности предприятий всех отраслей комплекса. Прямая бюджетная поддержка аграрных цен, если ориентироваться на умеренные по размерам и относительным параметрам ценовые субсидии в зарубежных странах, по меньшей мере, должна обеспечить примерно половину оптимальной рентабельности сельскохозяйственного производства, рассчитываемую при включении в себестоимость оплаты труда на общественно необходимом, среднем по экономике, уровне.

Другая, меньшая часть протекционистской поддержки этой рентабельности вполне может быть откорректирована с помощью косвенных рычагов: льгот по налогам и кредитам, более низких, компенсируемых

государством цен на промышленные средства производства для сельского хозяйства, разного рода целевых субсидий, списания кредиторской задолженности сельхозпредприятий, возникающей из-за деформаций экономического механизма и т.д.

При этом по мере постепенного смягчения ценового диспаритета в АПК любые льготные выплаты и компенсации необходимо последовательно сокращать с ориентацией сельхозтоваропроизводителей на обеспечение оптимальной рентабельности через ценовой механизм, главным образом, за счет повышения эффективности производства и только частично с использованием средств прямой бюджетной поддержки аграрного сектора, которая в перспективе с оптимально необходимого в настоящее время уровня не менее 400 млрд рублей также должна сокращаться (такое сокращение сейчас проявляется в мировых тенденциях развития агропродовольственной системы со значительно более высоких, чем в России ее размеров на 1 га земли и на одного занятого в сельском хозяйстве).

Вся совокупность как прямых, так и косвенных протекционистских мер экономически и социально оправданна, если они ориентируют на улучшение качества хозяйственной деятельности, решительное пресечение иждивенческих настроений (равно как и монопольных устремлений). К сожалению, сейчас, как и в советские времена, одни ждут или по-прежнему «клянчат» помощь от государства, совершенно не заботясь о повышении эффективности собственной деятельности, другие, в тех же сложных макроэкономических условиях, сознавая, что в рыночных условиях нужно повышать конкурентоспособность продукции, сокращая издержки и повышая ее качество, наращивают производство, получают большую прибыль.

Предприятия клуба «АГРО–300», другие хозяйства, в том числе из числа средних и мелких, составляют то активное меньшинство «старательных» хозяев, которые в перспективе, демонстрируя свои достижения и новые методы работы в условиях рынка, опираясь на

оптимально необходимую протекционистскую поддержку, будут закономерно расширять сферу своей предпринимательской деятельности и, в конечном счете, станут основными элементами новой, последовательно рыночной социальной структуры аграрного сектора. Именно они, благодаря высокой конкурентоспособности производимой продукции, будут органически вписываться в глобальные мирохозяйственные процессы развития сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы, постепенно, с использованием механизма аграрного протекционизма, вовлекать в свою орбиту нынешних «середняков» и даже многих, ныне «отстающих».

Расчеты показывают, что в целом для сельского хозяйства, чтобы иметь необходимые накопления для модернизации производственной базы и социальной сферы села, масштабы протекционистской поддержки во всех ее формах необходимо привести в соответствие с обеспечением средней оптимальной рентабельности отрасли на уровне примерно 20–25%, при включении в эти расчеты оплаты труда в сельском хозяйстве не ниже 70% к среднему по стране уровню. В итоге совокупная среднегодовая прибыль сельхозпроизводителей будет составлять не менее 200-250 млрд рублей. При ответственном государственном подходе к этой важнейшей и острейшей общенациональной проблеме изыскать необходимые дополнительные финансовые ресурсы для формирования аграрного бюджета в сумме 450-500 млрд рублей вполне возможно.

Одним из источников пополнения этого бюджета является общенародное достояние – природная рента, не менее 3–4 млрд долл. которой сейчас совершенно необоснованно ежегодно попадает в «карман» монополистов добывающих отраслей, «подсуетившихся» во время мутных волн приватизации, и в значительных суммах направляется на непроизводительное использование, оседает в зарубежных банках, с царским размахом расходуется на приобретение вилл, особняков, предметов роскоши и т.д. Второй источник, к которому, следуя мировому опыту рыночной экономики, пора возвращаться – умеренный, не подрывающий стимулов

повышения эффективности прогрессивный подоходный налог, причем не только в указанных отраслях. Утверждения, что при нынешних единых ставках налоговые поступления в казну возросли, можно принять за некий аргумент, если считать правилом, что государство абсолютно отрешилось от своей неотъемлемой функции проведения жесткой, эффективной и гибкой налоговой политики, как это делается в других странах, где налоговые ставки достигают 50 и более процентов от получаемых доходов.

Так что только два названных источника в значительной мере обеспечат размеры указанной общественно необходимой в настоящее время и в ближайшей перспективе бюджетной поддержки сельского хозяйства. Есть и другие источники, например, ускользающие из рук государства многомиллиардные доходы от оборота алкогольной продукции, ввозные пошлины на импортируемое продовольствие, стабилизационный фонд и т.д. Реальный источник – средства от эффективной борьбы с коррупцией. Определенная работа по искоренению, по меньшей мере, сокращению этого разрушительного для основ государства зла ведется, но об ее эффективности можно будет говорить, когда многие коррупционные дела странным образом не будут разваливаться или заканчиваться символическими тюремными, даже условными сроками, а во всех случаях будут осуждаться по максимуму, с показательными процессами и конфискацией имущества, в том числе переводимого на родственников и прочих «других лиц». Такая, реальная борьбы сулит многие миллиарды долларов дополнительного дохода государства, а через него необходимые суммы для усиления протекционистской поддержки села, крестьянства.

Для привлечения всех этих источников, сочетаемого с устранением указанных деформаций экономического механизма, бюрократических преград, чиновничьих злоупотреблений и т.д., естественно, потребуется какое-то время. Поэтому стартовым мероприятием в этом направлении могли бы быть освобождение от налогов хозяйств с рентабельностью, по меньшей мере, до 15%, масштабное списание их кредиторской задолженности,

возникшей в основном по вине государства, его органов экономического регулирования и управления, что явилось бы действенной мерой в проведении активной политики аграрного протекционизма.

Вместе с тем, необходима разработка и применение эффективного механизма аграрного протекционизма, поскольку простое привлечение и выделение этих средств, при сохранении нынешнего порядка их использования, будет заведомым ресурсорасточительством или, говоря словами упомянутого выше К.Д.Савченко, исчезновением «как в прорве» (по нынешним определениям, как «в черной дыре»). Ресурсы протекционистской поддержки села должны строго целевым образом выделяться и строго селективно распределяться в расчете на реально ожидаемый экономический эффект с неотвратимыми санкциями за широко распространенное сейчас нецелевое или нерациональное их использование.

Обеспечение конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей возможно, таким образом, лишь при активном встречном движении двух процессов: осуществления действенных мер аграрного протекционизма и с его помощью радикальных изменений в техническом уровне производства и достижения высокой его эффективности на уровне первичных хозяйственных звеньев сельского хозяйства. В зависимости от тесного взаимодействия этих процессов для России открываются шансы обеспечения прочной продовольственной безопасности, расширения экспорта, прежде всего, за счет животноводческой продукции, следовательно, с выгодой «вписаться» в агропродовольственный сегмент мирового экономического пространства. Поскольку это проблема глобального народнохозяйственного значения, ее решение требует адекватной политической воли высшей власти и соответствующего последовательного активного воплощения этой воли в жизнь. Острие ее правовых и экономических инструментов, всю деятельность органов исполнительной власти необходимо направить, прежде всего, на мобилизацию всех источников ресурсного обеспечения мер аграрного

протекционизма, обеспечив тем самым социальную справедливость в отношении крестьянства, подтвердив его статус как равноправного социального сословия российского общества.

Глава IV. Земельный вопрос: современные проблемы и перспективы решения

4.1. Земельная реформа: хотели как лучше

Исторический опыт показывает, что земельные преобразования всегда составляли основу проводившихся аграрных реформ. Более того, всякие перемены в землевладении и землепользовании неизбежно затрагивали общие фундаментальные проблемы социально-экономического развития общества. Что же в этом отношении показывает замысел и результаты проведения современной земельной реформы в России?

С начала ориентированных на рыночные, демократические принципы современных преобразований земельных отношений, в стране прошло более 20 лет. Такого срока, судя по аналогичным преобразованиям в мировой практике для системной реализации стратегии земельной и агарной реформ в целом, вполне достаточно. Однако фактические достижения, особенно в главном – предоставлении реального права собственности на землю непосредственно тем, кто ее обрабатывает, явно не отвечают этим принципам и целям реформирования. Крестьяне в основной своей массе не стали подлинными хозяевами на земле. Многие нормы принятых за эти годы правовых актов о более рациональном использовании и охране земли повисли в воздухе.

Ведущий замысел преобразования земельных отношений, которым руководствовались реформаторы, исходил из проверенного мировым опытом основополагающего принципа: землю крестьянам, т.е. тем, кто непосредственно трудится на ней. По существу на этом же принципе базировались реформаторские идеи государственных деятелей второй половины XIX в., направленные на освобождение крестьянства от помещичьего крепостного права, наделение его фундаментальным

гражданским правом частного владения землей и свободы предпринимательской деятельности субъектов этого владения.

На более последовательное осуществление указанного принципа, на последовательное освобождение крестьян от общинной крепостной зависимости была направлена Столыпинская реформа земельных, следовательно, всей системы аграрных отношений. Этому способствовали устремления осуществить системный подход к проведению земельной реформы, когда в тесной взаимосвязи с преобразованием землевладения и землепользования реформировались другие важные стороны аграрных и всей системы экономических отношений. При этом государство, опираясь на соответствующую такому подходу научную концепцию, принимало меры по целенаправленному экономическому и правовому регулированию всего процесса реформирования этих отношений.

Важное значение в достижении позитивных результатов реформы земельных и аграрных отношений в целом имеет последовательность, этапность их проведения, отказ от соблазна поспешных, непродуманных решений, их осуществления в обход мнения самих «реформируемых». Но если общий стратегический курс осуществления нынешней аграрной реформы был направлен на отмену советского крепостного права в деревне, монополии государственной собственности на землю, то в тактике преобразований возобладало устремление осуществить их ускоренно, разом, шоковыми мерами демонтировать огосударствленную колхозно-совхозную систему. По сути отсутствовал системный, народнохозяйственный подход к реформированию, а государство во многом устранилось от его активного и целенаправленного регулирования. В итоге процессы аграрных преобразований стали сопровождаться стихийными, деструктивными проявлениями.

Общий лейтмотив и основной принцип земельной реформы: «землю крестьянам» в основном был реализован формально. Земли бывших колхозов и совхозов были распределены в частное владение, но не в «натуре», а в виде

условных долей, т.е. на бумаге. Многие виртуальные земельные участки оказались невостребованными (на 1.01.2012г около 23% от общего числа), что способствовало обвалу сельскохозяйственного производства и создало реальную угрозу продовольственной, а, следовательно, общей национальной безопасности страны.

Сейчас, оперируя цифрами экспорта зерна, власти пытаются представить чуть ли не радужную картину земельных преобразований и вместе с тем общего положения дел в сельском хозяйстве, не замечая масштабных диспропорций и деформаций в развитии отрасли. Зерно экспортировалось и в годы «социалистических» преобразований в деревне, сопровождавшихся подрывом кормовой базы и общим плачевным состоянием животноводства, недоеданием, а то и голодом самого крестьянства, т.е. признаками острейшего аграрного кризиса. И нынешний экспорт зерна (из доходов от которого самому селу ничего не достается) осуществляется на фоне подрыва базовых условий развития животноводства (падение уровня производства в нем к 1990 г. составляет почти 40%) и беспрецедентного импорта замороженной и часто залежалой животноводческой продукции (в 2011 г. на сумму свыше 700 млрд рублей). Поэтому о благополучии в сельском хозяйстве можно будет говорить лишь тогда, когда на технически и социально обустроенном земледелии и мер по обеспечению структурной сбалансированности оно станет экспортером продукции животноводства, особенно мясного скотоводства. Пока же отрасль далеко не вышла из глубокого системного кризиса во многом вследствие неупорядоченности земельных отношений, приведшей, в частности, к резкому сокращению посевов кормовых культур (за 1990-2011 гг. в 2,4 раза), а также производства комбикормов.

В результате применения шоковых методов, формального раздела обобществленных земель в частную собственность, многие реальные земельные угодья стали выпадать из активного оборота. В этих условиях, крестьяне не были готовыми в своем большинстве стать «культурными»

хозяевами на собственной земле и не хотели рисковать. Главное же, происходило не системное преобразование, а односторонняя реорганизация коллективных хозяйств в ожидании более взвешенных решений по земельному вопросу. Пока же право частной собственности на землю бывших членов колхозов и работников совхозов стало реализовываться путем закрепления за ними их условной земельной доли в общем фонде земли, а не путем выделения соответствующего участка в натуре.

Такая реорганизация, хотя сохранила многие крупные хозяйства, но сопровождалась деорганизацией внутрихозяйственных отношений, а часто прямым расхищением имущества. Правда, желающие завести свое фермерское хозяйство, стали получать реальные земельные наделы из прежних обобществленных угодий. Сейчас их около 260 тыс, т.е. немногим более 2% из почти 12 млн земельных дольщиков. К(Ф)Х являются собственниками 21% посевных площадей, на которых в 2011 г. производилось 22,1% зерновых, около 30% технических культур, определенные объемы других видов сельскохозяйственной продукции. Несмотря на все невзгоды стихийно-шокового реформирования, некоторые из них, как правило, находящиеся в благоприятных условиях производства и сбыта, получающие высокие рентные доходы, оказались устойчивыми и жизнеспособными, хотя и работающими в несовершенной и нездоровой рыночной среде. Однако в целом рыночное реформирование земельных и всей системы аграрных отношений осуществлялось бессистемно не по проверенному в мире концептуальному замыслу, а по сценарию, подобному ваучерной приватизации.

Страсть наживы, быстрого обогащения путем обретения права собственности на землю, особенно плодородную и выгодно расположенную близко к городам или транспортным путям, охватила не столько самих земледельцев, сколько предприимчивых дельцов-спекулянтов и чиновников, не имеющих часто прямого отношения к земле и сельскому хозяйству. Кроме того, отсутствие уверенности в успешном развитии фермерских хозяйств в

условиях деформированных, криминализированных рыночных отношений склоняло многих, способных к самостоятельному хозяйствованию на «своей» земле, сельских тружеников к продолжению работы фактически на почти прежних условиях в крупных СХО.

В основной своей массе работники этих «реорганизованных» СХО вскоре столкнулись с ущемлением своих имущественных прав. Начали происходить массовые спекулятивные сделки и другие злоупотребления в отношениях между собственниками земельных участков на бумаге и их партнерами по земельному обороту на региональном и местном уровнях. В процессе такого «оборота» под разными предлогами, вплоть до прямого обмана формальные владельцы земли – физические лица лишались реального права собственности на нее. Соответственно ослабевала мотивация к производительному труду и заинтересованность в улучшении состояния и использования земли. Вместо беспристрастного закона о земле с едиными, четкими и однозначными нормами действительно рыночного ее оборота, земельными делами в основном стало заправлять и сейчас продолжает это делать разросшееся бюрократическое, во многом коррумпированное «землеустроительное» и прочее чиновничество. Выручаемые миллиарды долларов от продажи сельскохозяйственных земель, особенно в пригородных зонах идут в карман кому угодно, только не труженикам самого сельского хозяйства.

Сейчас, например, в Московской области 4/5 всех земельных долей под указанными предлогами, практически вместе с крестьянами закупили всего 25 физических лиц – владельцев гигантских холдингов. Приобретенные, часто за бесценок, земельные доли превратились в огромные имения-латифундии земельных олигархов. Рыночная цена за 1 га земли в Подмосковье доходит до 180-230 тыс долларов. И хотя по закону сельскохозяйственные земли должны использоваться по прямому назначению, при «посредничестве» того же чиновничества часть их (до 100 тыс га в год за последнее время) открыто переводилась в другие категории,

предоставлялась под коттеджи, виллы, охотничьи домики и другие нужды земельных и прочих олигархов. На 20 млн населения Москвы и Подмосковья не осталось ни одной птицефабрики. На продовольственных прилавках столицы преобладает импортная продукция или завезенная из других регионов страны. В этом же направлении процессы преобразования земельных отношений развиваются и в других субъектах РФ.

В то же время в социальном статусе крестьянина, как бывшего наемного работника по сравнению с советской системой аграрных отношений мало что изменилось, в том числе в части его бесправия и незащищенности. Причина этого в том, что монополия государственная сменилась монополией земельных магнатов, посредников, чиновников, а всякая монополия, как известно, ведет к загниванию, подавлению конкуренции, предпринимательской деятельности, разгулу коррупции. Масштабы взяточничества нередко просто «захватывают дух». В начале 2011 года при получении взятки в 1 млн 300 тыс долларов был задержан советник главы Солнечногорского района Московской области В.Третьяк за незаконное предоставление московскому олигарху под коттеджное строительство в аренду 3 гектаров земли. В 2010 году были арестованы три сотрудника администрации Пушкинской администрации, включая замглаву Д.Соломатина за присвоение земельных участков, оцениваемых в 500 млн рублей. Только в I полугодии 2011 г. органы прокуратуры Московской области выявили более 1500 махинаций с землей (а сколько не выявлено?). Но и по этим махинациям возбуждено всего семь уголовных дел. Одним словом, хотели как лучше, а получилось не только как всегда, а во многих случаях еще хуже.

Вызывает тревогу состояние и использование земли. По данным на 1.01.2011 г. площадь земель сельскохозяйственного назначения в стране составила 393,4 млн га. Из них на сельскохозяйственные угодия приходится около 196 млн га, в т.ч. пашни – 115 млн га, посевных площадей – 76 млн га (в 1990 г. – 117,7 млн га, т.е. сокращение составило почти 42 млн га).

За 1990-2010 гг. площадь сельскохозяйственных угодий уменьшилась на 18 млн га или на 9%, валовая продукция сельского хозяйства на 28,2%, в том числе растениеводства на 15,2%, животноводства почти на 40%. Урожайность зерновых в 1990 г. находилась на уровне 19,5 ц/га, (в 2010 г. – 18,3 ц/га), сахарной свеклы, соответственно, 240 и 241 ц/га, семян подсолнечника 13,7 и 9,6 ц/га, картофеля – 104 и 100 ц/га, овощей – 167 и 180 ц/га.

Обследования свидетельствуют о существенном снижении экономического плодородия земли, а нынешний уровень ее продуктивности поддерживается за счет дальнейшего истощения естественных запасов питательных веществ почвы. Ежегодный их вынос сейчас почти в 3 раза превышает возврат, что связано с резким сокращением количества удобрений, вносимых на 1 га посева. За 1990-2010 гг. это сокращение составило по минеральным удобрениям в 2,3 раза, по органическим – в 3,2 раза. Правда, производство минеральных удобрений в стране за этот период возросло с 14,6 до 18 млн т, но более 80% этого объема экспортируется и используется для удобрения и повышения плодородия земли зарубежных фермеров.

Отсутствие должного хозяйского отношения к главному средству производства в сельском хозяйстве, прежде всего, объясняется расстройством всего механизма реализации права частной собственности на землю, фактическим бесправием миллионов владельцев бумажных земельных долей, проявлениями произвола и злоупотреблений в земельных отношениях. Лишь в секторе приусадебных и фермерских семейных хозяйствах, где право частной собственности получило более ощутимое выражение (располагая 26% посевных площадей они производят 55% валовой продукции сельского хозяйства) - положение с состоянием и использованием земли, ее продуктивностью, относительно благоприятнее. Наоборот, в СХО (акционерных обществах, ООО, СПК, госхозах, гигантских агрохолдингах), где непосредственные производители являются

формальными собственниками-дольщиками вся система земельных отношений остается деформированной, создающей «благоприятную» почву для этого произвола и злоупотреблений, разного рода махинаций с землей. Располагая 74% посевных площадей, эти СХО производят 45% продукции отрасли.

В статистической отчетности о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения приводятся сведения, что из всех земель находящихся в частной собственности якобы 96,8% (129 млн га) приходится на эти земли. Но по данным Росреестра на 1.01.2011 г. 76% из них (101,4 млн га) это виртуальные участки владельцев бумажных долей. Более половины этих долей (51,7%) их владельцы передали (или их вынудили передать) в аренду крупным СХО, агрохолдингам, земельным магнатам, 11,2% в уставный капитал СПК, товариществ, другим СХО. Только 7,2% «долевладельцев» получили взамен бумажных свидетельств реальные земельные участки.

Сейчас 23,7% сельскохозяйственных земель (24 млн га) в виде земельных долей, принадлежащих 2,42 млн (или 25,7%) их владельцев оказались невостребованными. Эти земли или, по сути, в прежнем организационно-правовом режиме используются теми же крупными СХО, или находятся под надзором «недреманого ока» муниципальных властей. Тем более закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (принят 27.01.2003 г.) позволяет в судебном порядке принудительно изымать эти земельные доли в собственность муниципалитетов, т.е. в распоряжение местного чиновничества. Опыт такого «распоряжения» уже реальными участками, судя по приведенным выше примерам, известен. Сельское хозяйство, как правило, вообще теряет эти земли.

Элементы явной анархии в земельных отношениях являются непосредственной причиной или необоснованного перевода земель сельскохозяйственного назначения в другие категории или деградации находящихся в обороте участков. Так, за 1995-2010 гг. почти 2 млн

земельных участков (17,2% от площади перераспределенных земель) изменили категорию использования и выбыли из сельскохозяйственного оборота. Сейчас более 10 млн граждан не могут реализовать свои права земельных собственников и получить кредиты для улучшения состояния сельскохозяйственных земель из-за отсутствия регистрационных свидетельств и землеустроительной документации.

Все это привело к тому, что за время проводимых таким образом «преобразований» земельных отношений на 70,5 млн га посевной площади полностью нарушены севообороты, а на площади 11,5 млн га прежде осушенных и орошаемых земель почти прекратилось осуществление необходимых агротехнических и мелиоративных мероприятий. На огромных сельскохозяйственных территориях РФ площадью 24 млн га интенсивно развиваются процессы эрозии и другие виды деградации почв, усиливаются опустынивание этих территорий (в Республике Калмыкия возникла первая в Европе пустыня). За время осуществления земельной реформы более 3 млн га пашни вообще заросло кустарником, мелколесьем.

Бессистемный характер проведения земельной реформы путем проб и ошибок, сопровождается запущенностью необходимых землеустроительных работ, хотя с 2001 г. действует Федеральный Закон «О землеустройстве», определивший порядок и неотложные меры по выполнению этих работ. До сих пор не проведена инвентаризация земель сельскохозяйственного назначения, не осуществлено разграничение земельных участков используемых индивидуальными собственниками и СХО на различном праве. Соответственно, эти участки не зарегистрированы и не поставлены на кадастровый учет, а земли фонда перераспределения, равно как земельные доли, не выделены в натуре.

Все это приводит к тому, что в целом отсутствуют необходимые организационно-экономические условия и для развития цивилизованного земельного рынка, купли-продажи, особенно ипотеки земельных участков. По сути нет достоверной информации о количественном и качественно

состоянии сельскохозяйственных земель, необходимой для построения действенного механизма регулирования рыночного оборота земли, обоснования размеров платежей за землю, ее аренду, земельного налога, действенного контроля за использованием земель.

Крайняя неупорядоченность системы землеустройства ведет к нарушению его устойчивости и компактности, порождает парцелляризацию земельных участков, черезполосицу, волокиту с оформлением землеустроительной документации. Затрудняется привлечение инвестиций в сельское хозяйство, отработка действенного механизма целенаправленного регулирования землепользования, а, следовательно, всей системы земельных отношений.

Поистине плачевное состояние и неэффективное, часто явно бесхозяйственное использование огромного массива земель сельскохозяйственного назначения во многом результат отсутствия действенной правовой защиты земли и ее владельцев, прежде всего, индивидуального, частного земельного собственника. По форме земельное законодательство, представленное уже сотнями правовых и нормативных актов является избыточным. Но именно эта избыточность в условиях крайне медленного продвижения нашего государства к независимости судебной системы, жесткости и волевых действий представителей нынешней «вертикали» власти, вседозволенности субъектов «административного» ресурса и порождает так называемый правовой нигилизм, явные проявления произвола в земельных и всей системе аграрных отношений.

Иное положение было бы с правовым регулированием земельных отношений и иным было бы состояние, качество, продуктивность земли, если бы в рамках преодоления правового нигилизма это регулирование осуществлялось четко прописанными нормами единого государственного правового акта о земле прямого действия с включением в него норм ответственности за использование земли и мер ее экономической защиты государством. Необходимость такого акта вытекает из особых функций и

особого значения земли как общенационального достояния, как базовой основы всей жизнедеятельности человека, прежде всего производства продуктов питания – этого ничем незаменимого условия этой жизнедеятельности, а, следовательно, самого процесса производства.

Ныне действующий с 2001 г. Земельный кодекс, к сожалению, носящий общий, декларативный характер и «обросший» обилием противоречивых положений и норм других правовых и нормативных актов не способствует становлению развитой, цивилизованной рыночной системы земельных отношений. Параллельно действовали и продолжают действовать относящиеся к теме землевладения и землепользования нормы Гражданского, Семейного и Лесного кодексов, законов о сельхозкооперации, о личном подсобном хозяйстве, о крестьянском (фермерском) хозяйстве, об ипотеке, о переводе земель из одной категории в другую и т.д. Получилось, говоря словами М.Е.Салтыкова-Щедрина, своеобразный «сумрак законов» с нестыкующимися, нередко надуманными положениями и нормами, ставший удобной для чиновничества, земельных магнатов, руководителей СХО, правовой «крышей» решать земельные дела «по усмотрению» и, естественно, для своей выгоды.

Многие считают, что закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в какой-то мере устраняет недостатки, неожиданности, странности записей в других актах земельного законодательства. Но эти акты продолжают действовать и предлагают свои правовые решения важных аспектов «земельного вопроса». На практике каждый земельный чиновник, административно назначенный судья, земельный магнат и т.д. выбирает более «удобные» нормы из разных, более «подходящих» для него правовых актов.

Еще немало людей, которым удобны и выгодны прежние колхозные порядки землевладения и землепользования, хотя понятие «колхоз» уже исключено из официальной статистической отчетности и его нет в действующем государственном реестре категорий хозяйств в аграрном

секторе. Однако в принятом и действующем законе «О сельскохозяйственной кооперации» это по сути основная форма якобы сельхозкооператива. (Другой, явно надуманной формой кооперации в сельском хозяйстве, в этом «дремучем», по некоторым оценкам законе, объявлен «коопхоз», о существовании которого даже в сельском хозяйстве ничего не знают). Указанный закон устанавливает норму, согласно которой, колхоз (а не настоящий кооператив) как и прежде, создается гражданами путем объединения их имущественных паевых взносов, денежных средств, земельных участков, земельных и имущественных долей и другого имущества, поступающего в паевой, по сути тот же «неделимый» фонд хозяйства. Тем самым частная собственность крестьян, в том числе на землю вновь «обобществляется» и становится той же общинной, т.е. коллективной, иначе говоря, «совместно-ничейной» собственностью.

Правда, формально право частной собственности члена колхоза на земельную долю, даже на земельный участок в законе признается. Но решение о форме (денежной или натуральной) и размерах возвращения члену этого, якобы кооператива принадлежавшего ему ранее имущества в виде внесенного пая, включая земельный, с целью осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности при выходе из колхоза по существу принимает общее собрание. Советская и продолжающая ее современная, несколько модернизированная практика создания этих псевдокооперативов со всей очевидностью показала как такие собрания проводятся и какие на них могут быть приняты решения, тем более, если собрание будем правомочным при условии присутствия на нем всего 25% членов, с принятием решений простым большинством голосов.

Вряд ли нужно комментировать, что это будет означать (и наблюдается на практике), в частности, для развития фермерских хозяйств в России. Злоупотребления и лишенные здравого смысла административные решения, сплошь и рядом объясняются у нас тем, что многие законодательные акты по сельскому хозяйству, принятые Госдумой, во многом являющихся

компромиссом противоположных позиций депутатских фракций и групп, конгломератом противоречивых норм, в частности закон о кооперации не выполняются. Но возникает вопрос, а нужно такой, «неудобоваримый», вводящий в заблуждение, рождающий кооперативных мутантов закон выполнять? Но раз закон есть, приходится им руководствоваться, однако часто вопреки возрождению действительной кооперации.

Немало такого рода вопросов и к «основному» для аграрного сектора земельному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», который в силу своего несовершенства и невнятности отдельных норм уже неоднократно подвергался изменениям, «корректировался». И хотя последние его корректировки определены Федеральным Законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения» (2010 г.), данный правовой акт так и не достиг желаемого совершенства. Правда, например, преимущественное право собственника земельной доли в распоряжении этой долей (или выделенным в счет ее земельным участком) без согласия прочих собственников этот «исправленный» закон утверждает, но тот же закон о сельхозкооперации этого права может не признать.

Сомнение вызывает правомерность, адекватность праву частной собственности, ее неприкосновенности, норма закона, предоставляющая приоритетность муниципалитетов в приобретении пока невостребованных земельных долей (ранее этот вопрос решался соглашениями между собственниками этих долей или между ними и сельхозорганизацией). Здесь широкое поле для формально «законного» произвола. Ведь невостребованность земельных долей часто объясняется объективными обстоятельствами, ожиданием более благоприятной конъюнктуры на рынке земли, более высокой цены на нее, незавершенностью землеустроительных и учетно-кадастровых процедур и т.д., а также общей запутанностью и сумбурностью земельного законодательства, заставляющей «подождать» с

распоряжением своей земельной долей. Игнорировать эти объективные причины – значит, стать на путь фактической вседозволенности в отношении миллионов собственников земельных долей, соответствующих площади 24 млн га (средний размер земельной доли по стране около 9.9 га). Махинаторы с землей такого «правового» решения только и ждали.

Так что в целом оценить рассматриваемый «улучшенный» закон положительно с позиции концепции и механизма рыночных отношений, включая рынок земли с его основными сегментами купли-продажи, аренды и особенно залога, не представляется возможным уже потому, что принципиальные его нормы отдают приоритет не экономическому, рыночному, а больше административно-чиновничьему регулированию, волевым решениям, прямым злоупотреблениям, ущемляющим права земельных собственников, прежде всего физических лиц, владельцев земли на бумаге в форме ее аморфных долей, этих, согласно пословице, «журавлей в небе» (по некоторым высказываниям, выражениям извечной горькой «крестьянской доли»).

Якобы для «наведения порядка» в земельном вопросе высказывается предложения, в том числе некоторых представителей аграрной экономической науки «о передаче земли народу», т.е. новой ее национализации с предоставлением сельхозпроизводителям участков только в аренду. А поскольку национализация означает на деле передачу земли не народу, а в распоряжение тех же чиновников, то нетрудно предположить последствия такой массовой передачи, апробированной в советское время. Аренда же земли по разрешениям и запретам чиновников – это необъятное поле для злоупотреблений и коррупционных сделок с землей, которые исключаются при настоящем «узаконенном» частном владении и нормальном ее рыночном обороте.

В целом подведена противоречивая, а в существенных моментах, по сути антиконституционная юридическая база для разного рода чиновничьих и монополистических манипуляций на рынке земли, свободы действий

руководителей гигантских земельных конгломератов, включающих в производственный каркас сверхкрупного, трудно управляемого объединения предприятия различного несельскохозяйственного направления, а также земли сельскохозяйственных организаций, фактически покупаемые земельными монополистами за символические вознаграждения или заманчивые обещания. В последние годы такие конгломераты получили развитие в разных регионах страны, особенно в Белгородской области, о чем часто с восторгом сообщают местные руководители, некоторые средства массовой информации и экономисты-аграрники, путающие гигантоманию с оптимально крупным производством, полагая, что именно такие объединения выведут на путь возрождения деревни и подъема сельского хозяйства. В социально-экономическом плане эти восторги представляются больше эмоциональными, а прогнозы, с точки зрения рациональной социальной структуры аграрного сектора России, по меньшей мере, сомнительными.

При нынешнем отсутствии на селе, особенно в глубинке, альтернативных источников заработка, крайне низкой осведомленности «владельцев» земельных долей о своих правах, продолжающемся старении жителей села и невозможности пожилых селян сменить местожительство и привычный образ жизни, массовая сдача этих долей во многих случаях по существу за бесценок в аренду или за такую же «цену» их продажа земельным монополистам можно рассматривать как кабальную сделку или грубое извращение принципа социальной справедливости. Дело, однако, не столько в низком уровне арендной платы или цены земельного участка, в частности закладываемого под ипотечный кредит, а в том, что на наших глазах происходит окончательное раскрестьянивание деревни и искусственное «насаждение» олегархических собственников земли на основе использования чрезвычайно «благоприятной» для них, далеко не предпринимательской конъюнктуры на деформированном аграрном, в том числе земельном рынке.

До сих пор отсутствуют необходимые законодательные ограничения на предельные размеры концентрации земли в руках отдельных собственников и должного (а иногда всякого) контроля за нормальным рыночным оборотом земли. Все это имеет и будет далее иметь необратимые отрицательные последствия не только для нынешних селян, но и для их грядущих поколений, которых земельные олигархи с помощью разросшейся рати регионального, районного и сельского муниципального чиновничества навсегда оторвут от земли. О каком государственном регулировании, равно как и о местном самоуправлении, о демократизации жизни на селе вообще, о повороте к человеку в проведении земельной, а, следовательно, общей аграрной реформы может идти речь, когда в монополистско-чиновничьем «земельном обороте» голос отдельного человека, даже если он формально объявлен или даже стал собственником земли, часто абсолютно не слышен.

Существенным концептуальным недостатком «рамочного», т.е. содержащего общие нормы Земельного Кодекса, как и Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения, является то, что в этих и других правовых «земельных» актах не устанавливается предельных, отвечающих критериям экономического оптимума, размеров земельных участков в собственности физических и юридических лиц. Если речь идет о действительно экономически и социально ориентированном на крестьянские ценностные ориентиры и критерий эффективности земельном законодательстве, то оно объективно предполагает предельные нормы максимальных размеров концентрации земли в индивидуальном или корпоративном владении. Пока таких предельных норм в нынешнем российском земельном законодательстве России нет, а на мировой опыт оптимизации землевладения творцы этого законодательства мало обращают внимания или ссылаются на ту же российскую «особую стать», удобную для оправдания бесхозяйственности, злоупотреблений и произвола.

Между тем, ограничению, точнее оптимизации размеров участков земли сельскохозяйственного назначения в собственности фермера в

правовом регулировании земельных отношений многих европейских стран, в частности, Дании, Германии, Франции, Испании, Швейцарии, Норвегии, Италии и т.д. уделяется особое внимание. В ряде стран, наряду с предельными максимальными размерами сельскохозяйственного землепользования, установлены и минимальные его размеры как условие препятствования чрезмерному дроблению земли, затрудняющему ее рациональное использование и нормальный рыночный оборот. В то же время земельное законодательство многих западных стран отказывает в возможности юридическим лицам приобретать землю, а банки, получившие в залог фермерскую землю, не могут стать ее собственниками. У нас в этом вопросе, по меньшей мере, нет ясности. И уже наблюдаются случаи, когда сельхозпредприятия, передав землю коммерческим банкам под залог даже при хорошем урожае, но, как правило, отсутствии возможности погасить задолженность кредитным организациям в условиях ценового диспаритета в АПК, теряют землю.

Правда, есть страны, где предельные размеры землевладения и землепользования не установлены. Но там нет таких как у нас «благоприятных» в смысле стихийной конъюнктуры и прямого произвола на земельном рынке условий для концентрации земли в одних руках и действуют другие, косвенные, экономические (прежде всего налоговые) ограничители этих размеров. В этих странах в основном или исключительно за счет государственных бюджетных источников создана эффективная система землеустройства, а у нас, как отмечено выше, пока ее пытаются создать, хотя закон о землеустройстве действует более 10 лет. Во-первых, межевание, как важнейшее звено землеустройства предполагает наличие у каждого собственника реального земельного участка, а у миллионов из них в наличии имеются пока повисшие в воздухе земельные доли. Во-вторых, утверждается, что якобы сейчас не представляется возможным выделить на цели землеустройства средства федерального бюджета, хотя речь идет о мизерной по сравнению с сотнями миллиардов коррупционных «потоков»

ежегодной сумме в 3,0-3,5 млрд рублей примерно на те же десять лет. Власти пытаются переложить эти вполне реальные для нынешнего федерального бюджета, а тем более для золотовалютных резервов страны суммы, на сомнительные с точки зрения источников бюджеты муниципалитетов и тем более на еще более сомнительные внебюджетные средства.

При сложившемся положении, часто волевых методах и совершенно разлаженном экономическим и правовом механизме решения «земельного вопроса» следует не только учитывать экономическую его сторону, связанную с правом собственников земли, размерами землевладения и т.д., но и упорядочение, оптимизацию его социальной структуры, которая в аграрном секторе до сих пор остается предметом научных дискуссий. Как известно, в странах Европы и сейчас основу социальной структуры сельского хозяйства, соответственно, структуры землевладения, и что особенно важно, стратегии всего сельского развития составляют малые семейные формы. В Италии, например, три четверти всех земельных собственников владеют наделами (включая лесные угодья), не превышающими 5 га. Только 1,6% землевладельцев в этой стране располагают земельными площадями свыше 50 га. У них сосредоточено около 35% всех сельхозугодий, но они производят только около четверти стоимости конечного продукта сельского хозяйства. А это значит, что основную массу продукции в этой и ряде других стран и сейчас с наибольшим эффектом на преобладающей по размерам земельной площади производят мелкие фермы, функционирующие в рамках крупных вертикальных кооперативных объединений. У нас при отсутствии эффективно функционирующей кооперативной системы, общем преобладании крупных СХО последние занимают 2/3 посевных площадей и производят лишь 45% общего объема продукции сельского хозяйства. Этот явный структурный перекос негативно сказывается на общем состоянии и эффективности использовании земли.

В тех странах ЕС, где средние размеры ферм относительно больше, основу их, тем не менее, составляют семейные фермы. Так, в Дании

насчитывается около 70 тыс крестьянских хозяйств со средней площадью в 36 га, функционирующих в развитой кооперативной системе. Здесь, как и во многих других странах сообщества в отношении преобладающего в аграрной структуре сектора семейных хозяйств проводится активная политика аграрного протекционизма, четко прописанная в аграрном законодательстве. В соответствии с ним посредством прямой бюджетной поддержки государством мелких хозяйств, развития соответствующей сельской дорожной сети, всей социальной инфраструктуры сдерживается отток населения из сельской местности, обезлюдение обширных регионов с неблагоприятными условиями, в частности, отдаленных от цивилизации высокогорных сел. В Греции, например, благодаря такой целевой поддержки, 62% занятых в сельскохозяйственном секторе успешно ведут хозяйство в отдаленных или неблагоприятных с точки зрения качества земельных угодий сельскохозяйственных территориях. В российской действительности на таких территориях, в сельской глубинке, земля опустела, на ней некому работать и некому ее осваивать в целях, как это предусмотрено соответствующей Доктриной, повышения продовольственной безопасности страны.

Из сказанного выше следует, что сельскохозяйственные земли нуждаются в серьезной государственной защите, которая, по словам Д.И.Менделеева, «равносильна защите самого государства». Земля, кто бы не был ее конкретным собственником, - ничем не заменимое *общенациональное* достояние, по известному классическому определению «мать богатства». Отсюда первостепенная задача государственных институтов, прежде всего правительства, других ветвей власти, особенно высшего политического руководства целенаправленно и системно реализовать эту функцию, содействуя тем самым повышению экономической мощи всего государства, устойчивости его развития. Для цивилизованных стран современного мира, поднявших свое сельское хозяйство на уровень социального благополучия, прогресса, действительно инновационного

развития решение этой задачи было и остается важнейшим народнохозяйственным приоритетом.

В совокупности взаимосвязанных направлений и мер защиты земли государством особая роль в этих странах отводится правовой защите, качеству, четкости, целенаправленности, предметности и однозначности земельного законодательства. Земельное и в целом аграрное законодательство, обеспечивающее прочную правовую защиту земли и обрабатывающего ее земельного собственника, строится в тесной взаимосвязи с активной экономической защитой, которая неизменно базируется на принципах аграрного протекционизма и является важнейшим составным элементом всей аграрной политики. В реализации этих принципов правительства таких стран – нынешних членов ВТО с успехом «перешагивают» через правила этой организации, обеспечивая массированную поддержку сельских товаропроизводителей, вкладывая на единицу земельных угодий в 5-10 и более раз больше, чем в России. Тем самым обеспечивается действительный, (а не преимущественно декларативный, как это все еще наблюдается у нас) приоритет развития сельского хозяйства, следовательно, реальные экономические возможности повышения качества и плодородия земли.

Из современной мировой практики стран, активно осуществляющих активную экономическую защиту земли можно сослаться на Норвегию, Южную Корею, США, страны ЕС. Действительная, общенациональная забота государства о земле и крестьянстве, как «корневой системе» нации, об условиях труда земледельца приносит свои неоценимые плоды для общего экономического развития и поддержания социальной гармонии в стране. Так, в Норвегии объем среднегодовой поддержки аграрного сектора страны составляет почти 2/3 стоимости валовой сельскохозяйственной продукции, а в расчете на 1 гектар сельхозугодий – около 3 тыс долларов (в странах ЕС – свыше 1 тыс долларов), против, соответственно, 65-70 долларов в России.

Масштабное государственное субсидирование аграрного сектора осуществляется во многих других странах (причем не имеющих серьезных запасов ни нефти, ни газа, например, в бывшей отсталой российской окраине – Финляндии, ныне экспортирующей нам, в обмен на сырье, мирового класса станки, оборудование, электронику и т.д., да и качественные пищевые продукты) Бедная от природы, экономически и законодательно защищенная, социально обустроенная земля финских частных фермерских хозяйств, включенных в развитую кооперативную систему обеспечивает прочную продовольственную безопасность страны. В России с ее десятками миллионов гектаров уникальных черноземов сохраняется серьезная угроза этой безопасности.

В 2010 г. аграрный бюджет вообще был сокращен до 104 млрд руб., т.е. до 3,5 млрд долларов или до 18 долларов на 1 га сельхозугодий. Но и на 2012 г. он определен в сумме около 4,7 млрд долларов (140 млрд рублей против минимально необходимых 400 млрд рублей и «разрешенных» правилами ВТО 270 млрд рублей). Очевидно, что серьезно улучшить качество земли при такой поддержке, даже сохранить его на нынешнем уровне невозможно. А декларативная «установка» Доктрины продовольственной безопасности вовлечь в оборот миллионы гектаров заброшенных, по сути, теперь уже «залежных» земель, требующих нового освоения с новой производственной базой и социальной инфраструктурой не что иное, как благое пожелание.

Формирование развитой, эффективной рыночной системы земельных отношений в сельском хозяйстве, которая бы обеспечила высокую его конкурентоспособность, предполагает усиление регулирующей роли государства в ликвидации существующих диспропорций и деформаций в экономическом механизме АПК, прежде всего, в его основной, ценовой подсистеме. В ложном направлении ориентируют некоторые обоснования, согласно которым земельно-ипотечное кредитование якобы может «выручить» сельхозпроизводителей в условиях отсутствия у них средств на

долгосрочные инвестиции, связанного с указанными деформациями. На самом деле земельный рынок может успешно развиваться, в том числе в направлении залога земель, при устойчивом финансовом состоянии различных форм хозяйства. Только при этом можно повысить инвестиционную привлекательность вложений в землю. При нынешнем финансово-экономическом состоянии СХО закрепить уже подготовленных и способных организовать более рациональное использование земли миллионы выпускников специальных учебных заведений аграрного профиля практически невозможно. Но чтобы радикально улучшить это состояние нужно, во-первых, не продолжать обирать и без того бедного земледельца, а, наоборот, учитывая зарубежный опыт, поддержать его необходимыми для повышения экономического плодородия земли ресурсами, на деле реализуя провозглашенный и неоднократно подтверждавшийся нынешним руководством страны приоритет сельского развития.

В определенной мере этот приоритет отражен в национальном проекте «Развитие АПК» (2005 г.), Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 гг.», аналогичных программных разработках на 2013-2020 гг., но больше в плане общих замыслов, а не адекватного ресурсного обеспечения. Сам инициатор указанного проекта Президент РФ В.В.Путин отмечал *«недопустимо малую»* его финансовую поддержку. Иллюстрация такой же недопустимости выше показана в отношении упомянутой Госпрограммы. Она присутствует и в новых программных разработках по сельскому хозяйству на 2013-2020гг.

Правда, в статье В.В.Путина в газете «Ведомости» от 18 марта 2012г по современным и предстоящим задачам экономического развития страны вновь проводится мысль о том, что Россия не может быть исключением в активной господдержке сельского хозяйства по опыту «всех развитых стран». Однако эта мысль по-прежнему не конкретизируется с точки зрения бюджетной политики, подходов к формированию аграрного бюджета. Приведенная выше

конкретика свидетельствует о том, что пока не видно серьезных сдвигов в этой области, а значит в действенной экономической защите государством земли и земледельца, как это делается *во всех этих* странах. На 2013 г. господдержка села намечена в сумме около 130 млрд рублей в год против 450-500 млрд рублей как объективно необходимых для старта на реальную системную модернизацию сельского хозяйства.

Проще всего объяснить мизерность господдержки села нехваткой бюджетных средств, которые уже «расписаны» по отраслям и сферам народного хозяйства. Но возникает вопрос, а учтен ли в этой «росписи» (с её заведомыми откатами и «распилами» миллиардов бюджетных средств) принцип приоритетности, нет ли в некоторых приоритетах явных просчетов, субъективных «любительских» подходов со стороны «расписывающих»? Почему интересы и амбиции оборонщиков, милиции, спортивных фанатов и т.д. приоритетнее интересов и нужд крестьянства и разве дефицит продовольствия меньше угрожает национальной безопасности, чем, например, недостаток танков, или почему затраты на «Олимпиаду-2014», ЧМ по футболу в суммах 600-700 млрд рублей приоритетнее затрат на сельское хозяйство? Ведь доля аграрного сектора в бюджете страны и так спустилась до 1,2% на 27% сельского населения. А не в том ли дело, что якобы нехватка средств для господдержки села есть прямое следствие явного пренебрежения власти к ответственному выбору приоритетов с учетом мнения широкой общественности?

Ответ на эти вопросы, если на деле учитывать опыт «всех развитых стран» очевиден и он совершенно не подтверждает умозаключений о недостатке средств для господдержки сельского хозяйства, тем более для этого имеются указанные выше реальные дополнительные источники. Явные перекосы в расстановке приоритетов, сопровождающиеся пресловутой «перекачкой» свидетельствуют об очевидных признаках ущербности аграрной и общей экономической политики государства.

Представители финансового и вообще экономического блока правительства считают, что размеры господдержки сельского хозяйства нужно рассматривать с учетом выделяемых на льготных условиях кредитов. Но кредиты это не «добавочные» вложения. И субсидированные кредиты надо полностью возвращать. При фактической убыточности сельского хозяйства в условиях сложившегося диспаритета цен финансовых возможностей такого возврата, если даже и далее «экономить» на заниженной оплате труда селян более чем на 50% (тем самым «стимулируя» снижение трудовой активности и отток квалифицированных и перспективных работников из села), подавляющее большинство хозяйств не имеют. Совершенно иными были бы экономические условия воспроизводства в сельском хозяйстве при соблюдении и поддержке ценового паритета, что изменило бы и функции и результативность кредитной политики. Зачем СХО залезать в кредитную («ростовщическую» по нынешним процентным ставкам) долговую яму, если при поддержке аграрных цен (достигающих в тех же «развитых» странах до 80% общей суммы господдержки) они будут иметь собственные денежные источники, в том числе для покрытия сезонных затрат?

Разумеется, наряду с государственной поддержкой необходимы усилия самих СХО по повышению эффективности использования земли и других ресурсов. Пока это удается ограниченному числу хозяйств, прежде всего, представленным клубом «Агро-300»), включающим 1,3% от общего числа крупных СХО. В этом очевидна роль качества человеческого фактора, профессионализма руководителей таких хозяйств, но и, как правило, влияние более благоприятных условий производства и сбыта продукции, следовательно, реальных возможностей увеличения «добавочных» вложений в землю. Одновременно именно эти же хозяйства пользуются приоритетным получением бюджетных и кредитных ресурсов, т.е. прямой протекционистской защитой земли и земледельца государством. К сожалению, перераспределение этих ресурсов, как и советские годы для

создания «маяков» и престижа местных властей, осуществляется «выборочно» в пользу ограниченного числа, как правило, крупных предприятий, агрохолдингов. Основные землепользователи и производители сельхозпродукции – масса других крупных и средних хозяйств, малых семейных форм, тем более в глубинке, в большинстве своем лишена необходимой поддержки.

Таким образом, земля вместе с работающим на ней российским земледельцем в целом не имеет необходимой для осуществления модернизационной стратегии развития сельского хозяйства правовой и экономической защиты. Обеспечение такой защиты с опорой на проверенный опыт всех развитых стран требует существенных корректировок аграрной политики и переориентации общей государственной экономической стратегии на действительный приоритет сельского развития, а не ограничиваться благими намерениями, полумерами.

4.2. Земельная рента: условия образования и механизм распределения

Вопрос о природной ренте, особенно земельной, о ее формах, условиях образования, методах учета, принципах и механизме распределения - один из основных и в то же время сложных и во многом туманных, запутанных как в области теории, так и непосредственно в практике аграрных отношений. Долгое время у нас он как бы «решался» в соответствии с известными, по словам П.Маслова, «черновыми набросками» К.Маркса, причем это решение в основном ограничивалось цитатами и комментариями к ним, безапелляционными «окостенелыми» определениями и утверждениями в научных монографиях, статьях, диссертациях и т.д. Делались также попытки изобретения «социалистической» земельной ренты, а потому лишенной присущих этой категории внутренних противоречий.

В 60^{е} годы XX в. по проблеме земельной ренты проходила широкая дискуссия, в которой принимали участие С.Г.Струмилин, А.В.Болгов,

И.Д.Лаптев, В.Г.Венжер, А.М.Емельянов, В.И.Сторжев и другие экономисты, включая автора этих строк. Преобладающей была позиция «отгородиться» от капитализма, иначе говоря, от рынка, рыночных отношений, поскольку предполагалось товарное производство если (по Ленину) не уничтожить, то создать по определению Сталина конструкцию товарного производства «особого рода», с подсобными, учетными, а не активными экономическими регулирующими функциями, как это вытекает из научной концепции, сущности и объективно обусловленного механизма рыночных отношений. О платности землевладения и землепользования, о цене земли как объекта купли-продажи не могло быть и речи. В целях соблюдения «чистоты» советской экономической науки предлагалось вообще отказаться от термина рента как «нетрудового» дохода, а заменить, например, понятие дифференциальная рента понятием дифференциальный доход и тем самым, как говорят, вообще «не ломать голову» над проблемой, оставив это занятие «апологетам» капитализма, т.е. рынка, включая рынок земли.

Работая в Институте экономики АН СССР под руководством В.Г.Венжера над кандидатской диссертацией, связанной с изучением условий образования фиксированных различий доходов в сельском хозяйстве, по сути дифференциальной ренты, я, по меньшей мере, сомневался в искусственной конструкции «социалистической» природной ренты. По материалам исследования на примере Пензенской области была подготовлена и опубликована в журнале «Вопросы экономики» (правда, с оговоркой редакции: «В порядке постановки») статья «Дифференциальная рента и экономическая оценка земли». Поскольку в статье просматривалась настоящая рыночная концепция проф. И.Д.Лаптев, прочитав ее, с намеком на мое недопонимание сущности и преимуществ социализма спросил: «Ну что, товарищ Буздалов, землю будем продавать и покупать?».

Сейчас рынок земли стал экономической реальностью, но в его исследованиях рентная составляющая не является предметом должного внимания, не говоря о методологических аспектах проблемы. И это не

случайно. До сих пор и в мировой науке, как справедливо отмечают авторы известного экономического труда, имеющиеся «теории ренты являются весьма несовершенными» (Маккеннелл К., Брю С. «Экономикс», М.: Республика, 1992 г., т. I, с. 179).

Продолжаются по-прежнему абстрактные рассуждения вокруг так называемой марксистской теории абсолютной ренты, повторяющие ее «творческое» развитие в советской политэкономии (см., например, статью в «Экономической энциклопедии», М.: Издательство «Экономика», 1999 г., с. 681). Туманными построениями по поводу категории природной ренты пользуются, в том числе в популистских целях политики, отдельные экономисты.

Если в исходном пункте подобного рода построений используются традиционные с советских времен методологические подходы, касающиеся условий образования природной ренты, то в части ее учета и распределения вообще выдвигаются абстрактные «соображения». При их использовании в экономической практике, в системе государственного регулирования рентных отношений можно в корне подорвать финансовую базу модернизации и эффективного развития соответствующих добывающих отраслей экономики, а также и особенно сельского хозяйства.

Об умозрительности указанных соображений свидетельствует тот факт, что для реализации результатов исследования природной ренты, как сверхприбыли, нужны не общие митингового характера требования вплоть до акции «отобрать и поделить», а прежде всего научное обоснование нормативов средней, объективного необходимой для расширенного воспроизводства, прибыли, оптимальной рентабельности для хозяйствующих субъектов. А здесь митингующие сколько-нибудь внятных доводов, а тем более расчетов, часто или вообще не приводят. Преобладают эмоции, общие призывы к социальной справедливости, выдвигаются требования пересмотра итогов приватизации и т.д.

Но если в указанных отраслях, в доходах соответствующих, прежде всего, нефтяных компаний, судя по уровню рентабельности, часто скрываемым доходам, тем более при нынешних мировых ценах на нефть, есть что учитывать и распределять (имея ввиду сверхприбыль в форме природной ренты, связанной с различиями в естественных условиях ее образования), то в доходах сельских товаропроизводителей, за исключением отдельных СХО с особо благоприятными условиями (качество почв, местоположение, условия сбыта продукции) земельная рента сейчас вообще имеет отрицательную величину. Если оптимальная рентабельность, необходимая для нормального ведения хозяйства на расширенной основе для отрасли определяется на уровне не ниже 25%, то фактически с учетом субсидий в 2000 г. она составляла 6,7%, а в 2010 г. – 8,3%, т.е. хозяйства не получают и необходимой средней нормы прибыли. Очевидно, что и рента, и значительная часть необходимой для такого ведения прибыли здесь попадает в «карман» не тем, кто производит прибавочную стоимость, возделывая землю, выращивая животных, а тем, кто к этому созданию не прилагает никакого труда: посредникам, переработчикам, торговцам и т.д. Какая-то часть земельной ренты при этом поступает и государству, хотя последнее, исходя из его функций высшего арбитра и регулятора земельных отношений и самого факта общенациональной принадлежности земли, вправе, в общей сумме земельного налога получать строго определенную, экономически обоснованную долю той ренты, условием образования которой являются, прежде всего вовлеченные в оборот лучшие и удобно расположенные земельные участки, в том числе находящиеся в частном владении.

Все это является свидетельством того, что практика государственного и хозяйственного управления, действующий экономический механизм развития сельского хозяйства до сих пор не опираются на четкую научную концепцию рентных отношений, не учитывают адекватную рентную составляющую этого механизма. Наряду с этим отсутствуют и необходимые законодательные акты, которые бы исходя из научных основ рентных

отношений содержали четко прописанные правовые нормы учета природной ренты и отвечающие принципу социальной справедливости нормативы ее распределения между хозяйствующими субъектами и государством, в том числе прогрессивные ставки земельного налога, изымаемого из прибыли сверх оптимального уровня рентабельности. Эти ставки еще предстоит определить как в целом по совокупности отраслей, приносящим природную, в т.ч. земельную ренту, так и по предприятиям каждой отдельной отрасли и здесь, учитывая меняющиеся условия рыночной конъюнктуры, региональные особенности и т.д. в рамках общей схемы не может быть шаблона.

Из этого следует, что переход к рыночным отношениям с их «естественным» экономическим механизмом, обеспечивающим эффективное функционирование производства вызывает объективную необходимость исследования теоретических и целенаправленного решения прикладных вопросов природной ренты. Актуальность и народнохозяйственная важность предметного изучения данной проблемы обусловлена ее органической связью с теорией и механизмом реализации собственности на ископаемые природные ресурсы, земельной собственности в сельском хозяйстве, ценообразованием, всей системой распределительных отношений, прежде всего, налогообложением. Экономическое регулирование рентных отношений в соответствии с законами рынка и особенностями их проявления в сельском хозяйстве, других приносящих природную ренту отраслях создает необходимые стимулы увеличения и рационализации самого процесса добычи полезных ископаемых, эффективного использования и повышения плодородия сельскохозяйственных земель, обеспечивает находящимся в различных объективных условиях товаропроизводителям равные (с точки зрения остающейся у товаропроизводителей прибыли) возможности расширенного воспроизводства.

Общее состояние научной разработки проблемы природной ренты, в том числе земельной ренты в сельском хозяйстве на современном этапе

экономических исследований в стране уже из кратко сказанного выше можно оценивать как явно неудовлетворительное. Особенно отстает исследование методологии, самой концепции рентных отношений, общие научные основы которой обозначены в современной экономической теории, но по разному реализуемые в непосредственной хозяйственной практике. В советский период достижения мировой экономической науки, в том числе аграрной, включая положения классиков теории земельной ренты (А.Смита, Д.Рикардо и др.), не только не развивались, а с высокомерием и легковесностью аргументов отвергались. Сейчас же вокруг научной концепции природной ренты больше разговоров с выходом на предложения изъять ее у олигархов и поделить вплоть до зачисления на счета каждого жителя страны в тех или иных взятых с потолка заманчивых суммах, чем попыток серьезного всестороннего исследования проблемы.

Учитывая это, особое внимание сейчас важно уделить, как концепции природной ренты, так (и особенно) экономическому механизму рентных отношений, обусловленных владением, распоряжением и использованием ресурсов отраслей, связанных с действием естественных рентообразующих факторов. Здесь прежде всего необходимо четко определиться в методологических положениях на этот счет и опираться на те, которые являются бесспорными или научно доказанными, проверенными мирохозяйственной практикой, отбросив все наносное, политизированное, популистское.

Принципиальное из этих положений сводится к тому, что образование, распределение и использование природной ренты в ее развитой стоимостной форме обусловлено общими экономическими закономерностями развития материального производства на рыночной основе или, по выражению Д.Рикардо, «всеобщими», вечными законами функционирования этого производства в условиях ограниченности соответствующих ресурсов, ведущей к удорожанию тонны нефти, зерна и т.д. «Не потому хлеб дорог, что платится рента, - писал он, - а рента платится потому, что хлеб дорог».

Различны лишь формы ренты с особенностями механизмов ее экономической реализации в зависимости от уровня развития производительных сил и складывающейся на каждом данном этапе этого развития системы производственных отношений, основной и движущей силой которых исторически является и остается рыночная форма этих отношений.

В связи с этим явно надуманной идеологической конструкцией является рассмотрение природной ренты «при капитализме» или «при социализме», поскольку капитал (т.е. ресурсы, средства производства, приносящие доход, прибавочную стоимость), соответственно, природная рента есть общеисторические категории товарного производства. Можно говорить или о демократической рыночной капиталистической системе, которая при ее активной социальной ориентации (Швеция, Франция и многие другие страны Запада) на деле и есть настоящий социализм, или о системе государственно-монополистического капитализма советского образца, т.е. о псевдосоциализме, силой насажденном в бывшем «социалистическом лагере» по абстрактной, (если не сказать абсурдной) теоретической схеме. Земельная и вообще природная рента в ее развитой стоимостной, денежной форме есть категория товарного и в этом смысле развитого капиталистического производства. При активной социальной ориентации этого производства формируется адекватный природе рентных отношений механизм распределения ренты, социально справедливый для всех, связанных с нею, участников воспроизводственного процесса.

Концептуальные основы рентных отношений едины не только в общеисторическом плане развития товарного, т.е. в отмеченном понимании «капиталистического» производства. На каждом данном этапе этого развития они едины для всех «рентообразующих» отраслей, среди которых своей спецификой и жизненной важностью выделяется сельское хозяйство, на примере рентных отношений в котором можно конкретизировать изложенный общий концептуальный подход к проблеме и предметно рассматривать вопросы, вытекающие из названия данного параграфа.

В широком понимании рента есть цена, уплачиваемая собственнику средств производства или владельцу различных видов недвижимости, не связанная с непосредственной предпринимательской деятельностью этого собственника. Ренту в разных формах платы получает домовладелец и всякий другой собственник, сдающий в наем свое имущество. Земельная рента - это цена, уплачиваемая землевладельцу (или доход, получаемый им) за предоставление в пользование товаропроизводителю (на правах аренды или в иной форме) сельскохозяйственных земель. Землевладелец может сам непосредственно или применяя наемный труд возделывать принадлежащую ему землю, тогда как собственник он получает (присваивает) всю прибавочную стоимость, в том числе образующуюся на этой земле ренту.

Противоречия в отношениях между субъектами, участвующими в образовании и распределении ренты, имеются, но они совершенно не носят антагонистического, «эксплуататорского» характера по отношению к непосредственному работнику на земле, как это декларировалось, исходя из марксистской экономической теории, включая теорию ренты в ее «черновых набросках». Каждый в соответствии с принципом социальной справедливости, с затраченным физическим или умственным, организаторским, управленческим трудом получает свое. К тому же в конкретном, в той или иной хозяйственной форме «трудящемся» индивидууме может сочетаться и часто сочетается в практике рыночных отношений и земельный собственник, и предприниматель, и непосредственно сельскохозяйственный работник.

В соответствии со схемой, предложенной К.Марксом, до предела идеологизированной советской «политэкономией социализма», считалось, что земельная рента выступает в трех формах: абсолютной, дифференциальной и монопольной. Согласно этой абстрактной схеме предполагалось, что земельная рента в ее денежном выражении во всех названных формах существует лишь при товарном, следовательно, «капиталистическом» производстве (кстати, и по Марксу, товарное

производство – «абсолютная форма капиталистического производства», которое по этой причине предполагалось обязательно почему-то «уничтожить»). «Что касается социализма, то известно (подчеркнуто мною - И.Б.), что он состоит в уничтожении товарного производства» (Ленин В.И., ПСС, т. 17, с. 16). По этой причине, соответственно, земельная рента тоже уничтожается или «отпадает вместе с отпадением цены и товарного производства». При этом в указанной схеме особое место отводилось классово препарированной абсолютной ренте, которая связывалась с “ненавистной” частной земельной собственностью, а количественно эта рента выводилась из более низкого органического строения капитала в сельском хозяйстве, якобы обусловливающего получение большей прибавочной стоимости или сверхприбыли на равновеликую величину этого капитала.

Надуманность этой схемы давно, начиная с Д.Рикардо, доказана очищенной от идеологической шелухи экономической наукой. Аргументы о том, что причиной возникновения абсолютной ренты является препятствие переливу капитала в сельское хозяйство, создаваемое частным владением землей, а экономическим условием - более низкое органическое строение капитала в земледелии, отвергнуты практикой реальных аграрных отношений и фактическим строением этого капитала, наоборот, более высоким в индустриально развитом сельском хозяйстве. Отсюда вывод: в природе причин, условий и факторов образования абсолютной земельной ренты, во всяком случае, в марксистском понимании не существовало и не существует.

В известной мере аргументы в отношении образования сверхприбыли вообще, т. е. с земель любого качества, применимы к понятию монопольной земельной ренты. Ограниченность земли при монополии любой формы земельной собственности и монополии на землю как на объект хозяйствования при пространственной ограниченности земельных участков ведет к тому, что продукция сельского хозяйства, тем более произведенная в

особых климатических условиях, может реализовываться и в условиях стабильно высокого спроса реализуется по монопольным ценам. Излишек прибыли сверх среднего уровня, а также сверх дифференциальной ренты и образует монопольную ренту, присваиваемую собственником земельных участков, находящихся в этих условиях. Здесь помимо цены соответствующих продуктов, определяемой трудовыми затратами, потребитель платит и за более высокую общественную полезность этих продуктов, можно сказать, за высокий спрос на них. При этом монопольная рента может образовываться не только в сельском хозяйстве, в добывающих отраслях, но и в предприятиях обрабатывающих отраслей, например, в обход антимонопольного законодательства реализующих продукцию по монопольным ценам и присваиваться хозяйствующими субъектами этих отраслей.

Основной формой земельной ренты в сельскохозяйственном производстве является дифференциальная рента, возникающая на землях более высокого качества и удобнее расположенных по отношению к рынкам сбыта, а также благодаря дающим высокий эффект добавочным вложениям в землю. Соответственно различают дифференциальную ренту I и II.

Обобщая теоретические воззрения на проблему природной, в данном случае земельной ренты, «очищенные» от идеологических наслоений и основанные на объективных закономерностях развития рыночной системы аграрных отношений с учетом их отраслевой специфики, можно заключить, что ее последовательно научная концепция исходит из понимания того, что:

1) существуют общие естественные условия ее образования, связанные с ограниченностью земли, различиями ее плодородия и местоположения;

2) возможности получения дифференциальной ренты II ограничены в связи с действием закона падающей производительности добавочных вложений, тем более на данном уровне развития техники и технологии в земледелии;

3) наличие товарного производства является причиной превращения дополнительной прибыли, обусловленной естественными различиями хозяйствования, в земельную ренту (сверхприбыль).

Таким образом, в рыночной аграрной экономике существуют объективные предпосылки образования земельной ренты в двух ее формах: дифференциальной и монопольной. Факторы и условия возникновения дополнительной прибыли и превращения ее в земельную ренту (сверхприбыль) связаны со специфическими особенностями воспроизводства в сельском хозяйстве, с ограниченностью земельных ресурсов, пригодных для сельскохозяйственных нужд и их различиями по плодородию и местоположению. И хотя эти факторы и условия являются постоянно действующими, цикличность экономического развития, кризисные явления предопределяют изменения в механизме рентных отношений, влияющие на количественные характеристики величины ренты во времени и пространстве, соответственно на пропорции ее распределения между субъектами агропродовольственного рынка. Это предполагает гибкость научного анализа проблемы, учета рыночной конъюнктуры, спроса и предложения, изменения мирохозяйственных и внутристрановых ценовых соотношений в отраслях экономики, в том числе, непосредственно в отраслях, приносящих природную ренту.

Механизм рентных отношений в сельском хозяйстве строится на сочетании естественных и экономических факторов воспроизводства. При этом естественные факторы образования сверхприбыли в форме земельной ренты, прежде всего дифференциальной ренты I, на долю которой приходится основная масса общей суммы ренты, обладают постоянным, фиксированным характером воздействия этих факторов на ее величину. Экономические факторы рентного механизма имеют переменное значение, обладают подвижностью, что обусловлено эффективностью, качеством «добавочных вложений», меняющейся ситуацией в системе рыночных отношений, реальной конъюнктурой на рынке, включая рынок земли.

Определяющую роль в совокупности этих факторов и конкретных инструментов формирования и распределения земельной ренты играет ценовой механизм.

Сейчас можно считать общепризнанным, составляющим фундаментальную общую предпосылку существования категории земельной и, в первую очередь, дифференциальной ренты, что в силу ограниченности земли, монополии на нее сельских предпринимателей-собственников, как на объект хозяйства, цены на продукты сельского хозяйства определяются по замыкающим затратам, т.е. издержкам производства на относительно худших землях при их нормальном хозяйственном использовании. Но это общая тенденция, количественно фиксируемая в розничных ценах на продукцию сельского хозяйства.

На практике, в определенной общей экономической ситуации на агропродовольственном рынке при сложившемся соотношении спроса и предложения на конкретные виды этой продукции закупочные и, соответственно, розничные продовольственные цены могут отклоняться в сторону общественных издержек производства на более лучших землях, а худшие тем самым исключаются из оборота. И это естественно, поскольку вообще в меняющихся рыночных условиях отклонение цены от стоимости продукта является закономерным явлением. Так же закономерным является отклонение цены на продукцию сельского хозяйства от ее стоимости на худших землях. Все зависит от соотношения спроса и предложения на эту продукцию. Однако в целом принцип формирования аграрных цен по замыкающим затратам, по издержкам производства нормально хозяйствующих предприятий, расположенных на худших землях, продукция с которых имеет общественный спрос, носит фундаментальный характер. Об этом, в частности, свидетельствует устойчивая мировая тенденция к общему удорожанию продовольствия, что, соответственно, определяет ситуацию на земельном рынке, отражается на цене земли, как капитализированной ренте.

Таким образом, цена - определяющий элемент и регулятор рентных отношений, основной инструмент экономического механизма этих отношений. Уровень цены предопределяет массу и норму ренты (отношение ее массы к издержкам производства) и на практике он вызывается особым характером проявления закона стоимости в специфических условиях, связанных с действием рентообразующих естественных и экономических факторов, изменениями в общей рыночной ситуации. Регулирующее воздействие государства на цену вносит необходимые коррективы в действие механизма рыночных отношений, прежде всего, связанных с объективными, социально справедливыми принципами распределения дифференциальной ренты, стимулами увеличения добавочных вложений в улучшение земли разного качества (учитывая, однако, что лучшие земли дают большую отдачу), аккумуляцией части ренты в централизованных фондах федерального и местного уровня, в том числе для целевой протекционистской поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, направленной на увеличение и удешевление производства, сохранение и повышение почвенного плодородия. Для этого необходимы объективные критерии, определяющие условия образования и количественные параметры, величину земельной ренты, фиксируемые, в частности, при экономической оценке земли, нормативной ее цене, установлении размера земельного налога или арендной платы.

В дореформенный период (до 1991 г.) функцию перераспределения земельной ренты в бывшем Советском Союзе в какой-то мере выполнял механизм зональной дифференциации государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Однако переход к рыночным отношениям существенно сокращает масштаб государственных закупок этой продукции. К тому же формирование рыночных цен под влиянием спроса и предложения постепенно приводило и приводит к устранению резкой зональной дифференциации в уровне этих цен. В условиях, когда продукция сельского хозяйства реализуется по многим каналам, возможность государства по

аккумулированию части земельной ренты через ценовой механизм ограничивается закупками в централизованные фонды.

Однако право общего регулирования пропорций распределения земельной ренты, полученной любыми сельскохозяйственными товаропроизводителями благодаря лучшему качеству земель и их местоположению, принадлежит всему обществу в лице его государственных органов. Поэтому введение платы за землю в 1992 г. по дифференцированным налоговым ставкам явилось закономерным в процессе формирования рынка, включая рынок земли. Особое значение в связи с этим имеет установление оптимальных размеров этих ставок, которые бы способствовали активизации предпринимательской деятельности и оптимальной аккумуляции налоговых, в том числе рентных платежей в федеральном и местных бюджетах регионов и муниципалитетов.

С этой точки зрения действующую налоговую систему в сельском хозяйстве можно характеризовать как не имеющую достаточно обоснованных объективных критериев, сложной, часто явно фискальной, не отвечающей указанным требованиям. Завышенные ставки налогов при их многоканальности сокращает массу налоговых поступлений в пользу государства, саму возможность сбора налогов, лишают хозяйства возможностей нормальной оплаты крестьянского труда, а также и без того минимальных накоплений для развития и модернизации производства, заставляют хозяйства скрывать реальные доходы. Базой же начисления налога является оптимальная прибыль и сверхприбыль. Сельское хозяйство не получает ни того, ни другого, но в сложившихся условиях СХО, будучи низкорентабельными или убыточными еще подлежит налогообложению (даже в период советского «развитого социализма» колхозы, имевшие рентабельность ниже 25%, а совхозы ниже 15% вообще освобождались от уплаты налогов).

Анализ по конкретным видам сельскохозяйственной продукции показывает, что при общей убыточности сельского хозяйства (рассчитанной

при включении в ее себестоимость оплаты труда на среднем по экономике уровне), отдельные СХО получают определенную, а иногда весьма значительную часть дифференциальной ренты I, что позволяет им обеспечивать нормальную (не ниже среднего по экономике уровня) оплату труда работников и вкладывать инвестиции для технической модернизации производства. На примере зернового хозяйства по фактическим данным за 2010 г. образование и распределение дифференциальной ренты I характеризовалось пропорциями явно не в пользу крестьянства, сельских товаропроизводителей, хотя они сейчас являются основными, но, к сожалению, во многом еще условными, «долевыми» собственниками земли и вправе претендовать на получение основной части этой формы земельной ренты. Об этом свидетельствуют, в частности, ориентировочные расчеты по пшенице, на долю которой в том же году приходилось 2/3 всего объема производства зерновых культур.

Средняя цена 1 ц пшеницы в 2010 г. составляла 386,7 рублей (в среднем зерновых – 401,7 рублей). Себестоимость 1 ц пшеницы (при оценке оплаты труда крестьян на среднем по экономике уровне) составляла в том же году около 340 рублей, прибыль 46 рублей, рентабельность – 14% (вместо оптимального для отрасли не ниже 35%). Это значит, что вся дифференциальная рента I и значительная часть общественно необходимого уровня оплаты крестьянского труда через действующий механизм формирования цен для производителей пшеницы перераспределялся в пользу субъектов монопольного окружения сельского хозяйства (заготовителей, переработчиков, разного рода посредников, государства).

По укрупненной группировке, примерно 1/3 СХО с худшими землями, соответственно, «замыкающими» общественно необходимыми затратами, производили пшеницу с себестоимостью 1 ц на уровне около 450 рублей. При средней цене 1 ц пшеницы это соответствовало убыточности в 14,5%. В группе хозяйств с лучшими природными условиями производства этой культуры себестоимость 1 ц не превышала 280 рублей, а в отдельных

хозяйствах 220 рублей при рентабельности, соответственно, 28% и 42%. Это значит, что лишь незначительная часть возделывающих пшеницу СХО с рентабельностью свыше 35% получили определенную часть дифференциальной ренты I.

Общая величина этой формы ренты определяется на основе анализа соотношения закупочных и розничных цен на сельскохозяйственную продукцию. Последние в 2010 г. на пшеницу составили около 1,8 тыс руб. за 1 ц при цене для производителей 386,7 рублей. Разница почти на 1,4 тыс рублей, в пересчете на весь объем производства пшеницы (415 млн ц) 415 млн × 1,4 тыс = 581,0 млрд (на товарную ее часть около 400 млрд, а в целом по зерновым почти на 550 млрд рублей). Это так называемая перекачка, в том числе не менее половины из нее - дифференциальная рента I. Общая сумма этой перекачки по тем же расчетам за последний период на всю товарную продукцию отрасли составляет примерно 1,3 трлн рублей в год, из которой до 700 млрд рублей дифференциальная рента I. Ее в основном должен получать собственник земли, российский крестьянин, а фактически она перераспределяется в пользу субъектов монопольного окружения сельского хозяйства («партнеров» по АПК) и государства.

В зарубежной практике, например, в странах ЕС при первичном распределении прибавочной стоимости сельское хозяйство также не досчитывает в доходах хозяйствующих субъектах существенной, а иногда весьма значительной доли прибыли, которую вместе с дифрентой они должны получать как экономически обоснованную и социально справедливую. Учитывая повышенные риски ведения сельского хозяйства и в связи с этим низкую привлекательность отрасли со стороны частных инвесторов, государство в рамках политики обеспечения приоритета сельского развития и надежной продовольственной безопасности этих стран компенсирует чрезмерное изъятие у сельских товаропроизводителей прибавочной стоимости, в том числе рентные доходы частных владельцев, преобладающих в социальной структуре аграрного сектора этих стран.

Из числа членов ЕС эта компенсация в форме государственной поддержки в основном посредством прямой поддержки аграрных цен в Польше менее значительная – около 20% стоимости продукции сельского хозяйства (в других странах до 50 и более процентов). Но при этом в общей сумме господдержки доля поддержки цен сельских производителей в Польше составляет почти 70%, субсидий на средства производства примерно 20%. В результате убыточное или низкорентабельное сельское хозяйство (если исключить поддержку аграрных цен) выходит на оптимальную норму рентабельности (20-25%) при оплате труда занятых, близкой к среднему по экономике страны уровню.

Такой и даже более высокий уровень рентабельности имеют отдельные отрасли сельского хозяйства России. По данным за 2010 г. рентабельность производства сахарной свеклы составляла 27,4%, овощей – 33,5%, картофеля – 36,0%, а подсолнечника даже 85,1% при 10,1% рентабельности производства зерна, 22% - мяса свиней, 18,3% - молока, убыточности скотоводства и овцеводства и 5,7% сельского хозяйства в целом. С учетом субсидий отрасль считается прибыльной (рентабельность – 8,3%). Но соответствующий расчет сделан при почти вдвое заниженной оплате труда в сельском хозяйстве (50,9% к среднему по экономике, против 95% в 1990 г.). При сопоставимой оценке оплаты труда отрасль убыточна со всеми последствиями этого ее финансового состояния для трудовой активности, закрепления на селе квалифицированных кадров, молодежи и т.д. Причина этих последствий очевидна: из сельского хозяйства через механизм пресловутой «перекачки» изымается не только вся земельная рента, но и значительная часть общественно необходимого фонда оплаты труда.

Из всего вышеизложенного следует, что в соответствии с принципом социальной справедливости упорядочение механизма рентных отношений необходимо осуществлять в направлении, прежде всего обеспечения ценового паритета в АПК с тем, чтобы сельские товаропроизводители получали в среднем по отрасли прибыль, адекватную оптимальной норме

рентабельности (в среднем по сельскому хозяйству примерно 25%), а при нарушении этого паритета имели прямую протекционистскую поддержку аграрных цен государством, а также определенные целевые субсидии. В этих условиях возможно применение одноканальной (в форме земельного налога) или двухканальной системы налогообложения (налог на обычную прибыль сверх оптимального уровня рентабельности и земельный налог в зависимости от получаемой или потенциальной возможной с данного участка земельной ренты, как дифференциальной, так и монопольной). В любом случае налоговую систему в сельском хозяйстве необходимо строить по прогрессивной шкале и органически «привязывать» к различиям в доходах, обусловленных естественными рентообразующими факторами, освобождая от налогов СХО с рентабельностью ниже 15%, как критической с точки зрения обеспечения нормального процесса расширенного воспроизводства и предотвращения удушающей сельское хозяйство масштабной кредиторской задолженности отрасли, достигшей 1,5 трлн рублей и многократно (в 15-20 раз) превышающей всю прибыль СХО.

Если в отношении налога на прибыль, «очищенную» от земельной ренты, т.е. сверхприбыли могут быть разные подходы при определении его ставок и установлении их оптимальных размеров, то в отношении изъятия самой сверхприбыли, т.е. земельной ренты в конкретных ее формах через дифференцированные налоговые ставки объективно необходимы однозначные решения. При этом, поскольку по своей сути земельный налог в своей основе есть прямой инструмент распределения земельной ренты, его установление предполагает учет ряда факторов и условий. Так как основная часть земельного налога включает в себя земельную ренту, принцип налогообложения и размер налога зависит от того, кто является собственником земли, куплен или получен бесплатно данный земельный участок, каково соотношение разных форм земельной ренты в общей ее массе и т.д.

Очевидно, что основная часть монопольной ренты должна включаться в земельный налог абсолютно со всех земельных участков, приносящих эту ренту и только в этом смысле данную форму ренты можно условно называть «абсолютной» рентой. Иными словами, поскольку земля (равно как и недра) - общенациональное богатство, в земельный налог (соответственно в рентный налог добывающих отраслей) включается плата за это богатство вне зависимости от величины образующейся на данном участке природной, в т.ч. земельной ренты в любой ее форме. Как представителю этого богатства, государству принадлежит право присваивать образующуюся у любого собственника земли, других природных ресурсов плату за пользование ею, часть дифференциальной ренты, а тем более монопольной ренты.

Что касается обусловленной качеством почв части земельного налога, то она целиком представляет собой дифференциальную ренту, причем принцип и количественные параметры налоговых ставок будут различаться в зависимости и от форм собственности на землю, и от вида дифференциальной ренты. Так, дифференциальная рента I, должна поступать земельному собственнику в ее полном размере. Если, например, эта рента образуется на земле, принадлежащей государственному предприятию, то вся величина ее сверх оптимального уровня рентабельности через дифференцированные ставки земельного налога в принципе должна поступать государству. Если дифференциальная рента I образуется на земле, находящейся в частной собственности (индивидуальной или коллективно-долевой, кооперативной), то принципы включения ее в земельный налог будут различаться. Если земля передана в собственность бесплатно (в случае, например, распределения ее в 1991-1992 гг. по среднерайонным нормам), то государство вправе включить в земельный налог определенную часть дифференциальной ренты I. Если земля куплена по цене, адекватной капитализированной ренте, то она поступает в доход сельскохозяйственного предпринимателя, уплачивающего государству лишь обычный земельный налог по его ставке для худших земель.

Иначе и сложнее обстоит дело с распределением, в т.ч. через земельный налог дифференциальной ренты II. Поскольку земля является естественным базисом образования и этой формы ренты, в принципе она принадлежит собственнику земли и поступает в распоряжение этого собственника. При частном владении землей здесь не возникает проблем, так как вся эта рента остается у собственника земли.

В процессе проводимой земельной реформы в России основная часть земель, находившихся в монопольной собственности государства, бесплатно передана в частную собственность работников сельского хозяйства. Но в процессе коллективизации она была безвозмездно отобрана у крестьян. А это значит, что из доходов соответствующих организационно-правовых форм частного хозяйства, как индивидуальных, так и корпоративных государство вправе изымать лишь незначительную часть дифференциальной ренты II, которая должна учитываться при установлении дифференцированных, фиксированных на определенный период ставок земельного налога, как платы за все земли, в том числе худшие.

В соответствии с земельным законодательством РФ, субъектов Федерации, сейчас устанавливаются фиксированные рентные платежи, влияющие на ставки налога на землю. Эти ставки изменяются в сторону большей или меньшей дифференциации. По областям и краям РФ они существенно различаются, причем минимальная величина налоговой ставки установлена для Мурманской области, а максимальная - для Краснодарского края.

В субъектах Федерации применяются две схемы дифференциации земельного налога, различающиеся по уровню централизации. По первой схеме дифференцированные ставки земельного налога устанавливаются по основным типам почв с определяемой администрацией субъекта РФ конкретизацией по районам и отдельным хозяйствам. Такая схема применялась, например, в Орловской области, опыт которой показал, что излишне централизованный подход к налогообложению, лишает его

необходимой гибкости, объективности. Это, в частности, видно из того, что в отдельных областях максимальные ставки по конкретным хозяйствам оказывались ниже средней по району.

Вторая схема дифференциации налоговых ставок носит более децентрализованный характер. На региональном уровне эти ставки на гектар земли устанавливаются по оценочным группам почв, а более конкретные ставки по хозяйствам разрабатываются и утверждаются на районном уровне. Эта схема применялась, например, в Ростовской и ряде других областей.

Очевидно, что для того, чтобы дифференциация налоговых ставок за землю была объективной, создавала равные условия хозяйствования, исключала получение неоправданных доходов или вела для отдельных групп предприятий к заведомо нерентабельной деятельности, необходимо иметь соответствующие методические и конкретные нормативные обоснования. Детальные, тем более «идеальные» расчеты по формам ренты для каждого конкретного случая вряд ли целесообразны, не говоря уже о их невероятной трудоемкости, даже с использованием современных технических средств. Однако обобщающие, законодательно закрепленные принципы и критерии дифференцированного подхода к регулированию земельных отношений в сельском хозяйстве для каждого хозяйствующего субъекта, в том числе через налоговую систему, с учетом рентообразующих факторов необходимы. Базой для выработки таких критериев является детализированная по хозяйственным субъектам экономическая оценка земли и разработка земельного кадастра.

Наиболее экономически обоснованные данные могут быть получены в условиях ценового равновесия, формирования (и регулирования) цен в соответствии со стоимостью сельскохозяйственной продукции на относительно худших землях и пользующейся спросом на рынке. При отсутствии этого соответствия, нарушении эквивалентности, практически паритета в соотношении цен, дифференциальная рента и, соответственно, различия в экономической оценке земли могут определяться на основе

расчетных цен. Последние правомерно использовать при установлении гарантированных цен на закупаемую государством продукцию сельского хозяйства. Такие цены будут обеспечивать определенный оптимальный уровень рентабельности, необходимой для обеспечения производства соответствующих видов продукции на расширенной основе для всех СХО со средним уровнем ведения хозяйства.

Пока же сельское хозяйство при действующем в русле «перекачки» созданного крестьянским трудом национального дохода механизме распределения земельной ренты поставлено в крайне неблагоприятные экономические условия воспроизводства. Если предприниматели добывающих отраслей, прежде всего нефтяной, газовой, используя монополистические устремления и подходы, связи с высокопоставленными власть имущими продолжают присваивать огромные суммы природной ренты и за счет этого, нарушая принцип социальной справедливости, незаслуженно и сверх всякой меры обогащаются, то у сельских производителей «по традиции» изымается не только вся сумма земельной ренты, но и часть общественно необходимой оплаты труда. Из этого следует, что механизмы рентных отношений требуют своей унификации в масштабе всех отраслей, в которых образуется природная рента, с соблюдением равенства всех партнеров рынка «рентоприносящей» продукции с точки зрения создания необходимых экономических условий воспроизводства и социальной справедливости в распределении природной, в данном случае, земельной ренты. Проблема эта имеет огромное народнохозяйственное значение, так как природная рента составляет весьма существенную долю национального дохода и всего валового внутреннего продукта страны.

4.3. Земля как объект арендных отношений

Аренда (польск. arenda, от позднего лат. arrenda) занимает важное место в системе экономических категорий и хозяйственной практике с ее

особенностями в земельных отношениях. При всей очевидной бесспорности самого понятия аренды, многовековой практике арендных отношений (еще в 18 в. до н.э. Кодекс Хаммурапи строго регламентировал эти отношения в Древней Вавилонии), нет необходимости останавливаться на концептуальных положениях проблемы. Однако подходы к прикладным ее аспектам характеризуются неоднозначно, противоречиво, иногда с оглядкой на советскую практику в этой области. В специальной научной литературе в связи с этим сохраняются разные взгляды на роль и место арендных отношений в воспроизводственном процессе учитывая, что в их экономическом содержании изначально заложены внутренние «естественные» противоречия. В переходные периоды эти противоречия вплоть до явных крайностей усиливаются, что, например, не без основания заставило Е.Иванову выступить со статьей: «Аренда как идеал и орудие всеобщего разрушения» («Независимая газета» 9.01.1997 г.)

«Людям, далеким от науки и жизни, - пишет автор, - этот вывод может показаться странным». Но приводимые в статье факты о том, как через аренду исчезли с лица земли издательство «Прогресс», журнал «Перспективы» (бывший «Молодой коммунист»), вплоть до объектов культуры, медицины, детских учреждений и т.д. дают все основания для такого вывода. К этим фактам можно добавить массовое «арендное» перепрофилирование предприятий торговли, соцкультбыта, проникновение его в государственные и кооперативные организации, в подвальные помещения жилых домов, в офисы, разного рода ассоциаций, фондов и прочих рыночных структур, возникших в процессе проводимых реформ.

«Благодаря аренде, - делается обобщающее заключение в указанной статье, - из руководителей предприятий и творческих союзов постепенно формируются очень тонкий слой очень богатых людей нашей страны (так называемых «новых русских...»), под ее натиском книжные магазины становятся магазинами модной одежды (это при том, что существует Указ Президента РФ, запрещающий перепрофилирование соответствующих

помещений). Библиотека иностранной литературы превратилась в сеть развлекательных центров, среди которых в стесненных условиях читатель ютится на правах бедного родственника, в музеях возникают рекламные и совместные предприятия некоммерческого (по документам) профиля». В результате, чем больше арендуемых таким образом помещений, «тем старше возраст штатных сотрудников, тем лучшие условия созданы для того, чтобы дееспособная часть сотрудников разбегалась в неизвестном направлении». Причем за такой арендой часто процветает криминал. К сожалению, за прошедшие после приведенной в статье констатации перекосов в арендных отношениях, мало что изменилось. Более того, ловкие арендаторы стали проникать в помещения Русской Православной церкви (разумеется, с согласия ее служителей).

С приведенными категоричными негативными оценками аренды можно было бы поспорить, так как формируется обычная рыночная среда, ее инфраструктура, в которой аренда «закономерно» занимает свою нишу и материальное пространство. Но трудно опровергнуть доводы о том, что дикая аренда в неотрегулированной, искаженной рыночной среде действительно несет в себе мощный разрушительный заряд, причем не только экономический, но и нравственный, создавая в обществе дополнительное социальное напряжение. В частности выражением этого напряжения является аренда (часто за бесценок) крупными СХО, агрофирмами, агрохолдингами земельных долей, превращаемых в доходные земельные участки.

Нельзя забывать и не учитывать в практике арендных отношений, что исторически аренда развивалась с развитием частной собственности, что определяло социальную справедливость и устойчивость этих отношений. Если к тому же право частной собственности регламентируется адекватным ее сущности экономическим и гражданским законодательством, то на практике арендные отношения принимают цивилизованный характер. Но, когда право собственности нарушается или субъектами этого права

реализуется стихийно, по принципу: и со своим, и с арендованным имуществом что хочу, то и ворочу, тем более в условиях деформированной системы рыночных отношений, включая рынок сельскохозяйственных земель, негативные последствия аренды становятся «закономерностью» такого рода отношений.

Чтобы следовать в этих вопросах действительно цивилизованным, закономерным путем, необходимо опираться на исторический опыт использования концепции и механизма арендных отношений, на подходы и решения в этой области в современной мировой практике.

Особого внимания здесь заслуживают:

1) рассмотрение объективных предпосылок, экономических и социальных аспектов аренды;

2) критический анализ взглядов на сущность и практическую сторону проблемы в контексте исторического опыта;

3) выявление «естественных» противоречий в системе арендных отношений и условий их смягчения;

4) разработка эффективного механизма арендных отношений и его правовое обеспечение;

5) особенности аренды сельскохозяйственных земель.

Объективные предпосылки использования арендных сделок заложены в природе отношений собственности, прежде всего, частной, в формах ее экономической реализации. Обусловленное экономическими интересами, в первую очередь, личным интересом, стремление собственника к накоплению своего имущества приводит к его концентрации в одних руках до размеров, которые выходят за рамки оптимальных параметров и вызывают объективную «житейскую» необходимость предоставления части его (а в определенных ситуациях полностью) во временное пользование другим собственникам (физическим или юридическим лицам) на взаимоприемлемых условиях. Эта необходимость обусловливается также невозможностью (по состоянию здоровья, другим условиям

жизнедеятельности) потенциального арендодателя самому использовать принадлежащую ему землю, другое имущество. Во всех случаях арендная плата при развитой системе рыночных отношений включает в себя как процент на капитал, так и ренту, т.е. дополнительный доход, уплачиваемый собственнику средств производства или владельцу различных видов имущества, не связанный с непосредственной предпринимательской деятельностью этого собственника, а обусловленный особыми условиями хозяйствования, в частности, качеством земли, местоположением субъектов рынка и т.д.. Этот доход в форме арендной платы получает земельный и всякий другой собственник, сдающий в аренду землю, другое движимое и недвижимое имущество.

В советский период, когда аренда не допускалась из-за ее якобы эксплуататорского характера, выдвигались адекватные теоретические обоснования, исходившие из марксистско-ленинского наследия. Считалось, что эта категория присуща так называемым «капиталистическим» странам, т.е. странам с рыночной экономикой и приоритетным правом частной собственности по той причине, что при капитализме частные собственники, эти «рантье», как якобы «праздные» эксплуататоры используют аренду как средство извлечения «нетрудового» дохода.

Научная несостоятельность такой концепции очевидна уже потому, что доход в форме аренды также имеет трудовую основу. Сдаваемое в аренду имущество создается физическим и умственным трудом часто целых поколений собственника, тем же трудом умножается его наследниками, качественно улучшается (как, например, земля культурного сельского хозяина) и законные владельцы этого имущества вправе рассчитывать на получение дохода, отражающего соответствующее возмещение прошлых затрат, получение их в форме процента на капитал и ренты.

В бывшем СССР аренда «допускалась» в период НЭПа, как временно вынужденная мера. В условиях «в основном построенного социализма» на пути аренды выступали преграды, обусловленные идеологическими

постулатами, которые в какой-то мере стали преодолеваться лишь с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (1961 г.). Согласно этим Основам арендный договор «между социалистическими организациями» мог быть заключен на срок не более 5 лет и только при аренде строений и нежилых помещений, причем не более, чем на один год при аренде оборудования и иного имущества. Об аренде земли, тем более, сельскохозяйственной, эти основы по понятным причинам умалчивали.

Указанными договорами устанавливались правила, предусматривающие обязанности арендодателя по капитальному ремонту арендованного имущества, а арендатора по поддержанию его в нормальном состоянии и текущему ремонту. В соответствии с Положением о государственном предприятии (1965 г.) последнее могло сдавать в аренду другим предприятиям и организациям закрепленные за ними здания, сооружения, производственные, складские и иные помещения. В аренду сдавались также помещения и отдельные строения, находящиеся в ведении местных Советов.

При этом размеры арендной платы устанавливались по ставкам, определявшимся правительствами союзных республик, независимо от того, в чьем ведении находилось арендуемое имущество, в том числе временно не используемые оборудование и транспортные средства. Плата за аренду этого оборудования определялась арендным договором и должна была соответствовать размерам амортизационных отчислений. Что касается аренды транспортных средств, то они могли сдаваться в наем только с разрешения органа, в чьем ведении находился их формальный владелец (фактическим владельцем оставалось государство). При всей зарегламентированности арендных отношений в «застойный период» отдельные их аспекты, в частности, по регулированию размеров арендной платы, способствовали определенным гарантиям и стабильности в развитии этих отношений, которые более широко были распространены в Польше,

других восточноевропейских странах, особенно Венгрии, где допускалась аренда земельных участков.

В целом до начала «перестройки», да и в короткий период ее проведения арендная форма экономических отношений не носила цивилизованного характера, присущего рыночным отношениям и применявшаяся в практике «капиталистических» стран или стран с действительно социалистической системой, например, Швеции. В существовавшей же советской системе социализма отсутствовали необходимые стимулы использования этой формы (причем как для арендатора, так и для арендодателя), поскольку все формы экономических отношений были подчинены правилам административно-командной системы, определявшимся на деле бюрократическим чиновничьим аппаратом государства. Масштабы аренды были ограничены, а аренда земли вообще запрещалась, несмотря на то, что в странах с рыночной экономикой она занимала важное место в системе земельных отношений.

Арендные отношения по поводу земли, базируясь на общих принципах, имеют свою специфику, причем связанную, прежде всего, с особенностями данного вида имущества или главного средства производства в сельском хозяйстве. Кто бы ни был земельным собственником, как средство производства земля является общенациональным достоянием, что обусловливает особенности механизма арендных отношений, в частности, связанных с категорией земельной ренты, принципами ее распределения. Эти особенности определяются также формами земельной собственности и хозяйствования на земле. Эти аспекты проблемы, рассматриваемые и в рамках общей аграрной теории, и в историческом плане имеют принципиальное значение, как в ее научной разработке, так и в отношении практического использования механизма арендных отношений.

Извсетно, что аренда земли есть форма землепользования, при которой собственник земли передает ее на определенный срок арендатору для ведения хозяйства за особое вознаграждение (арендную плату) и с

соблюдением других, предусмотренных договоров обязательств. Это значит, что с передачей земли в аренду происходит разделение правомочий собственника: право собственника остается за ним, но он переуступает арендатору значительную их часть по использованию арендуемого земельного участка. Таким образом, правомочия по хозяйственному использованию этого участка отделяются от прочих правомочий собственника и персонифицируются в другом субъекте правоотношений.

В теории «научного» коммунизма утвердилось отрицательное отношение к аренде земли. Оно исходило из того, что основной арендодатель - крупный земельный собственник феодального типа, а арендаторы – крестьяне, мелкие собственники, доходы с земельных участков которых не обеспечивают материальных потребностей сельской семьи. Крупные земельные собственники - лендлорды, согласно такой абстрактной теоретической схеме, превращаясь в рантье, собирают «дань» в виде земельной ренты с тех, кто прилагал к земле, включая и худшую землю, капитал и рабочие руки. Это по данной схеме вело к вздуванию сельскохозяйственных цен, якобы мешало свободному развитию производственных сил в земледелии, консервировало в аграрном секторе остатки феодальных отношений или крепостничества и т.д. Утверждалось, что аренда земли воспроизводит отсталые аграрные отношения, что с ней связано происхождение и присвоение крупными земельными собственниками абсолютной земельной ренты, «черновые наброски» теоретической конструкции, как показано выше, оказались несостоятельными.

Поэтому ограничение и запрет аренды изначально был поставлен в повестку дня предстоящего социалистического «переворота» вместе с ликвидацией частной собственности и превращения ее в общенародное, иначе говоря, в совместно-ничейное достояние, равно как и ликвидации рынка, цены, прибыли и т.д. - т.е. «пресловутой стоимости». Декрет о земле, принятый вторым Всероссийским съездом советов рабочих, солдатских и

крестьянских депутатов 26 октября 1917 года, узаконил этот запрет, а вместе с этим и отмену права частной собственности на землю. Однако запрет аренды земли продержался недолго. В 1922 году эта аренда была разрешена, хотя и с весьма существенными ограничениями. В написанных В.И.Лениным в 1922 г. в связи с работой аграрной секции XI съезда партии тезисах для включения в проект резолюции о работе в деревне говорилось: «По вопросу об условиях применения наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли партсъезд рекомендует всем работникам данной области не стеснять излишними формальностями ни того, ни другого явления и ограничиться ... изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно устранять крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях»[35].

Но принятый в 1922 году Закон о трудовом землепользовании, однако, весьма «робко» подошел к земельной аренде[36]. Закон разрешил сдачу земли в аренду, но только крестьянским хозяйствам, ослабленным стихийными бедствиями, недостатком и убылью рабочей силы; в связи со смертью, временным уходом на заработки, в армию отдельных членов семьи и другими изменениями в ее составе. При этом общим требованием было, чтобы хозяйства арендаторов всю имеющуюся в их распоряжении землю (включая арендованную) обрабатывали исключительно собственным трудом.

Однако потребности развития сельского хозяйства толкали на более широкое использование арендных отношений, а не ограничиваться разрешением сдачи в аренду земли ослабленным хозяйствам. Интересы крестьян как арендаторов земли требовали также увеличения срока аренды для того, чтобы стимулировать вложения в арендованные земельные участки, обеспечить арендатору возможность успеть за срок аренды возместить капиталовложения в нее и получить прибыль.

---

[35] Ленин В.И. ПСС, т. 45, с. 133

[36] Основные положения закона о трудовом землепользовании, принятого в мае 1922 года, вошли в раздел «О трудовой аренде земли» Земельного кодекса РСФСР, принятого в октябре того же года.

Согласно постановлению III Съезда Советов 1925 года в целях наилучшего использования земли и поддержки хозяйств, не имеющих возможности за недостатком сил и средств обрабатывать свою землю (аналогичная ситуация складывается и у многих нынешних российских фермеров), было решено устранить препятствия к более широкому использованию прав крестьян сдавать землю в аренду до двух севооборотов при многополье и на срок не свыше 12 лет при трех- и четырех- полье. Было предусмотрено также устранить препятствия к сдаче в аренду отдельными землепользователями земель свободного земельного фонда крестьянских обществ с использованием дохода от этой аренды на нужды местного бюджета. Кроме того, была разрешена сдача в аренду участков государственного фонда земель на срок свыше 12 лет отдельными землепользователями по договорам[37].

Именно в этот период становится относительно распространенной фигура крестьянина-бедняка, полностью или частично сдающего землю в аренду и превращающегося в наемного работника в общественном секторе производства или нанимающегося в более крупные, «культурные» крестьянские хозяйства. Тем же постановлением разрешалась аренда земли с применением вспомогательного наемного труда при условии участия в работе семьи арендатора наравне с наемными рабочими. Арендная плата регламентировалась соответствующим договором и взималась в денежной, натуральной форме и в виде отработок.

Анализ социально-экономического положения крестьян того периода показывает, что в отношения наемного труда, земельной аренды, найма и сдачи в наем рабочего скота и инвентаря было втянуто не менее половины крестьянских хозяйств, причем основным арендатором был главным образом середняк, у которого имелись необходимые средства производства и рабочие руки (83% арендаторов считали это возможностью и необходимостью

[37] Съезды советов в документах 1917-1936 гг., т. 3, Госюриздат. М., 1960, с.85. Эти изменения были внесены в новую редакцию статей земельного кодекса РСФСР (Постановление ВЦИК и СНК от 22 февраля 1926 года).

аренды)[38]. Возросший спрос на землю для хозяйствования на лучших, чем принятых в 1922 г., условиях, привел к определенному росту арендной платы. В целом с оптимизацией ее сроков аренда земли способствовала поддержанию высокого уровня использования сельскохозяйственных земель, расширению посевных площадей, интенсификации производства, его эффективности.

Однако арендным отношениям и положениям их регулирующим на благо общего подъема сельского хозяйства была предначертана очень короткая жизнь. Еще до внедрения в практику теории социалистического «преобразования» сельского хозяйства методами насилия, «насаждения» колхозов и т.д., не дожидаясь даже завершения сроков действия многих договоров об аренде земли, с позиций этой «верной и всесильной» теории, начались поиски криминала в арендных отношениях, развивавшихся в период НЭПа. Несмотря на позитивные результаты применения аренды земли в ней усматривается путь к «развязыванию капиталистических отношений в деревне». Теоретическим догмам не могли воспрепятствовать трезвые соображения о разрушительных последствиях их реализации. Так, заведующий отделом Центросоюза А. Г. Губанов в письме членам Политбюро ЦК партии в апреле 1927 года предлагал «расширить право найма рабочей силы в крестьянском хозяйстве и создать расширенные предельные нормы аренды земли»,[39] за что, как нетрудно предположить, жестоко поплатился.

Сплошная коллективизация и пресловутое «раскулачивание», т.е. разорение не только «культурных» хозяев, но и многих средняков, впоследствии положили конец аренде земли в сельской местности. В феврале 1930 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» в районах

[38] К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Госиздат. М., 1928, с.47-48.
[39] Известия ЦК КПСС, № 8, 1989, с.200.

сплошной коллективизации было отменено разрешение аренды земли и применение наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах. Этот запрет был затем распространен и на другие сельские районы страны. В условиях тотального насилия в деревне к тому времени и сами крестьяне повсеместно стали избегать брать пустующую землю в аренду и нанимать работников под угрозой раскулачивания и репрессий. Полностью же исключило аренду земель сельскохозяйственного назначения, как вне городов, так и в пределах городской местности постановление ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1937 года «О воспрещении сдачи в аренду земель сельскохозяйственного назначения»[40].

Вслед за запретом сдачи крестьянской земли в аренду постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» были установлены строгие меры против колхозников, сдающих в аренду свои семейные приусадебные участки. В отношении последних предусматривалось исключение их из колхоза с лишением приусадебного земельного участка[41]. Так что из такой советской практики арендных и всей системы аграрных отношений, игнорировавшей и подавлявшей законы рынка, следует один вывод, свидетельствующий о том, как не надо делать, подрывая важное звено эффективного хозяйствования на последовательно рыночной основе.

Хотя с 30-х годов до самого начала «перестройки» аренда земли запрещалась, однако скрытые ее формы, демонстрирующие такое хозяйствование, кое-где применялись. Об этом, в частности, свидетельствовала сдача земельных участков в колхозах и совхозах южных республик, областей и краев России пришлым корейским бригадам, выращивавших на них по договорам с сельскохозяйственными предприятиями лук, огурцы, бахчевые. Традиционно высокая культура возделывания этой сельскохозяйственной продукции корейцами, тщательная

[40] Сборник решений по сельскому хозяйству. М., Сельхозиздат, 1963, с.32.
[41] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Политиздат, 1971, т.5, с.401

обработка полей и хороший уход за растениями позволяли получать на этих участках урожаи в несколько раз выше, нежели собираемые самими хозяйствами, а условия договоров обеспечивали взаимную выгоду: колхозам и совхозам - выполнение и перевыполнение планов за счет производимой корейцами продукции, а последним - ощутимые доходы. Более широкое движение за возрождение аренды в сельском хозяйстве было начато с так называемой внутрихозяйственной аренды, хотя это было лишь некоторым подобием арендных отношений, реализуемых в развитых странах в соответствии с их принципами, разработанными мировой наукой и проверенными практикой эффективного ведения сельского хозяйства в условиях рынка.

Первые попытки настоящего возрождения аренды земли по существу начались с принятием Закона РСФСР «О земельной реформе» от 23 ноября 1993 года, предоставившего гражданам земельные участки в пожизненное наследуемое владение, либо пользование с правом их аренды, в том числе под строительство дач, гаражей, для различных видов индивидуальной предпринимательской деятельности и иного, не запрещенного законом использования (статья 6). Законом было также установлено, что за земли, переданные в аренду, взимается арендная плата, размеры которой определяются договором в порядке, определенном законодательством РФ (статья 11). Однако сохраняющаяся поныне правовая и непосредственно хозяйственная неупорядоченность земельных, в т.ч. арендных отношений, нарушение прав субъектов этих отношений, несоблюдение договорных обязательств, прямые злоупотребления в этой области порождают негативное отношение многих сельских тружеников к аренде земли. Устранение всех преград на пути становления развитой системы арендных отношений - одна из задач совершенствования земельного законодательства, деятельности органов государственного и хозяйственного управления сельскохозяйственным производством. Нужны более четкие научно-методические обоснования условий аренды земли с учетом качества

земельных участков, взаимных интересов партнеров арендных сделок с землей, а также общих задач по более эффективному использованию находящихся в аренде, уже весьма значительных, площадей сельскохозяйственных угодий. По официальным данным на начало 2011 г. в частной собственности находилось 129,1 млн га этих угодий, из которых 101,5 млн га (76%) составляли земельные доли – этого основного в настоящее время фонда аренды земли. На ту же дату в аренду было передано 47% общего количества этих долей, адекватного почти 53 млн га (или 52%) земель частного владения. (Для сравнения: купля-продажа земли в 2010 г. не превышала 2 млн га).

По существующему земельному законодательству место и функции аренды земли в механизме рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения реализуются в ее платности в форме арендной платы, тесно связанной с другой формой этой платы – земельным налогом. И хотя известно число земельных арендодателей сейчас точных данных о реальных размерах поступающей им от агрохолдингов, агрофирм, других СХО арендной платы получить практически невозможно. Это первое «темное пятно» на сложившейся к настоящему времени системе земельных арендных отношений. А если пользоваться имеющейся информацией о размерах арендной платы за земельные доли конкретных их владельцев, это пятно скрывает массовые факты вопиющей несправедливости в отношении миллионов формально частных земельных собственников. Десятки и сотни тысяч таких собственников по ущемляющим их интересы условиям аренды земли фактически теряют ее под диктатом этих условий со стороны арендаторов – крупных СХО, земельных олигархов. Нередки случаи, когда полученная ими на длительные сроки в аренду земля уже в ее натуральном виде под покровительством чиновничества попадает в другие категории земель, в т.ч. несельскохозяйственного назначения.

Могут сказать, что такова реальная ситуация на нынешнем рынке земли с ее спросом и предложением, но государство не может уходить от

этой проблемы с точки зрения реализации основополагающего принципа социального рыночного хозяйства – принципа социальной справедливости, обеспечивая его, в частности, через регулирование нормативной цены земли данного качества и местоположения, размеров арендной платы. Это особенно важно для сельской глубинки, соблюдения интересов находящихся в ней владельцев земельных долей, предоставленных в аренду крупным СХО. Находясь в условиях ограниченного информационного обеспечения и правовой неосведомленности, эта категория и вообще большинство индивидуальных «долевых» земельных собственников нуждается в поддержке со стороны государственных органов, их контроле над заботящимися только о своих интересах земельными арендаторами. Даже объективно складывающиеся соотношения спроса и предложения на арендном сегменте рынка земли требуют корректировки в строну соблюдения и протекционистской поддержки интересов арендодателя, защиты его от монополистических устремлений и недобросовестных действий со стороны таких арендаторов. Без такой корректировки неизбежен процесс обезземеливания все большей части крестьянского населения, социального расслоения деревни и, в конечном счете, роста в ней и без того огромной социальной напряженности.

Аренда земли в сложившейся ее часто экономически и социально искаженной форме через земельные доли, а не земельные участки в натуре, наряду с задержкой или отсутствием необходимых общих землеустроительных работ, злоупотреблениями и произволом землеустроительных и прочих местных чиновников создает существенные преграды в формировании цивилизованной рыночной системы и действенного механизма земельных и аграрных отношений в целом. Главное же – остается неупорядоченным главное в этих отношениях – право частной земельной собственности. И дело здесь не только в условности, «бумажном» содержании этого права в форме земельных долей.

Хотя, в настоящее время 76% земель, соответствующей этой форме, находится в частном владении, одновременно почти 70% (96,4 из 101,5 млн га) – предоставлено совместно-долевым владениям и использованием этих земель в сельскохозяйственных производственных кооперативах, разного рода товариществах и обществах. А это порождает внутренние противоречия во владении и распоряжении земельными долями, включая их аренду, в процедурах выделения в натуре для самостоятельного ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, особенно если руководствоваться нормами действующего «Закона о сельскохозяйственной кооперации». Сейчас из-за несовершенства земельного законодательства, отсутствия землеустроительной документации и регистрационных свидетельств миллионы владельцев земельных долей не могут вообще в полной мере реализовать свое право частной земельной собственности, а в аренде земли полагаются на милость «победителя» - арендатора.

В этих условиях теряется достоверная информация не только о качественном состоянии земель, об их реальных площадях, в том числе сданных в аренду, но и затрудняется установление объективных ставок земельного налога и арендной платы, целенаправленное проведение землеустроительных работ и действенный контроль за эффективным использованием земель сельскохозяйственного назначения. А это ведет к их деградации, порождает неустойчивость землепользования, что в последующем для ликвидации этих негативных процессов и явлений потребует огромных дополнительных затрат. Порождаются многочисленные земельные споры, возникают утомительные судебные тяжбы, часто не в пользу частных земельных собственников, в том числе арендодателей, создаются «благоприятные» условия для занижения арендной платы или, наоборот, завышения ее размеров и т.д.

В системе арендных отношений в сельском хозяйстве, бесспорно, важна защита и соблюдение интересов арендаторов земли. В настоящее время в этих целях арендаторам предоставлено преимущественное право на

заключение аренды на новый срок по истечении 3^{x} лет, возможность приобрести земельный участок в собственность и т.д. Однако реализацию этого права, других мер защиты арендаторов земли необходимо гибко сочетать с защитой прав и интересов арендодателей, что требует совершенствования договорных основ аренды земель сельскохозяйственного назначения, ориентирующих на взаимную заинтересованность сторон в деле их улучшения, эффективного использования. Пока в этом сегменте земельных отношений, как и в общей системе землепользования в сельском хозяйстве до надлежащего порядка, который демонстрируют многие западные страны, в России еще далеко. На общем фоне деградации сельскохозяйственных угодий страны более негативные проявления этой деградации наблюдаются на многих землях, находящихся именно в аренде, особенно в хозяйствах со сверхкрупными размерами землевладения или в условиях явно неотрегулированных отношений между субъектами земельного и общего аграрного рынка страны.

Из этого следует, что упорядочение арендных отношений является лишь органической составной частью формирования общей цивилизованной системы аграрных отношений с особым акцентом на создание условий, обеспечивающих применение действенного механизма земельных отношений, прежде всего, нормального рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения во всех его формах, включая их ипотеку. Основные направления деятельности соответствующих ведомств, организаций и служб в этой области включают: 1) полную инвентаризацию и разграничение сельскохозяйственных земель, используемых на различном праве собственности, включая выделение в натуре участков основных арендодателей – владельцев земельных долей; 2) проведение массового межевания и всей совокупности работ по системному землеустройству, кадастровому учету земель, определению нормативной цены земли и т.д., отвечающих принципам и практическим задачам эффективного функционирования всесторонне развитого земельного рынка; 3)

совершенствование земельного законодательства, обеспечивающее действенную правовую защиту всей практической работы в указанных направлениях.

Глава V. Социальная структура аграрного сектора и сельскохозяйственная кооперация

5.1. Состояние и основные направления рационализации аграрной структуры

Исследование структурной составляющей воспроизводственного процесса и связанного с ней общего социального характера экономики – многоплановая тема, включающая отраслевой, институциональный, территориальный и другие аспекты, в том числе соотношения первичных хозяйственных звеньев по их социальному статусу, размерам и т.д. Но базовое значение в этом исследовании определяется прежде всего тем, что в его основе лежат отношения собственности. Будучи «священным и неприкосновенным» право собственности, реализуемое в адекватных организационно-правовых формах хозяйства, их производственных типах является одним из основополагающих прав человека и даже с позиций марксистской политической экономии в любом обществе (или в любой общественно-экономической формации) ему «принадлежит ведущая роль». Весь вопрос в том, кто и в какой мере обладает этим правом и тем самым предопределяет социальную структуру экономики, исходя из личного интереса, как определяющего и приоритетного в системе интересов. Личный же интерес, в максимальной степени активизирующий все стороны человеческой деятельности исторически и логически объективно ориентирован на приоритет частной собственности, следовательно, частных организационно-правовых типов предприятий в экономической структуре отраслей и народного хозяйства в целом. На формирование и развитие аграрных структур особое влияние оказывают различия права пользования, владения и распоряжения землей, а также размеров землевладения и землепользования.

В целом за отношениями собственности стоит то, что называют подлинной гражданской и экономической, хозяйственной свободой человека в выборе более привлекательной для него сферы деятельности, формы

хозяйства, следовательно, в формировании социальной структуры, в данном случае аграрного сектора экономики. Всякое насилие в отношениях собственности, навязывание ему той или иной формы методами разного рода принуждения ведет к структурным деформациям в экономике со всеми их негативными или заведомо разрушительными последствиями. «В своей обычной жизни, - писал И.Ильин, - люди ни в чем не воспринимают так болезненно отсутствие свободы и свободы равенства, как именно в сфере имущества. Свободу творчества человек должен иметь и в области хозяйства. Человек хозяйствует из чувства самосохранения. А этот инстинкт есть начало личное и самодеятельное. Поэтому жизненны те способы хозяйства, которые побуждают и напрягают этот творческий инстинкт, а не пресекают и не подавляют его.

Именно частная собственность побуждает и напрягает хозяйственный инстинкт и хозяйственное творчество человека; она дает человеку уверенность в том, что продукт труда не будет у него отнят; она дает ему спокойствие и вызывает в нем волю к усердному труду; человек начинает охотно «инвестировать» свой труд в вещи, как бы доверять его им; его чувство «прилепляется» к *своим* вещам (любовь к своей земле, к мастерской и т.д.); его воля оживает и дышит полной грудью; его воображение творит, созидает, предвидит; его мысль ищет знаний и верно разрешает хозяйственные задачи… Но именно тогда-то и обнаруживается, что его личный инстинкт служит не только ему самому, но и семье, и роду, и обществу; и что от его самодеятельности, от его частной инициативы приходят в движение все силы и возможности народной жизни. Отменяя частную собственность, социализм и коммунизм пресекают действие этого инстинкта и делают его бесплодным. Поэтому они не жизненны и обречены на хозяйственный провал»[42].

[42] Слово. 1991. № 8. С. 81.

Мировая и особенно российская история развития и преобразования социальной структуры сельского хозяйства со всей очевидностью и убедительностью подтверждают бесспорность этой научной мысли.

Исторически право собственности реализовывалось в различных, ограниченных по количеству, формах, определяющих специфику проявления ее экономического содержания. Более разнообразными являются формы использования собственности в различных типах хозяйств и сельскохозяйственных предприятий. Одна и та же форма собственности как исключительное право конкретного субъекта материального производства свободно владеть и распоряжаться средствами производства, использовать их по своему усмотрению в рамках действующего законодательства может лежать в основе деятельности различных хозяйственных форм или социально-экономических укладов в деревне.

Непонимание или нежелание видеть эти методологические тонкости научного исследования проблемы, подмена или отождествление ее различных аспектов вносят путаницу в анализ социальной структуры экономики и ее отраслей. Вольное толкование самой сущности отношений собственности, смешение экономических форм и организационно-правовых форм хозяйства порождает искусственную дискуссионность и разного рода конструкции «многообразия» форм собственности в аграрной сфере. Между тем в современной мировой практике и действующем аграрном законодательстве всех цивилизованных стран выделяются две базовые формы собственности: частная и государственная. При этом применительно к концепции социального рыночного хозяйства основной, приоритетной из названных форм является частная собственность. Промежуточное положение между названными базовыми формами собственности занимает муниципальная собственность, которая по сути примыкает к государственной, поскольку муниципалитет, хотя и является выборным органом местного самоуправления, в то же время представляет собой

специфическую, подконтрольную центральным властям часть общей социально-экономической структуры общества.

Таким образом, исходя из понятия собственности как экономической категории, предопределяющей неприкосновенное право собственника единолично или совместно владеть, пользоваться и распоряжаться средствами производства и иным имуществом, вытекает необходимость четкого разграничения, во-первых, экономических форм собственности и, во-вторых, субъектов практического использования вещественного содержания ее в тех или иных хозяйственных формах, типах сельскохозяйственных предприятий. С этой точки зрения указанные выше две базовые формы собственности не могут составлять многообразия, о нем можно говорить лишь применительно к организационно-правовым формам хозяйства, основывающимся или на одной из этих форм, или на их сочетании в общей аграрной структуре.

Анализ имеющихся трактовок, как самой проблемы собственности, так и хозяйственных форм ее использования, свидетельствует о том, что здесь, по меньшей мере, нет полной ясности, а отдельные авторы и вовсе не затрудняют себя серьезным научным исследованием, рассматривая эти связанные между собой, но не однозначные понятия под «общей шапкой» многообразия форм собственности и хозяйства. Введение же в оборот понятия многоукладности аграрной экономики вообще уводит в сторону от выяснения этого и без того сложного вопроса, касающегося ее предметного структурного анализа. Поэтому задача экономических исследований данной проблемы состоит прежде всего в том, чтобы очистить понятия собственности и ее организационно-правовых форм от искусственных наслоений и исключить подмену строго научных определений хозяйственными, учетно-бухгалтерскими и другими «житейскими» понятиями.

Что касается понятия многоукладности экономики, в данном случае аграрной, то при всей его аморфности и методологической условности слово

«уклад» имеет множество значений и обозначений. В.Даль, например, определяет уклад как сословие, жизненный порядок, условие, уговор, устройство, учреждение, порядок народоправления, вечевой уклад и т.д. в какой-то общей, «собирательной» форме он выражает хозяйственную реальность, но не может претендовать на то, чтобы быть строго научной экономической категорией с четко определенным основным критерием. В этом понятии неоднозначно и противоречиво переплетаются признаки, относящиеся и к форме собственности, и к форме хозяйственного ее использования, однопорядковым группам или типам хозяйства. Можно выделить уклад мелких земельных собственников, но это и социальная группа частных семейных хозяйств. Мелкие по землевладению, по размерам производства могут быть и крупными, следовательно, входить в другой сегмент аграрной структуры.

Не отрицая правомерности использования понятия общественно-экономического уклада, в данном анализе нет необходимости выяснять суть, соотношение данного понятия с понятием форм собственности и организационно-правовых форм ее хозяйственного использования; его специальное рассмотрение выходит за рамки предмета настоящей работы. Можно лишь констатировать, что «уклад» в его социально-экономическом понимании правомерно использовать лишь как термин для характеристики социальной структуры, наличия в ней групп хозяйств, различающихся по отношениям собственности, внутренней организационно-управленческой системе, ведомственной принадлежности и, возможно, иным признакам. Причем вразумительного определения сущности этого термина экономистами до сих пор не дано. Если по поводу так называемых формационных укладов (первобытно-общинный, феодальный и т.д.) можно дать определенные качественные характеристики, то в отношении социально-экономических укладов внутри каждой общественной формации требуется соответствующая обстоятельная научная «расшифровка».

Оставляя эту тему, требующую специального политэкономического анализа, и обращаясь непосредственно к отношениям собственности, следует лишь отметить, что не только в западных, а в последнее время и в восточноевропейских странах экономическая наука четко определилась в ее базовых формах, организационно-правовых формах хозяйства, их роли и месте в формировании социальной структуры сельского хозяйства. При этом в анализе этой структуры особое место занимают социально-экономические характеристики и соотношения крупного производства с проведением этого анализа сквозь призму тех же отношений собственности. По-прежнему в таком анализе много внимания уделяется не потерявшим своей актуальности и дискуссионности, вопросам преимуществ и устойчивости различных хозяйствующих субъектов аграрного сектора, и вытекающим из них прикладным аспектам формирования его рациональной социальной структуры, обеспечивающей эффективное развитие всего воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве.

Понятия размеров производства в сельском хозяйстве (крупное, среднее, мелкое), соответственно, укрупненные группировки сельскохозяйственных организаций содержат в себе элементы условности, поскольку в каждой группе выделяются различные, оптимальные по размерам подгруппы и производственные типы этих организаций. Вместе с тем, методологически оправдано выделение именно крайних, укрупненных групп крупного и мелкого производства с тем, чтобы, учитывая социальный статус хозяйства, форму собственности и т.д. более предметно, основательнее и доказательнее рассмотреть не только исторически подтвержденную практикой устойчивость мелкого производства, но и определение его преимущества в рациональном ведении сельского хозяйства перед крупным производством.

За два десятилетия проведения современных рыночных реформ в России научные взгляды на роль и перспективы развития малых форм производства в сельском хозяйстве было и остается неоднозначным.

Эйфория начала 90-х годов XX в. к середине первого десятилетия XXI в. сменилась почти полным безразличием к этим формам, отсутствием необходимой государственной поддержки, хотя удельный вес мелкого производства в валовой продукции сельского хозяйства удвоился и оно фактически спасало отрасль от полного краха, а население страны от голода. В последнее время интерес государства к использованию ресурсного потенциала малых форм производства на селе стал повышаться. Однако их реальная социально-экономическая значимость в аграрной структуре и перспективы дальнейшего развития еще далеко не оценены ни в стратегии проводимой ныне аграрной политики, ни в научных исследованиях в этой области.

Общие принципы исследования и социально-экономической оценки достоинств и недостатков различных по формам и размерам хозяйств были сформулированы с самого начала научных обсуждений и дискуссий по так называемому «аграрному вопросу», а в общей постановке выдвинуты И.Г.Тюненом (начало XIX в.). Причем дискуссионность проблемы в целом во многом связана с недооценкой или игнорированием понятийного аппарата, касающегося самих терминов «преимущества» и «устойчивость» применительно к социально-экономическим процессам в сельском хозяйстве.

В специальной литературе, в энциклопедических изданиях понятие «преимущества» часто вообще не раскрывается и даже не упоминается, уповая, видимо, на то, что с этой задачей успешно справился В.Даль. В своем знаменитом Словаре он «растолковал» понятие преимущества как «превосходство» с четким и точным определением, что это «перевес по добрым (подчеркнуто мною - И.Б.) качествам, по достоинству».

Для сельского товаропроизводителя самые «добрые» качества это высокая эффективность в ее экономической, социальной и экологической составляющих, соответственно, высокая конкурентоспособность на агропродовольственном рынке. Но если крупное хозяйство отрасли, например агрохолдинг, по его количественным признакам: земельная

площадь, объемы производства, товарность, крупномасштабные машинные технологии и т.д. имеет такой перевес, но не демонстрирует высокую эффективность, другие лучшие качества и достоинства, не сохраняет, а загрязняет окружающую среду, не оптимизировано по размерам землевладения для данной специализации и т.д., то говорить о его преимуществах только потому что оно крупное, совершенно нельзя. По крайней мере нужна оговорка, что сравнение со средним или мелким хозяйством по конкретным показателям делается при прочих равных условиях, имея ввиду, что исторически мелкое частное производство неизменно демонстрировало и устойчивость, и экономичное хозяйствование, и рациональное природопользование, а это важнейшие слагаемые преимуществ ведения сельского хозяйства.

В методологическом плане и непосредственно для хозяйственной практики принципиальное значение в связи с этим имеет само соотношение понятий преимуществ и устойчивости, которая по определению того же В.Даля выражается в стойкости, прочности, твердости, «нешаткости» и является фактически синонимом понятия *стабильности* развития. При этом сам термин устойчивость не обязательно предполагает развитие или в узком понимании его как экономический рост. Последний в условиях, когда на данный вид агропродовольственной продукции не возрастает, а тем более снижается спрос, производство может сохраняться на достигнутом уровне, даже сдерживаться, в частности, путем регулирующих мер государства по сокращению посевных площадей.

Однако во всех случаях принципиальное значение имеет достигнутое *состояние* устойчивости. С позиций классического определения этого понятия признак устойчивости «приписывался» как раз мелкому, индивидуальному, семейному крестьянскому хозяйству. При бесспорности, доказательности известных аргументов в пользу преимуществ крупного, прежде всего частного производства в агробизнесе (оптимального по размерам, прежде всего, земельной площади) следует особо подчеркнуть, что

именно в мелком, в первую очередь в частном семейном хозяйстве органически сочетается активная, творческая жизнедеятельность в тесной гармонией с природой. А это в совокупности является важнейшим признаком также и преимуществ, т.е. «добрых» качеств и «достоинств» данной формы хозяйства. Практически это доказано многолетней исторической практикой «культурных» семейных крестьянских хозяйств, а также более мелкой их современной формы - сельских подворий (по недоразумению называемых ЛПХ, на самом деле далеко не подсобных и по объему производства, и по доходам их владельцев, составляющих особый относительно обособленный уклад в социальной структуре аграрного сектора - приусадебных семейных хозяйств – ПСХ).

По поводу малых форм ведения сельского хозяйства, особенно приусадебной семейной, приверженцами якобы «бесспорного» приоритета и абсолютных преимуществ крупного, в том числе и особенно коллективного производства выдвинут целый арсенал «нелицеприятных» оценок и обобщений: тяжелый, чуть ли не рабский труд, примитивная техника и технология, меньшая защищенность от внешних факторов и условий, недопотребление и т.д. При этом забывают, что это труд добровольный, творчески созидательный, базирующийся на высокой личной заинтересованности и социальной активности, удовлетворенности этим трудом, не оставляющим как в «общественном» коллективном времени для безделья, пьянства и других вредных наклонностей и привычек.

Кто на деле вник в суть проблемы, а тем более кому пришлось непосредственно потрудиться одновременно и в крупном (обобществленном - колхозном) и в «своем» приусадебном семейном хозяйстве, тому не надо доказывать принципиальное различие стимулов и интересов труда в том и другом. В первом случае - пассивное пребывание на работе с постоянной думой о «своем» хозяйстве, во втором - заботливое, бережливое ведение последнего без каких-либо публичных жалоб на тяжесть труда, его продолжительность. (Между прочим, для его облегчения, как

свидетельствует мировая практика механизации производства в малом семейном хозяйстве, существуют огромные, *не меньшие чем в крупном*, возможности). Так что устойчивость (и по этому признаку преимущество) мелкого производства бесспорны, если не затевать искусственные дискуссии и поспешно не обнародовать разного рода умозрительные субъективные оценки и «мнения». В максимальной степени этот признак проявляется с развитием вертикальной кооперации малых семейных форм хозяйства, в рамках которой дополнительно проявляются известные и бесспорные (до известного предела) преимущества крупного производства в аграрной структуре. Эта форма кооперации полностью присуща и приусадебным семейным хозяйствам, являющимся наряду с К(Ф)Х социальной базой настоящих, прежде всего, вертикальных сельскохозяйственных кооперативов, ничего не имеющих общего с советской казарменной их формой – колхозом (по Ленину – «богадельней» для безинициативных и нерадивых).

Обладая устойчивостью, приусадебные хозяйства сельских семей, возникшие как временные (и названные почему-то *личными*, хотя ведутся они *семьей*) стали постоянными, причем динамично, «устойчиво» развивающимися и, следует еще раз повторить, далеко *не подсобными*, производящими в среднем около половины, а в отдельных регионах до 60 и более процентов валовой продукции сельского хозяйства. Не подтверждает «подсобности» приусадебных семейных хозяйств тот факт, что в структуре личных доходов доля последних часто значительно превышает доходы от работы (или безынициативного пребывания на работе) в так называемом «общественном» хозяйстве. И считать после этого ПСХ не только «личными», но еще и «подсобными», значит, называть белое черным. В подавляющем большинстве прежних, или после реорганизации 1992 г. сохранивших свой статус, колхозов за исключением немногих, известно как создавшихся в советское время «маяков» как раз «общественное» хозяйство являлось больше *подсобным* для приусадебного семейного, своего рода его

инфраструктурой, чем (как это принято, игнорируя реальность, совершенно бездоказательно считать) наоборот. Эта подсобность была признана самими идеологами насильственного «насаждения» колхозов еще в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), (о чем свидетельствует выступление на съезде члена Политбюро партии, ответственного за проведение аграрной политики А.А.Андреева).

При ближайшем рассмотрении здесь нетрудно заметить, что колхоз - это объединение владельцев ПСХ, по сути существовавшее на труде членов сельской семьи, этой основной первичной ячейки общества. Утверждают, что общественное хозяйство «помогает» приусадебному семейному (выпас на общих пастбищах скота, обработка участков, транспортные услуги). Но если владеть лишь простой арифметикой, то только слепой не увидит, а глухой не услышит, что это далеко неполная компенсация недоплаты за труд в таком хозяйстве (составляющей сейчас около половины общественно-необходимого, среднего по народному хозяйству уровня).

Рассматривая определенные преимущества ряда крупных (по социальному статусу, прежде всего, частных) СХО нельзя исключать и для них признаков устойчивости, определяющим критерием которой является достаточно высокая эффективность, следовательно, удовлетворительное финансово-экономическое состояние и социальное положение занятых, о чем свидетельствует мониторинг рейтингов хозяйств Клуба «Агро-300», проводившийся ВИАПИ им. А.А.Никонова и Фондом поддержки аграрной реформы и сельского развития.

К сожалению, в ряде крупных животноводческих хозяйствах, даже на крупных, особенно свиноводческих комплексах и фермах многоотраслевых СХО стабильное развитие животноводства и экономики хозяйства в целом не сочетается с устойчивостью природопользования, с экологическим благополучием, сопровождается загрязнением окружающей среды отходами отрасли. Лучше с экологическим состоянием обстоит дело в растениеводческой отрасли таких СХО, хотя и в этих хозяйствах вред

экологии наносится и химизацией, и сливом отработавших масел в почву, и разрушением структуры почвы тяжелыми машинами и другими негативными проявлениями в природопользовании. Все это никак не согласуется с современной концепцией устойчивого развития, потребностям не только будущих поколений, но и настоящего благополучия людей. Здесь бесспорные преимущества, во всяком случае, в сегодняшней российской действительности за малыми формами хозяйства в аграрной структуре - семейными приусадебными и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами.

Таким образом, если, опираясь на бесспорные факты признать, что определенными преимуществами и устойчивостью обладают, как более крупные, так и мелкие хозяйства (и все промежуточные между ними), то важно выявить за счет каких факторов достигаются эти «добрые» качественные состояния. И в тех и в других бесспорна роль всех трех составляющих теории факторов производства: труда, земли и капитала. Но современная экономическая наука к традиционной схеме добавляет четвертый важнейший приоритетный и ресурсосберегающий фактор - предпринимательскую способность всех хозяйствующих субъектов агробизнеса независимо от их социального статуса и размеров производства.

По своей природе, функциям бизнес (т.е. рыночное предпринимательство), являющийся источником роста материального благосостояния присущ любому, даже самому мелкому в основном потребительскому хозяйству, но имеющему какие-то излишки сбыта на рынке. Все дело в стремлении, желании, способности к рыночному предпринимательству, а эти качества в жизни дифференцированы. В большей мере ими обладали и обладают «культурные» хозяйства социальной структуры аграрного сектора, как мелкие, так и средние, крупные.

Так, в «трудовом» мелкотоварном крестьянском хозяйстве этой структуры глава семьи органически соединяет в себе функции производителя, организатора, управленца. Однако его профессионализм,

предпринимательские способности по разному влияют на результативность использования этих функций. Н.П.Макаров[43] в своей работе «Крестьянское хозяйство и его интересы», изданной в 1917 г. и потому не подверженной влиянию марксистских экономических догм и взглядов, в том числе на понятие и природу семьи, ее роль и место в обществе и общественном производстве отмечал, что основным предметом научного анализа семейного крестьянского хозяйства, как активного элемента аграрной структуры, является «культурное» хозяйство. В «некультурном» семейном хозяйстве, которое ведется «по-старинке», организаторская деятельность выполняется, но выполняется «бессознательно», и если такого домохозяина спросить: «организует ли он свое хозяйство», то он просто не поймет этого вопроса. В развивающемся культурном (следовательно, ориентированном на бизнес) крестьянском хозяйстве, особенно когда в нем вводится самоучет при посредстве хотя бы упрощенного счетоводства, когда хозяин составляет «планы» и т.д. крестьянин-хозяин легко приходит к сознанию, что он не только «работник», организатор всех работ в хозяйстве и организатор «самого хозяйства»[44]. Тем самым, автор подтверждает известный вывод А.В.Чаянова, что крестьянское семейное хозяйство обладает большей, чем крупное, «предпринимательской волей».

Если отвлечься от различий качества человеческого фактора, исходить из его равенства, то важен выбор таких размеров специализированного или многоотраслевого хозяйства аграрной структуры, при котором характеризующие преимущества важнейшие показатели хозяйственной деятельности, прежде всего эффективность, достигают наибольшего значения. Однако этот выбор в меняющихся и многообразных условиях хозяйствования исключительно сложен и ограничен во времени. Он различен для разных категорий хозяйств, а для данной категории различен в

[43] Николай Павлович был первым официальным оппонентом по защите моей докторской диссертации в период гонения на «рыночников». Но запуганный звонками из партийной номенклатуры, напоминавшими ему о «ревизионистском» прошлом, Макаров не явился на заседание Ученого совета ИЭ АН СССР, и по этой причине защита диссертации была сорвана и состоялась лишь спустя два года в АН Эстонии.
[44] «Великий незнакомец». Крестьяне и фермеры в современном мире. М.,1992, Прогресс-Академия. С. 12.

зависимости от территориального размещения, конкретных природных, экономических и прочих условий. Если предположить, что и в том, и в другом случае экономически обоснованы и на практике установлены оптимальные размеры, то «прочие» условия, будучи, как правило, не равными, с течением времени предполагают не только корректировку ранее установленного оптимума, но и его новые обоснования и параметры. В конкурентной рыночной среде приходится корректировать или даже менять такой относительно устойчивый признак ведения сельского хозяйства, связанный с конкретными его условиями как специализация, а это также требует новых обоснований экономически более выгодных параметров хозяйства, его оптимальных размеров.

В предисловии к 3-му изданию книги об оптимальных размерах сельскохозяйственных предприятий А.В.Чаянов (1928 г.) пишет, что хотя после первого ее издания прошло всего пять лет (а за эти годы, относящиеся к периоду НЭПа, в сельском хозяйстве не наблюдалось резких структурных и иных «революционных» сдвигов), жизнь потребовала «значительных дополнений и переработки самого текста». В последующем проблема оптимальных размеров хозяйств поднималась вновь и вновь. Особенно активной была «кампания» по ее разработке в 60-70-е годы в рамках проводившихся тогда работ по так называемым «системам ведения сельского хозяйства». Но в рамках административно-командной системы, когда параллельно с экономически необоснованными «оптимальными» размерами колхозов и совхозов, стала «насаждаться» межхозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция, проводилось административное «укрупнение» хозяйств, с прежними устремлениями к гигантомании выполненные разработки стали вообще непригодными для практического применения.

Относительно стабильными, приемлемыми на определенный период являются результаты разработок по оптимальным размерам сельскохозяйственных предприятий, осуществляемых в более или менее

стабильных политических и социально-экономических условиях, при высоком техническом и технологическом уровне производства. Хотя в разных странах средние размеры семейных ферм имеют огромные различия, внутристрановые оптимумы, сложившиеся к началу 21 века с теми или иными коррективами, сохранятся, по меньшей мере, на ближайшую перспективу.

И до этого за последнее десятилетие средний размер семейных ферм по земельной площади в странах ЕС увеличивался ежегодно всего на 1,6%, в США на 1,2%. Причем в меньшей степени увеличивались или почти не менялись размеры более крупных ферм с реализацией, например, в США, продукции на сумму свыше 100 тыс долларов в год. В большей степени в своих размерах менялись более мелкие фермы со среднегодовым объемом реализации продукции на сумму до 10 тыс долларов.

Однако независимо от конкретных, оптимальных для данных условий размеров различных категорий или типов сельскохозяйственных предприятий принципиальным с точки зрения аграрной теории и практики эффективного ведения хозяйства является общий вопрос о крупном и мелком производстве в аграрной структуре. В концептуальном, методологическом плане А.В.Чаяновым этот вопрос в 1928 г. ставился следующим образом:

«Ранее связанные с нашей проблемой (оптимума размера сельскохозяйственного предприятия - И.Б.) вопросы трактовались в плоскости сравнения преимуществ крупной и мелкой формы хозяйства. Как известно, этому, до сих пор (и до настоящего времени - И.Б.) незаконченному спору, неправильному по своей постановке, было посвящено два десятилетия напряженной работы русской экономической мысли.

Основная ошибка этого спора заключалась в неправильной постановке обсуждаемого вопроса. Противопоставляя мелкое семейное крестьянское хозяйство крупному капиталистическому, вели спор о крупном и мелком земледелии, т.е. беря только количественное сопоставление. В то же время по существу трактуемой проблемы, противопоставлять нужно было не

количество другому количеству, а различные качества друг другу (учитывая, что количественные параметры есть лишь элемент общей *качественной* характеристики хозяйствующего субъекта - И.Б.).

Вопрос, в сущности, шел не о борьбе крупной и мелкой формы производства в сельском хозяйстве, а, с одной стороны, о сравнительной выживаемости и устойчивости капиталистического земледелия, основанного на наемном труде (иначе говоря, крупнотоварного частного производства - И.Б.) и семейного крестьянского трудового хозяйства (иначе говоря, в основном потребительского или мелкотоварного производства - И.Б.), качественно отличного от первого как по своей структуре, так даже по основному пониманию выгодности (подчеркнуто мною - И.Б.) хозяйственных начинаний, с другой стороны. Внимательное рассмотрение вопроса с несомненностью показывало, что качественные свойства трудового хозяйства в значительной мере покрывают его количественную «слабость»[45].

Поскольку исторически и логически исходным в исследовании преимуществ и устойчивости сельскохозяйственного производства в зависимости от его размеров является мелкое семейное крестьянское хозяйство, прежде всего, необходимо рассмотреть его количественные и качественные стороны с точки зрения теории устойчивости (включающей признаки преимущества) данной формы хозяйства и возможных ее типов. Не будем вспоминать, что это теория якобы «буржуазная», а также того, как легко ее «разоблачил» Сталин перед лицом «аграрников-марксистов» в 1929 г., хотя эти опровержения и разоблачения весьма любопытны с точки зрения их теоретической наивности и практической несостоятельности, и в этом смысле, как и в других вопросах советской политэкономии, «поучительны» (в том смысле, как не надо делать). Уже сам перечень только имен видных представителей аграрной экономической науки, исследовавших семейное хозяйство (М.Брентано, Э.Давид, Э.Бернштейн, Н.А.Каблуков, М.Б.Ратнер, П.Б.Струве, С.Н.Булгаков, М.И.Туган-Барановский, В.М.Чернов, П.П.Маслов

[45] Чаянов А.В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., «Новая деревня», 1928. С. 5.

и др.) является свидетельством ущербности «доказательной базы» ниспровергателей теории устойчивости этого хозяйства, не говоря уже о А.В.Чаянове, Н.П.Макарове, А.Н.Челинцеве и других, якобы призывавших к «реставрации» в России капитализма через развитие семейных крестьянских хозяйств и их вертикальную кооперацию, тем самым укрупнение производства в рамках его оптимального размера для данных условий, данной специализации и т.д.

Уже сам факт насильственной, путем «великого перелома», ликвидации мелкого семейного крестьянского хозяйства, мелкого индивидуального сельскохозяйственного производства (а не его добровольного кооперирования в вертикальных формах) свидетельствует о его устойчивости и определенных преимуществах. Главное из них - реализация таких основополагающих ценностных ориентаций как право собственности, экономическая свобода, личная нравственная раскрепощенность, хозяйская близость земледельца к самой земле, предопределяющих более высокие общие «качественные свойства» данной формы хозяйства, следовательно, качества всей жизнедеятельности непосредственного сельскохозяйственного производителя. Именно наличие этих преимуществ или более высоких качественных свойств, прежде всего, права частной собственности – это главное, что «побуждает и напрягает хозяйственный инстинкт и хозяйственное творчество человека».

Преимущества той или иной формы хозяйства аграрной структуры, к сожалению, часто сводятся в основном, а иногда исключительно к количественным показателям, масштабности производства и реализации продукции, применению крупных машин и технологий, выходу продукции на единицу затрат труда или всех ресурсов и т.д. В стороне остается или подразумевается как второстепенные именно качественные признаки и свойства, причем не только в смысле качества выполнения непосредственным земледельцем работ на «своей» или общей «совместно-ничейной» земле. Речь идет о качестве главной производительной силы в

широком смысле слова, предопределяемом степенью личной свободы и хозяйственной самостоятельности, нравственно-психологическом состоянием человека, его профессионализмом, предпринимательскими способностями. А именно это состояние и эти способности обусловливают степень хозяйственной инициативы в реализации своих возможностей, степень хозяйственного творчества и «старательности», непосредственной заинтересованности человека в рациональном использовании и самого труда, и всех других имеющихся ресурсов. С этих позиций бесспорны и «устойчивость» мелкого производства, и адекватные этой устойчивости отмеченные его «качественные» преимущества. Многие К(Ф)Х не уступают крупным СХО, а ориентированные на бизнес ПСХ реализуют в разных формах до 20 и более процентов своей продукции, что вопреки закону о ЛПХ (огульно определяющему его как некоммерческую организацию) является признаком агробизнеса, рыночного предпринимательства. И резервы роста товарности ПСХ с развитием их действительной кооперации в вертикальных формах далеко не исчерпаны.

Поскольку речь идет о сельскохозяйственном предприятии устойчивость и определенные преимущества мелкого семейного хозяйства, как и всякого другого, зависят от его оптимального размера, при котором по количественным и качественным показателям, прежде всего, по уровню эффективности это хозяйство, обеспечивая потребности самого владельца, может конкурировать с более крупным, поставляя на рынок хотя и меньшее количество продукции, но сравнимое или лучше по качеству с более низкой себестоимостью ее производства, при более высокой урожайности и продуктивности скота, сравнимым или более высоким уровнем дохода на единицу затраченного труда, экологичностью самого производства. Главное же преимущество мелкого семейного хозяйства, основанного на праве частной собственности - неизменно более высокое его «качественное состояние» в рассмотренном широком понимании этого синтетического критерия.

Именно высокое «качественное состояние» мелкого хозяйства, включая приусадебное семейное хозяйство, предопределяющее его устойчивость и отмеченные преимущества, также характеризуется достаточно высокой эффективностью. Советская и современная российская статистика не давала и не дает объективных данных о затратах труда в ПСХ, причем труда менее квалифицированного (участие в нем домохозяек, школьников, частично «сезонных» городских жителей). Тем не менее, опираясь на имеющиеся, характеризующиеся достоверностью, убедительностью расчеты, можно однозначно заключить, что производительность труда в этой категории самостоятельного в своей основе семейного «крестьянского» хозяйства не ниже, чем в крупном корпоративном или государственном, а тем более «коллективном» сельскохозяйственном предприятии. Есть основания и для основанного на этих расчетах вывода о том, что час труда в сельских подворьях «дает относительно больший доход, чем час труда в общественном хозяйстве колхоза»[46]. Этот вывод автор подкрепляет обширным сравнительным анализом других более конкретных показателей развития приусадебного семейного хозяйства и базирующегося на труде его членов «общественного хозяйства» (урожайность, продуктивность скота, качество продукции, размеры потерь и т.д.).

Фактическое положение таково, что если сейчас ПСХ в общей структуре валовой продукции сельского хозяйства занимают около 50%, то затрачивают на это не большее количество совокупного в отрасли труда. А это означает, что уровень производительности труда здесь не ниже, чем в так называемом «общественном» производстве. А так как органическое строение капитала в последнем выше, а поэтому на единицу продукции, следовательно, затрачивается больше и «прошлого» труда, то себестоимость продукции при сопоставимой денежной оценке затрат труда в приусадебных

[46] Шмелев Г.И. Производство сельскохозяйственной продукции населением России. М.: Academia, 2002. С. 153.

хозяйствах даже несколько ниже, чем в крупных сельхозпредприятиях (если говорить о среднем по сельскому хозяйству страны значении этого показателя), а рентабельность с учетом как правило более высокого качества продукции, более высокой продуктивности земли в ПСХ, естественно, выше. Рентабельность же - основной обобщающий показатель экономической эффективности в условиях развитых товарно-денежных отношений (и пока по этому вопросу в науке не дано доказательных опровержений). То же самое можно сказать о соотношении показателей экономической эффективности в крестьянских (фермерских) и более крупных СХО.

Крестьянским (фермерским) хозяйствам присуща та же «устойчивость» и при рациональном ведении производства они демонстрируют те же преимущества, обусловленные особыми их «качественными свойствами». Против этого могут возразить: за годы реформ многие КФХ перестали существовать, разорились. Но перестать существовать, обанкротиться может любое хозяйство. За те же годы разорились или бедствуют и многие крупные СХО в силу общих причин уклонения государства от целенаправленного экономического регулирования и активного использования принципа аграрного протекционизма. Здесь анализ должен исходить, во-первых, из равенства «прочих условий», в том числе макроэкономических, и, во-вторых, из наличия сбалансированного, эффективно работающего рыночного хозяйственного механизма и адекватной системы государственного регулирования на принципах, одинаковых для различных категорий хозяйств с приоритетной поддержкой более эффективного хозяйствования, вплоть до конкретного хозяйства каждой из этих категорий, включая ПСХ. Тот факт, что за 2000-2010 гг. удельный вес валовой продукции К(Ф)Х в действующих ценах возрос в 2,3 раза, а площадь землевладения в 1,5 раза свидетельствует о достаточно устойчивом, интенсивном ведении этой формы мелкого производства, чем в большинстве крупных СХО. Фермерское хозяйство объективно предполагает большую многочисленность ведущих его семей,

что в нынешней ситуации с демографией на селе имеет исключительно важное значение.

При всей условности различий размеров между мелким, средним и крупном производством (составляющим укрупненную аграрную структуру), в том числе между «подтипами» в семейных крестьянских и крупных предпринимательских сельскохозяйственных предприятиях по земельной площади эти размеры определяются по принятым в отдельных странах, количественно различающимся критериям. Для Японии средний размер фермы по земельной площади составляет 1,3 га, а крупного сельскохозяйственного предприятия - уже в размере 100 га, тогда как для Австралии, где средний размер фермы около 4 тыс. га (а при 100 га земли - это уже мелкое хозяйство), крупным предприятием считается имеющие не менее 15 тыс. га.

То же самое по показателю так называемого *экономического* размера хозяйств, который в странах ЕЭС выражается в европейских единицах размера (ЕЕР). Если валовая прибыль фермы равна 120 ЭКЮ (в постоянных ценах), то ее экономический размер принимается за единицу (1 ЕЕР). Если, например, средний экономический размер семейной фермы во Франции равен 35, то размер крупного предприятия оценивается и в 100 и в 150 и более ЕЕР. И то, и другое, и третье - крупные предприятия, а при размере 5-10-15 ЕЕР - мелкие хозяйства, (что и подтверждает отмеченную выше условность границ между мелким и крупным производством, предполагающим, соответственно, какое-то «среднее» по размерам производство), т.е. мы опять возвращаемся к проблеме классификации крупности хозяйства, требующей более предметного и всестороннего исследования, гибкого дифференцированного подхода к его проведению.

В рыночной экономике, в системе агробизнеса важное значение имеют научные разработки и рекомендации по оптимальным размерам сельскохозяйственных предприятий применительно к их организационно-правовым формам, производственным типам с учетом специализации и всей

совокупности конкретных условий хозяйствования. Нет ничего «опасного» в связи с этим в формировании так называемых «латифундий», если это крупное частное хозяйство, которое в рыночных условиях имеет увязанные с критерием эффективности оптимальные по размерам площади землевладения, объективно необходимые «естественные» для настоящего хозяина ограничения. Владельца такого хозяйства можно даже называть новым помещиком, но если это хозяйство оптимально по размерам, рационально использует землю и труд наемных работников, дает обществу много дешевой качественной продукции, то это благо для людей и государства.

Что касается государственных предприятий в сельском хозяйстве, как менее эффективной вследствие отчуждения непосредственного работника от права собственности формы хозяйства их сегмент в социальной структуре сельского хозяйства всюду в мире ограничен и уже поэтому эта форма не является приоритетной. Однако «госхозы» приемлемы и необходимы в селекции, племенном и опытном деле, семеноводстве и т.д. И как бы не обосновывались реставраторские схемы на этот счет с претензиями на высокую теорию по поводу преимуществ и приоритета государственных предприятий для российского сельского хозяйства, в этой области движение назад, исходя из общенациональных интересов, критерия эффективности исключено. Сложившуюся долю государственной собственности в структуре земельных угодий современного сельского хозяйства России в пределах 15%, а в странах ЦВЕ до 10 и менее процентов сейчас можно считать оптимальной.

Крупное же обобществленное коллективное хозяйство не имеет преимуществ ни перед крупным частнопредпринимательским, ни тем более перед индивидуальным крестьянским хозяйством, будь то фермерское или приусадебное семейное. Можно из крупных СХО создавать новые маяки, «оголяя» ресурсный потенциал других хозяйств, как это было в советское время, можно продолжать эту политику и сейчас для престижа местных

властей и ложной иллюстрации общего благополучия в российском сельском хозяйстве, но в своей массе и при прочих равных условиях эта форма, где земледелец отчужден от права собственности на землю, другие средства производства, неизменно обладает, по определению А.В.Чаянова, заведомо *слабой* организаторской и предпринимательской волей.

В отношении приусадебных семейных хозяйств, представляющих собой крупный по масштабам производства и важный по эффективности, ресурсосбережению особый и устойчивый в своем развитии «уклад» в современной аграрной структуре, можно сказать, что в перспективе с развитием «оптимально» крупных частных К(Ф)Х, вертикальных фермерских кооперативов в сельском хозяйстве роль их будет дифференцироваться от трансформации в крупно-товарные фермерские до чисто потребительских, садово-огородных функций. В нынешних переходных условиях и в обозримой перспективе эта роль пока весьма существенна с точки зрения и экономической, и социально-психологической. Именно у владельцев «своего» приусадебного семейного хозяйства, на труде которых существовали и сейчас продолжают существовать якобы «сохранившие свой статус» колхозы, другие формы крупных СХО, полностью реализуется личный интерес как «главный двигатель» производства. Как раз в этой категории хозяйств, начинающих создавать свои настоящие кооперативы членов-собственников (Орловская область, Тюменская область и т.д.) молодое поколение получает навыки земледельческого труда, формируется понимание приоритета личного интереса и частной собственности, стремление оставаться и эффективно хозяйствовать в деревне. В связи с этим данная форма хозяйства нуждается в масштабной целевой протекционистской поддержке, чего до сих пор со стороны государства в необходимых размерах не наблюдается. Эта поддержка обратно пропорциональна вкладу ПСХ в производство валовой продукции сельского хозяйства.

Если говорить о приоритетах и перспективах развития социальной структуры российского аграрного бизнеса в целом, то с точки зрения социально-экономических преимуществ можно выделить две основные, базирующиеся на частной собственности, формы: крупные корпоративные предприятия различных типов (АО, ТОО, оптимальные по размерам агрофирмы, агрохолдинги и т.д.) и индивидуальные семейные хозяйства (КФХ, ПСХ), также работающие на принципах рыночного предпринимательства. Обусловленные устойчивостью преимущества семейных хозяйств реализуются еще в большей степени при их добровольном кооперировании в вертикальных формах кооперативов, работающих в качестве равноправных партнеров агробизнеса, рыночного предпринимательства с их особыми социальными функциями и особыми мерами протекционистской поддержки.

Как неоднократно отмечалось мною в специальных монографических изданиях, в научных статьях в этих вопросах много наносного, путаницы, приверженности к догмам. Пора, наконец, оторваться от этих догм, освободиться от отжившего замшелого представления о «бесприбыльности» кооперативов, в т.ч. обслуживающих или «вертикальных», и тем самым, включить их в единую систему и единые правила рыночных отношений, как это наблюдается в современной мировой кооперативной практике, включая фермерскую кооперацию в сельском хозяйстве. Социальная функция крестьянской, фермерской кооперации может и должна реализоваться в целевых субсидиях, в активной господдержке, в особой, льготной системе налогообложения, а не выводе обслуживающих сельскохозяйственных кооперативов (по недоразумению возведенных в статус «потребительских») из сферы агробизнеса, рыночного предпринимательства, их ориентации на какие-то аморфные *выгоды*, или по рекомендациям МКА на некий *«экономический результат»,* а не на высокорентабельную, прибыльную и в этом смысле *коммерческую* деятельность.

В свое время А.В.Чаянов в противовес взглядам М.И.Туган-Барановского, считавшего, что прибыль для кооператива это вообще «чужеродное тело» ставил прибыльность «на второе место»[47]. Настало время в современных условиях возрождения товарно-денежных отношений и рыночного предпринимательства в российской деревне признать прибыль как важнейшую непосредственную цель деятельности кооператива на «свое» место, как это реально существует в жизни (методологические обоснования такого признания даются автором этих строк (совместно с Г.И.Шмелевым) в ж. «Вопросы экономики» № 1 за 1995 г., с. 83-85 и ряде других публикаций и изданий). Без такого признания кооперативная теория и кооперативная политика остается на уровне представлений Л.Д.Троцкого, утверждавшего, что бесприбыльность кооперативов это как раз то, что нужно для ликвидации или «преодоления» рынка (см. «Союз потребителей», 1923 г., № 12, с. 6), и его современных последователей в области псевдокооперативной риторики. Цель достижения прибыльной, следовательно, действительно выгодной и в экономическом и социальном плане, деятельности кооперативов, в том числе вертикальных (перерабатывающих, сервисных и т.д.) означает органическое включение последних (становящихся *самостоятельными* юридическими лицами) в систему рыночных отношений с их регулирующей и стимулирующей функциями обеспечения высокой эффективности, следовательно, устойчивого развития, т.е. обладания кооперативными формированиями преимуществами, характерными для крупного производства. Их особые социальные функции с успехом могут быть реализованы в особой системе налогообложения и особых принципов распределения прибыли, т.е. реальной, а не аморфной экономической «выгоды».

Ссылки на некоторые поспешно принятые в годы реформ акты аграрного, в том числе кооперативного законодательства, в которых имеются иные «записи» (в частности о включении кооперативов

[47] Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. Изд. 4-е. М., «Кооперативное издательство», 1925. С. 10.

сельскохозяйственных производителей, т.е. «вертикальных» в потребительские) не являются *научным* аргументом. Такие акты, сочиненные на компромиссах и нестыковках, на соображениях, что «так привыкли» или так когда-то представилось Туган-Барановскому, или так (по ЛПХ) «одобрил» Сталин – не «указ» для науки. Наоборот, наука - *база* и *источник* принятия правильных, разумных законов, начиная с научного определения самих понятий. Иначе законотворчество превращается (как это случилось с противоречивым и в целом несостоятельным законом о сельскохозяйственной кооперации) в законодательное крючкотворчество. К сожалению, именно с «опорой» на путаные нормы этого закона некоторые «кооператоры» пытаются и строить теорию, и вести оторванные от объективных закономерностей и принципов, от реальной жизни исследования тех социально-экономических явлений и процессов, изменившееся содержание которых явно не соответствует устаревшим, тем более бездумно заученным, «окостенелым» определениям и оценкам, в том числе о роли, месте и перспективах малых форм хозяйства в социальной структуре российского аграрного сектора.

Учитывая незаменимые социальные функции, экономичность и экологичность ведения этих форм, высокий экономический эффект мелкотоварный сектор нуждается в приоритетной целевой господдержке (особенно в пустующей сельской глубинке), по меньшей мере, соответствующей вкладу хозяйств этого сектора в производство продукции. Эта поддержка помимо бюджетной, финансовой должна включать в себя правовое обеспечение расширения масштабов и эффективного развития малого предпринимательства, беспрепятственного сбыта продукции, защиты МФХ от монополистских устремлений субъектов агропродовольственного рынка, посредников, перекупщиков, спекулянтов, засилия импортных поставщиков товаров на этот рынок.

Что касается различных форм и в целом системы сельскохозяйственной кооперации, ее социально-экономических функций и места в аграрной

структуре, то анализ проблем и перспектив ее развития заслуживает более предметного анализа, начиная с оценки современного состояния кооперативного движения в сельском хозяйстве и АПК страны в целом и определения перспектив его развития.

5.2. Проблемы и перспективы развития сельскохозяйственной кооперации

Возрождение кооперации в сельском хозяйстве и агропромышленной сфере в целом в условиях проводимых реформ, формирования новой, рыночной аграрной структуры с приоритетом частных форм хозяйства становится настоятельной необходимостью и все более ощутимой социально-экономической реальностью. В последнее время в стране все активнее разворачивались научные разработки в этой области. В 1997 г. на основе обширных исследовательских материалов издана подготовленная под моей редакцией, удостоенная премии им. А.В. Чаянова РАН, монография «Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России» (М. Наука, 1997). Авторами обобщен исторический путь развития кооперативного движения в деревне со времени ее зарождения до наших дней. В книге (2-е издание - 1998 г.) анализируются взгляды теоретиков кооперации, концептуальные положения, экономические, организационные и правовые основы кооперативной деятельности. Особое внимание уделено проблемам возрождения и перспективам развития кооперативных форм хозяйства с учетом опыта стран Центральной и Восточной Европы и общих мирохозяйственных процессов в развитии сельскохозяйственной кооперации. Проблемы кооперации на селе достаточно широко обсуждаются в периодических изданиях, на научных форумах.

Вместе с тем, реальная российская практика до сих пор сталкивается с новыми препятствиями на пути кооперативного движения в деревне. Становление развитой кооперативной системы сдерживают правовые, организационные и другие ограничения и преграды. Это вызывает необходимость углубления исследований по концептуальным аспектам проблемы, проведения конкретных

научных разработок прикладного плана, а также всестороннего анализа уже накопленного опыта в этой области. Предстоит более предметно обосновать и перспективы развития различных видов сельскохозяйственных кооперативов, предложения по организационно-хозяйственным и другим аспектам их эффективного функционирования, совершенствованию законодательной базы и самого механизма эффективного функционирования, ресурсному обеспечению, формированию всесторонне развитой кооперативной системы в сельском хозяйстве.

Классические концептуальные постулаты кооперативного движения проверены временем. Кооператив создается для того, чтобы через совместную деятельность экономически обособленных, прежде всего, мелких собственников на базе основополагающих кооперативных принципов полнее реализовывать материальный интерес своих членов, экономически и организационно обеспечить его в рамках более крупного хозяйственного объединения. При этом важно иметь ввиду, что в процессе исторической эволюции производственных отношений, с развитием рынка и самой кооперации, ее принципы и признаки не остаются «незыблемыми». В частности, получает определенную модификацию принцип «один член - один голос», обнаруживается абстрактность так называемой «бесприбыльности» кооператива, его некоммерческого характера, поскольку в рыночной экономике и кооперативу приходится «подчиняться» законам рынка, заниматься коммерцией, стремиться получить как можно большую прибыль, иначе цель достижения экономических выгод и социальных гарантий останется теоретической декларацией.

В условиях современной переходной экономики классическая кооперативная концепция формирования кооперативов уже подвергается определенной корректировке. Исторически кооператив создавался как добровольное объединение индивидуальных собственников в различные виды преимущественно «обслуживающих», вертикальных кооперативов (или кооперативы производителей). Происходил своего рода процесс обобществления, не подрывавший, однако, права частной собственности членов

кооператива. В нынешних условиях реорганизации бывших псевдокооперативов (колхозов) и совхозов (госхозов), где каждая крестьянская семья потеряла право частной собственности, сначала происходит «разобобществление», деколлективизация, а возродившиеся индивидуальные частные члены-собственники могут создавать кооперативы и кооперативные объединения на подлинно демократических принципах при добровольности участия и возможности свободного выхода из кооперативной организации.

5.2.1. Современное состояние кооперативного сектора в сельском хозяйстве

Исходным пунктом анализа этого состояния в соответствии с основополагающими принципами кооперации, модифицированными применительно к современным условиям формирования новой, рыночной структуры аграрного сектора, прежде всего, необходимо провести четкое различие между отдельными типами или видами сельскохозяйственных кооперативов. Укрупненная классификация этих видов, включает вертикальные и горизонтальные (производственные) кооперативы. В вертикальных или «обслуживающих» кооперативах, называемых также кооперативами производителей[48], выделяются и объединяются отдельные стороны экономической деятельности самостоятельных собственников земли и других средств производства. К этим видам кооперативов относятся объединения по переработке, хранению и сбыту сельскохозяйственной продукции, производственному снабжению и обслуживанию, а также по кредитованию и страхованию своих членов и оказанию им других хозяйственных услуг. Членами таких кооперативов могут выступать как физические, так и юридические лица (в том числе акционерные общества, товарищества различного типа, производственные кооперативы и т. д.).

Во втором случае речь идет о кооперативных объединениях, базирующихся на совместном использовании также находящихся в их собственности средств производства (в т. ч. земли), на определенном обобществлении производственного

[48] Название таких кооперативов «потребительскими» по меньшей мере спорно.

процесса. Участие в производственных кооперативах служит основным источником доходов их членов и осуществления всей деятельности таких предприятий. Членами производственных кооперативов обычно являются только физические лица.

Производственные кооперативы - одна из организационно-правовых форм, предусмотренных Гражданским кодексом РФ и Законом о сельскохозяйственной кооперации, в которую преобразовались колхозы и совхозы в ходе осуществления аграрной реформы, хотя практически ни в одной стране с развитой рыночной экономикой и приоритетом частной собственности на землю, другие средства производства, произведенную продукцию и т.д. эта форма кооперации не получила широкого распространения. Причины ограниченного распространения или недолговечности существования производственных кооперативов в современном мире заложены в самой природе и тех противоречиях, которые присущи их деятельности. Источником основного из этих противоречий является двойственное положение членов производственного кооператива. Используя для организации совместного производства землю и другое имущество, денежные средства и принимая непосредственное участие в процессе производства, они одновременно выступают в двух взаимоисключающих друг друга качествах. С одной стороны - это собственники капитала; с другой – фактически наемные работники. Как коллективные собственники они заинтересованы в получении наибольшего процента (или дивиденда) на этот капитал, а как наемные работники они стремятся получать как можно более высокую оплату своего труда.

Данное противоречие дополняется противоположностью интересов членов, больше не работающих в кооперативе, но имеющих определенные паенакопления, и тех, кто продолжает работать или начинают свою трудовую деятельность. Первые не влияют на деятельность кооператива и заинтересованы исключительно в получении как можно более высокого дохода на имеющиеся у них в кооперативе паи, а вторые стремятся к дальнейшему развитию производства (и одновременно к более высокой оплате труда).

Члены кооператива существенно различаются по уровню квалификации, выполняют разные по значению функции и имеют различные представления о том, как должны использоваться ресурсный потенциал и полученные доходы, прибыль. К тому же чем крупнее кооператив, тем больше в нем роль руководящей верхушки, тем меньше для рядовых членов возможность участия в принятии решений по важнейшим вопросам жизнедеятельности коллективного производства. Однако в условиях ныне формирующейся рыночной экономики аграрного сектора России производственные кооперативы, если они являются сообществом членов-собственников, могут занимать определенную нишу в социальной структуре сельскохозяйственного производства.

Вертикальные кооперативы, лишенные указанных противоречий доказали свою высокую эффективность и жизнеспособность и поэтому в нынешних условиях, в ближайшей и отдаленной перспективе при соответствующем правовом и экономическом обеспечении могут служить гарантом конкурентоспособности фермерских хозяйств и других малых форм хозяйства аграрного сектора и всей агропродовольственной системы. Развивая экономическую рыночную инфраструктуру в различных сферах и звеньях этой системы, они способствуют укреплению производственной базы сельского хозяйства, повышению материального достояния, как отдельных членов, так и кооператива в целом.

Многообразие видов кооперативной деятельности требует адекватного подхода к их правовому регулированию, осуществлению управленческой деятельности, механизму внутрихозяйственных отношений и т.д.

В настоящее время в сельском хозяйстве, других отраслях и сферах АПК России как, впрочем, в других отраслях народного хозяйства нет сложившегося кооперативного сектора представленного структурами, действующими на основе проверенных мировой практикой принципов кооперативной демократии. Само понятие кооперативной организационно-правовой формы экономической деятельности было в общей форме обозначено в «Законе о кооперации в СССР» и впервые закреплено в российском законодательстве лишь с принятием первой части Гражданского Кодекса, вступившего в силу с 1 января 1995 г., а затем (в конце 1995 г.) Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации».

Ознакомление с фактическим состоянием кооперативного движения в отрасли свидетельствует лишь о робком начале процесса формирования (правда, пока что в самом общем виде) элементов подлинно кооперативных экономических структур в ряде субъектов Российской Федерации. Соответствующие данные и социологические обследования показывают, что кооперативные формы хозяйства в аграрной сфере и АПК в целом с трудом пробивают себе дорогу. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы, характеризующие практическую реализацию программы развития сельскохозяйственной кооперации, принятой МСХиП РФ в июле 1997.

Основными целями этой Программы на период до 2000 г. были определены: обеспечение устойчивого развития кооперативного сектора как части многоукладной аграрной экономики, повышение его роли в стабилизации и устойчивости агропромышленного производства, защита экономических интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей. Среди конкретных целей Программы - создание правовых, экономических и организационных условий для эффективной деятельности сельскохозяйственных кооперативов и их союзов; формирование кооперативной инфраструктуры агросервиса, переработки и сбыта продукции, кредитования и страхования; совершенствование механизма финансово-кредитной поддержки кооперативных форм хозяйствования; развитие системы научного, информационно-консультационного и кадрового обеспечения сельскохозяйственных кооперативов и их союзов. Намечался рост численности сельскохозяйственных кооперативов; увеличение сельскохозяйственного производства в кооперативном секторе в 1,5-2 раза, объемов услуг, оказываемых кооперативами сельхозтоваропроизводителям в 4-5 раз; повышение доходности хозяйств членов кооперативов. Предусматривались меры государственной поддержки кооперации на селе.

За период действия Программы и в последующий период указанные меры осуществлены лишь частично, в том числе, в отношении мер по финансовой поддержке кооперативного движения на селе. Мало сделано в плане реализации той ее части, в которой органам государственного управления

агропромышленным комплексом субъектов Российской Федерации было рекомендовано разработать совместно с местными органами хозяйственного самоуправления, сельскохозяйственными товаропроизводителеми региональные программы развития сельскохозяйственной кооперации, оказывать всестороннюю поддержку деятельности производственных и обслуживающих кооперативов по увеличению производства продукции, расширению объемов оказываемых услуг, насыщению рынка продовольственными товарами. Достигнуты в основном определенные результаты количественного роста кооперативных формирований.

До принятия указанной Программы по имеющимся статистическим данным, по состоянию на 1.08.96 г. в России было зарегистрировано 3900 производственных кооперативов (против 1861 на 1.01.94 г.). Из этого общего количества 35% приходилось всего лишь на 8 областей. На 1.01.2001 г. по тем же данным в стране имелось 12,3 тыс и на 1.01.2011 г. 10,6 тыс производственных кооперативов, многие из которых по своей социально-экономической сущности еще далеко не отвечают основополагающим принципам кооперации самостоятельных членов-собственников.

Во-первых, такие организационно-правовые формы сельскохозяйственных предприятий, зарегистрированных как производственные кооперативы, в действительности не являются таковыми, поскольку учредительные документы и организация деятельности многих из них не в полной мере соответствуют или вообще не соответствуют указанным принципам и мировой практике формирования кооперативных предприятий и объединений. Во-вторых, в основу деятельности многих новых организационно-правовых сельскохозяйственных организаций, зарегистрированных под различными названиями, в которые не входит слово «кооператив», положены отдельные принципы, характерные для кооперативных формирований.

Что касается вертикальных сельскохозяйственных кооперативов, то по данным Госкомстата, на 1 августа 1996 г. было зарегистрировано 587 таких хозяйств, а на 1.01.2001 г. - 1129 (без кредитных), на 1.01.2011 г. – около 3 тысяч,

из них 1,7 тыс. – кредитные, из которых более 500 не работающих.. Однако, сколько их является действительно кооперативами трудно выяснить, так как принадлежность тех или иных хозяйственных структур к сельскохозяйственной кооперации определяется не составом их членства, а направлением их деятельности, заявленной при их регистрации. Нельзя точно определить насколько они отвечают такому понятию, как «потребительский сельскохозяйственный кооператив». Особенно это относится к заготовительным кооперативам и посредническим кооперативам при купле-продаже продукции сельского хозяйства, многие из которых входят в систему Центросоюза, объединяющего действительно потребительские кооперативные объединения и общества.

Во многих субъектах РФ не создано ни одного вертикального кооператива. С другой стороны, в тех краях и областях, которые лидируют в отношении численности таких кооперативов, они сосредоточены, как правило, лишь в небольшом числе районов. В ряде районов осуществляют свою деятельность кредитные кооперативы, созданные сельскохозяйственными товаропроизводителями и ориентирующиеся исключительно на производственное кредитование.

Говоря о малочисленности действующих вертикальных кооперативов, необходимо в то же время отметить широкое распространение различного рода неформальных объединений, имеющих сходные с кооперативами черты. Такие объединения возникают между сельскохозяйственными товаропроизводителями различных организационно-правовых форм, но особенно часто - между крупными СХО и владельцами приусадебных семейных хозяйств, а также между владельцами этих хозяйств, между крестьянскими (фермерскими) хозяйствами.

Широкое распространение неформальной кооперации объясняется, во-первых, тем, что сельскохозяйственные производители (главным образом, мелкие) вступают в кооперативные отношения не столько для ведения крупнотоварного производства, сколько для того, чтобы обеспечить выживание в условиях тяжелого социально-экономического положения основной массы СХО, а, во-вторых, кооперативы избегают регистрации с целью ухода от налогов

(например, фермерским хозяйствам выгоднее платить налоги в качестве владельцев своих хозяйств, а не как членам кооператива, зарегистрированного в статусе юридического лица).

5.2.2. Социальная база и перспективы развития сельскохозяйственной кооперации

Основой социальной базы нынешнего, по сути, начального этапа становления развитой системы сельскохозяйственной кооперации является мелко- и средне- товарный сектор аграрного производства, представленный, главным образом, фермерскими хозяйствами, небольшими сельскохозяйственными предприятиями других организационно-правовых форм, возникших в результате реорганизации бывших колхозов и совхозов, приусадебными семейными хозяйствами.

Потенциально главным субъектом дальнейшего развития сельскохозяйственных кооперативных структур вертикального типа являются фермерские хозяйства, функционирующие в рамках рыночного экономического механизма, как вполне жизнеспособный предпринимательский уклад современной социальной аграрной структуры, объективно наиболее заинтересованный в них как средстве всесторонних связей с рынком, обеспечивающих его устойчивое экономическое развитие. Анализ показывает тесную зависимость между численностью фермерских хозяйств в регионе и количеством кооперативов по переработке и сбыту продукции, производственному снабжению и кредитованию. Так, отличающиеся массовостью фермерских хозяйств, Калужская, Волгоградская, Ростовская и Свердловская области, Краснодарский край характеризуются и большим по сравнению с другими субъектами РФ количеством вертикальных кооперативов. В Калужской области на 1.01.2011 г. действовало 65 кредитных кооперативов, тогда как во всем Северо-Западном федеральном округе всего 46. Наряду с фермерскими хозяйствами во многих случаях интерес к кооперативной деятельности проявляют и небольшие сельскохозяйственные предприятия, что особенно прослеживается в

Волгоградской области, где действует только 77 кредитных кооперативов. По мере распространения кооперативной деятельности наблюдается создание кооперативных формирований, в которых наряду с фермерами и небольшими предприятиями принимают участие более крупные сельскохозяйственные предприятия (и *в* первую очередь - *в* кредитных кооперативах).

Поскольку показанные выше огромные экономические трудности развития аграрного сектора в равной степени касаются всех товаропроизводителей, в последнее время наблюдалась определенная тенденция создания вертикальных кооперативов крупными сельскохозяйственными предприятиями целого района, что наиболее характерно для районов с малочисленным, раздробленным и экономически маломощным фермерством (как это наблюдается, например, в отдельных районах Рязанской, Тамбовской, ряда других областей).

Поиски наиболее рациональных путей формирования кооперативной системы в сельском хозяйстве объективно приводят к созданию сравнительно крупных многопрофильных кооперативных объединений с охватом значительной части или даже всех сельскохозяйственных предприятий района, выступающих в таких объединениях в качестве членов первичного кооператива, имеющих каждый один голос. В создании и деятельности таких кооперативов заложен определенный потенциал постепенной и более рациональной, по сравнению с уже опробованными моделями, трансформации существующей структуры сельскохозяйственных предприятий. Их успешное функционирование дает возможность решать на кооперативной основе не только производственные, но и социальные проблемы, связанные с обеспечением занятости населения, мотивацией труда, сохранением производственной и социальной инфраструктуры, расширением агропродовольственного рынка.

Однако во всех случаях создание вертикальных кооперативов требует огромной организационной, разъяснительной, просветительской и экономической работы. Такие кооперативы возникают и демонстрируют свою высокую эффективность, прежде всего, там, где появляется лидер, понимающий

суть и важность проблемы, умеющий создать вокруг себя круг единомышленников, готовых взяться за «поднятие кооперативной целины». При этом обычно успех в очень большой степени зависит от позиции и инициативы местной администрации. Практика показывает, что в большинстве случаев решающее значение для развития сельскохозяйственной кооперации имеет отношение к ней со стороны глав администрации, как на районном уровне, так и в рамках субъектов Федерации. Всесторонняя, в том числе финансовая поддержка, оказываемая властями деятельности, связанной с возрождением сельскохозяйственных кооперативов (особенно на стартовом этапе), благотворно сказывается на развитии кооперативных структур во всем их разнообразии. Заметные успехи в развитии сельскохозяйственной кооперации в Волгоградской, Калужской и других областях достигнут главным образом в результате позиции, занимаемой в этом вопросе администрацией.

В структуре Волгоградской областной администрации имеется инспекция по кредитной кооперации. Еще в 1995 г. по инициативе этой инспекции в сотрудничестве с представительством центрального объединения кредитных кооперативов Канады «Дежарден» был подготовлен и в 1996 г. принят областной Думой закон «О потребительских сельскохозяйственных кредитных кооперативах», заложивший правовую основу создания и функционирования вертикальных сельскохозяйственных кооперативов. Распоряжением главы администрации области из областного бюджета была выделена сумма в 1,5 млрд руб. в качестве беспроцентного кредита для поддержки деятельности этих кооперативов на стартовом этапе. Контрастная картина наблюдается в Липецкой области, других регионах, где созданы единицы вертикальных сельскохозяйственных кооперативов.

Но и в целом процесс становления развитой кооперативной системы в сельском хозяйстве идет крайне медленно при серьезных организационных, правовых и экономических искусственных ограничениях и преградах. Помимо неблагоприятных макроэкономических условий, в которых находится как сельское хозяйство, так и смежные с ним отрасли экономики (крайне

неудовлетворительное финансовое состояние большинства сельхозпроизводителей, высокий диспаритет цен на сельскохозяйственные продукты и средства сельскохозяйственного производства промышленного происхождения, неупорядоченность налогообложения СХО и т.д.) сильное сдерживающее влияние на развитие всех видов аграрной кооперации оказывают также:

• ограниченность масштабов развития фермерских хозяйств как основного первичного звена вертикальных кооперативов;

• низкий уровень правовых и экономических знаний возможных участников сельскохозяйственной кооперации; незнакомство многих из них с сущностью, принципами и механизмом кооперативной деятельности;

• отсутствие у большинства сельскохозяйственных товаропроизводителей навыков хозяйственной самостоятельности и рыночного предпринимательства;

• неразвитость системы специального кооперативного образования:

• слабая государственная, муниципальная и общественная поддержка становления и развития кооперативных форм деятельности;

• крайнее несовершенство кооперативного законодательства.

Тем не менее, объективные потребности развития сельскохозяйственного производства, требующие защиты экономических интересов занятых в аграрной сфере, в системе межотраслевых хозяйственных связей для успешной конкуренции с крупными торговыми, промышленными и другими предприятиями и организациями задачи развития малого бизнеса на селе диктуют необходимость кооперативного объединения сельскохозяйственных товаропроизводителей и создания ими собственных структур по переработке и реализации продукции, производственному снабжению, агросервису, кредитно-финансовому и страховому обслуживанию. Поиски путей решения проблемы неизбежно инициируют постановку вопроса о ближайших перспективах становления и развития современной кооперативной системы в сельском хозяйстве по примеру других развитых стран, тем более, что можно уже говорить о появлении определенных условий этого развития.

Кооперация приусадебных семейных хозяйств, владельцы которых являются сейчас еще и собственниками земельных долей и по сути составляющих особый самостоятельный уклад в аграрной структуре при устранении имеющихся ограничений на пути кооперативного движения на селе может стать важнейшим направлением активизации этого движения. Особенно актуальна эта проблема для экономически несостоятельных, «отстающих» СХО, по сути, предприятий-банкротов, сохраняющих признаки своей жизнеспособности за счет потенциала ПСХ. В целом сельские подворья сейчас дают около 50% валовой продукции, а с учетом земельных долей их владельцев - основной объем сельскохозяйственного производства. Создавая новые кооперативы, эти владельцы, объединяясь в рамках отдельных сельских поселений и получая необходимую государственную поддержку, могут стать важной движущей силой углубления процесса кооперации, следовательно, предпосылкой создания развитой системы кооперативной деятельности на селе.

По этому направлению кооперации сейчас идут в ряде сельскохозяйственных регионах страны, особенно в Орловской, Тюменской, Тульской и других областях и краях Российской Федерации. С 1993 г. в Московской области успешно работает кооператив «Новь Зеленоградская», объединивший свыше 500 владельцев сельских подворий. Сейчас, исходя из имеющегося опыта кооперации приусадебных семейных хозяйств,, необходимо подготовить типовой устав кооперативов владельцев этих хозяйств, а правовые вопросы их создания и функционирования, распределительных отношений, налогообложения, государственной поддержки и т.д. должны найти отражение в законе или в специальном законе о приусадебных хозяйствах сельских семей, или в специальном разделе кардинально переработанного или нового Закона о сельскохозяйственной кооперации.

Стимулирующее воздействие на повышение роли кооперативного сектора в социальной структуре аграрного сектора, несомненно, окажут соответствующие изменения в общей государственной политике по отношению к сельскохозяйственной кооперации.

В имеющихся сейчас нормативно-правовых актах и целевых федеральных программах, а также в системе практических мер по государственной поддержке предприятий АПК определенные приоритеты уже отдаются кооперативным предприятиям по переработке и сбыту продукции, производственному обслуживанию, кредитным и страховым кооперативам, т.е. вертикальной кооперации. К сожалению, пока эта поддержка крайне незначительна. Многие сельскохозяйственные кооперативы до сих пор не получают субсидий, льготных кредитов, поддержки по лизингу. В итоге экономическое состояние значительной их части оценивается как неудовлетворительное.

Важной предпосылкой более масштабного и эффективного развития сельскохозяйственной кооперации является правовая поддержка, предполагающая серьезное совершенствование ее законодательной базы. Сейчас в Гражданском кодексе РФ классификация кооперативов ограничена только двумя их типами: производственными и потребительскими. Деятельность кредитных и страховых сельскохозяйственных кооперативов в связи с этим ограничением не входит в правовое пространство. Кодекс не только сужает рамки выбора сельскохозяйственного кооператива этими двумя вариантами, но и относит к производственным и потребительским кооперативам несвойственные им и противоречащие мировой практике виды и принципы организации хозяйственной деятельности.

Давая определение производственного кооператива ст. 107 ГК гласит, что это «добровольное объединение граждан на основе членства для совместной хозяйственной деятельности» и что производственный кооператив является коммерческой организацией. Вертикальные кооперативы производителей почему-то огульно названные потребительскими ГК относит к некоммерческим организациям с соответствующим льготным и налоговым режимом. Их правовое положение определяется законом о потребительских кооперативах, а это уже другая форма кооперации. При наличии таких нестыкующихся между собой понятий в практической деятельности приходится придавать вертикальным, обслуживающим сельскохозяйственным кооперативам статус не равнозначных

им кооперативов потребительских, действующих во всем мире, в том числе в системе Центросоюза РФ, в сфере распределения и занимающихся защитой интересов своих членов главным образом в сети розничной торговли.

На этих и других нечетких или противоречивых положениях Гражданского кодекса базируется введенный с 1 января 1996 г. Закон «О сельскохозяйственной кооперации». Несмотря на некоторые последующие изменения и дополнения его существенное правовое несовершенство характеризуется рядом моментов принципиального характера, прежде всего противоречивыми нормами фактической реанимации прежнего колхоза или так называемой сельскохозяйственной артели. Во-первых, широкое, «сбивчивое», весьма «растяжимое» по определению В. Даля или Ф. Брокгауза-И.Ефрона понятие артель, притянуто в закон, как говорят, «за уши». Во-вторых, колхоз никогда не был и не может являться кооперативом - это насажденное силой, незаконнорожденное «дитя» ущербной теории и разрушительных большевистских изобретательств и экспериментов в деревне. В цивилизованном мире создание действительных кооперативов предопределяется принятием основанных на принципах кооперации специальных законов, в которых «колхозные» нормы и порядки исключаются.

Сохраняется наукообразное мнение или предрассудок, что колхозная система якобы являлась выражением ленинского кооперативного плана. В действительности такого плана, тем более в форме насильственной коллективизации, в жизни не существовало уже потому, что возникшие согласно теории «вчерашнего дня», то есть марксистской теории тотального обобществления, колхозы сам Ленин называл «богадельнями», в связи с чем, о коллективизации советовал даже «не мечтать». Опорой нового аграрного строя, исходя из концепции введенного «всерьез и надолго» НЭПа, он считал «единоличного крестьянина» при его действительной добровольной кооперации, в которой колхоз - чужеродное тело, т.к. имеет принципиально иное социальное содержание: в отличие от подлинного кооператива он лишает его членов права частной собственности. (Желающие, разумеется, могут создавать

колхоз с его «неделимыми» фондами, даже аракчеевские поселения, но правовой статус таких формирований должен быть закреплен в адекватном их сущности специальном законе).

В действительности «опорой» советского колхоза стал не единоличный крестьянин, а владелец приусадебного семейного хозяйства (произвольно названного личным, подсобным). По сути, колхоз - это объединение владельцев данной категории хозяйств, на эксплуатации труда которых он и существовал. Реальные экономические отношения показывают, что в колхозе не семейные приусадебные хозяйства являются «подсобными», а скорее колхоз всегда (разве за исключением искусственно создававшихся «маяков») выполнял по отношению к последним роль инфраструктуры, подсобные функции (предоставление насильно обобществленных земельных угодий для выпаса скота, различных транспортных и иных услуг). Причем выполнение этих подсобных функций являлось далеко неполной компенсацией общественно-необходимой (средней по народному хозяйству) оплаты крестьянского труда на общественных работах в колхозе. Поэтому, название семейных приусадебных хозяйств личными подсобными, экономически и юридически, тем более, в современных условиях, неправомерно. Во-первых, это хозяйство на правах частной собственности ведется не лицом, а именно семьей, а во-вторых, по форме и по существу, по объемам производства, получаемым доходам, не является подсобным.

Закон о сельскохозяйственной кооперации хотя и завуалировано, но по сути реанимирует лжекооперативную форму хозяйства - колхоз. В частности, закон устанавливает, что сохраняющий свой статус колхоз создается гражданами путем объединения их имущественных паевых взносов, денежных средств, земельных участков, земельных и имущественных долей и другого имущества, которые поступают в паевой фонд коллективного хозяйства. Тем самым, частная собственность крестьян, в том числе на землю, становится той же «совместно-ничейной» собственностью. Правда, формально право частной собственности члена колхоза как бы признается. Но решение о форме (денежной или натуральной) и размерах возвращения члену этого якобы кооператива принад-

лежащего ему ранее имущества при выходе из колхоза по существу принимает общее собрание. Советская практика дала весьма яркие представления и со всей очевидностью показала, как такие собрания проводятся и какие на них могут быть приняты решения.

Таким образом, под видом продекларированных в законе «новых» подходов закрепляются в прошлом «апробированные», и ныне применяемые, в частности, при создании агрохолдингов принципы экспроприации обозначенной, но так пока и не реализованной до конца частной собственности на землю и другое имущество сельских жителей. Иными словами, нормы закона позволяют реанимировать прежние колхозы, открывая для колхозной элиты те же возможности обогащения на базе обобществления частной собственности и за счет коллективного труда. Эти нормы должны быть исключены из кооперативного законодательства с закреплением права каждого члена производственного кооператива по своему усмотрению решать вопрос о вступлении и свободном выходе из него со своим земельным и имущественным паем.

Несколько иное правовое положение закон определяет в отношении другой формы сельскохозяйственного кооператива (правда, с надуманным названием - «коопхоз»), который создается главами фермерских хозяйств и гражданами, ведущими приусадебные семейные хозяйства на основе добровольного членства. Объединяемые для совместной производственной деятельности земельные участки членов-собственников в паевой фонд коопхоза не передаются, оставаясь в собственности владельцев семейных хозяйств, за исключением земель, предназначенных для общекооперативных нужд. Но и в этом случае противоречивость статей закона и запутанность вопроса о размерах и форме (имущественной или натуральной) и порядке внесения паев об их возврате в случае выхода из кооператива дает возможность руководящей верхушке толковать его в выгодную для себя сторону. В этой части закона также необходима однозначная норма о неприкосновенном и безраздельном праве частной собственности членов кооператива, полной (без согласия прочих членов кооператива) свободы выхода из него и т.д.

Закон «О сельскохозяйственной кооперации» весьма трудно применить на практике не только из-за концептуальных изъянов, противоречия формулировок, но и по причине отсутствия отработанного механизма рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения, их ипотеки, то есть земельного рынка в полном объеме. В результате положения статей о купле-продаже и залоге земли, принадлежащей членам кооператива, а также денежной компенсации за земельный пай повисают в воздухе.

Закон, инициирующий нарушение демократических принципов, в конечном счете, дает возможность ловким и оборотистым «кооперативным» дельцам прибрать кооперативную организацию к рукам и использовать ее в своих личных интересах. Многие решения по важнейшим вопросам, включая состав выборных органов, при наличии 25% членов кооператива, могут приниматься простым большинством голосов. Вряд ли нужно комментировать, к чему это будет вести на практике. Согласно Закону, размер операций с нечленами кооператива может достичь 50% общего объема его операций. Это открывает широкие возможности для всякого рода махинаций в отношении сельского населения, (владельцев приусадебного семейного хозяйства).

Закон содержит некоторые положения и формулировки, взятые главным образом из немецкого и американского кооперативного законодательства и мало пригодные для нашей только еще возрождающейся кооперативной практики. Разобраться в таком документе не просто даже высококвалифицированному специалисту, которых среди желающих создать сельскохозяйственный кооператив не так уж много. Из этого следует, что для совершенствования законодательной базы необходимо разработать и добиться внесения в качестве поправки в Гражданский кодекс статей, легализующих и вводящих в отвечающее принципам кооперации правовое пространство всех видов действительно сельскохозяйственной кооперации. Колхозная форма, если окажутся желающие ее добровольно реанимировать (безуспешная попытка такой реанимации приверженцами пресловутой «колхозно-кооперативной»

собственности уже предпринималась в 1995-1996 гг.) должна быть закреплена в соответствующем законе.

Требуется принципиально уточненная редакция положений и норм закона о сельскохозяйственной кооперации, которая бы более четко и однозначно определяла наиболее существенные стороны функционирования различных ее форм, отличающие кооперативы от других типов предприятий, осуществляющих совместную деятельность, а также функциональное разграничение производственных и вертикальных (обслуживающих) кооперативов, исключив всякое упоминание о колхозе, как совместно-ничейной форме объединения, предполагающей принципиально адекватные правовые нормы функционирования. Необходим строгий учет особенностей кооперативной деятельности в антимонопольном и налоговом законодательстве.

Весьма актуальным является совершенствование экономического механизма кооперативной деятельности. В принципе кооперации во всех ее формах присущ соответствующий экономический механизм. Но здесь сразу возникает вопрос о его специфичности, степени «отклонения» от общих принципов механизма производственных отношений или, наоборот, соответствия этому механизму. Поскольку господствующей и пока незаменимой в своей основе формой этих отношений в современном мире остается рыночная, постольку это вопрос об адекватности механизма кооперативных взаимоотношений общим принципам действия рыночного экономического механизма.

Известно, что с самого начала возникновения кооперативной идеи и затем кооперативных обществ, цель последних представлялась в становлении своего рода коммунистических общин, а затем в реализации идеи кооперативного социализма, разумеется, без рынка, денег и прочих связанных с этим явлений экономической жизни, якобы мешавших преодолеть ее извечные пороки: стяжательство, обман, ложь, зависть и т.д. Наследие, оставленное «зачинателями» кооперативного движения, как якобы «противопоказанного» законам и принципам рыночной экономики, рыночному бизнесу,

предпринимательству, прибыльности и т.д., к сожалению, еще сохраняется в сознании некоторых современных кооператоров и является существенным тормозом развития этого движения, причем не только в сельском хозяйстве.

Жизнеспособность и эффективная деятельность настоящего кооператива определяется тем, что он в отличие от кооперативной по названию и коммунистической по сути общины обращался к хозяйственному интересу человека, его собственническому инстинкту, к опосредованному и активизировавшему этот интерес механизму рыночных отношений. Такой кооператив и был в 1844 г. создан «родчельскими пионерами» кооперативного движения. Устав этого именно *потребительского кооперативного* общества с самого начала ориентировал на последовательно *рыночную, коммерческую* организацию своей деятельности.

К сожалению, под многолетним воздействием псевдокооперативной идеологии советского периода некоторые современные исследователи, повторяя замшелый тезис о бесприбыльности обслуживающего кооператива, его некоммерческом характере, больше тяготеют к умозрительным оуэновским построениям, чем к трезвым, практическим задачам эффективной деятельности кооперативов. Важнейшим стимулирующим элементом становления сообщества «культурных торгашей» в рамках НЭПа являлся именно рыночный механизм кооперативной деятельности, который, однако, не был ориентирован на производственное обобществление крестьянских хозяйств как основной цели якобы ленинского «кооперативного плана». Предполагалось развитие именно тех форм кооперации, которые соответствовали рыночной системе отношений, свободы предпринимательства, отвечали принципу добровольности, непосредственной заинтересованности кооперирующегося населения. Но эта политика не согласовывалась со взглядами тогдашних советских теоретиков социализма в форме административного «насаждения» в селе огосударствленной экономической системы, утверждавших, что как и рынок кооперация в рамках этой системы не имеет будущего и подлежит огосударствлению при одновременной ликвидации стоимостных отношений.

В связи с этим возрождение сельскохозяйственной кооперации предполагает серьезное и более глубокое теоретическое осмысление самой рыночной концепции, учитывая, что кооперативные формы оказывались эффективными лишь тогда, когда нормально функционировал рынок. Но от теоретиков кооперации прошлого и до наших дней сохраняется одностороннее понимание ее социально-экономических функций, якобы оставляющих за пределами интересов кооперативов получение прибыли. Очевидно, что такие суждения - плод крайней абстракции, тем более для условий рыночной экономики. Связь распределительных отношений с паевым взносом при условии, что выплата дивидендов зависит от прибыли, создает действенные экономические стимулы более инициативной, высокоэффективной деятельности членов сельскохозяйственных кооперативов. Ориентация на прибыль для любых форм кооперативов как субъектов рынка составляет основу здоровой конкуренции и повышения конкурентоспособности предпринимательских рыночных структур, включая кооперативные. Другое дело, что к последним должен быть применен особый налоговый режим в системе других мер государственной протекционистской поддержки.

Таким образом, возрождение подлинно кооперативных организационно-правовых форм хозяйственной деятельности в аграрном секторе и агропродовольственной системе в целом не только важнейшее стратегическое направление повышения эффективности и конкурентоспособности производства. Устранение имеющихся ограничений и барьеров на пути этого возрождения – одно из определяющих условий реальной социальной защищенности членов кооператива, обеспечения соответствующего уровня и качества их жизни. Только на этом направлении и при соблюдении этих условий можно будет серьезно говорить о наличии действенной, научно обоснованной государственной кооперативной политики в сельском хозяйстве.

Глава VI. На путях становления социального рыночного хозяйства в аграрном секторе России

6.1. Концепция и базовые принципы социального рыночного хозяйства

Концептуальные основы социального рыночного хозяйства, реализованные в сельском хозяйстве и экономике ФРГ в целом после Второй мировой войны в завершенном виде были сформулированы в работах Л.Эрхарда, исходившего из методологических обоснований так называемой «теории порядка» (В.Ойкен, В.Репке, А.Мюллер-Армак, Ф.Бем и др.). Основными принципами социального рыночного хозяйства в соответствии с этой теорией являются: личная свобода, экономическая дееспособность, социальная справедливость.

При этом, с точки зрения общей концепции социального рыночного хозяйства, реализация которой в Германии, да и во всем мире, справедливо оценивается как «экономическое чудо» (к началу 60-х годов, фактически за 6-7 лет реализации этой концепции ВВП ФРГ возрос почти в 3 раза, среднегодовые темпы экономического роста составили 10%, а безработица снизилась до 1%), социальная справедливость, как основной принцип этой концепции, рассматривалась во всех сферах человеческой деятельности в тесной увязке, прежде всего, с экономической дееспособностью, т.е. предполагала строго дифференцированное, адекватное достигаемому результату труда, распределение материальных благ. «Достижение социальной справедливости, - доказывал и иллюстрировал обобщениями практического опыта В.Ойкен, - следует искать на путях создания «совокупного функционирующего порядка» (включающего тесно взаимодействующие политический, экономический, социальный и правовой порядки) и, прежде всего, на путях подчинения процесса образования доходов *строгим правилам конкуренции, риска и ответственности.* Не следует искать ее в ликвидации частной собственности. Нужно усвоить, что частная собственность *может* приводить к сбоям, коллективная

собственность *должна* приводить к ним... Снижение производительности, ухудшение снабжения и ограничения свободы - вот та цена, которую приходится платить за каждую попытку отойти от конкурентной экономики, причем не остается никаких надежд на то, что будет обеспечено справедливое распределение социального продукта[49].

Власти послевоенной Западной Германии возвели концепцию социального рыночного хозяйства в основу всей политики и целенаправленного использования регулирующих функций государства, тем самым, обеспечив беспрецедентные результаты социально-экономического развития, в том числе за счет вовлечения в конкурентную среду, в рыночное предпринимательство и многие организации из сферы ранее «некоммерческой» деятельности. Могут сказать, что все это возможно у немцев, людей активных, умеющих работать, исполнительных, в том числе в соблюдении установленного в стране общественно-политического порядка и адекватного ему порядка в личной жизнедеятельности каждого, в его ценностных ориентациях. У нас же, у «россиян», мол, иные ориентации, совсем другой менталитет с уклоном многих (наученных во многом советскими лозунгами о равенстве, братстве, товарищеской взаимопомощи и т.д.), ожидать с небес (читай: от государства) своего благополучия, оставив немцам, англичанам, китайцам, французам, корейцам, американцам и т.д. навыки трудовой активности, исполнительности, следовательно, экономической дееспособности. Но тогда, как говорят, нужно «посыпать голову пеплом» и дальше пребывать в этом ожидании (по словам В.И.Ленина, в состоянии «паршивой российской обломовщины»[50]), ложно предполагая, что социальная справедливость и социальное иждивенчество это одно и то же.

Все, однако, зависит от «внешней среды», от определяющего сознание и поведение людей «общественного бытия», и прежде всего, от наличия

[49] Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1991 г., с. 406.
[50] Ленин В.И. Записка Л.Б.Каменеву от 20.02.1922 г. (Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 190).

политической воли и профессионализма высшей государственной власти, постоянного жесткого (в рамках принципов демократии и правового государства) проявления этой воли в наведении указанного совокупного функционирующего порядка, активизирующего экономическую дееспособность в самых различных сферах общественной деятельности, а не только в непосредственно производственной, хозяйственной. Разве не у «россиян» проявлялся менталитет меншиковых, потемкиных, строгановых, морозовых, путиловых и многих других, говоря словами Ломоносова «собственных Платонов» и не проявляется он у современных предпринимателей во всех этих сферах? Сваливать все на некий, якобы, от всевышнего данный, «окостенелый» российский менталитет, в частности, крестьянский (как будто в селе не было прежних и нет современных «культурных» хозяев), на ту же, изобретенную для оправдания самотека, безответственности или, наоборот, диктата и произвола властей, особую российскую «стать», в которую «нужно только верить» - значит, и далее довольствоваться благодушными иллюзиями и бездействием (или видимостью действия) с их заведомой социальной пагубностью. Но тогда есть и другое действенное средство преодоления этой ложной веры, веками проверенное с петровских времен и подтвержденное в приведенной выше ленинской записке «брать в учителя немцев»[51], и не одного Г.Шредера, а тех же Л.Эрхарда, В.Ойкена и др. и их последователей в науке и организации экономической жизни общества.

Отсутствие необходимого совокупного функционирующего порядка в современном российском обществе, в названных конкретных его составляющих, наблюдается повсюду, прежде всего, в базовой – экономической составляющей с наиболее рельефными негативными проявлениями в аграрной сфере, о чем можно судить по находящейся на грани явного коллапса сельской демографии. Но это отсутствие никак не

[51] Там же. При этом выплачивая им повышенную зарплату и за 5 лет службы выдавать премию «в несколько тысяч рублей золотом» (Ленин В.И. ПСС. Т. 54, с. 175).

вытекает из упомянутой особой «стати», особого российского, в частности, крестьянского менталитета, как, якобы, богом установленного и навечно неизменного, а удобного для оправдания той же обломовщины, того же занятия «бить баклуши», той же надежды на авось.

Национальные особенности естественны и бесспорны, но они могут радикально меняться в зависимости от изменений окружающей человека общественной среды, от наличия или отсутствия указанного совокупного функционирующего порядка в государстве. Корейцы – один народ, одна нация, но благодаря различию этого порядка менталитет северного корейца от южного сейчас отличается как небо от земли. Тем более постоянная трансформация принципов жизнедеятельности происходит в разные эпохи в той же стране, что отчетливо прослеживается на «порядках» в государстве и менталитете людей, например, до и во время царствования Петра I, в «социалистической» крестьянской жизни в период НЭПа и в условиях насильно насажденных колхозов и т.д.

Причины различных ценностных ориентаций и поведения по сути одних и тех же людей, изменения их менталитета, отношения к труду в зависимости от рассматриваемых слагаемых общегосударственного порядка, блестяще иллюстрировал выдающийся диагност перипетий российской жизни М.Е.Салтыков-Щедрин, в частности, применительно к условиям до и после отмены крепостного права. Весьма доказательны в этом плане и его межстрановые сопоставления, проведенные в его знаменитых путевых заметках «За рубежом». Автору стало «нестерпимо скучно», когда сразу за Вержболовом на пути в Кенисберг он на тех же песках и болотах увидел «буйные поля», каких не было даже на черноземных Чембарских палестин (Пензенская область). «Но мало того, что у немца хлеба на песках растут буйные, у него коровам не житье, а рай»[52].

Но, припоминает автор, и в Петергофской палестине в известном Монрепо многие поля были не менее буйными и известно почему: был

[52] Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 10 томах. Т. 7, с. 13.

другой «порядок». «До воли (отмены крепостного права), - пишет он, - мужики разгребут стек, канавы наново вычистят, трава-то уродится, а как пошла воля, разбирать-то и некем стало. По канавам лозяк пошел, по полям мох выскочил, затягивает каждый год да и шабаш» (желающие увидеть эту картину в тех же местах при нынешней «воле», называемой демократией, т.е. при нынешних «порядках» могут и сегодня). Настрадавшись от нового «вольного» менталитета тех же самых мужиков и «подпитывавших» его установленных в государстве порядков, владелец этой петергофской палестины Иван Петрович «осердился», плюнул и продал ее. «Пропадите вы, - говорил он, - все пропадом, а я на теплые воды ездить стану».

Однако купил потом эту палестину культурный хозяин, стимулами и умелой организацией труда «подтянул» мужицкий менталитет до необходимого уровня трудового усердия и буйность полей на той же земле приблизилась к немецким, хотя на фоне общего порядка, а точнее беспорядка, выглядел он белой вороной. Так что существует и доказывается мировым и историческим опытом, применимым для различных наций и разных менталитетов (разумеется, при надлежащей политической воле власти и «диктатуре» для всех профессионально подготовленных законов) объективная общественная необходимость установления и строгое соблюдение указанных «порядков». Стратегическое направление этого соблюдения и избавления от разного рода иллюзий, от бездействия (равно как и волюнтаристского действия) - формирование действительно социального рыночного хозяйства.

Практика его становления и развития свидетельствует о преобладающем, четко, гибко и бескомпромиссно охраняемым законом, охвате и расширении пределов (связанным с риском и правилами конкуренции) коммерческой деятельности в самых различных сферах общественной жизни, а не только в экономической, хозяйственной. Одним из определяющих условий для этого является укрепление института частной собственности и также адекватного (крайне деформированного в нынешней

российской, в том числе сельской, действительности) гибкого правового и экономического регулирования этой деятельности в общем направлении реализации принципов социальной справедливости, личной свободы (соответственно, личного интереса), экономической (и конкретной, личной) дееспособности, распределению по результатам труда (а не вообще, «по труду» или пребыванию на рабочем месте).

Сейчас, исходя из очевидных фактов беспорядков в указанных сферах и институтах государства, особенно касающихся социально несправедливой приватизации, получения вследствие этого ограниченным числом лиц неоправданно высоких, в том числе явно «нетрудовых» доходов от использования значительной части природных ресурсов, присвоения в процессе предпринимательской деятельности их новыми владельцами огромной доли природной ренты (которая в принципе является общенародным достоянием), предлагается национализировать эти ресурсы (или «возвратить народу»). Речь, по сути, идет о том, чтобы использовать их на некоммерческих, псевдорыночных основах или на известных сталинских изобретениях товарного производства «особого рода», на принципах известного своей ограниченностью советского «хозрасчета» и т.д.

Но это все уже было: и землю отдавали крестьянам, и фабрики с заводами рабочим, с их «контролем» над производством, а распоряжались и тем, и другим государственные чиновники, причем распоряжались без личных рисков, т.е. безответственно, ресурсорасточительно. «Хозрасчет», даже (по названию «полный») вне института частной собственности был фиктивным, призрачным, что неизбежно при отсутствии реальной рыночной конкуренции, следовательно, настоящей личной и экономической свободы, распределении материальных благ без учета экономической дееспособности, хозяйственных рисков и, в конечном счете, социальной справедливости, которая в начале реформ, в процессе «ваучеризации» оказалось призрачной. В то же время здесь есть реальный путь «наведения порядка» и обеспечения этой справедливости без «передачи народу», т.е. фактически национализации

полузахватнически приватизированных объектов, без устранения в этой сфере частного предпринимательства. Это введение, например, необременительного, прогрессивного «приватизационного» налога, в том числе включающего незаконно присваиваемую бизнесменами природную ренту, вплоть до значительной или полной компенсации разницы между реальной и фактической заниженной стоимостью приобретенных, а по существу за бесценок отнятых у того же народа ресурсов добывающих, да и других отраслей во время мутных приватизационных волн, известных волюнтаристских «загогулин».

Принципы социального рыночного хозяйства объективно обусловливают пределы свободы и ограничения коммерциализации. В реальной жизни вполне естественно стремление бесплатно пользоваться, например, объектами сферы образования, здравоохранения, культуры и т.д. и это представляется «социально справедливым». Но тот же мировой опыт цивилизованных стран (с точки зрения наличия в них реального гражданского общества, верховенства закона для всех и каждого, неотвратимости ответственности за его нарушение и т.д.) показывает, что регулируемая законом и стимулируемая щадящим налогообложением коммерческая деятельность в этих сферах вполне укладывается и в общечеловеческие ценностные ориентиры (больше *заработать* и *лучше* жить), и в рассматриваемую систему социального рыночного хозяйства. То есть социально справедливы и (при соответствующем государственном субсидировании) вполне уместны определенные платные услуги, например, для бедных, инвалидов, нуждающихся в разного рода дорогостоящих операциях малоимущих и т.д. С другой стороны, более эффективный, также в той или иной степени ориентированный на рыночное предпринимательство (т.е. на коммерцию) труд врача, учителя, преподавателя, ученого в области не только прикладных, но и фундаментальных наук, деятелей искусств и т.д. «закономерно» должен приносить более высокий личный (по сути рыночный, предпринимательский) доход. Во всех названных и других сферах

деятельности «бюджетников» и у нас есть позитивный, социально справедливый опыт.

Но здесь, а тем более в сфере формально «узаконенной» некоммерческой хозяйственной деятельности, должно гибко использовать свои регулирующие и стимулирующие функции государство, выступая как особый (но функционирующий на общих основах и правилах, подверженный антимонопольным ограничениям) субъект социального рыночного хозяйства. Теоретики последнего и здесь дают необходимые обоснования для исправления существующих, часто вопиющих «непорядков» в нынешних российских условиях. То же самое относится и к занятым в законодательной, правоохранительной, судебной системах, в органах государственного управления, на которых также должны распространяться ограничения и меры ответственности (что, прежде всего, относится к «ответственным» персоналиям экономического блока правительства). В противном случае и далее будет с заведомо губительными последствиями сохраняться «коллективная безответственность» правительства, на которую самокритично ссылался его бывший председатель М.Фрадков.

Не только в исполнительной, но и в других ветвях власти, у нас сейчас еще много непорядков, а иногда явного хаоса. Но и в Западной Германии концепция социального рыночного хозяйства формировалась в той же атмосфере всеобщего хаоса, существовавшего в стране после окончания Второй мировой войны, причем именно реализация этой концепции способствовала одновременно и усилению роли рыночных отношений, и регулирующей роли государства. С ее реализацией, в короткие сроки было практически обеспечено преодоление этого хаоса, безответственности и безнаказанности. Это активизировало реальный прогресс в экономике, включая ее агропродовольственную сферу. При крайне низкой землеобеспеченности аграрный сектор страны сейчас на 90% удовлетворяет потребности населения собственным, относительно дешевым, продовольствием, а животноводческую продукцию высокого качества страна

экспортирует. Радикально преобразована и социальная сфера сельского хозяйства Германии.

В упомянутой работе В.Ойкена, где были сформулированы принципиальные положения о взаимозависимости политического, экономического, социального и правового «порядков» была выдвинута и на практике реализована идея о том, что государство «организует» рынок в направлении обеспечения и *регулирования* свободной конкуренции. Только сильная и ответственная перед законом, обладающая необходимой политической волей, власть, сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики и эффективного общественного развития вообще. По определению Ф.Бема, соратника и последователя В.Ойкена, «сильное государство - это не такое государство, которое раздает многочисленные льготы налево и направо, а то, которое использует политическую власть для обеспечения честной конкурентной деятельности в экономике и *обществе*».

Исходя из этого методологического положения, намечалось решить двуединую задачу (и в стране она была решена): определить и границы, и методы государственного вмешательства в процессы социально-экономического развития, причем в таких *пределах,* чтобы способствовать достижению наибольшего экономического и социального эффекта в этом развитии. А это сопровождалось (и практиковалось в других странах, например, в Англии, в период правления М.Тетчер) не национализацией («передачей народу»), а денационализацией, приватизацией, соответственно, расширением сферы рыночных отношений в экономике, коммерциализацией деятельности в традиционно некоммерческих структурах, включая также социально значимые из них, такие как образование, здравоохранение, культура, искусство, наука, в сферах, затрагивающих экологию, природопользование и т.д.

Тем более, социально справедлива коммерческая, предпринимательская деятельность, огульно «записанных» в

некоммерческие организации, функционирующих непосредственно в сферах промышленного и сельскохозяйственного производства. Не вдаваясь в рассмотрение всей совокупности этих организаций, тем более общественных, которые функционируют действительно за пределами рыночного бизнеса, ограничимся кратким рассмотрением реальных отношений в такой социально значимой сфере указанной деятельности как обслуживающие сельскохозяйственные кооперативы (по явному недоразумению именно «записанных» в разряд потребительских), отнесенные согласно ГК и упомянутому закону «О сельскохозяйственной кооперации» к некоммерческим организациям.

Прежде всего, отметим, что указанное отнесение является в теоретическом плане результатом весьма сомнительного, запредельно абстрактного воображения и отражающего это воображение, практикуемого с начала 90-х годов, кооперативного законотворчества, основанного, на якобы, важнейшем принципе кооперативной деятельности - так называемой «бесприбыльности» кооперативов. Можно, следуя по наезженной колее, не утруждая себя творческим научным подходом к проблеме, все это, оторванное от реальных условий рынка, единых для всех субъектов его законов и принципов, прежде всего от принципа прибыльной, высокорентабельной деятельности творчество, «обставлять» цитатами из М.И.Туган-Барановского, других пионеров кооперативной теории, но некритическое цитирование не устраняет этих условий, законов и принципов, как и того, что кооперативная, как и всякая другая экономическая, хозяйственная система с течением времени развивается, видоизменяется, «модернизируется». А именно, это обстоятельство требует теоретического переосмысливания и пересмотра первоначальных, действительно «пионерских», если не «октябрятских», взглядов на проблему. Как хозяйственная организация фабрика существовала и в ранний мануфактурный период, и функционирует в современной индустриально развитой экономической системе. Но роднит прошлое и настоящее этой

организации в основном ее название, вывеска у проходной. Суть, экономические и социальные отношения, в том числе внешние, со временем изменились и будут меняться дальше, все более унифицируясь на основе единых в условиях социального рыночного хозяйства процессов глобализации и интеграции принципах.

То же самое и в кооперативном движении. Даже принцип: «один член – один голос» потерял свою «неприкасаемость», свое прежнее «фундаментальное» значение. Тем более это относится к принципу бесприбыльности кооперативов, как бы не доказывал в свое время М.И.Туган-Барановский, что якобы прибыль для кооператива есть «чужеродное тело», и как бы корректно не поправлял его А.В.Чаянов, ставя получение кооперативом прибыли на «второе место». В реальной сегодняшней действительности, несмотря на все это, на авторитетные цитаты из трудов этих и других известных представителей кооперативного движения прошлого, на какие-то частные примеры из оторванного от реальных условий современности массового опыта, прибыль, рентабельность и для обслуживающего (формально записанного в потребительский, т.е. в «некоммерческий») сельскохозяйственного кооператива занимает свое «законное» место, как непосредственная экономическая цель всей его деятельности.

Чтобы убедиться в этом достаточно с высоты устаревшей теории, с ее заоблачных «исторических» вершин, спуститься на «грешную» землю, и убедиться где и с какими реальными принципами функционируют сельскохозяйственные кооперативы, избегая, как призывал Ф.Энгельс, «окостенелых» определений. Все-таки практика - критерий истины, а практический работник обслуживающего кооператива, член его правления, а тем более бухгалтер, всякое упоминание о «бесприбыльности» кооператива, в том числе названного по таким определениям и записям в правовые акты потребительским, некоммерческим, будет оценивать и оценивает как досужий домысел. Приверженцы догмы, замшелости научной мысли

признают ориентацию на прибыль только для производственного кооператива, называемого, поэтому, коммерческой организацией. Но такие кооперативы, а их в структуре нынешних СХО России почти 1/3, как правило, осуществляют и производственные и обслуживающие функции (снабжение, сбыт, сервис, частично переработку продукции, несельскохозяйственные виды деятельности). И то, и другое включается в понятие коммерции, агробизнеса, рыночного предпринимательства. Но как только обслуживающие функции передаются в вертикальный кооператив, коммерция будто бы исчезает и на ее месте вдруг появляется пресловутая «бесприбыльность».

Здесь нет ни элементарной логики, не говоря уже о здравом смысле. И как бы не призывали в свидетели классиков, как бы их не цитировали, как бы законодательно не записывали обслуживающий кооператив в потребительский, т.е. в некоммерческую организацию, становясь юридическим лицом и включаясь как самостоятельный хозяйствующий субъект в рыночные процессы, он органически «впитывает» в себя цель получать как можно больше прибыли, т.е. логически продолжает выполнять те же прежние коммерческие функции. А это и экономически выгодно, и социально справедливо, следовательно, «объективно» необходимо.

К сожалению, догма о бесприбыльности, вопреки здравому смыслу была воспринята Международным кооперативным альянсом, который в 1969 г. изобрел и поддерживает замену категории прибыли, как «чужеродного тела» в кооперативе общим понятием «экономический результат», хотя известно, что это понятие включает многообразие показателей, в том числе ту же прибыль, которая «неистребимо» фигурирует и выполняет важнейшую социально-экономическую функцию в любом виде кооперативной деятельности. К сказанному выше по этому поводу следует добавить, что спустя 12 лет после появления указанной догмы, анализируя реальные отношения, действительное место кооперативов в рыночных процессах, в механизме рыночной конкуренции серьезный исследователь данной

проблемы М.Шарас делает основанный на реалиях жизни вывод о том, что в условиях господства рыночных отношений кооператив есть «составная часть свободного рыночного предпринимательства» и как таковой «ставит своей целью получать прибыль»[53]. И это более, чем естественно: ориентация на эту цель и для обслуживающих кооперативов как субъектов рынка составляет основу здоровой конкуренции и выявления конкурентоспособности предпринимательских рыночных структур, включая якобы некоммерческие кооперативные.

Чтобы как-то «смягчить» рассмотренные явные неувязки в доказательствах неприемлемости или второстепенности цели получения кооперативом прибыли, по сути, отрицания или умаления предпринимательского характера любой формы кооперативной деятельности в условиях рынка, некоторые приверженцы «чистоты» рассматриваемой догмы до сих пор исходят из другой, не менее искусственной методологической предпосылки. Они утверждают, что интерес и цель получать прибыль могут проявлять члены кооператива, но для самого кооператива это нечто несвойственное, чужеродное, что и логически, и экономически абсурдно. Если члены кооператива, его хозяева и распорядители, работающие в рыночной системе заинтересованы в получении на практике высокой прибыли, то как может быть не заинтересован в этом кооператив в целом? Ясно, что такого рода теория требует существенного переосмысливания, если не ее принципиального пересмотра, причем по отношению к любым видам кооперативов, включая вертикальные, обслуживающие. Эта теория должна в какой-то мере учитывать принципы, обозначившиеся с первых шагов становления кооперации, но в основе своей исходить из современного, нового, качественного состояния мирового кооперативного движения, его перспектив и реального положения кооператива, как равноправного субъекта рыночных отношений.

[53] Шарас М. Кооперативы: принципы и практика. М. 1993. С. 10.

С целью как-то «реабилитировать» устаревшую версию о бесприбыльности и некоммерческом характере обслуживающего кооператива, некоторые современные поверхностные исследователи кооперативного движения говорят, что постулатом бесприбыльности можно защищаться от тягот налогообложения, так как бесприбыльность предполагает исключение налога на прибыль. Но что касается сельскохозяйственной и некоторых других видов кооперации, выполняющих особые экономические и социальные функции, то к ним в принципе должно быть применено льготное налогообложение. И только одно это делает бессмысленным рассмотренное теоретическое нагромождение. Упорное нежелание творчески подойти к кооперации и ее принципам, прямолинейное отстаивание, якобы «чистоты» этих принципов, не способствует развитию ни теории, ни практики кооперативного движения, следовательно, возрождению и эффективному функционированию всех кооперативных форм в условиях рыночного предпринимательства в сельском хозяйстве и всей современной агропромышленной системе страны.

К сожалению, разум в этом узловом вопросе взаимодействия рынка и кооперации, в теоретическом осмыслении места последней в социальном рыночном хозяйстве пока не возобладал, и умозрительные конструкции проникли в Гражданский Кодекс и наспех «сверстанное» и построенное на «компромиссах» кооперативное законодательство. ГК не только ограничивает возможность выбора сельскохозяйственного кооператива указанными двумя типами, но и относит к потребительским кооперативам несвойственные им и противоречащие мировой практике виды и принципы их организации и деятельности. В результате приходится заведомо искусственно придавать обслуживающим сельскохозяйственным кооперативам статус неравнозначных им кооперативов потребительских, действующих во всем мире (и, по сути, в российской системе Центросоюза) в сфере распределения и занимающихся защитой интересов своих членов,

главным образом, в сфере розничной торговли, хотя и здесь считают прибыль, т.е. реальный результат коммерции.

На этих, и других нечетких или противоречивых положениях Гражданского Кодекса базируется построенный на противоречиях и компромиссах, введенный с 1 января 1996 г. закон «О сельскохозяйственной кооперации». Несмотря на некоторые последующие изменения и дополнения его существенное правовое несовершенство не преодолено и характеризуется рядом моментов принципиального характера, о чем подробно говорилось выше.

Разумеется, нельзя кооперативные формы ставить в один ряд с чисто предпринимательскими рыночными структурами «большого бизнеса», но нельзя и не опираться на общие закономерности и принципы рыночных отношений. Поэтому логично и экономически правомерно будет определять кооперативы, в том числе обслуживающие (или кооперативы производителей), как особые организационно-правовые формы рыночного предпринимательства с их активной социальной направленностью, объективно предполагающей строго целевую государственную экономическую поддержку соответствующих кооперативных объединений, ориентированную на критерий эффективности.

6.2. Совершенствование межотраслевого и территориального разделения труда

Одним из основополагающих условий прогресса и устойчивости социально-экономического развития является обеспечение структурной сбалансированности воспроизводственного процесса на всех его уровнях. Важное значение в достижении этой сбалансированности имеет поддержание экономически обоснованных соотношений в общественном разделении труда. По сути, здесь речь идет о целенаправленном использовании объективных закономерностей планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, успешно реализуемых в передовых странах

современного мира (и во многом благодаря этому ставшими передовыми, высокоразвитыми).

Иное положение долго складывалось и до сих пор во многом сохраняется в России. Это, в частности, видно из заложенных в нынешней официальной экономической политике перекосов и диспропорций в народном хозяйстве и его отраслях. Такими перекосами и деформациями характеризуется сложившееся межотраслевое и территориальное разделение труда в сельском хозяйстве, соответственно, его пространственное размещение, специализация, общие структурные параметры отрасли, что является отражением нарушения принципов социального рыночного хозяйства.

О диспропорциях макроэкономического уровня свидетельствуют образовавшийся в последнее время дисбаланс в перераспределении бюджетных средств в пользу военно-промышленного комплекса, силовых структур, космических программ, при реализации которых с постоянными коррупционным «сопровождениями» значительные средства действительно исчезают как в черной дыре. Огромные ресурсы, крайне необходимые для насущных нужд сельского хозяйства, легкой промышленности, других отраслей экономики, науки, культуры задействованы в «престижных» (также не обходящихся без хищения «особо крупных» сумм бюджетных средств) проектах проведения международных спортивных мероприятий и различного рода форумов, юбилейных торжеств и т.д.

Небывало масштабные ассигнования, например, на увеличение и обновление вооружений (до 2020 г. свыше 20 трлн рублей) аргументируется задачами усиления национальной безопасности страны, отодвигающие на задний план главную задачу: обеспечение структурной сбалансированности народного хозяйства и адекватного, более планомерного и социально справедливого распределения народных средств в целях системного обеспечения этой безопасности. В такого рода решениях часто доминируют не согласованные с действительными потребностями такого обеспечения

субъективные предпочтения власть имущих (без учета отношения к этим предпочтениям представителей широкой общественности, науки). Предложения для открытого обсуждения проблемы приоритетов властями формально не отвергаются, но на деле не принимаются во внимание.

Укрепление национальной безопасности страны - важнейшая стратегическая цель экономической политики и всей деятельности хозяйственных структур и институтов государства. Однако в сознании людей, к сожалению, в том числе из числа тех же власть имущих, понятие национальной безопасности государства больше ассоциируется, прежде всего или главным образом, с его военной мощью, в чем преуспевали советские руководители, проводившие ресурсорасточительную политику однобокой милитаризации экономики страны. Но даже если исходить из такого одностороннего понимания сущности проблемы, то можно сказать, что Россия, располагающая огромным ядерным потенциалом и немалыми обычными вооруженными силами уже сейчас, когда не видно реальной внешней военной угрозы, находится «вне опасности». Поэтому спонтанный резкий «рывок» в наращивании этих сил неизбежно ограничивает развитие других сфер и отраслей народного хозяйства, что в итоге не укрепляет, а ослабляет общий экономический потенциал страны.

Оборонный сегмент при всей его важности, является лишь составляющим звеном единой системы национальной безопасности и в конкретных исторических условиях может оказаться или является далеко не главным. Поэтому ни на минуту не забывая о возможной в современном неспокойном мире внешней угрозе, государству, исходя из задач оптимизации общих народнохозяйственных пропорций, необходимо постоянно и «синхронно» укреплять другие сегменты и звенья этой системы. Среди них особой и первостепенной значимостью выделяется сельское хозяйство. Надежное обеспечение населения страны продуктами питания, отечественного производства, т.е. высокий уровень продовольственной

безопасности является важнейшим условием повышения ее общей национальной безопасности.

По разным, нередко явно непродуманным соображениям в экономической политике могут выдвигаться различные приоритеты, но пословица гласит: «хлеб – всему голова». Здесь не лишним будут еще раз напомнить истину, бесспорность которой совершенно очевидна, о том, что производство продовольствия является *самым первым условием* человеческой жизнедеятельности во всех ее сферах. Ведь безопасность, начиная с личности, семьи и кончая государством в целом, зависит не только от военно-технических средств защиты, по уровню которой Россия сейчас занимает второе место в мире, а, прежде всего, от людей, владеющих этими средствами. Лишенный указанного «самого первого» условия жизнедеятельности, а, следовательно, физических сил, голодный солдат как бы он не был вооружен – это уже не защитник и самого себя и государства, не надежный гарант его безопасности. Неспособность или нежелание власти обеспечить крестьянину - создателю этого условия, всех необходимых условий для творческого высокопроизводительного труда ведет не только к подрыву национальной безопасности, но и ослабляет общую экономическую мощь государства. Отсюда, современное состояние сельского хозяйства России, сложившееся положение с его материально-технической базой, земельными ресурсами, качеством трудового потенциала, состоянием социальной сферы отрасли продолжает оставаться крайне слабым звеном системного наращивания этой мощи.

В отличие от стран Запада, вкладывающих огромные бюджетные средства в сельское хозяйство, иная картина сохраняется в сельском хозяйстве России. Государственная защита крестьянства в стране почти традиционно оставалась и во многом остается на заднем плане. Это неизбежно ведет к деградации ресурсного, особенно главного – трудового потенциала сельского хозяйства, оказавшегося неспособным по этой причине

полностью обеспечить население страны продовольствием отечественного производства.

Важно, конечно, что в российском обществе, в сознании власть имущих появляется понимание того, что непременным условием общего социально-экономического прогресса страны, ее системной модернизации является раскрепощение производительных сил сельского хозяйства, обеспечение государственного приоритета его экономического развития и социального преобразования. Однако одного понимания особой значимости принципа приоритетности сельского развития, одних деклараций на этот счет и даже разработки «приоритетных» проектов, программ, доктрин, «благоприятных» прогнозов и т.д. здесь совершенно недостаточно. Выше приведены бесспорные факты совершенно неудовлетворительного осуществления указанного принципа. Очевидно преобладание благих намерений и полумер, особенно в области ресурсного обеспечения этой приоритетности, прежде всего бюджетной поддержки провозглашенной модернизационной стратегии развития отрасли.

Иначе говоря, сельское хозяйство России оставалось и во многом продолжает оставаться пасынком в общей государственной политике социально-экономического развития, а страна по этой причине отстающей по многим определяющим его уровень показателям, прибегая к масштабным импортным закупкам продовольствия при наличии богатейшей естественной базы подъема собственного сельского хозяйства. На этой базе, включающей десятки миллионов гектаров уникальных черноземов можно производить объемы продовольствия, значительно превышающие внутренние потребности. Однако до сих пор на внутреннем агропродовольственном рынке нет достаточного количества даже таких традиционных продуктов как картофель, морковь, фрукты, а также отечественной продукции животноводства, экспортером которой Россия была уже более 100 лет назад.

Довольствуясь остатками распределяемых ограниченных ресурсов, соответственно, занимая более чем скромную нишу в общей структуре

народного хозяйства, непосредственно аграрный сектор характеризуется также существенными внутренними перекосами и диспропорциями, в том числе в межотраслевом и территориальном разделении труда.

А.Смит, которого принято считать основоположником научной теории общественного разделения труда его экономическую оценку в обобщающем выражении сводил к качественным изменениям в производительных силах и системе производственных отношений, а в более прикладном плане анализа к производительности труда, по сути, к эффективности используемых ресурсов. Такой подход вытекает из фундаментального теоретико-методологического положения о экономической науке, как науке об эффективности[54].

Оценивая с позиций научного подхода к проблеме межотраслевого и территориального разделения труда в сельском хозяйстве важно определиться с самим понятием эффективности, ее экономической сущностью, критериями и показателями адекватными закономерностям и механизмам рынка. Для этого, прежде всего, надо исходить из предпосылки, что в обобщенном выражении абсолютные величины эффекта, их оптимальные выражения в условиях рыночных отношений, как господствующей на современном мирохозяйственном пространстве формы экономических отношений определяется на основе стоимостного учета этих величин и соотношений. При конкретном анализе экономической эффективности, в частности сложившегося разделения труда используются другие измерения и частные показатели, но в обобщающем и методически сопоставимом виде основным абсолютным выражением его величины в рыночном хозяйстве является прибыль, а рентабельность - главным показателем. Неэффективность и ресурсорасточительность советской практики экономического регулирования, в частности, процессов разделения труда и формирования структурных параметров народного хозяйства и его

[54] Маккеннелл К., Брю С. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М. Республика (пер. с английского) 11 изд., 1992, т. 1., с. 18 и др.

отраслей в первую очередь было связано с пренебрежением к прибыли, регулирующей роли стоимостных категорий.

Из-за неизбежных в условиях несовершенства рыночной конкуренции отклонений в соотношении цен и денежных оценок затрат и результатов сопоставимость величины эффекта по показателю рентабельности может нарушаться. Но, во-первых, для обеспечения сопоставимости уровня эффективности можно (и необходимо) использовать нормативные, сопоставимые оценки и через механизм экономического регулирования приводить в соответствие с ними реальные ценовые соотношения. Но остается фактом, что в реальных условиях товарно-денежного обмена низкорентабельное или убыточное производство – это в принципе малоэффективное или неэффективное производство. Как раз причиной этого (в числе прочих причин) часто и является неупорядоченность, нерациональность межотраслевого и территориального разделения труда. А это значит, что сбалансированные стоимостные, ценовые измерители величины эффекта в то же время являются активными регуляторами упорядочения этого разделения, соответственно, рационализации процессов специализации, концентрации и размещения производства, в том числе по отраслям и сельским территориям страны. К сожалению, многое в подходе к такому упорядочению и регулированию сейчас повторяет советскую практику государственного управления, «дополняемую» несовершенством рыночного механизма.

По этим причинам в межотраслевом разделении труда в настоящее время в сельском хозяйстве России образовался ряд отраслевых «флюсов», из которых особенно выделяется зерновой. В то же время произошел и не преодолен беспрецедентный спад производства продукции животноводческих отраслей, особенно скотоводства, прежде всего, мясного. Импорт зерна не опровергает, а, наоборот, подтверждает наличие серьезных перекосов в структуре сельского хозяйства, вызывающих перманентное отставание в развитии животноводства. За 1990-2011 гг. производство

продукции растениеводства в общем объеме продукции сельского хозяйства возросло с 36,6% до 51,0% (при увеличении производства зерна за 2000-2011 гг. почти в 1,5 раза, сахарной свеклы в 1,4 раза, подсолнечника почти в 3 раза), а удельный вес животноводческой продукции сократился с 63,4% до 49,0%, в абсолютном выражении почти на 40%.

Так что при определенных объемах экспорта зерна (в 2012 г. примерно 12 млн т) нынешняя межотраслевая структура сельского хозяйства остается деформированной и ослабляет продовольственную и общую национальную безопасность страны, приводит к масштабному импорту прежде всего животноводческой продукции. Только экспорт последней может служить свидетельством структурной сбалансированности российского сельскохозяйственного производства, чему пока не способствует проводимая аграрная политика, отсутствие в ней целевой направленности государственного экономического регулирования рыночных процессов в отрасли на создание более или менее равных условий эффективного, рентабельного развития всех продуктовых подотраслей аграрного сектора.

Поскольку неизбежное негативное влияние на рациональное в экономическом и социальном смысле межотраслевое и территориальное разделение труда, зональное или региональное размещение производства, его специализацию и общую структурную сбалансированность влияют и стихийные рыночные силы, и недобросовестная конкуренция, открытые монополистические устремления субъектов рынка сами стоимостные (ценовые) соотношения по видам продукции и в зависимости от условий их производства в социальном рыночном хозяйстве подлежат целенаправленному государственному экономическому регулированию, однако не нарушающему законы рынка, а корректирующему эти соотношения в сторону их оптимизации. Поскольку рыночное саморегулирование и система государственного экономического регулирования рыночных процессов в российском сельском хозяйстве, мягко говоря, крайне несовершенны экономическая оценка отраслевой аграрной

структуры, территориального разделения труда, по регионам и внутри них, будет показывать существенные отклонения от оптимальных параметров. Отсюда исследовательскую и практическую деятельность по рационализации межотраслевого и территориального разделения труда в сельском хозяйстве следует сосредоточить на сопоставлении оценок фактического состояния с тем, каким оно должно быть при наибольшем соответствии этого разделения конкретным природным и экономическим условиям производства. Такие сопоставления послужат базой для обоснования мер, как по территориальному размещению и специализации производства, так и общим позитивным структурным изменениям в разрезе конкретных сельскохозяйственных отраслей и территорий, так и по осуществлению необходимых корректировок рыночных и государственных экономических регуляторов соответствующих процессов.

Сложность выхода на оптимальные решения в этой области обусловлены тем, что помимо соображений получения наибольшего экономического эффекта, исходя из концепции социального рыночного хозяйства, необходимо учитывать решение задач социального характера, экологии, сохранения окружающей среды, традиционных сельских территорий в целом. Социальное обустройство этих территорий, рационализация на них системы природопользования будет объективно ориентировать на такой подход, при котором экономический эффект не может по определению всегда стоять на первом плане. Такая ситуация объективно вытекает из многофункциональности сельского хозяйства, в реализации которой сельские территории имеют свои особенности.

С этих позиций необходимо давать оценку и анализировать причины нынешней дифференциации экономического развития СХО и других форм хозяйства, сельского расслоения, неравенства социального положения, уровня и качества жизни сельхозпроизводителей по территориям страны. Наиболее заметной и возрастающей эта дифференциация и это расслоение наблюдается практически во всех регионах страны между пригородными

зонами и сельской глубинкой. С одной стороны, вследствие более благоприятных объективных условий, местоположения, рынков сбыта продукции и т.д. вокруг и вблизи крупных городов во многом, а часто в основном благодаря этим условиям концентрируется небольшое число успешных в социально-экономическом отношении СХО. С другой стороны, на обширных глубинных сельскохозяйственных территориях все более свертывается традиционная производственная деятельность или вообще трудно обнаружить признаки жизни. На месте прежних благополучных сел и деревень этих территорий остались единицы полуубогих домов с доживающими свой век обитателями, а часто о сельских поселениях напоминает заросший сорняками или представленный пепелищами унылый безжизненный пейзаж.

Развитые страны Запада, исходя из многофункциональности сельского хозяйства и сельских территорий и понимания того, что системная благоустроенность этих территорий напрямую относится к характеристике «национального организма», вкладывают на цели поддержания активной жизнедеятельности на таких территориях, в депрессивных ее сегментах большие средства в рекреационных целях, для развития агротуризма, различных видов несельскохозяйственной деятельности и т.д. Повсеместное социальное обустройство сельских территорий это как раз одно из наглядных признаков здоровья этого организма, что, в частности, демонстрирует бывшая российская отсталая окраина – нынешняя процветающая Финляндия, многие другие страны современного мира. У нас, очевидно, для оправдания якобы неизбежного следования по так называемому «особому» российскому пути развития культивируется прямо противоположная практика формирования и регулирования территориального разделения труда с соответствующими его результатами. Отсюда разрастается социально порочный процесс запредельной дифференциации социально-экономического развития, своего рода симбиоз дворцов и хижин, вплоть до полного запустения многих, ранее жизнедеятельных сельских территорий.

Это прямое следствие того, что процессы, как межотраслевого, так и территориального разделения труда предоставлены на самотек, стихийное течение, а часто на административное «усмотрение» местных управленцев, что государство устранилось от его целенаправленного активного экономического регулирования методами, присущими принципам социального рыночного хозяйства.

Проблемы рационального общественного разделения труда в сельском хозяйстве отодвинуты на задний план не только в проведении аграрной политики, но и в агроэкономических исследованиях. Как на положительный пример таких исследований иногда ссылаются на советскую практику разработки зональных и отраслевых систем ведения хозяйства, специализации и размещения производства, определение его «оптимальных» размеров. Бесспорно, по этим направлениям проводилась большая работа, однако она предопределялись существовавшей практикой административно-командных методов государственного управления сельским хозяйством. Многообразием и «нестыковками» характеризовались научно-методические подходы к исследованию проблемы, к определению самого понятия территориального разделения труда, его соотношения с понятиями специализации и размещения производства, и эти нестыковки, несогласованности сохранились до сих пор.

Нельзя, конечно, отрицать, что проводившиеся при координации в рамках ВАСХНИЛ обширной сети республиканских и зональных научно-исследовательских институтов, их филиалов, государственных сельскохозяйственных опытных станций исследования в 60-80 гг. XX в. сыграли определенную роль в совершенствовании территориального разделения труда, специализации, размещении и концентрации производства. Однако в целом выхода на оптимальные решения не достигалось, так как рекомендации науки не стыковывались с существовавшими порядками «планового» ведения хозяйства, директивными разверстками заданий вплоть до поголовья скота или размеров посевных площадей, не позволявших

соблюдать рациональную производственную структуру сельского хозяйства и в целом, и по его территориям, регионам, сельскохозяйственным зонам.

В этих условиях на заднем плане или в стороне оставались соображения достижения наибольшего экономического эффекта, так как эти планы, не увязанные с реальными условиями хозяйствования, но положенные в основу оценки производственной, да и самой управленческой деятельности по всем ее иерархическим ступеням приходилось выполнять «любой ценой». На это накладывались административные меры по разного рода реорганизациям, укрупнениям хозяйств, созданию разных форм межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, районных и областных агропромышленных объединений и т.д. Практически не работали ориентированные на критерий эффективности рыночные рычаги и инструменты экономического регулирования процессов территориального разделения труда, а вместе с этим специализации, размещения и концентрации производства, межтерриториального обмена результатами трудовой деятельности на обширных пространствах сельскохозяйственного производства и агропродовольственного рынка.

Казалось бы, что все эти искажения, перекосы и диспропорции в территориальном разделении труда в размещении, специализации и концентрации производства должны быть устранены или сведены к допустимому минимуму с переходом к рыночной системе аграрных отношений. Однако практика двадцатилетнего периода проведения рыночных реформ в сельском хозяйстве и системе АПК в целом показала, что вместо такого устранения в территориальном разделении сохраняются, а иногда усиливаются негативные процессы. В результате в отраслевой структуре по территориям и регионам, по сельскому хозяйству страны в целом и образовались указанные выше, с одной стороны, зерновой, подсолнечниковый и свеклосахарный «флюсы», а, с другой – провалы в развитии животноводства, т.е. существенные, а в ряде случаев запредельные диспропорции между земледелием и животноводством.

Соответствующие негативные процессы развиваются и вопреки экономической целесообразности и элементарному здравому смыслу, что нередко объясняется «кознями» рынка, хотя главная причина перекосов в территориальном разделении труда, размещении производства, образование отраслевых «флюсов» кроется в отсутствии эффективного механизма его регулирования, монополизме отдельных субъектов рыночного пространства. Сказываются те же административные антирыночные решения и меры региональных и местных органов исполнительной власти, стремлении регионов к самообеспечению, нарушающему нормальный межтерриториальный обмен. Хотя многие считают российскую, в том числе аграрную экономику рыночной, но, судя по реальному положению дел, до реализации основополагающего принципа такой экономики: «рынок регулирует – государство регулирует», сообразуясь с его законами – еще далеко. Правда, в Госпрограмму развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг., включено и «регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», но главное не в декларации, а реальном обеспечении такого регулирования за счет гибкого применения соответствующих механизмов: экономического, правового, организационно-управленческого. Судя по указанным перекосам и дисбалансам в аграрной структуре производства, в межотраслевом и территориальном разделении труда, соответствующей целостной, регулирующей системы пока не создано.

Отсутствует эффективный механизм как селективной государственной поддержки рационализации межотраслевого и территориального разделения труда, так и широкий народнохозяйственный подход к такой поддержке сельского хозяйства в целом. Вследствие неупорядоченности механизма рынка и системы его экономического и правового регулирования сельхозпроизводители в основной массе СХО нет необходимых для этого финансовых ресурсов. Если основываться на таком подходе и исходить из научной концепции общественного разделения труда и зарубежного опыта

реализации этой концепции в целях системного и комплексного развития сельских территорий, то надо последовательно возрождать и еще сохранившиеся очаги жизнедеятельности в депрессивных сегментах сельской местности. Доктрина продовольственной безопасности страны ориентирует на это возрождение, на вовлечение в оборот заброшенных, пустующих земель, а в стране их около 40 млн га. Но здесь нужны не общие ориентиры, а реальные ресурсы для создания по сути новых сельских поселений, современной социальной и инженерной инфраструктуры, соответствующей дорожно-транспортная сети, системы связи и т.д., следовательно, необходимые инвестиции. В определенной мере эту запустевшую нишу могли бы заполнить при надлежащем, последовательно народнохозяйственном подходе к территориальному разделению труда на селе малые формы хозяйства.

Такого подхода пока не наблюдается, что подтвердили и тамбовский форум 2011 г., посвященный этим формам и ранее проведенная в МСХ России научно-практическая конференция на тему: «Повышение эффективности государственной поддержки малых форм хозяйствования в АПК». Аграрная политика построена таким образом, что приоритетом господдержки являются более благополучные сельские территории, отдельные экономически эффективные производства и формы хозяйства, а в сельских глубинках при такой политике налаживать и эффективно вести крупнотоварное производство без активной господдержки крайне затруднительно, а как правило просто невозможно.

В этих глубинках, на депрессивных сельскохозяйственных территориях какое-то время могут выживать малые семейные формы хозяйствования, обладающие большей устойчивостью. Но на одной выживаемости и устойчивости и они не смогут долго существовать, а поэтому нуждаются в господдержке не меньше, а часто больше, чем более эффективные крупные СХО, находящиеся сейчас, как правило, в более благоприятных природных и экономических условиях, получающих рентные доходы. Между тем, на

указанной конференции в унисон с однобокой государственной политикой в этой области звучали голоса о приоритетной поддержке только тех хозяйств, которые ведут более эффективную производственную деятельность, т.е. тех же «успешных», во многом благодаря объективным условиям: качеству почв, местоположению.

Приоритет экономического эффекта бесспорен, но это не значит что, во-первых, он во всех случаях и для всех условий должен быть единственным и, во-вторых, противопоставляться социальной, эффективности и социальной справедливости, экологической составляющей многофункциональность развития сельского хозяйства и отдельных сельских территорий. Нынешняя социальная и инженерная инфраструктура в сельской местности, особенно в депрессивной части сельских территорий, находится на крайней степени деградации или вообще разрушена. Поэтому ее господдержка, а, значит, активизации производственной деятельности тех же малых форм хозяйства, расположенных в менее благоприятных условиях, на депрессивных территориях должна осуществляться независимо от достигнутых качественных показателей хозяйственной деятельности и не быть «привязана» только к показателям экономической эффективности. Во взаимосвязи с совершенствованием территориальной организации ведения сельского хозяйства, развитием обслуживающих форм кооперации, интеграционных процессов такая поддержка послужит плацдармом и мощным стимулом для последующего подъема и повышения эффективности производства, его интенсификации и общего прогресса в социально-экономическом преобразовании этих сельских территорий.

Ссылки на ограниченность бюджетных средств для активизации протекционистской деятельности государства на этом направлении рационализации территориального разделения труда в сельском хозяйстве и вместе с тем осуществления комплексного преобразования жизнедеятельности на всех сельских территориях, а, следовательно, системной модернизации всего сельского хозяйства могут исходить только

из нежелания (или неспособности) ответственных персон соответствующих органов государственного управления всерьез заниматься этой проблемой, использовать мировой опыт в ее успешном решении. Пока что вся нынешняя деятельность этих органов, прежде всего, финансового ведомства страны, во многом, имеет прямо противоположную направленность, в связи с чем, между фактической господдержкой села и пресловутой перекачкой созданного крестьянским трудом национального дохода возник и искусственно поддерживается запредельный дисбаланс. Не только с негативными последствиями для всего процесса социально-экономического развития сельского хозяйства возросло отставание от города в общих социальных условиях жизни в сельской местности, но и усилилась территориальная дифференциация этих условий.

Посетивший в 2011 г. Израиль, курировавший развитие АПК, бывший Первый заместитель председателя правительства РФ В.Зубков восхищался высочайшим технологическим уровнем сельскохозяйственного производства в этой стране. В то время как сельское хозяйство России по этому уровню практически почти не сдвинулось с показателей полувековой давности, валовая продукция этой отрасли за тот же период в Израиле увеличилась в 20 раз! Но гость ничего не сказал о главном, об уровне и качестве жизни израильских аграриев, на полупустынных землях добившихся таких беспрецедентных результатов. Достигнутые при активной протекционистской поддержке государства основные показатели, характеризующие социальные и материальные условия жизнедеятельности *на всех территориях* сельской местности не ниже, а по ряду показателей превышают городские. Это создает высокие стимулы оставаться высокопроизводительно работать на полях и фермах, даже в опасных приграничных зонах, овладевать передовыми методами организации и технологии производства. У нас же, вместе с сельской молодежью выпускники сельскохозяйственных ВУЗов на 80% стремятся уходить куда угодно, лишь бы не оказаться в нынешних социально-экономических

условиях жизни в деревне, а тем более на десятках миллионов гектаров земель в сельской глубинке.

Могут сказать и показать, что в стране есть передовые, успешные хозяйства (в частности, входящие в «Клуб АГРО-300»), которые помимо производственных достижений имеют хорошие показатели и социального развития, что там сохраняются кадры и т.д. Но, во-первых, таких хозяйств в стране не более 3-3,5% от общего числа. Во-вторых, как отмечено выше, в их достижениях играет не только (а часто не столько) человеческий фактор, профессионализм руководителей, но в решающей степени и более благоприятные условия хозяйствования (природные, удобство сбыта продукции и т.д., в том числе *территориальное* местоположение). Многие из них функционируют на базе тех же советских «маяков», создававшихся на приоритетном административном распределении ресурсов. И сейчас такие хозяйства пользуются предпочтениями в получении средств господдержки, субсидий, льготных кредитов и.т.д.

Все это никак не способствует рационализации процесса территориального разделения труда и общему комплексному развитию всех сельских территорий. Необходим решительный и неотложный переход от полумер и деклараций в реализации принципа приоритетности сельского развития к полномасштабным общегосударственным практическим решениям по его ресурсному и правовому обеспечению *с акцентом на особый и первоочередной приоритет радикального преобразования социальной и инженерной инфраструктуры, дорожно-транспортной сети, системы связи и информационного обслуживания села, независимо от экономических показателей хозяйствующих субъектов и их территориального расположения.*

Таким образом, оценивая состояние общественного разделения труда в народном хозяйстве страны, в том числе межотраслевого и территориального разделения труда в сельском хозяйстве и сельской местности в целом по критерию эффективности, другим качественным и количественным

показателям соответствующие исследования необходимо увязывать с оценкой проводимой аграрной политики государства, профессионализма управленческих структур государства в регулировании соответствующих процессов. Только на этой основе возможно системное возрождение сельского хозяйства в целом, а не отдельных его территориальных и структурных сегментов и исключение несовместимой с принципом социальной справедливости резкой дифференциация условий труда и жизни по отраслям и предприятиям сельского хозяйства на различных сельскохозяйственных территориях.

Такая увязка имеет принципиальное значение для решения всего комплекса проблем по рациональной системе ведения и территориальной организации сельского хозяйства, размещению отраслей различных организационно-правовых форм хозяйства по сельским территориям, формированию на них и в целом по сельскому хозяйству рациональной аграрной структуры. Селективное, целевое использование собственных и бюджетных ресурсов для успешного решения этих проблем необходимо и экономически оправдано, но оно должно исключать углубление социального расслоения деревни и быть направлено на снижение этого расслоения, восстановление и благоустройство деградирующих, многих вообще потерявших признаки жизни сельских поселений и целых традиционных сельскохозяйственных территорий.

Необходимо расширение исследований, углубление теоретико-методологического уровня разработки современной концепции, направлений и механизмов рационализации территориального разделения труда в сельском хозяйстве. В связи с этим следует отметить серьезное продвижение в такой разработке, проведенное в ВИАПИ им. А.А.Никонова коллективом автором под руководством д.э.н., профессора В.Я.Узуна. В 2011 г. подготовлена к изданию работа «Методы оценки территориального разделения труда и территориальной организации сельского хозяйства», в которой обстоятельно рассмотрено современное состояние этого разделения,

выявлены тенденции изменения соответствующих показателей в период с 1990 по 2010 гг, дана оценка влияния на территориальное разделение труда рыночных сигналов и действующей системы государственного регулирования сельского хозяйства. Рассмотрены теоретические подходы к оценке территориальной организации труда, проведен сравнительный анализ аграрной структуры по субъектам РФ, разработаны методологические основы и проведена типологизация субъектов РФ и административных районов по аграрной структуре, выделены зоны сельскохозяйственного запустения, мелкого нетоварного производства, семейных и крупных хозяйств.

В проведенном исследовании дается развернутое монографическое описание аграрных структур Псковской области, Дмитровского района Московской и Кинельского района Самарской областей, проведено зонирование административных районов по аграрной структуре.

На основе системного анализа авторами разработаны предложения для органов исполнительной власти по совершенствованию территориального разделения труда и территориальной организации сельского хозяйства с учетом дифференциации аграрной структуры по субъектам РФ. Но для того, чтобы эти предложения получили широкую практическую реализацию, требуются существенные изменения в стиле, методах и самой организации государственной управленческой деятельности на этом важнейшем направлении достижения устойчивого, высокоэффективного, социально обустроенного сельского хозяйства с его огромным многообразием условий хозяйственной деятельности по регионам и территориям страны.

6.3. Условия и меры достижения устойчивости сельского развития

В материалах II Всероссийского конгресса экономистов-аграрников (Москва, 13-15 февраля 2006 г.), рассматривавшего устойчивость агропродовольственного сектора как «фактор» социально-экономической

стабильности в стране затронут целый комплекс вопросов, касающихся концептуальных основ и методологических подходов к обеспечению этой устойчивости. Подчеркивалась особая значимость в этом осуществлении социально ориентированной аграрной политики, соответственно, изменений управленческой, регулирующей деятельности государства в этой области. Но не по всем этим вопросам участники конгресса вышли на конструктивные обоснования и предложения. Прежде всего, это касается вопроса, вытекающего из самого названия темы конгресса, о соотношении понятий, соответственно, критериев устойчивости и стабильности в социально-экономических системах, в частности, агропродовольственной с ее различными уровнями и структурными звеньями. Дело в том, что стабилизация (от лат. stabilis) и есть состояние устойчивости (по общему определению В.Даля - стойкости, прочности, твердости, «нешаткости»). При этом надо также иметь в виду, что в агропродовольственных системах многих стран современного мира, в частности ЕС, их стабильность, устойчивость обеспечивается без развития в узком понимании его как экономического роста.

Если же речь идет о развитии в широком понимании (а устойчивые национальные, межотраслевые, региональные и т.д. социально-экономические системы, если в определенные исторические периоды не растет спрос на их продукцию, в данном случае агропродовольственную, могут поддерживаться на достигнутом уровне), то возникает и другой, требующий уяснения вопрос о концептуальных и функциональных различиях понятия устойчивости с другими понятиями и характеристиками этого развития, т.е. рассматриваемого в динамике внутреннего качественного состояния воспроизводственного процесса. А таковыми являются: динамичное развитие, интенсивное развитие, эффективное развитие, даже незаслуженно забытое «планомерное, пропорциональное развитие» народного хозяйства и т.д.

Имеющиеся, не всегда однозначные, определения понятия устойчивости сельского развития, учитывая однопорядковость трактовок признаков и критериев других отмеченных понятий и категорий, характеризующих процесс воспроизводства, пока делают затруднительным выявить в нем место и функциональные особенности социально-экономической устойчивости, с акцентом при ее исследовании в сельском хозяйстве на проблемы природопользования, экологии. Дело в том, что в имеющихся публикациях по концепции устойчивости в социально-экономических системах, в общественном процессе воспроизводства в целом (а он в силу объективно необходимости может быть не обязательно расширенным, «растущим», но и простым, даже замедленным, если в услугах данной системы «устойчиво» снизился потребительский спрос) обычно делаются ссылки на материалы Конференции ООН по окружающей среде и развитию, проходившей в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. На самом деле понятие устойчивости в экономике, подразумевающий и экологическую составляющую, использовалось давно. Классический пример – теория и практика устойчивости мелкого, крестьянского хозяйства, являющегося эталоном гармонии жизнедеятельности человека с природой.

В форме современной концепции это понятие было введено в оборот в докладе Г.Х.Брунтланд «Наше общее будущее», подготовленном в 1987 г. для Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию. Под устойчивым развитием подразумевается модель развития общества, которая исходит из необходимости обеспечить «мировой баланс» между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды с тем, чтобы удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей не должно достигаться за счет лишения такой возможности будущих поколений. Однако взаимоувязанное решение экономических, социальных и экологических проблем с теми же целями и адекватными механизмами в полной мере присуще понятиям стабильного развития, планомерного, пропорционального развития и т.д., включая понятие экономического роста.

(Хотя последний характеризуется количественными показателями, но он также предполагает научно-технический прогресс, следовательно, элементы развития, качественных преобразований).

Но поскольку концепция устойчивого развития, принятая ООН, наряду с названными однопорядковыми по сущности и целям характеристиками процесса воспроизводства, получила право на жизнь, возникает вопрос о ее более предметном и конкретизированном обосновании, о механизме реализации применительно к особой социоприродной системе - агропродовольственной, прежде всего к ее основе - сельскому хозяйству, учитывая сложившееся здесь крайне неблагоприятное финансово-экономическое положение, обусловливающее ярко выраженное неустойчивое состояние этой отрасли. Исходным пунктом методологического подхода к анализу проблемы является обобщающая характеристика степени устойчивости, определение ее критериев, разработка механизма обеспечения через рычаги и стимулы государственного и хозяйственного регулирования на макро- и микроэкономическом уровнях агропродовольственной системы и народного хозяйства страны в целом.

В общем плане такого подхода степень устойчивости агропродовольственной системы современной России определяется действенностью, активностью, взаимосогласованностью и эффективностью использования факторов производства. Классическая политэкономия выделяет три таких фактора: труд, землю и капитал. Современная мировая экономическая наука в качестве четвертого важнейшего самостоятельного фактора производства рассматривает также предпринимательскую способность хозяйствующих субъектов.

С этой точки зрения по прошествии двадцатилетнего периода рыночных экономических реформ в агропродовольственной системе страны действенность, напряженность всех отмеченных факторов с позиций ожиданий и потребностей общества крайне низка, а их соотношения, взаимосвязи существенно деформированы. Из этого следует что, несмотря на

некоторые положительные подвижки в последние годы и в экономическом росте, и в увеличении инвестиций в основной капитал сельского хозяйства и АПК в целом, сельскохозяйственное производство характеризуется явной неустойчивостью, представляющей угрозу продовольственной безопасности государства. В связи с деградацией трудового потенциала и материально-технической базы села, а также сельскохозяйственных земельных ресурсов, это требует осуществления комплекса действительно крайне неотложных мер по достижению и повышению ее устойчивости, стабильности, динамичности развития.

Своевременной, к сожалению, «разовой» реакцией на эту неотложность было принятие национального проекта «Развитие АПК» и других важных для села национальных проектов. Острый недостаток продовольствия отечественного производства настоятельно выдвигает на первый план всей управленческой и регулирующей деятельности государства ускорение экономического роста в АПК на основе достижения радикальных сдвигов в рациональном использовании всей совокупности факторов устойчивого развития при его необходимом качественно совершенном, ресурсном обеспечении, фактический уровень которого, с учетом финансирования указанных проектов, равно как и Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг., совершенно недостаточен.

Поскольку концепция устойчивого развития, предполагающего и экономический рост, включает производственную, социальную и экологическую, природоохранную составляющие, - состояние устойчивости важно обеспечить в каждой из них и целенаправленно реализовать в единой интегральной системе научно-методических обоснований и мер практического высокоэффективного осуществления. Устойчивое, динамичное развитие непосредственно производственной сферы сельского хозяйства может быть обеспечено на пути сохраняющих природную среду интенсивных, экологически безопасных технологий, требующих

радикального улучшения инвестиционно-инновационной ситуации в отрасли и АПК в целом.

Преодоление неустойчивости, крайней напряженности в социальной сфере села и сельской местности в целом вследствие остроты и важности проблемы для подъема самого производства приобретает приоритетное, первостепенное по неотложности и господдержке значение, тем более речь идет о человеке – главной производительной, об условиях его жизнедеятельности. Оно может быть достигнуто на пути коренных преобразований качества жизни и условий труда, его профессионального уровня, повышения предпринимательских способностей людей. Сохранение и улучшение окружающей среды, предотвращение деградации естественных, прежде всего земельных ресурсов, может быть обеспечено широким применением уже накопленных научных разработок в области рационального природопользования, повышения общей культуры хозяйствования на земле.

По всем этим направлениям или слагаемым единого процесса повышения устойчивости агропродовольственной системы предстоит сконцентрировать и тесно согласовать макро- и микроэкономическую, ныне существенно разрозненную деятельность всех звеньев государственного и хозяйственного управления, экономических и финансовых ведомств, первичных хозяйственных звеньев. Чтобы усилия общества в указанных направлениях, учитывая ограниченность ресурсов, достигли цели вся эта деятельность должна быть четко ориентирована на главную сферу, определяющую состояние устойчивости этой системы, ее основу - сельское хозяйство. К сожалению, научные обоснования этого принципиально важного аспекта проблемы пока не получили необходимой разработки. Внимание исследователей данной проблемы концентрируется на задачах, направлениях и мерах достижения устойчивости, ее ресурсном обеспечении (не всегда всесторонне просчитанном по возможным реальным источникам).

Это внимание естественно, но весь вопрос в том, на какие критерии, характеризующие степень устойчивости и в то же время на какие определяющие дополнительные факторы и меры ее повышения, соответственно, на какой адекватный этому критерию регулирующий механизм здесь нужно ориентироваться в практике хозяйствования и управления. Ответ на этот вопрос дает главная функция экономической науки, как науки, изучающей пути «наилучшего» использования редких (ограниченных) ресурсов, иначе говоря, как науки об эффективности. А это значит, что определяющим критерием устойчивого (а значит стабильного, динамичного, планомерного) развития является экономическая эффективность. Чем выше ее уровень, тем выше возможности модернизации производства, социальных преобразований, вложений в охрану окружающей среды. В этом основная суть рационального, «культурного» ведения хозяйства.

Из основных видов эффективности устойчивого развития (социальная, экологическая, экономическая) определяющей является последняя, поскольку от ее степени зависят размеры финансовых источников для подъема самого производства, преобразования социальной сферы и сохранения окружающей среды. В этой связи вызывает удивление, что в самих основополагающих документах ООН, различных правовых и программных актах, в современных разработках концепции устойчивого развития экономическая эффективность, как главный критерий оценки состояния такого развития остался если не в стороне, то явно на заднем плане. А это ограничивает, сужает практические задачи и меры обеспечения социально-экономической устойчивости, в том числе применительно к сельскому хозяйству.

Так, на сессии ФАО в Риме в 1996 г. в качестве цели или «главной» задачи в области устойчивого сельского хозяйства и сельского развития определено «повышение уровня производства продуктов питания устойчивым способом и обеспечения продовольственной безопасности»

(Chapter 14: Ppomoting Sustainable Agriculture and Rural Development: Agenga 21. Rome: FAO, 1996.). Но рост производства это количественный результат, а важны, прежде всего, качественные характеристики устойчивости, на которые должна быть нацелена ее стратегия и которые предопределяют комплекс мер по ее реализации. Очевидно, что определяющим производственным результатом устойчивости сельского развития, является повышение экономической эффективности – как слагаемого роста объема и качества продукции, экономии ресурсов на ее получение. В такой «расшифровке» основной задачи устойчивости предпосылка ее системного обеспечения на базе соответствующих средств и механизмов решения этой задачи. Именно для этого, говорится в документе, «необходимо поддерживать образовательные инициативы, использование экономических инноваций и развитие приемлемых новых технологий, обеспечивая, таким образом, стабильный доступ к продуктам питания..., развитие товарного производства; сокращение безработицы и повышения уровня доходов в целях борьбы с бедностью; управление природными ресурсами и защиту окружающей среды».

Обойден этот узловой аспект проблемы в Указе Президента РФ «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996 г.). Не выдвигается он до сих пор на первый план в имеющихся экономических исследованиях проблемы. Это видно также из докладов на пленарном заседании указанного конгресса экономистов-аграрников, где критерий эффективности как определяющий для устойчивого развития в общем плане без необходимого акцента на приоритетное значение этого критерия в общих постановках затронут лишь в отдельных выступлениях.

Между тем, рациональная, организованная на научной основе хозяйствования практика неизменно свидетельствует, что чем выше экономическая эффективность, соответственно, конкурентоспособность социально-экономических систем разного уровня (прежде всего, первичных хозяйственных организаций), тем выше возможности ресурсного

обеспечения необходимого уровня, состояния устойчивости их развития, динамичности экономического роста. Если в целом российское сельское хозяйство по критерию прибыльности характеризуется крайне низкой экономической эффективностью, что отражается в ее обобщающем показателе - рентабельности, и это напрямую обусловливает его неустойчивость, то иную характеристику состояния устойчивости дают показатели многих СХО с перманентно высоким уровнем рентабельности, достигаемым в значительной степени за счет четвертого фактора производства - рыночного предпринимательства, определяемого профессионализмом производителей. Именно прибыльность, высокая рентабельность и явились основой решения всей совокупности вышеперечисленных конкретных задач и достижения конкретных результативных показателей устойчивости в этих СХО.

В результате высокопрофессиональной и поэтому активной предпринимательской деятельности на состояние устойчивости многих крупных СХО мало повлияла общая кризисная ситуация в аграрном секторе, возникшая в условиях прежней административно-командной системе и обострившаяся в связи с просчетами, уходом государства от целенаправленного экономического регулирования экономических и социальных процессов при проведении современных рыночных реформ. Задолго до этих реформ в колхозе (сейчас СПК) им. Фрунзе Белгородской области, особенно после объявленного (но последовательно не осуществленного) курса на эффективность, использование рыночных категорий, прежде всего, прибыли и рентабельности, показатели последней вышли на уровень 40 и более процентов, т.е. выше расчетного оптимального уровня, определявшегося и сейчас определяемого по разным оценкам в пределах 25-35% с дифференциацией по отраслям растениеводства и животноводства.

Этот уровень фактически удерживается в хозяйстве до сих пор. Размер балансовой прибыли колеблется в пределах 30-50 млн. рублей в год, а

уровень рентабельности не ниже 30-40 процентов. Высокорентабельным является свиноводство, даже молочно-мясное животноводство при фактической его убыточности в стране за последнее десятилетие. В целом сельское хозяйство России имело рентабельность в 2000 г. 6,7% и в 2010 г. 8,3% при включении в затраты явно заниженной оплаты труда в отрасли (а для сомнений в этой задолженности нет никаких оснований). В СПК им. Фрунзе рентабельность при достаточно высоком уровне оплаты труда за этот период составляла около 40%.

Это постоянно поддерживает устойчивость и самого производства, и одновременно обеспечивает устойчивое развитие социальной сферы, высокую степень социальной защиты крестьянского труда. Осуществляются значительные дополнительные затраты на эти цели (доплаты пенсионерам, женщинам за воспитание детей до 2,5 лет, последующее бесплатное посещение детского сада и т.д.). Всего на социальную сферу затрачивается почти 1/3 прибыли хозяйства. Устойчивость этой сферы (кстати, остающейся на балансе хозяйства) выражается в том, что сохраняется стабильность, и повышается профессиональный уровень кадров, происходит закрепление на селе молодежи.

В большой степени устойчивое развитие хозяйства, как и ряда других крупных СХО, это результат профессионализма руководства предприятий. Но этот и результат особых условий ведения хозяйства, связанных с качеством почв, местоположением и в немалой степени прежнего (и нынешнего) приоритетного получения ресурсов, крайне дифференцированного их распределения по линии бюджетной поддержки, предоставления субсидий, льгот, кредитов. А это значит, что достижение устойчивости сельского развития базируется на адекватном ресурсном обеспечении соответствующих мер в этой области.

Опыт также показывает, что именно в ряде крупных животноводческих хозяйствах и на крупных, особенно свиноводческих комплексах и фермах многоотраслевых СХО устойчивое развитие животноводства и экономики

хозяйства в целом не сочетается с экологическим благополучием, сопровождается загрязнением окружающей среды отходами отрасли. Лучше с экологическим состоянием обстоит дело в растениеводческой отрасли, что во многом объясняется противоречащим задачам интенсификации сокращением внесения необходимых для ее повышения минеральных удобрений, средств химической защиты, хотя и в этих хозяйствах, как и многих других, вред экологии наносится и химизацией, и мелиорацией, и сливом отработавших масел в почву, и другими проявлениями бесхозяйственности в природопользовании.

Все вышесказанное делает исключительно актуальной проблему гибкого применения мер по обеспечению устойчивого развития сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы, прежде всего макроэкономических, ориентированных на повышение экономической эффективности, обеспечивающей финансовую основу решения всей совокупности проблем устойчивого социально-экономического развития. В современной рыночной экономике индустриально развитых и «продвинутых» развивающихся стран (а на данном этапе Россию можно отнести к последним) хозяйственное экономическое регулирование осуществляется с помощью трех основных механизмов: 1) рыночной конкуренции и рыночного саморегулирования, 2) корпоративного регулирования и 3) государственного макроэкономического регулирования с адекватными источниками финансовых средств, необходимых для реализации концепции устойчивого развития.

Соотношение названных механизмов, соответственно ресурсного обеспечения подвижно, зависит от фактического состояния устойчивости социально-экономических систем разных стран, а внутри них - регионов, отраслей, групп предприятий. Применительно к условиям России, учитывая признание ее мировым сообществом как страны с рыночной экономикой, но примыкающей к указанной группе стран, с точки зрения общего состояния развития аграрного сектора это соотношение должно меняться с

преобладанием на данном этапе последних, государственных экономических и правовых регуляторов, и в перспективе - первых (хотя для устойчивой группы СХО закономерен и уже реализуется больше приоритет рыночного саморегулирования, действие фактора рыночного предпринимательства). При этом в системе государственного регулирования рычаги и инструменты прямой бюджетной поддержки (учитывая остроту проблемы обеспечения социальной устойчивости сельского хозяйства и сельских территорий в целом) важно активнее использовать в направлении повышения роли и удельного веса средств в общих масштабах этой поддержки для осуществления мер по опережающему наполнению «зеленой» корзины.

Производственная сфера при соблюдении главного определяющего принципа рыночной экономики: рынок регулирует – государство корректирует, будет опираться на преобладание собственных источников СХО за счет активизации рыночного предпринимательства, а также средств дополнительной целевой протекционистской поддержки. Сказанное означает необходимость общего усиления, активизации использования фактора и механизмов рыночного саморегулирования и на его основе обеспечения принципа самофинансирования, высокорентабельной деятельности - главного экономического «гаранта» устойчивости развития первичных хозяйственных звеньев. В нынешних условиях деформированного ценового и всего экономического механизма АПК объективно необходимым является усиление государственного экономического регулирования развития как производственной, так и особенно социальной сферы села.

Макроэкономическое регулирование, господдержка собственно производства также необходимы как определенное целевое дополнение к собственным источникам средств на развитие этой сферы, но при условии приоритетности, усиления мер аграрного протекционизма в социальной сфере, в том числе и особенно для качественного совершенствования «человеческого» фактора, прежде всего, с точки зрения овладения хозяйственными кадрами принципами и правилами рыночного

предпринимательства, профессионализма в использовании передовых технологий, самой техники, преобразования социальной сферы села.

Необходимость этого совершенствования, повышения предпринимательской активности в полной мере относится к кооперативным формам деятельности. Критерий прибыльной, следовательно, действительно выгодной и в экономическом, и социальном плане, деятельности кооперативов, в том числе вертикальных (перерабатывающих, сервисных и т.д.) означает органическое включение последних в систему рыночных отношений с их регулирующей и стимулирующей функциями обеспечения высокой эффективности, следовательно, устойчивого развития.

Непосредственной материальной основой достижения социально-экономической устойчивости является уровень, масштабы ресурсного обеспечения сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы. В этой связи особо стоит вопрос о приоритетах ресурсного обеспечения производственного, социального и экологического блоков, определяющих общую устойчивость этой системы. Особая значимость выбора приоритетов и степени приоритетности в этом обеспечении определяется постоянной ограниченностью ресурсной базы для экономик любых, самых развитых стран мира, тем более, современной российской экономики, для любого, самого высокорентабельного предприятия сельского и других отраслей народного хозяйства.

Обычно, в том числе в докладах и выступлениях на указанном Конгрессе приоритет отдается производственно-экономическому блоку агропродовольственной системы с акцентом на повышение продовольственной обеспеченности за счет внутреннего производства, следовательно, на приоритет ресурсной поддержки этого блока в рамках макроэкономического регулирования развития материально-технической, производственной базы. Речь идет, прежде всего, о ее качественном преобразовании, резком увеличении поставок техники, минеральных удобрений, оборудования, других ресурсов. Согласно докладу

Л.Ф.Кормакова о прогнозе развития рынка сельскохозяйственной техники, к 2010 году на этом рынке должно быть реализовано 135 тыс. тракторов вместо 12 тыс. в 2006 г., зерновых комбайнов, соответственно, 60 и 9 тыс. и т.д., что при сохранении неблагоприятной макроэкономической ситуации для села оказалось практически недостижимым.

Но, предположим, что материально-техническая база и технология в сельском хозяйстве будет радикально модернизирована и приближена к мировым достижениям и для этого будет изыскано дополнительно не менее 300-400 млрд рублей вложений ежегодно к реально планируемым бюджетным назначениям для сельского хозяйства. Как показано выше, в стране есть реальные источники получения этих средств, если государство всерьез займется их мобилизацией и эффективным использованием. Возникает, однако, вопрос, имеются ли в сельском хозяйстве, с его демографическим состоянием, высокопрофессиональные производственно-технические, механизаторские кадры, способные эффективно использовать новую и новейшую технику и технологию. На этот вопрос утвердительный ответ дать, по меньшей мере, пока затруднительно. Большинство имеющихся кадров (за исключением работающих в «успешных» СХО) по своей квалификации и вообще отношению к труду не обеспечивают надлежащего использования даже имеющихся сейчас в сельском хозяйстве технических средств, оборудования. Но основная причина не в самих людях, а в отношении к ним государства, в его аграрной политике, которая и в этой части и в целом во многом не согласуется с концепцией и принципами устойчивого развития.

Следовательно, решая в рамках фактически имеющихся бюджетных и собственных финансовых средств СХО задачу создания адекватного задачам устойчивого развития производственно-технического потенциала сельского хозяйства, необходимо ориентироваться на обеспечение приоритета развития социальной сферы села. Приоритет развития сельской социально-трудовой сферы в рамках ограниченного ресурсного обеспечения относительно

понизит долю в них чисто производственно-технологических потребностей СХО и это может отразится на замедлении роста продовольственной обеспеченности отечественной продукцией, сохранит потребность в высокой доле импорта продуктов питания. Очевидно, что здесь нужен экономически более выгодный, менее затратный и социально ориентированный выбор общей продовольственной стратегии.

Внешне заманчиво, ужесточив таможенные барьеры, резко сократить продовольственный импорт или вообще отказаться от ввоза в страну всего того, что для удовлетворения спроса с успехом можно производить в России: мяса всех видов, особенно птицы, картофеля, овощей, фруктов и т.д. Но что за этим стоит, если отечественные товаропроизводители в своей основной массе менее конкурентоспособны, чем зарубежные, и не удовлетворяют внутренних потребностей в указанных продуктах.

Ответ на этот вопрос очевиден: возрастет спрос над предложением продовольствия, произойдет общее его удорожание, что неизбежно приведет к усилению социальной напряженности в обществе. Поэтому, в нынешней ситуации общей неустойчивости сельского хозяйства и невозможности быстро трансформировать ее в устойчивое развитие по всем направлениям и с экономической, и с социальной точек зрения, необходимо иметь определенные объемы импорта продовольствия и последовательно снижать его по мере повышения степени устойчивости социально-экономического развития агропродовольственной системы страны и на этой основе конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей.

Взвешенный с экономической и социальной точек зрения подход необходим и к проблеме ценового диспаритета в АПК, ослабляющего финансовую основу устойчивого развития сельского хозяйства. Здесь таким же внешне заманчивым является желание разом покончить с этой явной социально-экономической несправедливостью через масштабную бюджетную поддержку аграрных цен. Но негативные последствия такого шага, в том числе социального плана, определяют приоритетный ориентир на

постепенное смягчение этого диспаритета, как посредством постепенного увеличения размеров поддержки аграрных цен, так и за счет рыночного предпринимательства, следовательно, удешевления производства продукции, повышения ее качества – главных слагаемых уровня экономической эффективности, следовательно, получения дополнительных собственных накоплений СХО для повышения устойчивости их развития.

Изложенные принципиальные подходы к обеспечению устойчивого развития агропродовольственной системы требует адекватных высокоэффективных механизмов регулирования, строго дифференцированно учитывающих состояние и факторы устойчивости первичных хозяйствующих субъектов. Эта дифференциация, ориентированная на критерий эффективности, в частности при использовании важнейшего регулирующего механизма в сельском хозяйстве - механизма аграрного протекционизма – необходима, как между основными блоками устойчивого развития (производство, социальная сфера, экология), так и внутри этих блоков.

Непосредственно в производственной сфере приоритетной, осуществляемой в рамках целевых программ, является прямая и косвенная бюджетная (через ценовой, кредитный, финансовый, налоговый механизм, страхование и т.д.) поддержка наиболее эффективных, высокотоварных производств и хозяйствующих субъектов крупного, среднего и мелкого бизнеса. Те же объемы бюджетных средств, инвестиций в группе успешных крупных СХО, даже в приусадебных семейных хозяйствах дают более высокий эффект. Однако это не значит, что менее эффективные, а тем более убыточные низкотоварные хозяйства, лишаются средств прямой протекционистской поддержки. Здесь необходимо искать иные направления их использования, в первую очередь, в альтернативном несельскохозяйственном производстве, агротуризме и т.д., что будет способствовать повышению занятости, следовательно, общей социально-экономической устойчивости на селе, в том числе в сельской глубинке.

Принципы экономического регулирования экологической устойчивости, рационального природопользования, прежде всего землепользования в аграрной сфере в настоящее время получили достаточно обстоятельную научную разработку. Имеется широкий позитивный мировой опыт в этой области. Главной проблемой, как и по другим слагаемым устойчивости всей агропродовольственной системы России является повышение ресурсного обеспечения и эффективности осуществления природоохранных мероприятий, землеустройства.

В достижении устойчивого развития сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы важное значение имеет механизм регулирования внешнеэкономических отношений, прежде всего, импорта продовольствия. По мере повышения степени устойчивости акценты регулирования в этой области должны «устойчиво» смещаться в сторону постепенного импортозамещения продовольствия отечественной продукцией при соответствующих изменениях в таможенной политике, учитывающей положения и правила ВТО, других международных организаций и союзов.

Из мировой и российской истории известны радикальные подходы к этим изменениям, характеризующимся активной протекционистской направленностью. Так, по инициативе Н.Ф.Бунге, крупного ученого и выдающегося деятеля России в области экономики и финансов, проводилась внешнеторговая политика, в результате которой уровень таможенного обложения импортеров с 14% в 70-х годах XIX в. возрос к 90-м годам до 33%. Это наглядный пример того, что проблемы продовольственной обеспеченности, реальные возможности роста конкурентоспособности отечественных производителей объективно «заставляют» применять более гибкие подходы к сочетанию внешнеэкономических факторов с внутренней экономической стратегией обеспечения устойчивости сельского хозяйства. Основой этой стратегии является перевод его на интенсивный путь развития.

6.4. Интенсификация сельского хозяйства

Интенсификация производства, базируясь на общих закономерностях процесса социально-экономического развития, в сельском хозяйстве имеет существенные особенности. Ее последовательное осуществление затрагивает важные аспекты аграрной теории, прежде всего, связанные с законом убывающего плодородия почвы, теорией и условиями образования дифференциальной земельной ренты. С практической точки зрения интенсификация сельскохозяйственного производства, включающая в себя в качестве определяющей движущей силы научно-технический прогресс, системные технико-технологические преобразования, предполагает комплекс мер по обеспечению экологической устойчивости, рационализации природопользования.

Вместе с тем, интенсификация сельского хозяйства включает в себя в качестве одного из определяющих факторов социально-трудовую составляющую. Профессиональное ее осуществление с наибольшим экономическим эффектом, широкое целенаправленное использование научных разработок, передовых практических достижений требует адекватно высокого качества «человеческого фактора», формирования по сути нового типа работника, подготовки высококвалифицированных специалистов. Но чтобы иметь и закрепить на селе такие кадры необходимо создать для них соответствующие условия жизнедеятельности, необходимую социальную и инженерную инфраструктуру.

Все это, в конечном счете, обусловливает не только особый подход к научной организации всего воспроизводственного процесса на той же земельной площади, но затрагивает общие глобальные проблемы развития экономики и общества в целом. Интенсивно развивающееся сельское хозяйство с его высокой урожайностью полей, продуктивностью животных, благоустроенностью сельских поселений, материальным благополучием земледельцев, их профессиональной и общей культурой – лицо нации, показатель цивилизованности государства, политической зрелости и

мудрости его руководства. В этом смысле «прочное земледелие», в котором Ф.М.Достоевский видел «правильное отправление всего национального организма», есть, прежде всего, интенсивная форма его научной организации сельскохозяйственного производства и преобразования всей государственной системы управления сельским хозяйством.

Очевидно, что успешно решать комплекс названных и связанных с ними других проблем реализации общей стратегии развития сельского хозяйства по пути последовательной интенсификации можно на основе разработки и использования научной методологии, начиная с определения самого понятия, сущности, движущих сил, показателей этого сложного, противоречивого процесса. А именно в этом, исходном пункте его исследования до сих пор нет полной ясности. В специальной литературе 60-70 гг. XX в. теоретико-методологические аспекты интенсификации являлись предметом острой и далеко незакончившейся дискуссии, а ныне тема этого, «главного пути развития сельского хозяйства», совершенно незаслуженно вообще почти выпала из научных исследований и печатных изданий.

Следует, поэтому, прежде всего, напомнить, что интенсификацию производства (от фр. intensification – напряжение, по В.Далю – усиление) в общем понимании ее сущности было принято рассматривать как «процесс развития общественного производства, основанный на применении более эффективных средств производства и более совершенных форм организации труда и технологических процессов» (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975 г., т. 2, с. 38). Примерно такое же определение сущности интенсификации производства приводилось и в других научных и энциклопедических изданиях.

Что касается интенсификации сельского хозяйства, то в указанной энциклопедии ее сущность определялась уже совсем иначе т.е. как «процесс роста производства продукции за счет дополнительных, последовательно осуществляемых затрат живого и овеществленного труда (в других источниках – труда и капитала – И.Б.) на единицу «земельной площади».

Такое определение обычно «привязывалось» к известной формулировке этого понятия К.Марком, как «концентрации капитала на одной и той же земельной площади» и почти аналогичного ленинского определения (см. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5[e], т. 27, с. 191-192). Дальше такого подхода к трактовке понятия интенсификации сельского хозяйства наука того времени не продвинулась, а, учитывая, видимо то, что истина уже установлена «Экономическая энциклопедия» (издание 1999 г. «Экономика») это понятие, затрагивающее важные стороны системы аграрных отношений и аграрной политики, вообще не рассматривает.

Между тем, сведение сущности интенсификации сельскохозяйственного производства к «концентрации» или «последовательным» затратам капитала на той же земельной площади, по меньшей мере, является односторонним, а в принципе неприемлемым. Нельзя специфические особенности осуществления этого процесса в сельском хозяйстве, связанные с последующими (добавочными) вложениями на той же земельной площади рассматривать как его экономическую сущность. Вложения капитала (как добавочные, так и общие) это *материальная основа*, важный, но один из факторов интенсификации. Главным, определяющим в ее сущности, эффективном практическом осуществлении является качественные преобразования и, тем самым, «повышение напряженности» действия конкретных вещественных элементов этого капитала, конкретных видов и всей совокупности производственных ресурсов.

При этом нужно иметь ввиду, что как бы не отвергался закон убывающего плодородия почвы, концентрация капитала на одной и той же площади на каждом данном этапе развития и качественного состояния производительных сил, имеет разумные экономические оптимумы, за пределами которых эффективность добавочных вложений имеет тенденцию к снижению. Эта тенденция, как и ограниченная по времени возможность быстрого качественного преобразования факторов производства, является

неопровержимой практической реальностью. Более совершенные или новые сорта растений, породы животных, виды удобрений, техники и т.д. надо создать, экспериментально испытать, обеспечить массовое серийное производство, поставки, а на это, как и на подготовку необходимых специалистов, на овладение ими новых технологий и т.д. часто требуются многие годы.

Таким образом, рассматривая сущность интенсификации в тесной взаимосвязи количественной и качественной сторон вкладываемых на единицу земельной площади труда и средств производства главной движущей силой этого процесса являются качественные преобразования, обусловливающие повышение напряженности, производительности, следовательно, результативность факторов производства. Другое дело, что рост экономического плодородия почвы, как обобщающее выражение этой результативности, предполагает определенный объективно обусловленный уровень материально-технического, ресурсного обеспечения в расчете на гектар земельной площади или голову скота, а этот уровень в сельском хозяйстве страны находится сейчас на недопустимо низкой отметке. Повышение его до необходимого оптимума является важнейшим условием реализации всей стратегии развития сельского хозяйства на основе интенсивных факторов экономического роста.

Следование этой стратегии – прямой путь к современной социально-экономической модели развития сельского хозяйства и вместе с тем обеспечению прочной продовольственной, а, значит, общей национальной безопасности страны. Этим объясняется особое и неослабное внимание и к научным исследованиям, и к прикладным вопросам интенсификации сельского хозяйства, которое наблюдается в странах с высокоразвитым аграрным сектором, в значительной мере предопределяющим общее социально-экономическое благополучие в этих странах, в том числе имеющих низкую землеобеспеченность.

В России, несмотря на значительное сокращение пахотных земель (за 1990-2011 гг. почти на 40 млн га пашни и сельскохозяйственных угодий в целом на 18 млн га) сохраняется достаточно высокий уровень землеобеспеченности (на одного человека, соответственно, по 0,53 и 1,38 га). Во Франции, например, на каждого жителя страны приходится всего 0,4 га пашни и 0,5 га сельскохозяйственных угодий, т.е. последних в 2,7 раза меньше, чем в России, причем земель далеко не лучшего качества. Однако на основе интенсификации производства за последние 20 лет объем валовой продукции сельского хозяйства возрос почти в 1,4 раза и составляет сейчас в среднем за год 64 млрд евро (около 2,5 трлн рублей в ткущих ценах), а в среднем в расчете на 1 га сельхозугодий больше, чем в России в 6 раз, на душу населения – в 2,6 раза, на занятого в сельском хозяйстве – в 5,8 раза. Полностью обеспечивая население страны продовольствием Франция стала вторым в мире экспортером сельскохозяйственной продукции, продавая на внешнем рынке примерно 15% ее валового производства, в т.ч. значительных объемов животноводческой продукции.

Германия имеет еще более низкую землеобеспеченность с преобладанием худших по качеству почв, но, реализуя стратегию последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства в соответствии с принципами социального рыночного хозяйства, более чем на 90% обеспечивает население продукцией собственного производства, также экспортируя значительные объемы животноводческой продукции. То же самое наблюдается в Голландии, Швейцарии, многих других странах Запада. Даже Индия и Китай с еще более низкими показателями землеобеспеченности достигли огромного прогресса в интенсификации сельского хозяйства.

Анализ показывает, что процесс интенсификации в названных и других странах, не говоря уже о США, базируется: 1) на прочных, научных основах, соответствующих методических и аналитических разработках; 2) на оптимизации размеров и структурной сбалансированности капитала,

материальных ресурсов в расчете на единицу земельных угодий (эти оптимумы, например, по фондоемкости в расчете на гектар сельскохозяйственных угодий в 4-5 и более раз превосходят российские показатели, по удобрениям в 10-15 раз, достигая 500-600 и более кг минеральных удобрений на гектар посевной площади и т.д.; 3) на стимулирующей процесс интенсификации активной протекционистской аграрной политике и соответствующей системе целенаправленного государственного экономического регулирования и социальной защиты сельских товаропроизводителей и 4) на рыночном механизме, методах хозяйствования и управления в соответствии с принципом: «рынок регулирует – государство корректирует», сообразуясь с критериями экономической эффективности и социальной справедливости.

В формировании и укреплении материально-технической базы интенсификации сельского хозяйства заметные сдвиги произошли в СССР в так называемые «застойные» годы с одновременными активными научными разработками по ее осуществлению. Курс на интенсификацию подкреплялся постоянно растущим финансовым и материально-техническим обеспечением со стороны государства, экономическим стимулированием процесса, прежде всего, через ценовой механизм, кредитную и налоговую системы. Инвестиции в сельское хозяйство в 1981-1985 гг. по сравнению с 1966-1970 гг. возросли в 2,0, а в целом в АПК в 2,3 раза, их доля в общих инвестициях достигла 33,2%, причем значительная часть капиталовложений приходилась на государственный бюджет. В итоге основные производственные фонды фактически почти на ту же земельную площадь возросли в 3,2 раза, поставки тракторов почти в 2 раза, грузовых автомобилей в 3 раза, минеральных удобрений почти в 7 раз и т.д.

Другое дело, что об указанном оптимуме капитальных вложений на ту же земельную площадь, об их рациональной структуре в условиях затратного механизма, присущего господствовавшей административно-командной системе мало думали или не думали вообще. Поэтому указанные

действительно огромные добавочные вложения в форме финансовых средств и материально-технических ресурсов по определению не могли обеспечить адекватной отдачи уже потому, что хозяйствам наряду с нужной техникой в «плановом» порядке навязывалась ненужная, возникали диспропорции между силовыми и рабочими машинами, что низким оставалось общее качество техники и т.д. Если в 1965 г. на 1 рубль основных производственных фондов было получено 1,01 рубля валовой продукции, то в среднем за 1971-1975 гг. 0,5 рубля и в 1981-1985 гг. 0,36 рубля.

В 1966-1970 гг. прирост валовой продукции к результатам предыдущего пятилетнего периода составил 21%, в 1976-1980 гг., соответственно, только 9%, а за 1981-1985 гг. этого роста вообще не было. Резко возросла себестоимость сельскохозяйственной продукции, практически стабилизировался уровень урожайности сельскохозяйственных культур, негативные процессы происходили в состоянии и использовании земельных угодий. Иначе говоря, вопреки объявленному курсу на интенсификацию как «главный путь» развития сельского хозяйства, последнее находилось в состоянии очевидной неустойчивости с явными признаками стагнации, и поддерживалось в этом состоянии преимущественно за счет экстенсивных факторов, затратного экономического механизма.

В полном «соответствии» с этим механизмом в научных исследованиях процесса интенсификации также преобладала «затратная» концепция. В «плановых» разработках НИИ, диссертациях, множестве публиковавшихся статей господствовал упрощенный методологический подход к проблеме, начиная с самого понятия интенсификации, определения ее уровня размерами «капитала на одной и той же земельной площади».

Главное в сущности интенсификации – качественное преобразование факторов производства, рассматривалось как дополнение к этому количественному увеличению, тем более в реальной политике государства проблемы повышения качества, эффективности, хотя и декларировались, но на деле стояли на заднем плане или вообще не применялись во внимание, т.к.

цели достигались любой ценой, масштабным ресурсорасточительством. Причем в «раскрытии» сущности интенсификации, акценты делались не на изучении глубинных взаимосвязей и движущих сил этого сложного воспроизводственного процесса, его обусловленности общими объективными закономерностями экономического развития, а на выявлении якобы «принципиальных» различий интенсификации при капитализме и социализме. «Доказывалось», что в первом случае концентрация (или «увеличение размеров») капитала на той же земельной площади ведет «к обострению социально-экономических противоречий, разорению мелких и средних хозяйств», иначе говоря, к «росту капитализма» (Ленин В.И. ПСС. 5^{e} издание, т. 27, с. 156), а во втором – «открывает большие возможности для сознательного стимулирования производства в интересах всего общества» (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975 г., т. 2, с. 41), т.е. по той же логике ведет к «росту социализма».

Все это ныне выглядит наивно, но такова была наука и адекватная ей экономическая политика и хозяйственная практика. Регулирующая и стимулирующая роль рыночных отношений, стоимостных категорий в осуществлении интенсификации, повышении ее экономической эффективности этой наукой и, соответственно, экономической политикой, существовавшей практикой «планового ведения хозяйства» категорически отвергалась.

Негативное отношение к таким научным подходам и практическим задачам осуществления интенсификации с необходимыми методологическими обоснованиями и доказательствами было изложено мною в монографии «Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства» (М.: «Колос», 1966 г.). Подход к изучению интенсификации как «общего явления всех цивилизованных стран», подчиненного общим объективным закономерностям экономического развития, естественно, встретил шквал «разоблачительной»

критики. В книге не принижалась роль концентрации капитала на той же земельной площади как фактора и материальной базы интенсификации. Акценты делались на оптимизацию, рационализацию структуры, повышение качества вещественных элементов этого капитала, а, главное, на необходимости использования в качестве фактора интенсификации, повышения ее эффективности механизма рыночных отношений, замене им ресурсорасточительного затратного механизма, присущего административно-командной системе. Соответствующие обоснования характеризовались критиками, как «кабинетные домыслы», как непонимание сущности и преимуществ «социалистической» интенсификации.

Сейчас, страсти вокруг якобы дискуссионных, а тем более «ошибочных» (на самом деле последовательно научных, объективно обусловленных представлениях о сущности и движущих силах интенсификации сельского хозяйства) поутихли и, основанный на общих закономерностях, рыночный, широкий мирохозяйственный подход к ее исследованию стал реальностью. Многие прежние критики «отщепенцев-рыночников» в новых условиях, как ни в чем не бывало, признали эту реальность и сами (во всяком случае, на словах) стали рыночниками. В этих условиях как бы отпадает сама необходимость возвращаться к доказанным и проверенным мировой практикой концептуальным подходам к исследованию интенсификации сельского хозяйства, ее осуществлению в рамках общих объективных закономерностей воспроизводственного процесса с учетом соответствующей отраслевой специфики.

С этих позиций может также представляться «оправданным», во-первых, почти полное исчезновение темы интенсификации сельского хозяйства из научных исследований и публикаций в специальных изданиях и, во-вторых, то, что процесс на практике может осуществляется самотеком, без необходимого целенаправленного государственного регулирования в надежде, что все отрегулирует рынок, забывая о том, что рыночный

механизм, тем более в нынешнем его несовершенстве и перекосах сам нуждается в серьезных корректировках и упорядочении.

Дело в том, что многие пороки прежней административно-командной системе в своеобразных формах трансформировались в структуру нынешней вертикали власти с ее тем же «административным» ресурсом. «Плановые» ценовые диспропорции сменились запредельным диспаритетом цен. Государственная монополия трансформировалась в монополизм партнеров сельского хозяйства по АПК и чиновничий произвол. Стиль и методы работы нынешних глав районов и субъектов федерации мало чем отличается от «руководящей» роли прежних парткомов во главе с первыми секретарями. Волевые решения или благовидные декларации прочно закрепились в структурах государственного управления на всех ее иерархических уровнях.

Власти, например, провозгласили курс на инновационное развитие, на модернизацию экономики и ее отраслей не осуществив необходимых для этого изменений в экономической политике, системе государственного регулирования, в стиле и методах хозяйственного управления, в выборе приоритетов использования имеющихся ресурсов и т.д. Причем в рамках общих деклараций этого курса применительно к сельскому хозяйству проблемы его интенсификации как бы теряют свою актуальность. На самом деле и инновации (нововведения), и модернизация (обновление, усовершенствование) являются лишь факторами интенсификации, как более широкого экономического понятия, как особого направления развития, комплексного качественного преобразования всей системы ведения сельского хозяйства, его социальной и инженерной инфраструктуры.

В свою очередь это требует осуществления особого комплекса целенаправленных мер аграрной политики по повышению уровня и эффективности интенсификации сельскохозяйственного производства. К сожалению, продуманная стратегия этого осуществления по названным выше причинам в стране практически отсутствует, равно как и нет необходимого ее ресурсного обеспечения, прежде всего, для поддержания и повышения

экономического плодородия почвы, урожайности полей, как непосредственного результата интенсификации. Если в прежней «плановой» советской системе огромное количество минеральных удобрений терялось, оказывалось брошенными на окраинах полей, портилось под открытым небом, но фиксировалось в отчетах как «выполнение плана» внесения их в почву, то теперь часто поля вообще не удобряются и почвенное плодородие продолжает стремительно падать. За годы нынешних «реформ» в этом сегменте интенсификации сельского хозяйства вынос питательных веществ из почвы в 3 раза превысил их возврат. И это в условиях, когда за те же годы производство минеральных удобрений в стране даже возросло (с 16 до 18,8 млн тонн) и при сокращении посевной площади на 35% в расчете на гектар их дозы должны были возрасти почти в 1,6 раза.

В действительности эти дозы сократились в 2,2 раза (с 88 до 38 кг), т.к. более 80% минеральных удобрений экспортируется и используется для повышения экономического плодородия земель зарубежных фермеров. Одновременно сократилось внесение органических удобрений (в расчете на 1 га посева в 3,2 раза). Сейчас на 55% посевных площадей минеральные удобрения вообще не вносятся, а органические – на 93% этих площадей. За те же годы в 9 раз сократилось применение химических средств защиты растений. На 75% посевных площадей нарушены севообороты.

В результате всего этого урожайность основных культур, как и выход продукции растениеводства в расчете на гектар земельных угодий в сопоставимых ценах фактически остался на том же уровне и поддерживается за счет истощения естественного почвенного плодородия. Если за 1990-2010 гг. урожайность зерновых в стране почти не сдвинулась с отметки около 20 ц/га, во Франции, Германии, США, Англии она возросла на 15-20 ц/га и превысила 70 ц/га.

За те же годы на 17% сократился общий выход продукции с 1 га сельскохозяйственных угодий, в т.ч. продукции животноводства более чем на 1/3. Все это свидетельствует о явной тенденции к снижению уровня

интенсификации, что подтверждается динамикой технического оснащения сельского хозяйства, состоянием машинно-тракторного парка, системы энергообеспечения и т.д. Прежде всего, произошло значительное сокращение основных видов техники. За тот же период количество тракторов уменьшилось в 4,2 раза, зерноуборочных комбайнов почти в 5 раз, кормоуборочных комбайнов в 9 раз и т.д. Это привело к существенному увеличению нагрузки на каждую машину, следовательно, снижению технологических возможностей производства. Нагрузка пашни на 1 трактор возросла с 95 до 230 га, посевов на 1 зерноуборочный комбайн, соответственно, со 152 до 327 га при расчетной нормативной нагрузке на 1 трактор 73 га, на зерноуборочный комбайн 244 га. Для сравнения: нагрузка на 1 трактор в США составляет 37 га, на 1 зерноуборочный комбайн – 50 га, соответственно, в Англии 13 и 77 га, во Франции 16 и 50 га, в Германии – 12 и 53 га. В России в 9 раз возросла нагрузка посевов кукурузы в расчете на 1 кукурузоуборочный комбайн, на картофелеуборочный комбайн в 1,5 раза, на свеклоуборочную машину в 3,5 раза. Энергетические мощности на 100 га посевной площади сократились с 364 л.с. до 227 л.с. Низким остается качество техники отечественного производства, степень ее износа возросла за тот же период в 2 раза, а коэффициент обновления снизился в 2,1 раза. Все это свидетельствует о деградации технико-технологического уровня производства, тогда как интенсификация предполагает его повышение, качественное преобразование.

Те же негативные тенденции к снижению показателей интенсификации наблюдаются в животноводстве, о чем, прежде всего, свидетельствует сокращение поголовья скота на единицу земельной площади. За 1990-2011 гг. площади сельскохозяйственных угодий в стране сократились на 9% (с 214 до 196 тыс га), а поголовье крупного рогатого скота почти в 3 раза (с 57 до 20,1 млн голов), соответственно, свиней в 2,1 раза, овец и коз в 2,7 раза, птицы – на 20%. Положительной была в этот период динамика продуктивности скота

и птицы, но в целом, в расчете на гектар сельскохозяйственных угодий, производство продукции животноводства упало почти в 1,4 раза.

Общую оценку состояния процесса интенсификации сельского хозяйства дает динамика соотношения затрат и результатов на единицу земельной площади. Именно опосредование движения соответствующих показателей рыночным механизмом при всем его несовершенстве позволяет выявить некоторые тенденции, которые стали проявляться в последний десятилетний период. За 2000-2011 гг. практически на ту же площадь сельскохозяйственных угодий некоторый рост валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых оценках происходил при снижении или стабилизации фондооснащенности отрасли. Поэтому не наблюдалось такого падения фондоотдачи, как это происходило в условиях дореформенного затратного экономического механизма.

При оценке валовой продукции в текущих ценах и основных фондов по полной учетной стоимости за тот же период наблюдалось существенное повышение фондоотдачи. Если в 2000 г. на 1 рубль основных фондов производилось 61 коп. валовой продукции отрасли, то в 2011 г. – 95 коп. Однако этими показателями, обусловленными несопоставимостью ценовых соотношений не стоит обольщаться. Происходит «закономерное» при сложившихся методах хозяйствования и управления, перекосах в рыночном механизме неизбежное снижение выхода продукции на единицу совокупных затрат в фактических рыночных ценах и, соответственно, рост себестоимости основных видов продукции. Все это, соответственно, сказывается на уровне и динамике рентабельности В 2000 г. без учета субсидий она составляла 2,4%, в 2005 г. – 2,1%, а в среднем за 2009-2011 гг. сельское хозяйство имело убыточность в 1,5% тогда как в 1990 г. полученная прибыль в сельском хозяйстве обеспечивала 37% рентабельности. Это является прямым следствием дезорганизующего весь процесс интенсификации сельского хозяйства диспаритета цен на продукцию отрасли и используемые в ней промышленные средства производства, что, в свою очередь, следует

рассматривать и как прямое следствие отсутствия действенного государственного экономического регулирования развития сельского хозяйства.

Об этом свидетельствуют и данные как о скудных источниках собственных накоплений СХО для добавочных вложений в повышение уровня интенсификации, так и о доле села в общих инвестициях в народное хозяйство. Если в 1990 г. эта доля составляла 16%, то в 2011 г. она снизилась до 3%.

В дореформенный период значительная часть инвестиций в сельское хозяйство обеспечивалась за счет государственного бюджета. Сейчас она не превышает 1%. Существенными (на сумму 150 млрд рублей за 2000-2011 гг.) являются абсолютные суммы их прироста, но они крайне малы для осуществления интенсификации с точки зрения объявленной властями модернизационной стратегии и инновационного развития сельского хозяйства (около 1 тыс рублей на 1 га сельскохозяйственных угодий и 2,5 тыс рублей на 1 га пашни). Это на порядок ниже, чем соответствующие вложения на текущее поддержание уже достигнутого высокого, оптимизированного по параметрам, уровня интенсификации сельскохозяйственного производства в целом ряде западных стран – членов ВТО и такая поддержка, видимо, «разрешена» правилами этой организации.

Связанное с фактической убыточностью сельского хозяйства (а при сопоставимой оценке оплаты труда в отрасли эта убыточность составляет около 15%) практическое почти полное отсутствие необходимой финансовой базы осуществления последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства объясняется главным образом тем, что должным образом не задействованы макроэкономические факторы и система ее государственного экономического регулирования и бюджетной поддержки.

Все развитые страны Запада наглядно демонстрируют, что прогресс в движении по пути интенсификации сельского хозяйства достигнут в рамках

общей стратегии его приоритетной протекционистской поддержки. Этой стратегии практически нет альтернативы и по отмеченному выше утверждению Президента РФ В.В.Путина Россия также должна использовать «опыт всех этих стран». К сожалению, на практике все сводится к полумерам или общим намерениям. А это значит, что у властей нет должного понимания и соответствующих активных действий в отношении того, что интенсификация сельского хозяйства и на основе ее успешное системное преобразование производства и социальной сферы села – узловая народнохозяйственная задача и особый приоритет экономической политики государства. Страна не имеет перспектив устойчивого развития, если она и далее будет жить в основном за счет невозобновляемых сырьевых ресурсов, расточения по всему миру нефтегазовых запасов, которые рано или поздно закончатся.

Сельское хозяйство незаменимый источник обеспечения населения страны продуктами питания, этого, по известному определению, «самого первого условия жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще». Не только абсолютная их нехватка (а угроза ее при нынешнем состоянии и перспективах мировой продовольственной проблемы вполне реальна), но и серьезные перебои в продовольственном снабжении населения могут мгновенно, без всяких призывов, вызвать на «болотные» и им подобные площади городов такие массы возмущенных людей, которое не приснится никакой оппозиции. Если государство и общество всерьез, наконец, не повернется лицом к сельскому хозяйству, создав необходимые условия для его последовательной интенсификации по опыту «всех развитых стран», то дамоклов меч такой перспективы будет и далее «устойчиво» висеть над Россией.

Помимо выше названных стран поучительные уроки такого опыта дают и многие другие, в частности, Швейцария. Не имеющая особых запасов ни нефти, ни газа, ни других сырьевых ресурсов и имея крайне низкую (по сравнению с Россией – в 5 раз) земелеобеспеченность в расчете на 1 жителя

эта страна достигла своего благополучия на основе системной интенсификации сельского хозяйства, создания необходимых для этого условий труда и жизни крестьянства. Ныне 4% занятых в сельскохозяйственном производстве, располагающих современной материально-технической базой и необходимым социальным обустройством обеспечивают надежную продовольственную безопасность государства.

Все это следствие того, что базовое значение сельского хозяйства в экономике и жизни общества, и вытекающая из этого необходимость ее приоритетного развития зафиксировано в специальной статье Конституции страны и неукоснительно реализуется в аграрной и государственной экономической политике в целом. По сути, в стране, как и многих других странах, воплощена в жизнь, отмеченная выше пророческая мысль Ф.М.Достоевского об особой общественно-политической значимости для благополучия нации «прочного земледелия». К сожалению, эта мысль, рожденная в России, никак не приживается на российской земле и в сознании властей при наличии всех возможностей для решительного перевода сельского хозяйства на интенсивный путь развития.

Могут сказать, что необходимые для такого перевода ресурсы лучше направить на вовлечение в оборот заброшенных в годы реформ 40 млн га пахотных земель, на что ориентирует и Доктрина продовольственной безопасности страны. Но, во-первых, этот, по сути экстенсивный путь развития потребует более значительных затрат, т.к. на большей части этих земель уже нет никаких признаков жизни и их, часто заросших кустарником и мелколесьем нужно вновь осваивать, как когда-то целинные и залежные земли, воссоздавать необходимую производственную и социальную инфраструктуру. Во-вторых, на оставшихся в обработке 80 млн га пахотных и 196 млн га всех сельскохозяйственных угодий с меньшими затратами можно в 1,5-2,0 раза увеличить производство продукции отрасли. В перспективе, по мере оптимизации размеров и структуры материально-технической базы интенсификации, комплексного качественного

преобразования всех факторов производства такой же или даже больший объем продукции можно будет получить и с меньшей общей площади сельскохозяйственных земель. Не случайно при насыщении агропродовольственного рынка в мировой практике применяются меры и стимулы по сокращению посевных площадей.

Экономически обоснованные оптимумы затрат капитала, необходимых финансовых средств, конкретных видов производственных ресурсов в расчете на гектар земли или голову скота в зависимости от специализации, отраслевой структуры, других условий будут существенно меняться. Здесь необходимы специальные методические разработки и аналитические расчеты. Однако общими ориентирами определения необходимых нормативов могут быть показатели из зарубежной практики, близкого к ней опыта отдельных успешных в осуществлении интенсификации сельского хозяйства отечественных производителей. Причем в одних случаях средства целесообразно направлять преимущественно в эффективное производство соответствующей группы хозяйств, а в других, особенно в сельской глубинке, в создание необходимых социальных предпосылок ее осуществления, строительство дорог, жилья, инженерной инфраструктуры и т.д.

Примерные, основанные на экстраполяции указанных нормативов расчеты показывают, что для удвоения продукции сельского хозяйства на используемых в настоящее время сельскохозяйственных угодьях общий размер производственно-технического потенциала в целом надо увеличить примерно в 3,0-3,5 раза (по отдельным элементам, видам техники, удобрений и т.д. – в 4-5 и более раз). Текущие материальные затраты при этом возрастут в два с лишним раза при сокращении затрат живого труда на 35-40%. Общий среднегодовой объем финансовых средств для соответствующих преобразований материальной базы интенсификации исчисляется суммой в 500-550 млрд рублей.

Собственных финансовых средств для таких вложений (при нынешнем ценовом диспаритете и фактическом уровне аграрных цен) сельское хозяйство, за исключением небольшой группы СХО, как правило, получающих рентные доходы, не имеет. При сложившемся практически вдвое заниженном уровне оплаты труда работников сельского хозяйства, последние не имеют необходимых высоких стимулов активной производственной деятельности и многие из них, особенно молодежь уходят в другие сферы экономики, равно как и 85% окончившие ВУЗы специалисты аграрного профиля. А это значит, что для активизации определяющего, «человеческого» фактора интенсификации необходимо повышение уровня оплаты сельскохозяйственного труда и вместе с тем его квалификации, организации специальной подготовки, следовательно, увеличение «добавочных» вложений.

Значительные финансовые и материальные ресурсы необходимы для одновременного приведения в соответствии с задачами оптимизации уровня интенсификации сельской социальной и инженерной инфраструктуры, дорожно-транспортной системы и т.д. Основными источниками необходимых для всего этого средств, если не полностью, то в основном являются поступления в федеральный бюджет и в какой-то мере региональных бюджетов, т.к. надежды на частные инвестиции при нынешнем общем убогом состоянии сельского хозяйства крайне малы.

При соблюдении правильных, социально справедливых пропорций распределения национального дохода и сбалансированной ценовой системе, обеспечивающей объективно необходимый уровень рентабельности сельского хозяйства (по имеющимся, неоднократно публиковавшимся, расчетам на уровне примерно 25%) с включением в издержки сопоставимой со средней по экономике оплаты труда) отрасль могла бы иметь достаточные для таких вложений собственные источники. Но в стране продолжает действовать в корне подрывающая экономические основы интенсификации производства и всего процесса сельского развития пресловутая «перекачка»

созданного крестьянским трудом национального дохода, в т.ч. изъятия из отрасли всей прибавочной стоимости и примерно половины общественно-необходимого уровня оплаты труда.

По имеющимся расчетам структуры стоимости товарной продукции сельского хозяйства за 2009-2011 гг. в розничных ценах среднегодовой объем этой перекачки в пользу субъектов монопольного окружения отрасли, включая государство, составляет 1,3 трлн рублей (40 млрд долларов), тогда как возвращается в село 1/10 часть (4,3 млрд долларов). Но и из этой мизерной суммы около 60% (80 млрд рублей) через фискальное налогообложение государство забирает назад.

Чиновники из экономического блока правительства, считающие сельское хозяйство «черной дырой» и смирившиеся с унизительным для России масштабным импортом продовольствия (в 2011 г. на сумму 42,5 млрд долларов), соответственно, поддержкой за счет этой суммы зарубежных фермеров, аргументируют такую антикрестьянскую политику нехваткой бюджетных средств. На телевизионной пресс-конференции 20 декабря 2012 г. В.В.Путин прямо не высказал своего отношения к такой аргументации, но заявив, что сейчас принятый бюджет не позволяет ежегодно выделить для села даже «разрешенные» соглашением с ВТО 9 млрд долларов (примерно 280 млрд рублей).

Однако препятствие получать сельскому хозяйству свою, заработанную тяжелым крестьянским трудом долю национального дохода, не в фактической структуре бюджета, а в его идеологах и составителях, не считающихся ни с собственными декларациями о приоритете сельского развития, ни с необходимостью обеспечения более рациональной расстановки приоритетов социально-экономического развития страны вообще. Сложилась поистине «любительские» отношения к выбору этих приоритетов. Отсюда, например, следует, что «вложения капитала» на международные спортивные игры и чемпионаты (составляющие по некоторым оценкам около 10% доходной части федерального бюджета

страны на 2012 г.) приоритетнее затрат на сельское хозяйство (т.е. на 27% наиболее обездоленных жителей села) в размере 1% от этого бюджета? Где здесь экономическая целесообразность и социальная справедливость, и вообще элементарный здравый смысл? А еще есть десятки тысяч детей-сирот, жилье многих миллионов людей, напоминающее времянки и трущобы, бездорожье, медицина, наука и т.д. Очевидными субъективными соображениями и пристрастиями продиктованы и некоторые другие приоритеты, в частности, астрономические суммы на военные цели, космос и т.д., где многие миллиарды народных средств действительно исчезают как в черной дыре. Так что дело не в «узких» рамках бюджета, а в явных изъянах, перекосах, очевидных признаках субъективизма проводимой аграрной и общей экономической политики государства.

Ограниченность любых ресурсов на земле – объективная мировая реальность. Отсюда стратегическая задача их эффективного, социально справедливого распределения и использования. Но приоритетное развитие сельского хозяйства это тоже глобальная мировая реальность, предполагающая объективную общественную необходимость обеспечения активной государственной поддержки отрасли, в первую очередь, через поддержку аграрных цен. Размеры этой поддержки в рамках других ограничений во многих зарубежных странах, где не хуже понимают значение обороны, спорта и т.д., но знают во всем этом меру, достигают двух и более тысяч долларов в расчете на гектар земельных угодий против 25 долларов в России.

В этом отношении помимо названных выше крупных и малых стран поучительным примером выбора приоритетов для нас является Китай. При площади пахотных земель в 121 млн га, т.е. в 1,5 раза больше, чем в России, поддержка сельского хозяйства в последние годы в расчете на гектар этих земель в десятки раз превышает российские показатели. В марте 2006 г. в рамках политики приоритетного развития сельского хозяйства на цели его социально-экономического преобразования государство выделило

дополнительно 42 млрд долларов, против 600 млн долларов российскому крестьянству на нацпроект «Развитие АПК». Китайская стратегия рыночного реформирования всему миру продемонстрировала поучительный пример обеспечения государственной протекционистской поддержки и на ее основе повышения уровня интенсификации сельского хозяйства, а вместе с тем обеспечения высоких темпов общего социально-экономического развития страны. Бездействие или видимость действия наших властей в этой области не поддается никакому разумному объяснению.

6.5. Главное – придать аграрной политике активную социальную направленность

В ослаблении тисков монопольного окружения села и крестьянства России и последовательном осуществлении модернизационной стратегии развития сельского хозяйства в числе прочих факторов и общественных условий решающее значение имеет придание аграрной политике активную социальную направленность, т.е. приведение ее в соответствие с базовыми принципами социального рыночного хозяйства. Основные направления и условия такого приведения, исходя из проведенного в настоящей работе анализа заключаются в следующем:

1. Необходим решительный и неотложный переход от полумер и деклараций в реализации принципа приоритетности сельского развития к полномасштабным общегосударственным практическим решениям по его ресурсному и правовому обеспечению с акцентом на особый и *первоочередной приоритет радикального преобразования социальной и инженерной инфраструктуры, дорожно-транспортной сети, системы связи и информационного обслуживания села*.

В настоящее время не одно лишь бедствующее сельское хозяйство, но и весь народнохозяйственный комплекс страны, несет огромные потери имеющихся ограниченных ресурсов, особенно невозобновляемых

природных, а также бюджетных средств из-за поистине «любительского» отношения властей к принципу приоритетности использования этих ресурсов, что также является существенным признаком концептуальной ущербности и низкой эффективности проводимой аграрной и в целом экономической политики государства. Не только в отношении села, но и сплошь и рядом наблюдается удручающая картина, с одной стороны, нищенского нормирования и щедрого расточительства – с другой, в результате чего в стране возрастает социальная напряженность, а у основной массы населения снижается мотивация к высокопроизводительному труду.

В 2010 г. сельское хозяйство понесло от стихии природы несопоставимый ни с какой другой отраслью или сферой экономики урон, исчисляемый суммой не менее 100 млрд рублей. В то время как другие министерства из расходной части бюджета не удосужились выбрать «запланированные», оказавшиеся ненужными им, 140 млрд рублей целевых назначений, на покрытие указанного масштабного ущерба от стихии выделена смехотворная сумма – около 10 млрд рублей (это 0,01% от бюджета или просто мизерная часть фактически законсервированных, почти не работающих на социально-экономическое развитие общества золотовалютных резервов страны). В других, далеко не приоритетных или вообще вызывающих сомнения в целесообразности направлениях финансовые потоки исчисляются сотнями миллиардов, иногда вообще впустую потраченных рублей. Приоритетным, например, оказалось строительство стадиона в Санкт-Петербурге на сумму около 50 млрд рублей, тогда как сотни тысяч селян региона не имеют нормальных социальных условий жизнедеятельности.

И все это происходит в условиях, когда страна страдает тяжелым недугом «голландской болезни» как следствием однобокости экономической политики, ее несогласованности со стратегией устойчивого развития, принципами социального рыночного хозяйства и когда вследствие такой политики, «сочетания» в ней курса на ущемление одних и без меры

вознаграждения других, обществу приходится, не думая о будущих поколениях, расплачиваться расточением по всему миру все более сокращающихся невозобновляемых природных ресурсов. Выручка от экспорта нефти и газа, даже вывозимого за рубеж в ущерб развитию отечественного животноводства зерна, достается кому угодно, но только не селу, не крестьянству.

Конечно, приоритетом можно провозглашать проведение в стране олимпиад, чемпионатов, развитие спорта в целом для повышения престижа или «имиджа» страны в этой области на мировом спортивном пространстве. Но этот приоритет абсолютно несравним с приоритетом сельского хозяйства уже потому, что в требовании: «хлеба и зрелищ» на первом месте стоит хлеб, продовольствие, ибо без него, даже просто голодающему человеку не до спортивных упражнений и зрелищ. Но, во-первых, занятие спортом, физической культурой зависит, прежде всего, от самого человека и многие люди преуспевают в этом, не заглядывая в полупустые дворцы спорта, на обустроенные стадионы и т.д. Во-вторых, в самом спорте, физической культуре важна массовость, вплоть до организованного использования для этого какого-то времени на рабочих местах, как это, например, с пользой для здоровья практиковалось в советские годы. А эта массовость, судя по доле населения, нанимающегося спортом, в стране почти отсутствует.

Что же касается спорта как зрелища, при всей его привлекательности для болельщиков и склонных к беспорядкам фанатов, то запросы этой части населения страны надо соизмерять с возможностями, общим состоянием экономики и общества, не подрывая приоритетов первостепенной важности и тем более не поддаваясь эйфории по поводу, например, выбора нашей страны для проведения (с затратами многих десятков миллиардов долларов) Олимпиады-2014, Чемпионата мира по футболу в 2018г. и т.д., объявленных уже «победой» России. О победе (причем в узком спортивном смысле) можно говорить по самим результатам, а у нас с ними пока далеко не все благополучно, равно как не совсем благополучна морально-нравственная

обстановка в спортивной среде с проявлениями стяжательства, коррупции и т.д. Поэтому преждевременная эйфория о победе может закончится обидным разочарованием.

Престижно, конечно, что стране временами отдают предпочтение для проведения международных спортивных и иных мероприятий, но, ведь, это далеко не потому, что мы самые достойные, что у нас воцарилась социальная гармония в обществе, все в порядке с правами человека, объективностью правосудия, с борьбой по искоренению коррупции и т.д. Выбор во многом и даже прежде всего определяется более «приземленными» соображениями: гарантиями безопасности (особенно в условиях жесткой «вертикали власти»), опытом и возможностями организации, природными условиями и т.д. и не в последнюю очередь щедротами финансирования за счет тех же нефтедолларов (независимо от того, возьмут ли их из бюджета или заставят «раскошелиться», обогатившихся на «ваучерной» приватизации олигархов), т.е. самим выбором не надо обольщаться. Ведь на проведение Всемирной олимпиады в 1936 г. предпочтение отдавалось Германии в период триумфа там национал-социализма, вскоре потерпевшего фиаско, а в 1980 г. Советскому Союзу в период застоя, или как декларировалось - «развитого социализма», через те же десять лет развалившемуся. Отсюда восторги и преждевременные эмоции по поводу «победы» по самому факту спортивных и иных предпочтений не должны сопровождаться расточительством ограниченных ресурсов на такие, далеко не приоритетные в нынешней сложной социально-экономической ситуации в стране предпочтения и не уводить общество от решения основополагающих глобальных проблем системной модернизации России. Острейшей и наприоритетнейшей из этих проблем является возрождение сельского хозяйства, как первичной базовой отрасли экономики с особым акцентом на радикальные преобразования несовместимых с принципами социального государства сложившихся условий жизни и труда подавляющего большинства российского

крестьянства. Такой акцент в проводимой экономической политике практически отсутствует.

2. Принятие действенных и последовательных мер по ресурсному обеспечению приоритета сельского развития, в форме соответствующего финансового наполнения аграрного бюджета и особенно его социального сегмента, используя для этого направленные на структурную сбалансированность экономики перераспределительные механизмы и имеющиеся реальные источники, среди которых:

а) сокращение масштабов (или компенсация суммы) «перекачки» по меньшей мере на 50%, т.е. до 500-600 млрд руб. и увеличение бюджетных назначений (с преобладанием средств федерального уровня) до 400-500 млрд руб. в год, что на деле будет означать осуществление принципа социальной справедливости в отношении российского крестьянства и действительное обеспечение приоритета сельского развития;

б) введение налога на роскошь и прогрессивной шкалы подоходного налога, возражения против которой характеризуются очевидной несостоятельностью аргументов, порождают запредельную социальную дифференциацию в обществе, ресурсорасточительство со стороны незаслуженно обогащающихся на этой несовместимой с принципами социального рыночного хозяйства налоговой системы страны. Ходячим аргументом идеологов и высокопоставленных блюстителей плоской (13%) шкалы налогообложения является утверждение, что при ее введении повысилась собираемость налогов. Но этот аргумент служит подтверждением нежелания (или неспособности) властей строить и жестко проводить налоговую политику в соответствии с принципом социальной справедливости, гарантирующую повышение собираемости налогов, что доказывается практикой многих государств, в которых этот принцип не только провозглашается, но и успешно реализуется;

в) часть природной ренты, необоснованно присваемой государством и предпринимателями добывающих отраслей (напомню, что из сельского

хозяйства изымается почти вся прибавочная стоимость, в т.ч. вся рента, и половина общественно-необходимого уровня оплаты труда);

г) часть доходов от продажи земель сельскохозяйственного назначения, попадающих в карман кому угодно, только не сельскому хозяйству;

д) часть выручки от продовольственного экспорта, а также другие возможные источники из многомиллиардных денежных «потоков», нецелевых «вливаний», вращающихся во второстепенных, далеко не приоритетных сферах и структурах экономики и общества, абсолютно не затрагивающих насущных и неотложных, объективно обусловленных нужд крестьянства, не говоря о серых, криминальных схемах движения денежного капитала. Только в коррупционных потоках «задействовано» по имеющимся данным порядка 250-300 млрд долларов (см. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние». М. 2010. С. 152).

Здесь все зависит от политической воли и желания деятелей высшей государственной власти, которые в условиях нынешней вертикали этой власти и до предела «усеченного» перекачкой, коррупцией, монополистскими ухищрениями аграрного бюджета способны сделать многое в направлении названных потоков и источников для социального переустройства села. Одного этого желания оказалось достаточно, чтобы фактически «в одночасье», точно в «обещанные» сроки, при прямом видеоконтроле из Белого дома на месте сгоревших летом 2010 г. полуубогих деревень возвести современные полностью благоустроенные поселения, в новых домах которых сельские жители, особенно пенсионеры, посвятившие свою жизнь земле, привыкшие к «удобствам во дворе», осваивают газо-водонагревающие агрегаты, другие хитрости цивилизованного бытового обслуживания. Почему же соседние и многие другие деревни и сельские поселения должны оставаться в полубогом состоянии, на положении полупогорельцев, тем более В.В.Путин при посещении (полностью и в установленные сроки) возрожденной на пепелище нижненовгородской

деревни 1 ноября 2010 г. заявил, что «деньги у нас есть» (и это подтверждается обильными текущими и намеченными предстоящими, заведомо излишними вливаниями в Олимпиаду-2014, Чемпионат мира по футболу 2018, в оборонные, в космические и прочие «престижные» проекты, исчисляемые многими сотнями миллиардов рублей).

3. Решительное упорядочение методов и механизмов использования ценовой, кредитной и налоговой составляющих аграрной политики и соответствующих подсистем государственного регулирования сельского хозяйства, которое позволит существенно повысить эффективность уже задействованных в аграрном секторе финансовых ресурсов. В странах с развитым сельским хозяйством, становлению которого во многом способствовало указанное упорядочение ценовая составляющая достигает 80% общих сумм господдержки сельского хозяйства, что даже при мизерных процентных ставках позволяет фермерам до необходимого минимума сократить использование заемных средств даже на сезонные нужды и избавиться от долговой зависимости по кредитам.

У нас наоборот, примерно те же 80% господдержки приходится на ресурсорасточительные для государства, выгодные банкирам и малоэффективным для СХО, ведущие их в долговую яму, заемные средства. Приоритет прямой поддержки аграрных цен явится действенным рычагом действительного оздоровления финансового положения хозяйств, условием повышения оплаты и, следовательно, мотивации труда, гарантией принципиального изменения ситуации в самой системе кредитования, в т.ч. сокращения потребности в кредитах, тем более под ростовщические процентные ставки. Такое упорядочение предполагает списание кредиторской задолженности СХО, как возникшей не по их злому умыслу, а вследствие непрофессионализма государственного управления в области использования ценового и других экономических рычагов рыночного регулирования, бюджетной политики, налогообложения и т.д., а также

освобождение от подоходного налога хозяйств, рентабельность производства в которых ниже 15%.

4. Одновременно с радикальными изменениями в использовании названных рычагов экономического механизма регулирования сельского хозяйства перестроить весь этот механизм, включая его внутрихозяйственную составляющую, прежде всего, в крупных СХО, особенно в гигантских агрохолдингах в соответствии с принципами социального рыночного хозяйства. Эта перестройка должна исходить из того, что в целом применяемые рычаги и инструменты экономического механизма аграрного сектора и всего АПК сейчас во многом или вообще не согласованы, должным образом не взаимодействуют и в целом не образуют единой, слаженно функционирующей системы. В итоге ослабляются или подрываются функции и сами основы эффективного государственного регулирования и управления, а те скудные ресурсы аграрного бюджета на ¾ вообще не доходящие непосредственно до сельхозпроизводителей не дают должной отдачи.

5. В тесной увязке с формированием адекватного принципам социального рыночного хозяйства экономического механизма осуществить упорядочение сложившегося аграрного законодательства, отличающегося той же несогласованностью, противоречивостью или очевидной запутанностью многих принципиально важных правовых норм. Это относится не только к законам о сельскохозяйственной кооперации, об обороте земель сельскохозяйственного назначения, но и многим другим правовым и нормативным актам, в том числе к базовому Закону о сельском хозяйстве с его декларативным, тезисным, во многом описательным кратким содержанием.

Для серьезного государственного решения проблемы радикального упорядочения аграрного законодательства, приведения его в единую, согласованную и в целом внятную систему необходимо, опираясь на опыт стран с высокоразвитым аграрным сектором разработать единый

полноценный Федеральный Закон «О сельском хозяйстве Российской Федерации» прямого действия. Такой закон должен определять и детализировать, как основные направления аграрной политики с принятием соответствующих государственных целевых программ и проектов, так и формы, методы, размеры и механизмы активной протекционистской поддержки сельского хозяйства, лоббирования интересов села, меры ответственности и другие условия, обеспечивающие динамичное развитие непосредственно аграрного производства и действительно радикальные изменения в условиях труда и жизни сельских производителей. Поправки, уточнения, дополнения, прочие «улучшения» разобщенного, бессистемного и потому порождающего судебные тяжбы (как правило, не в пользу селян), недоразумения и конфликты, аграрного законодательства будут все более уводить в сторону от насущных задач серьезных изменений в нынешнем униженном социально-экономическом положении российского крестьянства.

6. При формировании действенного экономического механизма социально ориентированной рыночной системы аграрных отношений с соответствующим его четким, однозначным и детализированным правовым закреплением особого внимания заслуживает неотложное устранение изъянов и перекосов в системе земельных отношений, т.к. в ходе реформ именно здесь, в центральном пункте «аграрного вопроса» наиболее болезненно оказался задетым социальный статус крестьянства. Его основная масса так и не стала собственником земли, как это было определено стратегией рыночных преобразований в деревне. Более того, миллионы селян, особенно оказавшихся во многом бесправными в области земельных отношений, должным образом социально не защищенных и ставшими наемными работниками у владельцев агрохолдингов, крупных агрофирм, да и у многих владельцев других крупных СХО. Часто, путем туманных обещаний и прямого обмана они лишаются даже бумажных земельных долей. А те из небольшой прослойки земельных собственников – владельцев К(Ф)Х, как и члены приусадебных *семейных* хозяйств – производителей

более половины сельскохозяйственной продукции не стали равноправными партнерами рынка, терпят притеснения, выступают в роли просителей, бедных родственников. Не более уютно и свободно чувствуют себя владельцы дачных и садовых земельных участков, так и не дождавшихся заметных послаблений от обещанной так называемой «дачной амнистии».

7. Поднять престиж и уровень общегосударственного лоббирования интересов крестьянства и насущных нужд крестьянства на политическом поле страны, с закреплением этого престижа и этих интересов в аграрном законодательстве страны. В видеоблоге, показанном по телевидению 24 ноября 2010 г. Президент РФ Д.Медведев говорил, что для становления настоящей демократической политической системы должно стать нормой, чтобы в обществе был слышен голос самых малых социальных групп, а в идеале – каждого человека.

Пока голоса 40-миллионого крестьянского населения в этой системе и обществе в целом практически почти не слышно, особенно по глобальным вопросам радикального изменения нынешнего его социально-экономического положения. Хотя слабым, но услышанным в стране голосом был голос крестьянских депутатов в царской Государственной думе. Пусть формально, но в советском Верховном совете депутатами были рядовые крестьяне, механизаторы, доярки и т.д. В нынешней думе заявляют о себе артисты, спортсмены, военнослужащие и т.д., но совсем не слышно голоса целого класса, представителей важнейшей базовой отрасли экономики.

В начале аграрных преобразований возникла и быстро ушла в небытие Крестьянская партия. На задворках политического пространства недолго просуществовала слабая Аграрная партия, которая, судя по числу народных избранников, не внушала доверия у самих сельских жителей и, в конце-концов, в своем остатке растворилась в рядах правящей партии. А судя по голосованию за аграрный бюджет глобальные вопросы возрождения села, на которые пытаются обратить внимание в Госдуме представители мало что решающих оппозиционных партий, эту партию не особенно интересуют.

Собиралось поднять во весь рост эти вопросы инициированное властями Аграрное движение России, но видимо из-за этого «дерзкого» замысла сейчас ничего не известно ни о реальных делах, ни о самом существовании этого движения.

Крестьянская тема, ее особая общественно-политическая значимость, социально-экономическое положение в деревне остается на заднем плане в общественных науках, средствах массовой информации. В то время как спортивные болельщики и фанаты пользуются специальным телеканалом для селян раз в неделю по 20-30 минут с назойливой рекламой дается краткая информация на $3^{м}$ и $2^{м}$ каналах, причем на последнем почти не затрагиваются острые и злободневные проблемы сельского развития. Редкими гостями представители села появляются в радиопередачах. Очевидно, что при такой изоляции крестьянства из политической жизни и информационного поля страны рассуждения о социальных обязательствах государства перед селом, о приоритете последнего в экономической политике, мерах господдержки и т.д., остаются больше разговорами о намерениях, общими декларациями, не способствующими ослаблению тисков монопольного окружения сельского хозяйства и выводу отрасли из затянувшегося кризиса. Без реализации принципа приоритетности сельского развития и на этой основе реального повышения трудовой активности и профессионализма тружеников села, и во взаимосвязи с этим, действительной модернизации сельского хозяйства вряд ли всерьез можно говорить об успешности общей системной модернизации экономики страны в целом.

Полагаться на то, что ситуацию автоматически изменит недавно принятая в 2010 г. Доктрина продовольственной безопасности, в которой, к сожалению, такой активизации совершенно не просматривается, а преобладают замыслы, те же декларации, «официальные взгляды» и общие места – значит тешить себя иллюзиями и не представлять реальности этой угрозы для будущего государства. То, что крестьянство открыто не выражает недовольства своим униженным социально-экономическим положением, не

объявляет голодовок, не выходит толпами выражать это недовольство на свои «манежи», болотные площади и т.д., не должно успокаивать власти, поскольку и молчаливый протест не сулит ничего хорошего. Как, опираясь на уроки истории, писал В.О.Ключевский, «личность, раздражаемая постоянным оскорблением ее прав, способна разрушить самые необходимые основания человеческого общества».

Правомерно и важно, соблюдая меру, соответствие реальному улучшению конкретной трудовой деятельности, иначе говоря фактическому повышению «производительности труда, постепенно (а не одномоментно и в 2-3 раза) увеличивать денежное содержание военным, полицейским, вознаграждений спортсменам и т.д.), проявлять заботу о сохранении дикого животного мира, включая дальневосточных тигров, белых журавлей. Но почему и сколько крестьянство должно оставаться на положении второсортного сословия, не думая о том, к каким последствиям ведет это искусственно создаваемое социальное расслоение?

Необходимо обеспечить общий «совокупный функционирующий порядок» в государстве. Сейчас для установления этого порядка в экономической, социальной, административной, правовой, правоохранительной подсистем их государства, несмотря на построенную вертикаль власти, все еще явно не хватает одного решающего компонента – адекватной политической воли этой власти. Разовые акции (приоритетные национальные проекты, «укрощение» отдельных олигархов, поимки отдельных оборотней в погонах и без погон и т.д.) важны, но явно недостаточны для реализации концепции социального рыночного хозяйства. Нужна постоянная, динамично усиливающаяся, системная работа по всеохватывающему, глобальному «наведению» всего совокупного функционирующего порядка.

Определенные подвижки в этом направлении, в том числе в аграрном секторе, происходят. Однако параллельно, иногда в большем объеме, воспроизводятся и порождающие социальную нестабильность,

неупорядоченные, стихийные процессы или, наоборот, устремления командовать. Они очевидны и в экономической области, непосредственно в рыночном экономическом механизме, где господствует удушающий село ценовой диспаритет, монополистское засилие «партнеров» села по АПК, дезорганизующие рыночный механизм, не говоря уже об обкрадывании будущих поколений беспрецедентным выкачиванием из недр невоспроизводимых природных ресурсов при отставании в развитии на цивилизованной конкурентной, коммерческой основе наукоемких, высокотехнологичных индустриальных сфер экономики. Не наведен должный порядок и в социальной области (низкая доходность, общая ненадежная социальная защищенность человека, недоплаты крестьянам не менее половины их реального заработка и т.д.), и в правовой, особенно в судебной и правоохранительной системах, где гражданское право часто подменяется «телефонным». Факты закрытия под высоким покровительством «громких» и негромких уголовных дел, ухода от уплаты налогов, монополистского произвола, нарушения правил рыночной конкуренции, нецелевого использования бюджетных средств, их прямое воровство в «особо крупных размерах» и т.д. носят массовый характер.

Если же власть действительно в своей экономической политике, в социальной сфере, в правовом регулировании будет опираться на концепцию социального рыночного хозяйства и адекватное этой концепции наведение в обществе «совокупного» порядка, то судебные, правоохранительные органы власти должны беспристрастно, объективно и заслуженно наказывать в равной степени виновных «важных» персон из той же власти, а не искать «стрелочников». Борьба с такими явлениями как «коррупция» (по имеющимся данным достигающая 2/3 доходной части бюджета страны), «криминал», «организованная преступность» и т.д. должна вестись систематически, гласно и «показательно», без каких-либо скидок и послаблений для ответственных персон. Выговоры и назидания или

перемещения «на другую работу» не меняют общей атмосферы социальной напряженности в обществе, а лишь усиливают ее.

Разве социально справедливо, когда почти 40 млн человек - жителей полуразрушенного села, из которого за годы реформ ежегодно изымается весь чистый доход, включая всю земельную ренту, половина необходимого фонда оплаты труда крестьян – всего свыше 1,2 трлн рублей в год, по проекту «Развитие АПК» получили из общего национального богатства за два года 48 млрд рублей, а единицы других граждан, «подсуетившихся» в эти годы, накопили миллиарды долларов и разве это накопление результат только личной экономической дееспособности? Фискальные изъятия созданного крестьянским трудом национального дохода, сельская бедность, отравления суррогатным алкоголем, другие пагубные явления, наносят болезненный удар, прежде всего, по высшей ценности государства, главному фактору производства – человеческому, ухудшают и без того неблагоприятную социально-экономическую, особенно демографическую ситуацию в сельском хозяйстве.

В многочисленных других фактах очевидной социальной несправедливости еще больше оснований для возмущения, а между тем люди во власти, в отличие от 90% населения страны, как бы их не замечают или спокойно относят к якобы «неизбежным» в условиях переходного периода. Дифференциация уровня материального благосостояния людей в зависимости от их реальной экономической дееспособности в оптимальных пределах, регулируемых прогрессивным подоходным налогом, оправдана, но нельзя не пользоваться таким регулированием и расширять эти пределы до угрожающего социальным взрывом абсурда.

Могут сказать, что основанные на законе обязательные к исполнению меры в осуществлении совокупного функционирующего порядка будут подрывать основы демократии, правового государства, гражданского общества. Наоборот, именно наведение такого порядка укрепит эти основы, если оно будет соответствовать принципам социального рыночного

хозяйства, в котором гибко сочетаются и целенаправленное государственное регулирование, и устранение «правового нигилизма», и неукоснительное соблюдение экономических и гражданских свобод. К сожалению, пока на деле, если не господствуют, то имеют широкое распространение нарушения указанных принципов, следовательно, рыночного равновесия, структурной сбалансированности экономики, особенно болезненно сказывающейся на сельском развитии, а, в конечном счете, на общем состоянии и без того недомогающего всего национального организма страны.

Вместо заключения

За время работы над многоплановыми аспектами темы настоящей монографии и в целом за многолетнюю научную деятельность часто приходилось обращаться к образу немногих ученых-экономистов, научные взгляды которых давали надежные ориентиры целенаправленной разработки актуальных проблем экономического развития страны, ее аграрного сектора. К их числу относится Александр Александрович Никонов. Знакомство с ним состоялось в 1966 году, во-первых, заочно и, во-вторых, при необычном стечении обстоятельств.

В этот период, когда наблюдалось некоторое оживление научной мысли, связанное с декларациями о реформировании экономики, мне тогда еще кандидату наук пришлось тесно сотрудничать или полемизировать со многими известными экономистами. Среди них С.Г.Струмилин, Т.С.Хачатуров, Д.С.Львов, Я.А.Кронрод, Н.П.Макаров, И.Д.Лаптев, Л.М.Гатовский, Е.С.Карнаухова, Н.Г.Каротамм, В.А.Тихонов и другие. Примером творческого служения науке и личного человеческого общения был, прежде всего, мой научный руководитель по подготовке в 1957-1960 гг. в Институте экономики АН СССР кандидатской диссертации Владимир Григорьевич Венжер. В дальнейшем таким же примером для меня явилась, сочетавшаяся с лучшими личными человеческими достоинствами, научная деятельность А.А. Никонова, светлой памяти которого посвящена изданная в 1997 г. (2-е издание – 1998 г.) под моей редакцией коллективная монография: «Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России», удостоенная премии РАН им. А.В.Чаянова за 1998 год.

Инициатором заочного знакомства с А.А.Никоновым был тогдашний Министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич, пригласивший меня на прием через своего заместителя Г.И.Воробьева (бывшего первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС, оказавшегося в опале из-за отказа

участвовать в компании по снятию со своих постов Н.С.Хрущева в 1964 г.). На встрече с министром, по словам Г.И.Воробьева, речь должна идти об «укреплении» руководства ВНИИЭСХ в связи с объявленными на мартовском и затем сентябрьском (1965 г.) Пленумах ЦК КПСС намерениями властей провести экономическую реформу и необходимостью соответствующей «перестройки» научных исследований в этом головном институте страны по экономике сельского хозяйства. Предполагаемыми персоналиями такого укрепления заместитель министра назвал А.А.Никонова, руководившего тогда НИИ сельского хозяйства на Ставрополье и меня, не конкретизировав возможные должностные функции каждого.

В то время кадры, тем более «руководящие», подбирались не столько по деловым, сколько по «политическим» качествам, т.е. верности замшелым идеологическим догмам и строго под партийным контролем. Поэтому в целях того, чтобы «прощупать» меня с точки зрения именно «благонадежности» министр, в частности, поинтересовался, как я отношусь к постановкам «некоторых экономистов», которые, по его мнению, «заблуждаются», выступая против спускаемых сверху колхозам и совхозам плановых заданий по закупкам (по словам собеседника – поставкам) сельскохозяйственной продукции, предлагая «хозрасчетные», а по сути, рыночные формы взаимоотношений сельхозпроизводителей с государством, осуществляемые через заключение равноправных договоров по организации этих закупок. Поскольку я входил в число таких экономистов – «рыночников» и в том же году издал крупную монографию «Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства», где в специальной главе о функциях и месте товарно-денежных отношений, роли прибыли как цели производства и обобщающего критерия его эффективности были затронуты эти остро дискуссионные в то время вопросы, то свой ответ министру изложил уклончиво, дипломатично.

Пришлось сказать, что такие постановки есть, и они в принципе совпадают с «указанием» на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС Л.И.Брежнева о необходимости «всемерного развития товарных отношений» и даже о переходе к «свободным закупкам сельскохозяйственной продукции». Здесь наступила пауза, так как об этом указании собеседник или не имел четкого представления, или не придавал ему значения, руководствуясь сложившимся примитивным пониманием сущности плановой экономики, как системы централизованных заданий предприятиям, что и сколько производить. Лицо В.В.Мацкевича выражало явное недоумение, похожее на недоумение гоголевской Коробочки. Было очевидно, что министр никак не мог взять в толк как это в плановом хозяйстве можно не доводить до колхозов и совхозов заданий сверху? «Ведь тогда, – сказал он, – все станут производить или шерсть, или подсолнечник и не дадут государству мяса, молока, других нужных продуктов». Но поскольку, судя по всему, и министр знал о том, что намечается экономическая реформа, а тут еще оказывается, что есть и «указание» Леонида Ильича, он заключил, что «здесь можно еще поспорить, но не забывать о «преимуществах социализма» и обратился к основному предмету моей аудиенции – «укреплению» руководства ВНИИЭСХ.

«Есть мнение, – сказал министр, – назначить Вас директором этого института». Такого назначения я в принципе не желал, предпочитая заниматься чистой наукой и не втягиваться в непривычные организационные перипетии да еще в условиях неприятия властью ею же выдвинутых якобы новых методов хозяйствования на основе упомянутого «всемерного» развития рыночных отношений, «свободных» закупок сельскохозяйственной продукции и т.д. К тому же инерция нерыночного административно-разверсточного экономического и в этом смысле якобы «планового» мышления, адекватных этому мышлению методов управления, была мощнейшей, в том числе в широких кругах непосредственно экономистов-аграрников. Большинство из них выжидало и наблюдало за происходящим, а

многие ярые адепты этого мышления «наставляли» и «разоблачали» отщепенцев-рыночников (правда, потом эти критики сами стали дружно выступать за рынок). Белыми воронами на этом «устоявшимся», идеологически препарированном фоне выглядела небольшая группа этих «отщепенцев», т.е. экономистов-аграрников, отстаивавших рыночную концепцию и соответствующую ей экономические методы хозяйствования и управления (В.Г.Венжер, Г.С.Лисичкин, Л.Н.Кассиров, В.А.Морозов, М.Л.Бронштейн, И.Я.Карлюк, М.Я.Лемешев, автор этих строк и еще единицы, в той или иной степени воспринимавших эту концепцию и эти методы).

Но напрямую отказываться было неудобно. Я поблагодарил за доверие и столь ответственное для меня предложение, но высказал сомнение в моих действительно скромных, если не отсутствующих совсем, организаторских способностях. Однако министр успокоил: «У Вас заместителем будет А.А.Никонов – крупный организатор, к тому же активно включившийся в научную деятельность по системам ведения хозяйства». Я спросил, а почему не наоборот, тем более А.А.Никонов был и старше, и опытнее меня, крупным руководителем, занимался вопросами сельского хозяйства в масштабе целой республики – Латвийской ССР. Министр, как бы по секрету, намекнул на то, что «у Никонова есть проблемы по части политической», а потому главную роль в основном аграрном экономическом институте страны ему пока нельзя доверять. Тут я понял, что речь идет о родственной мне душе с теми же идеологическими «пороками», которые я изложил в указанной, только что вышедшей монографии, и готовившейся к изданию книги: «Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства», тираж которой за исключением 10 полученных мною экземпляров по причине якобы той же порочности и «кабинетных домыслов» по указанию из ЦК КПСС и решению Комитета по печати при Совете Министров СССР был ликвидирован. Вот полный текст этого решения, весьма «показательного» в части научного уровня и самих приемов критики.

Комитет по печати при Совете Министров СССР

РЕШЕНИЕ
комитета, протокол № 13, п. 9 от 11 августа 1967 г. «О серьезных недостатках
книги И.Н.Буздалова «Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства», выпущенной издательством «Экономика».

Издательство «Экономика» в июне 1967 г. выпустило книгу И.Н.Буздалова «Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства» (тираж 30 тыс. экз., редактор Л.В.Бондаренко). Книга содержит ряд грубых ошибок и путанных положений, а в некоторых вопросах противоречит тезисам ЦК КПСС «50 лет Великой О.С.Р.».

Книга И.Н.Буздалова «Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства» написана тенденциозно, в ряде мест в ней дается неправильная оценка развития сельского хозяйства страны за 50 лет. Новая экономическая политика (НЭП) характеризуется как период наиболее правильных экономических (хозрасчетных) отношений в деревне, которые, якобы, были серьезно нарушены в последующий этап развития сельского хозяйства, чем по существу ставится под сомнение правильность политики коллективизации сельского хозяйства. В книге неверно освещается вопрос о перераспределении национального дохода в пользу промышленности в период индустриализации страны, преуменьшается роль государства и народнохозяйственного плана в вопросах ценообразования на с/х продукцию, преувеличивается роль рыночных отношений в настоящее время.

Директору издательства «Экономика» т. Первушину С.П. было известно о серьезных ошибках в работе Буздалова, но он не посчитался с правильным предупреждением и подписал в печать ошибочную работу. Тем самым он во многом повторил ошибки, на которые ему было указано в решении Комитета по печати от 16 апреля 1966 г.

Появление этой книги показывает, что в издательстве нет должного порядка в работе с рукописями, что т. Первушин не обеспечил коллективного обсуждения наиболее сложных работ в коллективе издательства и среди общественности, использовал выпуск книги Буздалова И.Н. в угоду ошибочной концепции автора, и тем самым, по существу присоединился к ней. После появления в периодической печати отрицательной рецензии на книгу Буздалова т. Первушин продолжал отстаивать свои неправильные взгляды.

При таком положении Комитет не считает возможным оставить в должности директора т. Первушина.

Комитет решил:

1. Принять предложение гл. редакции общественно-политической литературы о ликвидации тиража книги И.Н.Буздалова «Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства». Затраты на ее издание взыскать с тт. Первушина, Ульянова и Бондаренко в соответствии с существующим законом.

2. Поручить издательству «Экономика»:

а) внести предложение об укреплении редакции литературы по экономике сельского хозяйства;

б) разработать и представить на рассмотрение Главной редакции общественно-политической литературы в месячный срок мероприятия, обеспечивающие повышение научного и идейного уровня выпускаемой литературы. Шире практиковать привлечение научной общественности к обсуждению выпускаемых работ, улучшать работу редакционно-издательского Совета издательства.

3. Обратить внимание гл. редактора издательства т. Молдавана на необходимость улучшить работу главной редакции. Главная редакция должна быть центром коллективного обсуждения. Она несет всю полноту ответственности за идейное и научное содержание выпускаемой литературы.

Считать ненормальным, когда без согласия гл. редактора издательства и без обсуждения в коллективе принимаются решения о выпуске книг и брошюр.

4. Довести до сведения Президиума АН СССР, что отдельные работники Института экономики Академии Наук дали на рукопись И.Н.Буздалова положительный отзыв, чем способствовали выходу в свет ошибочной книги.

5. Обязать главную редакцию общественно-политической литературы усилить контроль за работой издательства «Экономика», за идейно-политическим содержанием выпускаемых им книг, обеспечить в этом издательстве необходимую творческую обстановку, привлечение широкой научной общественности для обсуждения наиболее важных изданий.

22.VIII.67 В.Фомичев

Вскоре после этого на меня начались гонения, «проработка» в партийной печати в газетах ЦК КПСС «Экономическая газета» и «Сельская жизнь». И до этого в «инстанции» поступали сообщения о моей «неблагонадежности», даже доносы моих коллег по работе в Институте экономики. В частности, проф. И.Д.Лаптев, которому я на второй день после приема у В.В.Мацкевича, «по секрету» рассказал о своем предполагаемом назначении, тут же побежал в ЦК и доложил о моих взглядах «всю правду» высокому начальству. Естественно, после этого вопрос о том, чтобы возглавить ВНИИЭСХ сам собой к моему удовлетворению отпал. Директором был назначен «благонадежный» Н.П.Александров, с которым, как я узнал позже, А.А.Никонов не захотел работать.

После приведенного решения и активной проработки меня в прессе и по месту работы в Институте экономики АН СССР 3-4 года я занимался наукой как бы в подполье, т.к. от публикации моих работ за исключением подцензурных институтских сборников издатели и редколлегии журналов воздерживались. И все это время мне очень хотелось лично встретиться с

А.А.Никоновым, что произошло лишь в 1978 году, когда Александр Александрович стал академиком – секретарем Отделения экономики ВАСХНИЛ. Простота, внимательность, доброта, тактичность – вот черты, которые сразу обнаруживались в его незаурядной личности. Чувствовалась и пытливость ума, и стремление к новому, к назревшим преобразованиям в сельском хозяйстве с опорой на мировой опыт его научной организации и эффективного функционирования.

В последующие годы, особенно с избранием А.А.Никонова первым Вице-президентом ВАСХНИЛ, а затем Президентом академии я часто привлекался им к участию в обсуждении насущных проблем аграрной науки и экономики. С приходом к власти М.С.Горбачева возрастал спрос на научные обоснования и предложения «рыночников». Оказались «востребованными» положения моих работ, которые ранее объявлялись ошибочными и бездоказательно отвергались. Более того, на последнем Пленуме ЦК КПСС в 1988 г. я вместе с А.А.Никоновым, Б.И.Пошкусом был утвержден Постоянным советником Комиссии ЦК по аграрной политике, председателем которой был член Политбюро Е.С.Строев.

Комиссия сразу начала работу над концепцией аграрной политики периода перестройки. Еще сохранялись устои советского псевдосоциализма, действовала статья 6-я Конституции СССР, но в основу концепции предлагались (и воспринимались) идеи, которые 10 лет назад считались ошибочными, порочными или, как писала в 1967 году по поводу упомянутой моей работы о роли и месте прибыли в советской экономике «Экономическая газета», «кабинетными домыслами». В действительности речь шла о переходе на рыночные отношения, на реформирование колхозно-совхозной системы, на экономические методы хозяйствования и управления, на осуществление всего комплекса мер по преданию аграрной политике активной направленности на ценностные ориентиры крестьянства, его интересы и неотложные нужды.

Последняя проблема особенно волновала А.А.Никонова, хорошо знавшего практически к чему ведет монополия государства на землю, лишение крестьян права частной земельной собственности, совместно-ничейное владение землей в сельском хозяйстве, причем решение земельного вопроса в интересах крестьянства органически увязывал со всем комплексом проблем преобразования аграрных отношений, прежде всего, возрождением кооперации. Будучи членом рабочей группы по подготовке проекта, принятого в 1988 г. «Закона о кооперации в СССР», я встречался с Александром Александровичем в Президиуме ВАСХНИЛ с тем, чтобы получить предложения к этому проекту и, главное, выяснить его личную позицию по вопросам перспектив кооперативного движения в стране вообще и сельскохозяйственной кооперации в частности.

Особенно запомнилось то, что А.А.Никонов не просто говорил о «нарушениях» в колхозах кооперативных принципов, о чем рассуждали и писали тогда многие, а рассматривал эту форму, как вообще не соответствующую кооперативным принципам. Это еще больше убедило меня в таком же понимании казарменной, псевдокооперативной «природы» колхозов, тем более я сам испытал эту казарменность с ранних лет в колхозе «Наука Ленина» Сухиничского района Калужской области. Поэтому на очередном заседании рабочей группы я предлагал вообще исключить из проекта закона о кооперации самого термина колхоз, заменив его естественным названием – сельскохозяйственный производственный кооператив. При этом я ссылался на хорошо известный мне, работавшему тогда в ИЭМСС АН СССР, опыт стран СЭВ, где обходились без этого, чуждого действительной кооперации, названия, за которым советское крестьянство испытало все тяготы государственного крепостного права. Но к моему предложению члены группы и особенно ее руководитель – помощник Председателя Совета Министров СССР, отнеслись отрицательно. В итоге колхоз, правда, несколько «демократизированный», но по-прежнему не отвечавший принципам подлинной кооперации, в Законе остался и даже

вместе с другим надуманном понятием – коопхоз, был затем «протащен» в действующий с 1995 г., ущербный в концептуальном плане и важных правовых нормах Закон о сельскохозяйственной кооперации.

В 1990 г. на базе российского отделения ВАСХНИЛ была создана Российская академия сельскохозяйственных наук. Александр Александрович специально пригласил меня на беседу с предложением подать заявление на предмет избрания членом-корреспондентом РАСХН и активно поддерживал меня на выборах, где моя кандидатура, как рыночника и вообще «заблуждающегося» по поводу «преимуществ» советского социализма, отвергалась приверженцами административно-командной системы «планового» ведения хозяйства, противниками рынка, рыночных методов хозяйствования и адекватной им системе и инструментам государственного регулирования.

Реванш, как писал затем А.А.Никонов в своем фундаментальном труде «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.)», эти приверженцы, а точнее «представители консервативного крыла отделения экономики Россельхозакадемии», взяли в 1993 году при выборах академиков РАСХН. В результате «преднамеренной, спланированной», подковерной работы этих «представителей», фактически продолжения прежней «травли» меня, «предпочтение, – писал он, – было отдано «более слабому кандидату», ныне практически почти неизвестному из-за отсутствия хотя бы одной сколько-нибудь серьезной научной статьи. Александр Александрович по поводу такого «предпочтения» и, наоборот, считал и своей победой избрание меня академиком РАСХН в 1995 году, где усилия этого «крыла» (С.С.Сергеев, А.А.Шутьков, Ю.А.Конкин, Г.И.Будылкин, В.А.Добрынин) не увенчались успехом.

Став директором созданного им в 1990 г. Аграрного института, А.А.Никонов неоднократно приглашал меня на работу в институт, на что я сразу не решился, поскольку, начиная с 1957 года, учился в аспирантуре и работал сначала в Институте экономики АН СССР, а затем в Институте

международных экономических и политических исследований академии. Этот институт возглавлял академик О.Т.Богомолов, создавший условия для творческой научной работы сотрудников, защищавший их от тех же старьевщиков, продвигавший к изданию новаторские исследования, не нравившиеся опекавшим издательства, в частности, издательство «Наука», наблюдателям из Комитета по печати при Совете Министров СССР. Именно благодаря этой защите, несмотря на препоны этих наблюдателей, правда, с задержкой на 3 года в 1988 г. в издательстве «Наука» вышла очередная моя монография «Хозяйственный механизм в агропромышленной сфере стран-членов СЭВ» и в 1990 г. в издательстве «Экономика» монография «Возрождение кооперации».

Такая доброжелательная и творческая атмосфера в Институте, а также общий престиж работы в «большой академии» некоторое время удерживали меня от перехода в Аграрный институт. Был принят компромиссный вариант, сочетавший в себе переход в «институт А.А.Никонова» и продолжение работы по совместительству в «институте О.Т. Богомолова», ныне объединившийся с Институтом экономики РАН и возглавляемый Р.С.Гринбергом.

Постоянное и, к сожалению, непродолжительное сотрудничество с А.А.Никоновым в едином научном коллективе позволило мне глубже понять и воспринять удивительные черты Александра Александровича. В нем сочетались такие лучшие человеческие качества, как общая высокая культура, ответственность в исполнении своего служебного долга, требовательность к себе и подчиненным, доброта, порядочность, интеллигентность, справедливость и, конечно, глубокие, разносторонние знания. Все это отразилось на характере и методологическом уровне его научных исследований, их глубине, аргументированности, доказательности. Поэтому, по меньшей мере, неискренностью и по форме бестактностью явилось публичное высказанное несогласие одного из заносчивых академиков Отделения экономики и земельных отношений

Россельхозакадемии с оценками А.А.Никновнова как «видного ученого», в частности отмеченными в биографической энциклопедии РАСХН (2004 г.). Большая научно-организационная работа в течение 30 лет ограничивала издание исследовательских работ, но то, что А.А.Никонов оставил из результатов своих исследований дает все основания для их квалификации как серьезного научного наследия.

Сторонник рыночного реформирования сельского хозяйства А.А.Никонов уделял особое внимание экономическим предпосылкам эффективного его осуществления и роли государства в создании этих предпосылок, считая, что новые формы хозяйства, ориентированные на рыночное предпринимательство, на самофинансирование в силу особых условий ведения сельского хозяйства, повышенного риска, низкой инвестиционной привлекательности объективно нуждаются «во всесторонней государственной поддержке. Особую поддержку, – подчеркивал автор в указанной монографии, – следует оказывать инициативным, предприимчивым крестьянам, за которыми будущее. Главное же – это создание общих благоприятных экономических, прежде всего, финансовых условий в виде приемлемого кредита, налога, цен, целевых инвестиций и дотаций по примеру развитых стран мира, бережное отношение к своему селу и крестьянству» (с. 548).

В исследовательских материалах данной работы мною показано, что в последние годы в этом направлении сделаны определенные, слишком робкие шаги. Реализован проект «Развитие АПК», другие важные для села национальные проекты, выполнена «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы», на 2013-2020 гг. разработана новая Программа. Но все это, особенно размеры государственных средств бюджетной поддержки села, еще далеко от создания тех действительно необходимых условий для всестороннего сельского развития, в центре которого системные преобразования условий

труда и качества жизни российского крестьянства. Поэтому постановки и обоснования, которые содержатся в представленной работе являются крайне важными и неотложными в деле практического осуществления таких преобразований на базе инновационной стратегии и серьезных макроэкономических структурных изменений во всей системе народного хозяйства страны.

И хотя в реализации этих постановок можно наблюдать некоторые, сдвиги, проведенный анализ показывает, что углублению и завершению указанных преобразований мешает то, что со своей экономической политикой и управленческой системой Россия по-прежнему во многом еще не «вписывается» в общие закономерности эволюционного по своей природе глобального или «планетарного» мирохозяйственного процесса развития. То по выражению Н.В.Гоголя она уподоблялась «безответно несущейся» куда-то *птице-тройке* или через реформы 60-х годов XIX века и начала XX в. пыталась решительно повернуть на путь общечеловеческой цивилизации, то начинала проводить противоестественные, якобы «исторические», преобразования типа большевистских «социалистических», насаждая новое, государственное крепостное право, многими бедами обрушившееся, прежде всего, на российское крестьянство; то все ограничивается декларациями и полумерами, как это происходит в процессе начатых с 1991 г. рыночных реформ.

Обобщая эти подъемы и падения Е.И.Замятин писал: «Россия движется вперед странным, трудным путем, не похожим на движения других стран. Чуть забравшись вверх, она вдруг проваливается вниз…, она движется разрушая». В этом своем движении страна «устремлена либо в свое прошлое, либо в будущее, умаляя *первостепенность*, более того, *самоценность* настоящего… Ныне Россия определяет свой национально-государственный маршрут, маневрируя среди глобальных айсбергов», смотря больше «в XX век» (Замятин Е.И. «Избранное», М., 1989, с. 662).

Исчерпывающую характеристику спонтанных или заранее задуманных странных маршрутов движения по ухабам и трясинам (вместо того, чтобы идти по прямому пути реализации общечеловеческих ценностей, объективных законов развития природы и общества), в своеобразной сатирической (но зеркально отражающей действительность) форме еще ранее дал «великий диагност» российских недугов и бед М.Е.Салтыков-Щедрин, указывая на странную «замысловатость» таких маневров. И эта замысловатость, как видно из материалов настоящей работы, далеко не история.

Бесспорно, процессы глобализации, включая происходящие изменения в системе и методах хозяйственного и государственного управления сейчас в какой-то мере приближают Россию к следованию по пути современной мировой цивилизации, реализации общечеловеческих ценностей, фундаментальных принципов экономической деятельности, обеспечения социальной справедливости, гражданских свобод, соблюдения прав человека. Но дистанция еще весьма значительна и в ряде направлений и сфер общественной жизни нередко возрастает.

Давно ли осуждалась советская гигантомания в сельском хозяйстве, а сейчас она принимает запредельные размеры и параметры, в частности, в форме сверхкрупных агрохолдингов, этих современных латифундий. На практических последствиях все убедились в пагубности пресловутой «перекачки», ценового диспаритета, остаточного принципа государственной поддержки сельского хозяйства. Однако крестьянство все еще находится в тисках монопольного окружения, продолжает оставаться под прессом этих и показанных в работе других ограничений и бедствий, порождающих негативные последствия для всего процесса социально-экономического развития страны. А это значит, что современные процессы глобализации, ее интегрирующие и унифицирующие функции пока мало влияют на изменение российской аграрной политики в сторону приближения к общим

основополагающим принципам ее построения, к единым мирохозяйственным стандартам и правилам эффективной хозяйственной деятельности.

Воспроизводственные диспропорции и перекосы, произвольное смещение народнохозяйственных приоритетов в сторону второстепенных задач в ущерб жизненно важных, определяющих экономическую мощь государства и благосостояние всех слоев населения – одно из «традиционных» проявлений следования по «особому» российскому пути, заключающемуся в «привычке» высшего руководства страны принимать решения по своему усмотрению, личным пристрастиям власть имущих, не считаясь с широкой общественностью, научным сообществом и т.д. В Российской империи это демонстрировало царское самодержавие, в советское время «диктатура пролетариата» в форме всевластия вождей, генсеков, а ныне, правда, в «щадящей» форме – «вертикаль власти» во главе с национальным лидеров – Президентом страны и в сопровождении вездесущего «административного ресурса».

Эта власть не отрицает подлинной демократии, допускает ее, но, говоря словами того же диагноста российских бед и недугов, пока «в известных пределах», ограниченных негласными запретами, запредельными штрафами, многими сомнительными по объективности судебными решениями, хотя параллельно функционирует Общественная палата, создается общественное телевидение, разного рода общественные советы, в том числе Совет по правам человека, действует институт уполномоченных по правам человека и т.д. Нет и действенных, внятных механизмов эффективного взаимодействия между этой властью и указанными институтами гражданского общества. Все это открывает широкий простор для принятия государственных решений руководством вертикалью власти по его субъективному усмотрению и чиновничьему произволу на местах, порождает бесконтрольное и непроизводительное использование огромных сумм народных средств или их «экономию» в данном случае за счет ущемления нужд и интересов крестьянства. Между тем такая политика в

советском прошлом уже наглядно показывала ее деструктивность с негативными последствиями для общего развития экономики и всего российского общества. В ней одна из явных причин развала Советского Союза, краха его экономической системы, обремененной структурными диспропорциями и деформациями.

Если же предвидеть и заранее предотвращать эти последствия, руководствоваться реальной жизненной необходимостью обеспечения оптимальных народнохозяйственных пропорций, то в формировании выверенной мировым опытом экономической стратегии прежде всего необходимо исходить из того, что *важнейшим условием структурной народнохозяйственной сбалансированности и общего социально-экономического прогресса является обеспечение приоритета сельского развития, а ее главным критерием – сопоставимость, «уравновешенность» социального благополучия сельского и других групп населения, условий их труда, уровня и качества жизни.* Более того, с точки зрения незаменимых, жизненно важных функций сельского хозяйства оправданным и социально справедливым является определенное превышение соответствующих сельских показателей над городскими, что, судя по зарубежному опыту, имеет определяющее значение в деле закрепления и инициативной трудовой деятельности занятых в сельскохозяйственном производстве.

В рамках указанной стратегии проведение целенаправленной, пртекционистски ориентированной аграрной политики, предполагающей увеличение инвестиций в сельское развитие, повышение профессионализма работников и организаторских усилий в аграрном секторе, можно обеспечить наиболее быструю и ощутимую для всей страны отдачу, добиться не только облегчение жизни и улучшение ее качества для сельского населения, но и повышения его доверия к вертикали власти, к ее высшему руководству. А это означает, что для коренного изменения состояния дел в российском сельском хозяйстве нужна политическая воля и осуществляемая в рамках подлинной демократии система государственных мер, отвечающая интересам и

надеждам всего общества, сплачивающая людей вокруг назревших преобразовательных целей. Сейчас всякому, владеющему знаниями объективных закономерностей прогрессивного социально-экономического развития, совершенно очевидно, что без возрождения сельского хозяйства, без радикальных изменений в жизнедеятельности крестьянства прогнозы инновационной системной модернизации российской экономики рискуют остаться прекраснодушной маниловщиной.

Основные контуры такой стратегии вытекают из уроков, которые следует извлечь, с одной стороны, из анализа российского аграрного кризиса, а, с другой – из позитивного мирового опыта. Главная из ее целей сводится к тому, чтобы в рамках серьезной корректировки народнохозяйственных приоритетов и последовательного преодоления разорительной для аграрного сектора «перекачки», запредельного ценового диспаритета определить и обеспечить размеры, направления и формы его государственной поддержки, необходимой для коренного изменения в состоянии производственной и особенно социальной сферы села. Пути движения в этих направлениях предметно раскрываются в данной работе. Только на этих путях можно достичь этой цели и добиться реальных конкурентных преимуществ в производстве и устойчивом обеспечении населения основными видами продовольствия отечественного производства, ликвидировать унизительную для великой страны зависимость от засилия его импорта, преобразовать условия труда и жизни в деревне.

Бездействие или видимость действия ответственных персон государства здесь не поддается никакому разумному объяснению, особенно, когда рядом мы видим огромные достижения в сельском развитии других стран, в частности Китая. Китайская стратегия рыночного реформирования всему миру продемонстрировала наглядный пример стремительного роста аграрного производства и в тесной взаимосвязи этого роста с бурными темпами общего социально-экономического прогресса. Если в 2006 г. по нацпроекту «Развитие АПК» на приоритетную поддержку сельского

хозяйства России было выделено около 600 млн долларов (из них почти половина этой суммы в уставной капитал Росагролизинга и Россельхозбанка), то бюджетная поддержка отрасли в Китае составила 42 млрд долларов, т.е. в 70 раз больше (на 1 га пашни в 45 раз) и в последующие годы продолжала возрастать. В решающей степени это следствие решительного поворота страны к общественной организации ее экономической системы на принципах социального рыночного хозяйства и, что особенно важно, к установлению «совокупного функционирующего порядка» в государстве, не останавливающимся перед жесткими законными мерами ответственности за его нарушение. Теперь момент истины настал и для России. Упустить его, не использовать для этого все имеющиеся реальные возможности, о которых говорится в настоящей монографии, – значит пребывать в колее масштабной по негативным последствиям стратегической общественно-политической ошибки и с риском для страны остаться если не на задворках, то в хвосте мировой цивилизации.

Библиографический список использованной литературы

1. **Абалкин Л.И.** Аграрная трагедия России. Вопросы экономики, 2009, № 9.
2. Аграрная экономика России: опыт количественного анализа. Сборник научных статей. М.: Изд. Док.ГУ ВШЭ, 2004, 539 с.
3. Аграрный протекционизм: научные основы и механизмы осуществления в условиях рыночных отношений. М.: ЭРД, 2007, 467 с.
4. **Башмачников В.Ф.** Возрождение фермерства в России: взгляд очевидца и авангардного участника. Казань. ООО Престиж-Пресс, 2010, 406 с.
5. **Богданов А.А**. Краткий курс экономической науки. Изд. 3-е. М., 1923, 264 с.
6. **Бруцкус Б.Д.** Аграрный вопрос и аграрная политика. Петербург, изд-во «Право», 1922, 234 с.
7. **Буздалов И.Н.** Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления. М.: Academia, 2005, 344 с.
8. **Буздалов И.Н**. Избранные труды в 3-х томах. М.: ЭРД, 2007, 1036 с.
9. **Буздалов И.Н.** Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики. Вопросы экономики, 2009, № 9, с. 121-130.
10. **Буздалов И.Н.** Сельская бедность как «закономерное» явление в условиях современной аграрной политики в России. Общество и экономика, 2009, № 4, с. 46-57.
11. **Буздалов И.Н.** Российское сельское хозяйство на фоне глобальных мирохозяйственных процессов. Вестник Института экономики РАН, 2011, № 3, с. 140-158.
12. **Буздалов И.Н**. Униженный класс: о социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства. Вопросы экономики, 2011, № 4, с. 137-148.
13. **Буздалов И.Н**. Земельный парадокс в России. Общество и экономика, 2007, № 5-6, с. 64-73.
14. **Буздалов И.Н.** Сельское хозяйство под прессом структурных деформаций в экономике. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 2010 № 4, с. 10-15, № 5, с. 19-22.
15. **Бухарин Н.И**.Избранные произведения. М. Политиздат, 1988, 410 с.
16. **Витте С.Ю**. Воспоминания. М.: Мысль, 1991.
17. **Волков С.Н**. Землеустроительное обеспечение и использование земель сельскохозяйственного назначения. Агропродовольственная политика России, 2012, № 1.
18. **Гэлбрейт Дж.** Новое индустриальное общество. Пер. с англ. СПб: Издательство АСТ, 2004, 602 с.
19. **Достоевский Ф.М.** Дневник писателя. М., 1989, 435 с.

20. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения. Министерство сельского хозяйства. ФГНУ «Росинформагротех», 2010.
21. **Долгушкин Н.К**. Повышение эффективности земельного законодательства России. Международный сельскохозяйственный журнал, 2010, № 1.
22. Единая аграрная политика России. Стратегия развития России до 2012 г. Политико-экономический клуб «РОИ», 2009 г., 87 с.
23. **Замятин Е.И.** Избранное. М, 1989, 622 с.
24. Земельный кодекс Российской Федерации от 21.10.2001 г., № 136-ФЗ СЗ РФ 2001, № 44, 4147 с.
25. История крестьянства СССР. М. Издательство «Колос», 1976 г., 397 с.
26. **Казарезов В.В.** Крестьянский вопрос в России. М., ФГНУ Росинформагротех, 2011. Т.2, 326 с.
27. **Кондратьев Н.Д**. Аграрный вопрос: о земле и земельных порядках. Как нам обустроить крестьянскую жизнь. Пенза, 1997.
28. **Кубанин М.** Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств: экономическое исследование. М.: Издательство коммунистической академии, 1929, 192 с.
29. **Ленин В.И.** Развитие капитализма в России. М.: Изд. Полит. Лит, 1975, 5-е изд., ПСС, Т. 3, 791 с.
30. **Лемешев М.Я.** Земля тревоги нашей. М.: ЭРД, 2005, 437 с.
31. **Лемешев М.Я., Максимов А.А., Маслов Б.С.** Мировой опыт пока ничему не учит. М.: Типография Россельхозакадемии, 2011, 107 с.
32. **Лисичкин Г.С.** О нашей реформе и реформаторах, М., 2010, 241 с.
33. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 8, 208 с., Т. 38, 240 с.
34. **Маккеннелл К.и Брю** С. Экономикс: принципы, проблемы, политика. М: Республика, 1992, т.1, 320 с.
35. **Макаров Н.П.** Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т.1, М., 1920.
36. **Макаров Н.П.** Организация сельского хозяйства. Берлин, 1924, 418 с.
37. **Менделеев Д.И**. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М. Изд-во АН СССР, 1954.
38. **Милосердов В.В.** Многострадальная судьба российского крестьянства. М., Колос, 2010, 78 с.
39. Методы оценки территориального разделения труда и территориальной организации сельского хозяйства. Под ред. В.Я.Узуна, М.: ВИАПИ им. А.А.Никонова, ЭРД, 2012, 221 с.
40. **Миль Дж.С.** Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. Гл. 4 «О крестьянах-собственниках», т. 1, 414 с.
41. **Назаренко В.И., Шмелев Г.И**. Земельные отношения и рынок земли. М. Памятники исторической мысли, 2005.
42. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние (под ред. акад. Богомолова О. Т.),2010, 452 с.

43. **Нефедова Т**. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое изд-во, 2003, 408 с.
44. **Нефедова Т., Пэллот Дж**. Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова. М.: Новое изд-во, 2006, 320 с.
45. **Ойкен В**. Основные принципы экономической политики. М, 1991, 406 с.
46. **Огановский Н.П**. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2. Очерки по истории аграрных отношений в России. Саратов. Изд-во Сотрудничество, 1911, 634 с.
47. Основные формы сельскохозяйственных предприятий в зарубежных странах. Обзорная информация ВНИИТЭИИагропром, № 432(89).
48. Официальный сайт Росстата (Электронный ресурс) – Режим доступа: http:// www. fedstat.ru/indicators/start.do.
49. **Печенкина В.В.** Проблемы развития личных подсобных хозяйств населения: социологический аспект. // Развитие личных подсобных хозяйств как один из механизмов повышения доходов сельского населения. М., 1999, с. 25-30.
50. **Плотникова О.А.** Малое предпринимательство и его роль в обеспечении развития национальной экономики Российской Федерации. Монография. М.: Моск. гуманит. ун-т, 2006, 216 с.
51. **Постников В.Е**. Южно-русское крестьянское хозяйство. 2-е изд. М., 1907, 392 с.
52. **Пошкус Б.И.** Факторы укрепления экономики сельского хозяйства. Екатеринбург, 2010, с. 158-160.
53. Приоритетный национальный проект «Развитие АПК»: направления, механизмы и риски реализации (по данным мониторинга проекта в 2006 г.). Сб. науч. тр. ВИАПИ им. А.А.Никонова. М.: ВИАПИ им. А.А.Никонова, 2007. Вып. 20, 654 с.
54. Рейтинги крупных и средних сельскохозяйственных организаций в России за 2006-2008 гг./ В.Я.Узун, В.А.Сарайкин, Е.А.Шишкина. М.: ВИАПИ им. А.А.Никонова, ЭРД, 2010, 152 с.
55. Рейтинг фермерских хозяйств: Клуб «Фермер-300» // Российская земля, декабрь 2009, № 17-18 (458-459)
56. **Рыбаков А.К**. Кто остановит махинации с землей. Российский фермер. Январь, 2012.
57. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. М.: Росинформагротех, 2010, 146 с.
58. **Салтыков-Щедрин М.Е**. История одного города. М., 1972, 111 с.
59. Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт, перспективы применения в России. Сборник докладов научного симпозиума. М.: ВШЭ, 2006, 145 с.
60. Социально-экономическое положение и уровень жизни населения России. Стат. сб./Росстат, М., 2007, 505 с.
61. Стратегия инновационного обновления и повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России.

Научное наследие Н.Д.Кондратьева и А.В.Чаянова и перспективы развития российского сельского хозяйства. М.: Международный фонд Н.Д.Кондратьева, 2005, 427 с.
62. **Строев Е.С**., Никольский С.А., Кирюшин В.И. и др. Земельный вопрос/ Под ред. Строева Е.С., М.: Колос, 1999, 536 с.
63. США: малое предпринимательство как образ жизни. (Электронный ресурс) – Режим доступа: http://chelt..ru/2005/9 05/ lebedeva_9-05. html.
64. **Тарасов Н.Г., Скальная М.М**. Доходы сельского населения и их регулирование. М.: ВНИЭТУСХ, 2008, 246 с.
65. Территориальное устройство России. (Электронный ресурс) – Режим доступа: http://www.terrus.ru/cgi-bin/allrussia/v3_index.pl.
66. **Узун В.Я**. Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. М.: Росинформагротех, 2005, 184 с.
67. **Узун В.Я**. Аграрная реформа в России: мифы и реальность. Вопросы экономики, 2008, № 10.
68. **Узун В.Я., Сарайкин В.А., Гатаулина Е.А**. Классификация сельскохозяйственных производителей на основе данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. М.: ВИАПИ им. А.А.Никонова, ЭРД, 2010, 229 с.
69. Указ Президента РФ № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» от 27.12.1991 г. (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
70. Указ Президента РФ № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитию аграрной реформы в России» от 27.10.1993 г. (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
71. Указ Президента РФ № 337 «О гарантиях конституционных прав граждан на землю» от 7.03.1996 г. (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
72. Указ Президента РФ № 491 «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации» от 4.04.1996 г. (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
73. Указ Президента РФ № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» от 15.05.2008 г. (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
74. Федеральный Закон «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ. (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
75. Федеральный Закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.

76. Федеральный Закон «О личном подсобном хозяйстве» от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
77. Федеральный Закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15 апреля 1995 г. № 66-ФЗ (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
78. Федеральный Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
79. Федеральный Закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
80. Федеральный Закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 192-ФЗ (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
81. Федеральный Закон «О потребительской кооперации» от 19 июня 1992 г. № 3081-1 (Электронный ресурс) – Режим доступа: www.consultant.ru|online – Загл. с экрана.
82. **Хрящева А.** Социальные типы хозяйств (Раздел книги)// Сельское хозяйство на путях восстановления/ Крицман Л., Попова П., Яковлева Я. М., 1925.
83. **Чаянов А.В.** Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. (Электронный ресурс) – Режим доступа: http:// www.yabloko.ru/Themes/History/Chajanov/chajanov-krest.html.
84. **Чаянов А.В.** Избранные труды/ Редкол. Сер.: В.Е.Адамов и др. М.: Финансы и статистика, 1991, 432 с.
85. **Челинцев А.Н.** К методологии сельскохозяйственного микрорайонирования. «Новая деревня, 1928, 40 с.
86. **Челинцев А.Н**. Теоретические основы организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919, 178 с.
87. **Черняков Б.А**. Калифорнийская модель аграрного сектора экономики. М.: ВИАПИ им. А.А.Никонова, ЭРД, 2007, 369 с.
88. **Шмелев Г.И**. Производство сельскохозяйственных продуктов населением России. М.: Academia, 2002, 288 с.
89. **Шарас М**. Кооперативы: принципы и практика. М., 1993, 126 с.
90. **Янбых Р.Г**. О национальном докладе по развитию сельского хозяйства и антикризисных мерах в аграрном секторе. (Текст) / Янбых Р.Г. // Экономико-политическая ситуация в России в 2009 г. – Научный вестник ИЭПП им. Гайдара, 2009. – (www.jet.ru/ru/ob-izdanii.html) – СС. 34-41.

Указатель имен

Александр I. 29
Александров Н.П. 354
Бердяев Н.А. 97
Беем Ф. 263
Богомолов 348, 359
Боев В.Р. 9
Болгов А.В. 177
Бондаренко Л.В. 121
Бородин К.Г. 12
Боткин П.С. 97
Брежнев Л.И. 37
Бронштейн М.Л. 348
Брю С. 19
Брунтланд Г.Х. 299
Будылкин Г.И. 348
Бунге Н.Х. 48,55, 317
Бухарни Н.И. 112
Валуев П.А. 56
Венжер В.Г. 4, 178
Витте С.Ю. 21, 51,56
Воробьев Г.И. 348
Гатаулина Е.А. 12
Гатовский Л.М. 348
Гоголь Н.В. 361
Горбочев М.С. 7
Гордеев Л.В. 105
Горький М. 68
Губанов А.Г. 94
Гусев Н.Н. 29
Даль В.И. 17,39,62
Добрынин В.А. 358
Достоевский Ф.М. 16, 54
Емельянов А.М. 178
Замятин Е.И. 361
Зубков В.А. 292
Иванова Е.И. 199
Ильин И.А. 28,217
Калинин М.И. 96
Кара-Мурза С.Г. 21
Карлюк И.Я. 30
Карнаухова Е.С. 348
Каротамм Н.Г. 348
Кассиров Л.Н. 10
Кенэ Ф. 27
Кеннет У., Боулинг, 19
Ключевский В.О. 52, 93, 116
Коробейников М.А. 12
Конкин Ю.А. 358
Кронрод Я.А. 348
Крылатых Э.Н. 10
Кудрин А.Л. 74
Кузнецов В.В. 20
Куликов И.М. 9
Лаптев И.Д. 6, 178
Лемешев М.Я. 351
Ленин В.И. 21, 27, 185
Лисичкин Г.С. 351
Ломоносов М.В. 265
Львов Д.С. 348
Маккеннелл К. 1, 9
Макаров Н.П. 228
Маркс К. 2, 69
Мартынов В.Д. 10
Маслов П.П. 177
Мацкевич В.В. 348
Медведев Д.А. 74
Менделеев Д.И. 54, 171
Милль Дж.С. 70
Милосердов В.В. 29
Милютин Н.А.
Морозов В.А. 351
Муравьев П.Н. 93
Мюллер-Армак А. 263
Ненашев М.Ф. 8
Николай II. 72
Никонов А.А. 20,248,251,255
Овчинцева Л.А. 10
Ойкен В. 263
Островский А.Н. 91
Панин В.Н. 57
Первушин С.П. 352
Петр I. 92
Петриков А.В. 9
Пивоваров Ю.С. 112
Посошков И.Г. 27
Пошкус Б.И. 9, 14

Путин В.В. 131, 174
Радищев А.Н. 27
Репке В. 263
Риккардо Д. 36
Ростовцев И.Я. 48, 56
Савченко Е.С. 130
Савченко М.Д. 95
Салтыков-Щедрин М.Е. 22,71,98,266
Самарин Ю.Ф. 56
Сергеев С.С. 358
Серков А.Ф. 9
Серова Е.В. 9
Сеченов И.М. 97
Сиптиц С.О. 12
Сисмонди Ж.Ш. 70
Смит А. 27, 182
Соловьев А.Я. 55
Соломатин Д. 158
Сперанский М.М. 27
Сталин И.В. 95
Стеклов Ю.М. 93
Столыпин П.А. 21,27,28,91
Сторожев В.И. 178
Строев Е.С. 355
Струмилин С.Г. 348
Тетчер М. 271
Толстой Л.Н. 28, 42, 101
Тэффлер Э. 108
Троцкий Л.Д. 93, 117
Туган-Барановский М.И. 97, 240
Тюнен И.Г. 222
Узун В.Я. 9, 294
Фрадков М.Е. 270
Хачатуров Т.С. 348
Хрущев Н.С. 348
Чаадаев П.Я. 97
Чаянов А.В. 10,20,28,228
Челинцев А.Н. 232
Чернышев Н.Г. 56
Шарас С.М. 275
Шмелев Г.И. 9,20,36,134
Шредер Г. 265
Шутьков А.А. 20, 358
Энгельгардт А.А. 97
Энгельс Ф. 69, 273
Эрхард Л. 269
Этендиев А. 88
Янбых Р.Г. 10
Янгель Т.А. 18

Научное издание

Буздалов Иван Николаевич

Монография

Лицензия
Подписано в печать……
Бумага…….Формат……..
Усл. п.л……Тираж 500 экз.
Заказ №

Москва. Изд-во……..